

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

30

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
и II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА-СТАЛИНА
при ЦК КПСС

В. И. Л Е Н И Н

СО Ч И Н Е Н И Я

Издание четвертое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1955

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

30

Сентябрь 1919—апрель 1920

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцатый том содержит произведения В. И. Ленина, написанные с сентября 1919 года по апрель 1920 года, в период усиления иностранной военной интервенции и гражданской войны и во время непродолжительной передышки, наступившей после разгрома Колчака и Деникина.

В произведениях, вошедших в тридцатый том, отражена разносторонняя деятельность Ленина по руководству большевистской партией и Советским государством.

Большую часть содержания тома составляют статьи, доклады и речи Ленина, посвященные вопросам обороны социалистического отечества, строительства Советского государства, укрепления рядов большевистской партии.

Значительное место в томе занимают речи Ленина на беспартийных конференциях рабочих и красноармейцев, на съездах профессиональных союзов рабочих водного транспорта, горнорабочих, текстильщиков, на съезде трудовых казаков. В этих речах, обращенных к широким массам трудящихся, Ленин призывает к укреплению единства фронта и тыла, к поддержке Красной Армии, к активному участию в восстановлении народного хозяйства и в управлении государством. Ленин воспитывает массы в духе стойкости, героизма, самопожертвования и железной дисциплины, вселяя в них веру в свои силы, в свою победу.

В ряде статей, помещенных в томе, Ленин развивает учение о диктатуре пролетариата как орудии построения социалистического общества. Ленин противопоставляет советскую демократию фальшивой, буржуазной демократии;

разоблачает как изменников социализма и лакеев империализма западноевропейских социалистов, меньшевиков и эсеров, защищавших под видом «чистой демократии» диктатуру империалистической буржуазии. К числу этих работ относятся: «О диктатуре пролетариата», «Экономка и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «Заметки публициста» и другие.

В произведениях «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным», «Товарищам коммунистам Туркестана», «Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока» 22 ноября 1919 г., «Проект резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине» Ленин разъясняет сущность национальной политики Советской власти и подчеркивает, что только при условии тесного сплочения ранее угнетенных народов вокруг русского народа возможна победа над силами иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции.

В «Речи на I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей» 4 декабря 1919 г., «Докладе о субботниках на Московской общегородской конференции РКП(б)» 20 декабря 1919 г., в статье «От разрушения векового уклада к творчеству нового» освещаются вопросы социалистического переустройства страны, создания новых, социалистических форм труда в промышленности и в сельском хозяйстве. В «Докладе о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва» 2 февраля 1920 г., впервые напечатанном полностью, Ленин обосновывает необходимость разработки плана электрификации России.

Большое место в произведениях Ленина, включенных в том, занимают вопросы организации управления хозяйством, обрабочения государственного аппарата, участия профессиональных союзов в хозяйственном строительстве и вопросы борьбы с бюрократизмом. В «Письме к организациям РКП о подготовке к партийному съезду», в докладах и речах на IX съезде РКП(б), на III Всероссийском съезде профессиональных союзов и других Ленин отстаивает необходимость единоначалия, укрепления трудовой дисциплины и усиления личной ответственности в управлении промышленными предприятиями. Ленин дает ре-

пительный отпор сторонникам антипартийной группы «демократического централизма», стремившимся насадить безответственность в руководстве промышленностью.

В речи «О задачах женского рабочего движения в Советской республике» и в статьях «Советская власть и положение женщины», «К женщинам-работницам», «К международному дню работниц» Ленин показывает тяжелое и бесправное положение женщины при капитализме, разъясняет, как много дала женщине Советская власть, и призывает женщин к активному участию в хозяйственной и общественно-политической жизни страны.

В статьях «Как буржуазия использует ренегатов», «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам», в документе «Проект (или тезисы) ответа от РКП на письмо независимой с.-д. германской партии» Ленин, как вождь международного рабочего движения, воспитывает коммунистические партии в духе верности принципам диктатуры пролетариата и пролетарского интернационализма, спланирует лучших представителей революционного пролетариата вокруг Коммунистического Интернационала.

В тридцатом томе печатаются 14 документов, впервые включаемых в Сочинения В. И. Ленина.

В числе новых документов четыре телеграммы И. В. Сталину и телеграмма Г. К. Орджоникидзе, в которых отражается содружество Ленина и Сталина и их совместная деятельность по руководству Советским государством и обороной страны.

Группа документов — ответы на вопросы корреспондентов газет «The Chicago Daily News», «New York Evening Journal», «Daily Express» — посвящена главным образом вопросам внешней политики Советской власти. В своих ответах Ленин подчеркивает неизменное стремление Советской России к миру и к установлению торговых отношений со всеми капиталистическими странами, разоблачает империалистов как поджигателей войны.

Впервые печатаются в Сочинениях две речи — «Речь на митинге, посвященном годовщине декабрьского восстания 1905 года, в Пресненском районе» 19 декабря 1919 г., и «Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования» 25 февраля 1920 г., приветственное

письмо «В бюро женского съезда Петроградской губернии» и «Проекты постановлений и директивы о кооперации».

В письме «Товарищам-коммунистам, входившим в общую «Коммунистическую партию Германии» и составившим теперь новую партию» и в незаконченной статье «О компромиссах» Ленин даст указания по вопросам тактики братских коммунистических партий.

**РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ
РАБОЧЕ-КРАСНОАРМЕЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
БАСМАННОГО, ЛЕФОРТОВСКОГО, АЛЕКСЕЕВСКОГО
И СОКОЛЬНИЧЕСКОГО РАЙОНОВ
3 СЕНТЯБРЯ 1919 г.**

Товарищи! Позвольте мне приветствовать вашу беспартийную рабоче-красноармейскую конференцию, вместе с выпуском красных командиров артиллерийских курсов. Данное собрание созвано для обсуждения вопросов, связанных с укреплением нашего государственного строя и нашего государственного аппарата.

Во всех странах массы рабочих угнетены. Они не пользуются благами капиталистической культуры, а между тем именно трудящиеся массы должны быть основой всей государственной жизни. Товарищи, у нас трудящиеся массы составляют основу и почву Советской республики. После победы трудящихся в феврале 1917 г. по всей России сразу создались Советы. Идея Советов появилась впервые не в 1917 г., а родилась еще в 1905 году. Уже тогда существовали Советы рабочих депутатов. После Октябрьского переворота Советскую власть встретили сочувственно рабочие всех стран. Это объясняется глубокими внутренними причинами.

Позвольте мне, товарищи, остановиться на главных основах политической жизни Советской России. Я не имею точных материалов для освещения экономического положения нашей республики; на нем, по всей вероятности, остановятся другие докладчики, в особенности на продовольственной политике рабоче-крестьянского правительства; я же коснусь только политической ее части.

Для того, чтобы лучше уяснить себе основное положение Советской власти, мы должны оглянуться назад, должны обратить внимание на ход нашей революции, начиная

с 1917 года. В нашей революции было две полосы: одна полоса керенщины и корниловщины, предшествовавшая Советской власти, и вторая — калединщины, колчаковщины и денкинщины, разрушающая Советскую власть. Перед рабочим не партийным, но трудящимся должен встать вопрос о том, почему у нас создались эти две полосы и почему они связавы между собою.

Товарищи! Всякий рабочий, всякий красноармеец, всякий трудящийся должен подумать над тем, почему нашу Советскую власть обвиняют в терроре, почему говорят, что большевики — диктаторы, что большевики — головорезы. С другой стороны, всякий трудящийся должен спросить себя, почему так легко пала власть Керенского, Каледина и Колчака. Вы все знаете, что во время власти Керенского вся Россия была покрыта сетью Советов рабочих и солдатских депутатов, и рядом с ними буржуазия держала всю власть в своих руках. Буржуазию поддерживали союзники, которые хотели, чтобы Россия продолжала войну, а сама русская буржуазия хотела продолжать войну для того, чтобы получить Дарданеллы. Поэтому-то буржуазное правительство Керенского, поддерживаемое меньшевиками и эсерами, не хотело и не могло опубликовать тайные договоры, заключенные правительством Николая Кровавого с союзниками. Этим буржуазия при помощи меньшевиков и эсеров обманом держала под своей властью трудящиеся массы.

Вы все помните, что в начале революции 1917 г. в Советах было мало большевиков. Я помню, что в июне, во время I съезда Советов, большевиков не было даже и одной седьмой части. Большевики могут действовать на трудящихся разлагающе, — говорила про нас буржуазия и так называемые социалистические партии меньшевиков и эсеров. Но что же делало в это время буржуазное правительство Керенского? Оно кормило трудящиеся массы только обещаниями, которые в жизнь, однако, не проводились. Закон о земле не был издан. Когда же земельные комитеты пробовали брать помещичью землю для того, чтобы разделить ее между бедными крестьянами, то такие земельные комитеты арестовывались. Трудящимся становилось ясно, что эта власть им ничего не даст. Они начали понимать, что дать им что-нибудь может только своя власть, власть рабочих и беднейших крестьян.

В это же время возник поход Корнилова на Петроград. Поход Корнилова не был случайностью: он создан в силу обманной политики правительства Керенского, которое все время стремилось примирить помещиков с крестьянами, трудящихся с эксплуататорами, труд с капиталом. И тогда-то помещики, офицеры, капиталисты захотели окончательно взять всю власть в свои руки. Поэтому-то и возник поход Корнилова. Советы поняли опасность, сплотились против Корнилова. Когда же и после этого буржуазное правительство Керенского продолжало свою политику обмана, сознание рабочих масс стало быстро расти, и, вместе с тем, начало быстро увеличиваться количество большевиков в Советах еще до Октябрьской революции. Когда же мы в Октябре взяли власть в свои руки, то меньшевики и эсеры, разгуливая по Смольному, грозили нам, что придет фронт и сметет нас с лица земли. В ответ мы только усмехались им в лицо, ибо мы знали, что трудящиеся массы поймут наши разъяснения, что они стоят за власть трудящихся, а следовательно, за власть Советов. И действительно, когда в Петроград приезжали многочисленные делегации с фронта и когда мы им разъясняли положение вещей, они все переходили на нашу сторону. Это для вас — трудящихся, беспартийных — наглядный урок. Всякий трудящийся, всякий рабочий, всякий красноармеец должен учиться на истории правительства Керенского, которое, повторяю, хотело согласовать интересы помещиков и крестьян, рабочих и хозяев, труда и капитала.

Казалось, что правительство Керенского должно было быть сильным, потому что ему обещали поддержку буржуазные союзные правительства, но оно лопнуло. Правительство Керенского лопнуло потому, что держалось на обмане и не имело почвы под ногами. Правительство Керенского обещало трудящимся всеародные выборы, но только для того, чтобы этими выборами затемнить глаза трудящимся массам, чтобы отвлечь их внимание от истинного положения вещей. Поэтому после Октябрьского переворота, когда сам пролетариат взял власть в свои руки, он в первую очередь организовал свои органы управления — Советы рабочих и солдатских депутатов.

Рабоче-крестьянское правительство сразу отбросило от себя лживую политику буржуазного правительства

Керенского. Первым делом Совета Народных Комиссаров было опубликование тайных договоров, заключенных правительством Николая Кровавого с нашими бывшими союзниками. Рабоче-крестьянское правительство заявило прямо, что не желает больше вести войны за интересы буржуазии, и, несмотря ни на какие клеветы, воздвигнутые ее наймитамп, меньшевикамп и эсерами, предложило всем воюющим странам начать мирные переговоры. Тогда рабочие всех стран увидели, что Советская власть не желает вести дальше войны. Был заключен грабительский Брестский мир, навязанный безоружной России германскими хищниками. В сознательных рабочих массах всех стран крепки и ширились симпатии к Советской власти. Когда же буржуазные правительства Антанты заставили германских грабителей подписать еще более тяжкий и более грабительский мир, то рабочие всех стран поняли, как их дурачили все время. Стали подниматься, расти и множиться голоса против тех, кто их все время обманывал. Рабочие стали требовать власти трудящихся масс — рабочих и крестьян, — власти Советов.

Вот почему так скоро пала буржуазная власть Керенского, Колчака, которые поддерживались меньшевиками и эсерами. (Вы все знаете, что меньшевик Майский входил в Сибирское правительство¹.) И меньшевики, и эсеры, и чехословаки, поддерживаемые иностранной буржуазией, — все объединились сперва на борьбе против большевиков, затем на устройстве всенародной демократической власти. Что мы, однако, видим? Офицеры колчаковского типа разогнали Учредительное собрание в Сибири и установили власть офицеров, капиталистов и помещиков. Таким образом, трудящиеся массы Сибири на опыте увидели, что их обманывают, вот почему Красной Армии так легко удалось в столь небольшой промежуток времени захватить всю Сибирь, ибо теперь сами сибирские рабочие и крестьяне шли на помощь Красной Армии.

Товарищи, теперь нужно подумать о том, почему говорят, что большевики применяют насилие, что большевики — диктаторы. Почему все те, которые шли с меньшевиками, эсерами и чехословаками и Колчаком, скоро отшатнулись от них? Почему помещики, капиталисты и офицеры из Сибирского правительства, как только получили власть в свои руки в Сибири, выгнали меньшевиков

и эсеров и посадил вместо них Колчака? Почему же это правительство, поддерживаемое со всех сторон, так скоро развалилось? Потому, что все их слова, все их дела были только обманом и ложью. Потому, что они не сдержали своего слова, не дали народу ни Учредительного собрания, ни народной власти, ни какой бы то ни было другой демократической власти; они учредили у себя диктатуру помещиков и офицеров.

Товарищи, в силу своих классовых интересов буржуазия должна была лгать и обманывать трудящихся. Все это поняли рабочие и крестьяне. Они поняли, что только тогда, когда власть будет принадлежать трудящимся, не будет лжи, не будет обмана и не будет также тех ужасов, которые пришлось и приходится теперь переживать пролетариату и беднейшему крестьянству после четырехлетней войны, когда у власти стояла буржуазия. Пролетариат понял, что есть только один выход — свержение власти капиталистов, что не может быть никакого примирения между трудом и капиталом, о котором все время говорят меньшевики и эсеры. Действительно, тяжелой ценой десятков тысяч расстрелянных и засеченных сибирские рабочие и крестьяне заплатили за свою доверчивость. Мы перенесли тяжкий опыт кровопускания сибирских рабочих и крестьян, но мы знаем, что этот опыт будет уроком для них. Этот опыт — лучший учитель большевизма для рабочих и крестьян. После него трудящиеся массы поймут, что середины нет. Нет иного выбора: либо власть рабочих и крестьян — власть Советов, либо власть капиталистов и помещиков. Буржуазия силой и обманом старается затемнить сознание трудящихся, но все ее труды разлетаются, как карточный домик, перед растущим сознанием пролетариата и беднейшего крестьянства.

Авантюра Деникина, который на Украине повторяет урок Колчака, заставит украинских рабочих и крестьян понять свою ошибку, которую они теперь совершают, недостаточно энергично вступая в борьбу с ним. Мы знаем, что после хозяйничанья Деникина на Украине украинские рабочие и крестьяне выйдут окрепшими и уже не на словах, а на деле будут защищать власть рабочих и крестьян, как это теперь делают сибирские наши братья. Рабоче-крестьянская власть говорит крестьянам и всем трудящимся: «Идите с нами, стройте ваше пролетарское

государство. Посмотрите на опыт Колчака и Деникина, и вы увидите, какова жизнь не при Советской власти». Для нас этот опыт — самая лучшая агитация.

Сильная рабоче-крестьянская власть подавляет всякие белогвардейские заговоры, устроенные против нее. Железной метлой выгоняет она изменников из своих рядов. Рабоче-крестьянская власть построила Красную Армию, посадила туда специалистов, окружив их целым рядом комиссаров-коммунистов. Десятки специалистов, оказавшихся изменниками, выброшены нами из рядов Красной Армии, а тысячи, десятки тысяч военных специалистов, честно исполняющих свои обязанности, остаются в рядах рабоче-крестьянской Красной Армии. Это — главный и основной опыт политического раскрепощения и освобождения трудящихся масс.

Все то, товарищи, о чем я говорил вам сегодня, уже становится ясным трудящимся других стран. Безде растет и ширится движение рабочих масс, требующих власти Советов. Вы знаете, что в Германии во главе правительства стоят теперь меньшевики, что они поддерживаются вооруженной силой Антанты, однако, несмотря на все это, германские рабочие требуют власти Советов. И правительство Германии вынуждено на днях ввести в свою конституцию пункт, вводящий по всей Германии Советы рабочих депутатов. Однако Советы эти не имеют права обсуждать политические вопросы жизни страны. По конституции социал-предателей германские Советы имеют право обсуждать только экономическое положение страны. К нам поступает очень мало сведений из других государств Западной Европы, так как мы со всех сторон окружены врагами, но те сведения, которые к нам попадают, говорят за то, что увеличивается и крепнет движение в пользу большевиков. Я расскажу вам маленький инцидент, который произошел во Франции и который красноречивее всяких слов доказывает правильность моих доводов и скажет вам об очень многом. Во Франции выходят две большевистские газеты. Одна из них хотела назвать себя «Большевик», но цензура (в демократической Франции существует цензура!) запретила это название, — тогда газета назвала себя «Запрещенное Название». Рабочий, покупая эту газету и видя это название, сам добавляет: «Большевик». (Бурные аплодисменты.)

В заключение, товарищи, позвольте мне поделиться с вами тем извещением, которое я получил сегодня от т. Зиновьева, председателя Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Тов. Зиновьев сообщает мне, что в Петрограде было высажено сто пленных эстляндцев, которые передали ему следующее. В белогвардейской Эстляндии состоялась беспартийная конференция рабочих профессиональных союзов. На конференции присутствовало 417 делегатов, из них только 33 меньшевика, все остальные большевики! (Бурные аплодисменты.) Конференция потребовала заключения мира с Россией. Когда об этом узнали англичане, то представитель их явился на конференцию и предложил свергнуть белогвардейское правительство Эстляндии², но рабочие в ответ прогнали его и потребовали заключения мира с Россией и возвращения к мирной жизни. Тогда конференция была разогнана. Сто человек было отослано в Россию «искать большевизм»; 26 человек они задержали и намереваются их расстрелять. На такое действие белогвардейской Эстляндии мы ответили воззванием к рабочим и населению их страны, а их правительству мы заявили, что расстреляем всех заложников, которые находятся у нас. (Аплодисменты.) А ведь там правительство поддерживалось меньшевиками и эсерами!

Маленькая Эстляндия на своей беспартийной конференции профессиональных союзов дала должный ответ сильной Англии, — Англии, которая грозила нам союзом четырнадцати государств.

Заканчивая свою речь, позвольте мне выразить уверенность, что Советская Россия, которая побеждала у себя внутри в течение двух лет, — вскоре победит власть буржуазии во всем мире. (Бурные аплодисменты.)

КАК БУРЖУАЗИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ РЕНЕГАТОВ

Наши радиостанции перехватывают радиотелеграммы Карнарвона (Англия), Парижа и других европейских центров. Париж теперь — центр всемирного союза империалистов, и его радио поэтому часто бывают особенно интересны. На днях, 13 сентября, правительственное радио из этого центра всемирного империализма сообщило всем странам о выходе новой книги известного ренегата, вождя II Интернационала, Карла Каутского, против большевизма.

Миллионеры и миллиардеры даром не пустят в ход свое правительственное радио. Им показалось необходимым оповестить всех о новом походе Каутского. Им приходится хвататься за все для борьбы с надвигающимся большевизмом, — за все, даже за соломинку, даже за книгу Каутского. От души благодарим господ французских миллионеров: они так хорошо помогают пропагандировать большевизм! они так помогают нам, выставляя на посмешище обывательские и филистерские громы Каутского против большевиков!

Сегодня, 18 сентября, мне доставили номер газеты германских социал-шовинистов, убийц К. Либкнехта и Р. Люксембург, «Vorwärts»* от 7 сентября, с статьей Фридриха Штампфера об этой новой книге Каутского («Терроризм и коммунизм») и с рядом цитат из этой книги. Сопоставляя статью Штампфера с парижским радио, мы видим, что последнее, по всей вероятности, составлено на основании первой. Господа Шейдеманы и Носке, телохранители

* — «Вперед». Ред.

германской буржуазии и палачи германских коммунистов, расхваливают книгу Каутского и объединяются с империалистами Антанты в борьбе с международным коммунизмом. Зрелище чрезвычайно поучительное! А наши меньшевики, эти типичнейшие представители бернского, желтого, Интернационала³, не находили слов для возмущения по поводу того, что я назвал Каутского (в своей книге: «Пролетарская революция и ренегат Каутский») лакеем буржуазии.

Это факт, господа, как бы вы ни сердились! Не по заговору же со мной шейдемановцы из «Vorwärts'a» и миллионеры Антанты принялись хвалить Каутского и выдвигать его как орудие борьбы с мировым большевизмом. Каутский оказался фактически, хотя бы он этого не сознавал и не желал, как раз тем, — по отношению к буржуазии, — о чем я говорил.

Чтобы показать, до какой степени дошло это, прикрывающееся именем марксизма, отречение от социализма и революции, приведем несколько наиболее «грозных» обвинений большевиков Каутским.

...«Каутский показывает подробно, — пишет Штампфер — как большевики всегда приходят в конце концов к противоположности того, что было их целью: они были противниками смертной казни и работают массовыми расстрелами»...

Во-первых, это прямая ложь, что большевики были противниками смертной казни для эпохи революции. На II съезде нашей партии, в 1903 году, когда возник большевизм, составлялась программа партии, и в протоколах съезда значится, что мысль вставить в программу отмену смертной казни вызвала только насмешливые возгласы: «и для Николая II?». Даже меньшевики в 1903 году не посмели поставить на голоса предложения об отмене смертной казни для царя. А в 1917 году, во время керенщины, я писал в «Правде», что ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется и что весь вопрос только в том, *против какого класса* направляется данным правительством оружие смертной казни. Каутский до такой степени разучился мыслить революционно, до такой степени погряз в обывательском оппортунизме, что он и представить себе не может, как могла революционная пролетарская партия задолго до своей победы

открыто признавать необходимость смертной казни для контрреволюционеров! «Честный» Каутский, будучи честным человеком и честным оппортунистом, не стесняясь, пишет поэтому ложь про своих противников.

Во-вторых, если бы у человека была хоть капелька понимания революции, он не мог бы забыть, что речь идет теперь не о революции вообще, а о революции, вырастающей из великой империалистской бойни народов. Мыслима ли пролетарская революция, вырастающая из такой войны, без заговоров и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров, принадлежащих к классу помещиков и капиталистов? Мыслима ли революционная партия рабочего класса, которая бы не карала за такие выступления смертью в эпоху самой ожесточенной гражданской войны и заговоров буржуазии о вторжении иноземных войск для свержения рабочего правительства? Ни один человек, кроме безнадежных и смешных педантов, не мог бы ответить на эти вопросы иначе как отрицательно. Но Каутский, прежде умевший ставить вопросы в их конкретной исторической обстановке, разучился этому.

В-третьих. Если Каутский не умеет изучать своего предмета и пишет о большевиках ложь, если Каутский не умеет мыслить и не в состоянии даже поставить вопроса об особенностях революции, вырастающей из четырехлетней войны, то Каутский мог бы хоть наблюдать вокруг себя. Что доказывает убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург офицерами в демократической республике германской? что доказывает побег осужденных потом за убийство на издевательски мягкое наказание офицеров? Господин Каутский и вся его «независимая» (от пролетариата, но очень зависимая от мелкобуржуазных предрассудков) партия отделяется хныканьем, осуждениями, филистерскими lamentациями от таких вопросов. Но именно поэтому все революционные рабочие во всем мире все больше отворачиваются от Каутских, Лонге, Макдональдов, Турати и переходят на сторону коммунистов, ибо революционному пролетариату нужна победа над контрреволюцией, а не бессильное «осуждение» ее.

В-четвертых. Вопрос о «терроризме» есть, видимо, основной вопрос в книге Каутского. Это видно из ее загла-

вия. Это видно также из слов Штамффера: ... «Каутский, несомненно, прав, утверждая, что основным принципом Коммуны был не терроризм, а всеобщее избирательное право». Я привел в своей книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский» достаточно материала для доказательства того, какой издевкой над марксизмом является подобное рассуждение об «основном принципе». В настоящий момент моя задача иная. Чтобы показать, какую ценность имеют рассуждения Каутского о «терроризме», кому *служат* эти рассуждения, *какому классу*, я приведу полностью одну небольшую *либеральную* статейку. Эта статейка представляет из себя письмо в редакцию либерального американского журнала: «Новая Республика» («The New Republic», June 25-th 1919). Журнал этот, стоящий вообще на мелкобуржуазной точке зрения, тем выгодно отличается от писаний господ Каутских, что не называет этой точки зрения ни революционным социализмом, ни марксизмом.

Вот это письмо в редакцию полностью:

«МАННЕРГЕЙМ И КОЛЧАК

Господин редактор! Союзные правительства отказались признать Советское правительство России по следующим, как они говорят, причинам:

1. Советское правительство есть — или было — германофильское (*pro-german*, стоящее на стороне Германии).
2. Советское правительство держится на терроризме.
3. Советское правительство недемократично и не представляет русского народа.

Между тем, союзные правительства давно уже признали теперешнее белогвардейское правительство Финляндии под диктаторством генерала Маннергейма, хотя очевидно следующее:

1. Германские войска помогали белогвардейцам раздавить социалистическую республику Финляндии, и генерал Маннергейм посылал неоднократные телеграммы кайзеру с выраженным сочувствием и уважением. Между тем, Советское правительство энергично подкапывало германское правительство пропагандой среди войск на русском фронте. Финское правительство было бесконечно более германофильским, чем русское.

2. Теперешнее правительство Финляндии, при вступлении его во власть, казнило хладнокровно в течение нескольких дней 16 700 членов бывшей социалистической республики и заключило в концентрационных лагерях, обрекая на голодную смерть, еще 70 000. Между тем, все казни в России за год, кончающийся 1 ноября 1918 года, были, по официальным данным, числом 3 800, включая многих подкупных советских должностных лиц, как равно и контрреволюционеров. Финское правительство было бесконечно более террористическим, чем русское.

3. Убив и заарестовав около 90 000 социалистов и отогнав еще около 50 000 за границу, в Россию. — Финляндия, страна маленькая, с числом избирателей только около 400 000 — белогвардейское правительство сочло достаточно безопасным произвести выборы. Несмотря на все предосторожности, было выбрано большинство социалистов, но генерал Маннергейм, подобно союзникам после выборов в Владивостоке, не утвердил мандата ни одного из них. Между тем, Советское правительство лишило избирательного права всех тех, кто не исполняет полезной работы для добывания себе средств к жизни. Финское правительство было значительно менее демократичным, чем русское.

И точно так же обстоит дело с великим чемпионом демократии и нового порядка, адмиралом Колчаком в Омске, а этого адмирала союзные правительства поддерживали, снабжали, экипировали и теперь собираются признать официально.

Таким образом, всякий аргумент, который союзники выдвигали против признания Советов, может быть применен с большей силой и честностью против Маннергейма и Колчака. Однако эти последние признаны, и блокада становится все строже вокруг умирающей с голода России.

Вашингтон.

Стьюарт Чэйс (Stuart Chase).

Эта маленькая статейка буржуазного либерала разоблачает превосходно всю подлость и измену социализму господ Каутских, Мартовых, Черновых, Брантингов и прочих героев желтого, бернского Интернационала.

Каутский и все эти герои, во-первых, лгут про Советскую Россию по вопросу о терроризме и демократии. Во-вторых, они оценивают события не с точки зрения фактически идущей, в мировом масштабе и в самой острой форме, классовой борьбы, а с точки зрения мещанских, филистерских воздыханий о том, что могло бы быть, если бы не было связи буржуазной демократии с капитализмом, если бы не было на свете белогвардейцев, если бы их не поддерживала всемирная буржуазия и т. д. и т. п. В-третьих, сопоставляя американскую статейку с рассуждениями Каутского и К^о, мы ясно видим, что его *объективная* роль есть лакейство перед буржуазией.

Всемирная буржуазия поддерживает Маннергеймов и Колчаков, стремясь задушить Советскую власть, облыжно выставляя ее террористической и недемократической. Таковы факты. И только подпевалами буржуазии являются Каутский, Мартов, Чернов и К^о, когда они тянут свою песенку о терроризме и демократизме. Всемирная буржуазия именно под звуки этой песенки, именно ею обманываемая рабочая, душит рабочую революцию. Личная чест-

ность «социалистов», которые поют эту песенку «искренно», т. е. по крайнему тупоумию, нисколько не меняет объективной роли этой песенки. «Честные оппортунисты», Каутские, Мартовы, Лонге и К^о, стали «честными» (по беспредельной своей бесхарактерности) *контрреволюционерами*.

Таков факт.

Американский либерал понял — не в силу своей теоретической подготовленности, а просто внимательно наблюдая события в достаточно широком, т. е. именно в мировом масштабе, — понял, что *буржуазия всего мира организует и ведет гражданскую войну против революционного пролетариата*, поддерживая для этого Колчака и Деникина в России, Маннергейма в Финляндии, лакеев буржуазии, грузинских меньшевиков, на Кавказе, польских империалистов и польских Керенских в Польше, немецких шейдемановцев в Германии, контрреволюционеров (меньшевиков и капиталистов) в Венгрии и так далее и так далее.

А Каутский, как настоящий реакционный мещанин, продолжает хныкать по поводу страхов и ужасов гражданской войны! Тут не только исчезает всякая тень революционного сознания, всякая тень исторического реализма (ибо не грех, наконец, понять неизбежность превращения империалистской войны в войну гражданскую), тут получается прямо подпевание буржуазии, *помощь ей*, тут Каутский *фактически* оказывается на стороне буржуазии в той гражданской войне, которая во всем мире либо идет уже, либо готовится с полной ясностью.

Как теоретик, Каутский прикрывает шумом, криком, плачем, истерикой по поводу гражданской войны, — то обстоятельство, что он провалился. Правы оказались именно большевики, которые осенью 1914 года заявили всему миру о *превращении империалистской войны в войну гражданскую*. Реакционеры всех оттенков негодовали или смеялись, но большевики оказались *правы*. Чтобы прикрыть свое полное поражение, свое недомыслие, свою близорукость, надо стараться запугать мелких буржуа ужасами гражданской войны. Это и делает Каутский, как политик.

До каких смехотворных нелепостей он договаривается при этом, видно из следующего. Надежды на всемирную

революцию неосновательны, утверждает Каутский, и — как бы вы думали, в чем его аргумент? Революция в Европе по типу России была бы, дескать, *«разжиганием (Entfesselung, развязыванием) гражданских войн во всем мире на целое поколение»* и притом не развязыванием настоящей классовой борьбы, а *«братоубийственной борьбы среди пролетариев»*. Эти курсивом набранные цитаты приводит, именно как слова Каутского, Штампфер, разумеется, восторгаясь пмп.

Еще бы негодьям и палачам Шейдемана не восторгаться этими словами! «Вождь социалистов» запугивает народ революцией и отпугивает от революции! Но Каутский забавно не заметил при этом одного: вот уже почти два года воюет всемирно-могущественная Антанта с Россией и разжигает этим революцию у себя. Если бы революция хотя бы только началась теперь, хотя бы только в своей соглашательской стадии, хотя бы только в одной-двух из великих держав Антанты, это *сразу* прекращало бы гражданскую войну в России, это *сразу* освобождало бы *сотни миллионов* народа в колониях, ибо там негодование и возмущение кипит, сдерживает его только насилие Европы.

У Каутского, кроме того что он в течение всей империалистической войны обнаружил прелести своей подло-лакейской души, действует теперь явно такой мотив: он *испугался* затяжного характера гражданской войны в России. С испугу он не подумал, что против России воюет *буржуазия всего мира*. Революция в одной-двух великих державах Европы подорвала бы *окончательно* силы буржуазии вообще, ее господство сломлено бы было *в корне*, у ней не осталось бы *прибежища нигде на земле*.

В действительности, двухлетняя война всемирной буржуазии против революционного пролетариата России *обнадеживает* революционеров всего мира, *доказывает* чрезвычайную близость и легкость победы *во всемирном масштабе*.

Что касается до гражданской войны «среди пролетариев», то эти доводы мы уже слышали от Черновых и Мартовых. Чтобы оценить всю бездонную подлость этого довода, возьмем наглядный пример. Во время великой французской революции часть крестьян, именно вандейцы, воевали за короля против республики. В июне 1848-го года и в мае 1871-го часть рабочих находилась в войсках Кавеньяка и

Галлифе, душивших революцию. Что сказали бы вы о человеке, который бы заявил: я оплакиваю «гражданскую войну *среди крестьян* во Франции 1792-го года», — «среди рабочих 1848 и 1871 годов»? Вы сказали бы, что это лицемернейший защитник реакции, монархии, Кавеньяков.

И вы были бы правы.

Не понять даже теперь, что идет в России (и во всем мире начинается или зреет) гражданская война пролетариата с буржуазией, мог бы лишь круглый идиот. Никогда не бывало и никогда не может быть такой классовой борьбы, когда бы *часть* передового класса не оставалась на стороне реакции. И то же относится к гражданской войне. Часть отсталых рабочих неизбежно помогает — на более или менее короткое время — буржуазии. *Этим* защищать свой переход на сторону буржуазии могут только мерзавцы.

Теоретически, мы видим здесь нежелание понять того, о чем с 1914 года кричат, вопиют все факты всей истории всего рабочего движения во всем мире. Раскол между *верхушками* рабочего класса, испорченными мещанством, оппортунизмом, *подкупленными* «доходными местечками» и иными подачками буржуазии, наметился осенью 1914 года в мировом масштабе, развился в 1915—1918 годах окончательно. Не видя этого исторического факта, обвиняя коммунистов в расколе, Каутский только в тысячный раз доказывает свою роль лакея буржуазии.

Маркс и Энгельс 40 лет, с 1852 по 1892 год, говорили об *обуржуазении* части (именно верхушек, вождей, «аристократии») рабочих в Англии в связи с ее колониальными преимуществами, монополиями. Ясно, как день, что империалистские монополии для целого ряда стран в XX веке должны были создать такое же явление, как в Англии. Во всех передовых странах видим мы разращение, подкупность, переход на сторону буржуазии *вождей рабочего класса* и *верхушек* его — в связи с подачками буржуазии, которая дает этим вождям «доходные местечки», дает крохи своих прибылей этим верхушкам, перекладывает тяжесть наихудшим образом оплачиваемой и самой черной работы на ввозимых отсталых рабочих, усиливает привилегии «аристократии рабочего класса» по сравнению с массой.

Война 1914—1918 годов окончательно доказала предательство социализма, переход на сторону буржуазии

вождей и верхушек пролетариата, всех социал-шовинистов, Гомперсов, Брантингов, Реноделей, Макдональдов, Шейдеманов и т. д., причем, разумеется, по ксности часть рабочей массы идет некоторое время за этой буржуазной сволочью.

Бернский Интернационал Гюисмансов, Вандервельдов, Шейдеманов вполне конституировался теперь, как желтый Интернационал этих изменников социализма. Без борьбы с ними, без раскола с ними не может быть и речи ни о каком *действительном* социализме, ни о какой *искренней* работе на пользу социальной революции.

Пусть немецкие независимцы пробуют сидеть между двух стульев, такова уже их судьба. Каутского целуют и обнимают шейдемановцы, как «своего» человека, Штампфер вопит об этом, и действительно Каутский настоящий товарищ Шейдеманам. А Гильфердинг, тоже независимец и друг Каутского, предлагал в Люперне исключить из Интернационала Шейдеманов. Конечно, над Гильфердингом только посмеялись настоящие вожди желтого Интернационала. Предложение Гильфердинга было либо крайней глупостью, либо крайним лицемерием: прослыть «левым» среди рабочей массы и в то же время сохранить за собой местечко в Интернационале слуг буржуазии! Но как бы ни объяснять поведение одного из вождей, Гильфердинга, несомненно одно: среди массы пролетариата и бесхарактерность «независимцев» и подлость Шейдеманов, Брантингов, Вандервельдов неминуемо будет вызывать все более сильный *отход от изменников вождей*. Империализм может довольно долго раскалывать рабочих в некоторых странах, пример Англии доказал это, но *объединение* революционеров, объединение масс с ними, изгнание желтых идет в мировом масштабе неуклонно вперед. Громадные успехи Коммунистического Интернационала доказывают это: в Америке образовалась уже коммунистическая партия⁴, в Париже Комитет восстановления интернациональных связей и Комитет синдикальной защиты⁵ встали на сторону III Интернационала. В Париже две газеты перешли на сторону III Интернационала: «Интернационал»⁶ Реймонда Перика и «Запрещенное Название» («Большевик») Жоржа Анкетиля. В Англии мы стоим накануне образования коммунистической партии, с которой солидарны и лучшие люди из Британской

социалистической партии⁷, из «комитетов фабричных старост» (Shop Stewards Committees)⁸, из революционных индустриалистов и т. д. Шведские левые, норвежские социал-демократы, голландские коммунисты, швейцарская⁹ и итальянская¹⁰ социалистические партии стоят уже в одном ряду с немецкими спартаковцами¹¹ и русскими большевиками.

Коммунистический Интернационал за несколько месяцев 1919-го года стал всемирным Интернационалом, ведущим массы, и безоговорочно враждебным изменникам социализма в «желтом» Интернационале бернской и люцернской братии.

В заключение остановимся на одном особенно поучительном сообщении, проливающим свет на роль оппортунистических вождей. В Люцерне во время заседания там в августе текущего года конференции желтых социалистов выходило особое издание женевской газеты «La Feuille» («Листок») ¹² с отчетами и сообщениями, на разных языках. В английском издании (№ 4, Wednesday, August 6-th*) помещено интервью с Трульстра, известным вождем оппортунистической партии в Голландии.

{ Вот что рассказал Трульстра:

«Германская революция 9 ноября вызвала сильное возбуждение среди наших (голландских) политических и профессиональных вождей. Правящие группы в Голландии несколько дней были в панике, тем более, что в то же самое время почти всеобщее возмущение вспыхнуло в армии.

Бургомистры в Роттердаме и в Гааге постарались собрать свои собственные организации как подсобные силы контрреволюции. Комитет, образованный из бывших генералов, среди коих был один старый офицер, гордившийся подавлением восстания боксеров в Китае, попытался сбить с толку нескольких товарищей и вооружить их против революции. Их усилия имели, разумеется, обратное действие, и в Роттердаме один момент казалось, что будет создан Совет рабочих. Но вожди политической и профессиональных организаций были того мнения, что не пришло еще время для таких методов, и ограничились выдвиганием программы-минимум рабочих требований и публикацией пламенного воззвания к массам».

Так говорил Трульстра. Он добавил еще много хвастливых заявлений: как он держал революционные речи, как он был даже за захват власти, как он понимает недостаточность парламентов и чисто политической демократии.

* — среда, 6 августа. *Ред.*

как он признает для переходного времени и «нелегальные способы» борьбы и «диктатуру пролетариата» и прочее и т. п.

Трульстра — образец продажного, оппортунистического вождя, служащего буржуазии и обманывающего рабочих. На словах он вам *все* признает, как видите, и Советы, и диктатуру пролетариата, и что хотите. На деле Трульстра — подлейший предатель рабочих, агент буржуазии. На деле он *возмездь* тех самых «вождей политических и профессиональных рабочих организаций» в Голландии, которые *спасли буржуазию в Голландии*, перейдя на сторону буржуазии в решающий момент.

Ибо факты, сообщенные Трульстрой, вполне ясны и определены. В Голландии была мобилизована армия. Пролетариат был вооружен и объединен в армии с беднейшими слоями всего народа. Германская революция вызвала подъем рабочих и «почти всеобщее возмущение в армии». Ясно, что обязанность революционных вождей была вести массы к революции, *не упускать* момента, когда вооружение рабочих и влияние германской революции могли сразу решить дело.

Предатели-вожди, с Трульстрой во главе, перешли на сторону буржуазии. Рабочих накормили реформами и еще больше обещаниями реформ, «пламенными воззваниями» и революционными фразами успокоили рабочих — и надули их. Помогли буржуазии демобилизовать армию, спасли капиталистов именно господина Трульстра и подобные ему «вожди», составляющие II Интернационал Берна и Люцерна.

Рабочее движение пойдет вперед, выкидывая вон предателей и изменников, Трульстра и Каутских, избавляясь от той обуржуазившейся верхушки, которая надувает массы, ведя на самом деле политику капиталистов.

20 сентября 1919.

Н. Ленин

Р. С.* Судя по изложению Штампфера, Каутский насчет советской системы государства замолчал. Не сдал ли

* — Postscriptum — приписка. Ред.

он в этом главном вопросе свою позицию? Не отказался ли от защиты тех пошлостей, которые писал об этом в своей брошюре *против «Диктатуры пролетариата»*? Не предпочел ли от *главного* перейти к второстепенному? На эти вопросы мы увидим ответ, когда можно будет ознакомиться с самой брошюрой Каутского.

Опубликовано в сентябре 1919 г.

Печатается по рукописи

АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи! Около года тому назад в «Письме к американским рабочим» (от 20 августа 1918 г.) я изложил вам положение дел в Советской России и ее задачи. Это было еще до германской революции. С тех пор мировые события подтвердили правильность данной большевиками оценки империалистской войны 1914—1918 гг. вообще и империализма Антанты в особенности. А Советская власть с тех пор стала понятной и близкой уму и сердцу рабочих масс во всем мире. Везде рабочие массы, вопреки влиянию старых, пропитанных шовинизмом и оппортунизмом вождей, приходят к убеждению в гнилости буржуазных парламентов и в необходимости Советской власти, власти трудящихся, диктатуры пролетариата, для избавления человечества от ига капитала. И Советская власть победит во всем мире, как бы ни неистовствовала, ни бешенствовала буржуазия всех стран. Она заливает кровью Россию, ведя войну с нами, натравливая на нас контрреволюционеров, сторонников восстановления ига капитала. Буржуазия причиняет неслыханные муки трудящимся массам России блокадой и поддержкой контрреволюции, но мы разбили Колчака и с полной верой в победу ведем войну с Деникиным.

23. IX. 1919.

Н. Ленин

* * *

Меня спрашивают нередко, правы ли те американцы, не рабочие только, но и главным образом буржуа, которые, относясь отрицательно к войне с Россией, ждут от нас, в

случае заключения мира, не только возобновления торговых сношений с нами, но и возможности получения известных концессий в России. Я повторяю, что они правы. Прочный мир был бы таким облегчением положения трудящихся масс в России, что эти массы, несомненно, согласились бы и на предоставление известных концессий. На разумных условиях предоставленные концессии желательны и для нас, как одно из средств привлечения к России технической помощи более передовых в этом отношении стран, в течение того периода, когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства.

23. IX. 1919.

Н. Ленин

*Напечатано на английском языке
27 декабря 1919 г.
в журнале «Soviet Russia» № 30*

*На русском языке впервые напечатано
7 ноября 1930 г. в газете
«Правда» № 308*

Печатается по рукописи

О ЗАДАЧАХ ЖЕНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

РЕЧЬ НА IV МОСКОВСКОЙ ОБЩЕГОРОДСКОЙ
БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАБОТНИЦ
23 СЕНТЯБРЯ 1919 г.

Товарищи, я очень рад приветствовать конференцию женщин-работниц. Я позволю себе не касаться тех тем и тех вопросов, которые более всего, конечно, волнуют сейчас каждую женщину-работницу и каждого сознательного человека из трудящейся массы. Это — самые жгучие вопросы — вопрос о хлебе и о нашем военном положении. Но, как я знаю из газетных отчетов о ваших собраниях, эти вопросы исчерпывающим образом были здесь изложены г. Троцким в отношении военного дела и тт. Яковлевой и Свидерским — относительно вопроса о хлебе, и потому позвольте мне этих вопросов не касаться.

Мне бы хотелось сказать несколько слов относительно общих задач женского рабочего движения в Советской республике, как тех задач, которые связаны с переходом к социализму вообще, так и тех, которые сейчас с особой настоятельностью выдвигаются на первый план. Товарищи, вопрос о положении женщины с самого начала был поставлен Советской властью. Мне кажется, задача всякого рабочего государства, переходящего к социализму, будет двойного рода. И первая часть этой задачи сравнительно простая и легкая. Она касается тех старых законов, которые ставили женщину в положение неравноправное по отношению к мужчине.

Давным давно представители всех освободительных движений в Западной Европе в течение не только десятилетий, но в течение столетий выставляли требование об отмене этих устарелых законов и уравнивания женщины по закону с мужчиной, но ни одному из европейских демократиче-

ских государств, ни одной из самых передовых республик не удалось это осуществить, потому что там, где существует капитализм, там, где сохраняется частная собственность на землю, частная собственность на фабрики и заводы, там, где сохраняется власть капитала, привилегии останутся у мужчин. В России только потому это удалось провести, что с 25 октября 1917 года здесь установилась власть рабочих. Советская власть с самого начала ставила себе задачу существовать как власть трудящихся, враждебная всякой эксплуатации. Она ставила себе задачу уничтожения возможности эксплуатации трудящихся помещиками и капиталистами, уничтожения господства капитала. Советская власть стремилась добиться того, чтобы трудящиеся строили свою жизнь без частной собственности на землю, без частной собственности на фабрики и заводы, без той частной собственности, которая всюду, во всем мире, даже при полной политической свободе, даже в самых демократических республиках поставила фактически трудящихся в положение нищеты и наемного рабства, а женщину — в положение двойного рабства.

Советской властью, как властью трудящихся, в первые же месяцы ее существования, был произведен в законодательстве, касающемся женщины, самый решительный переворот. Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне. Я говорю именно о тех законах, которые специально использовали более слабое положение женщины, поставив ее в положение неравноправное и часто даже унижительное, т. е. законах о разводе и о внебрачном ребенке, о праве женщины на иск к отцу ребенка для его обеспечения.

Именно в этой области буржуазное законодательство, нужно сказать, даже в самых передовых странах, использует более слабое положение женщины, сделав ее неравноправной и унизив ее. И именно в этой области Советская власть из старых, несправедливых, невыносимых для представителей трудящейся массы законов и не оставила камня на камне. И мы можем теперь сказать с полной гордостью, без всякого преувеличения, что, кроме Советской России, нет ни одной страны в мире, где бы было полное равноправие женщин и где бы женщина не была поставлена в унижительное положение, которое особенно чувствительно

в повседневной, семейной жизни. Это было одной из наших первых и важнейших задач.

Если вам приходится входить в соприкосновение с партиями, которые враждебны большевикам, или если вам попадают в руки газеты, которые издаются по-русски в областях, занятых Колчаком или Деникиным, или приходится говорить с людьми, стоящими на точке зрения этих газет, то от них вы часто можете слышать обвинение Советской власти в том, что она нарушила демократию.

Нас, представителей Советской власти, большевиков-коммунистов и сторонников Советской власти, постоянно упрекают в том, что мы нарушили демократию, и в доказательство этого обвинения выдвигают тот факт, что Советская власть разогнала учредилку. Мы отвечаем на эти обвинения обыкновенно так: той демократии и той учредилке, которые возникли при существовании частной собственности на землю, когда люди не были равны между собою, когда имеющий собственный капитал был хозяином, а остальные, трудящиеся у него, были наемные рабы его, — такой демократии мы цены не придаем. Такая демократия покрывала собою рабство даже в самых передовых государствах. Мы, социалисты, являемся сторонниками демократии лишь постольку, поскольку она облегчает положение трудящихся и угнетенных. Социализм ставит своей задачей во всем мире борьбу против всякой эксплуатации человека человеком. Для нас имеет истинное значение та демократия, которая служит эксплуатируемым, тем, которые поставлены в положение неравноправное. Если нетрудящийся лишается избирательных прав, то это и есть настоящее равенство между людьми. Нетрудящийся не должен быть.

Мы говорим в ответ на эти обвинения, что надо поставить вопрос о том, как осуществляется в том или ином государстве демократия. Мы видим во всех демократических республиках, что провозглашается равенство, а в законах гражданских и в законах о правах женщины в смысле положения ее в семье, в смысле развода, на каждом шагу мы видим неравенство и принижение женщины, и мы говорим, что это есть нарушение демократии и именно в отношении к угнетенным. Советская власть более всех других, самых передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на

неравноправность женщины. Повторяю, ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования.

Конечно, недостаточно одних законов, и мы никоим образом не удовлетворяемся одними декретами. Но в области законодательства мы сделали все, что от нас требовалось для уравнивания положения женщины с положением мужчины, и мы по праву можем этим гордиться. Положение женщины в Советской России теперь таково, что оно является идеальным с точки зрения самых передовых государств. Но мы говорим себе, что, конечно, это только еще начало.

Положение женщины, при ее занятии домашним хозяйством, все еще остается стесненным. Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина.

Конечно, здесь речь идет не о том, чтобы уравнивать женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т. д., а речь идет о том, чтобы женщина не была угнетена ее хозяйственным положением в отличие от мужчины. Вы все знаете, что даже при полном равноправии остается все же эта фактическая придавленность женщины, потому что на нее сваливают все домашнее хозяйство. Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжким трудом, какой осуществляет женщина. Это труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько-нибудь способствовало бы развитию женщины.

Преследуя социалистический идеал, мы хотим бороться за полное осуществление социализма, и здесь для женщины открывается очень большое поприще работы. Мы теперь серьезно готовимся к расчистке почвы для социалистической постройки, а самая постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщины, примемся за новую работу вместе с женщиной, освобожденной от этой мелкой, отупляющей, непроизводительной работы. Этой работы хватит нам на многие, многие годы.

Работа эта не может дать быстрых результатов и не производит блестящего эффекта.

Мы создаем образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства. И здесь именно на женщин более всего и ложится эта работа по устройству всех этих учреждений. Нужно признать, что сейчас в России таких учреждений, которые бы помогли женщине выбраться из состояния домашней рабыни, очень мало. Их имеется ничтожное количество, и те условия, в которые поставлена сейчас Советская республика, — условия и военные, и продовольственные, о которых говорили здесь вам товарищи подробно, — препятствуют нам в этой работе. Но все же надо сказать, что учреждения эти, избавляющие женщин от положения домашней рабыни, возникают всюду, где только есть малейшая к тому возможность.

Мы говорим, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и точно так же и освобождение женщин-работниц должно быть делом самих женщин-работниц. Сами женщины-работницы должны заботиться о развитии таких учреждений, и эта деятельность женщины приведет к полной перемене ее старого положения при капиталистическом обществе.

Чтобы заниматься политикой, при старом капиталистическом обществе требовалась особая подготовка, и потому участие женщин в политике, даже в самых передовых и свободных капиталистических странах, было ничтожное. Наша задача состоит в том, чтобы сделать политику доступной для каждой трудящейся женщины. С того момента, как уничтожена частная собственность на землю и фабрики и свергнута власть помещиков и капиталистов, задачи политики для трудящейся массы и трудящихся женщин становятся простыми, ясными и вполне для всех доступными. В капиталистическом обществе женщина поставлена в такое бесправное положение, что участие ее в политике проявляется в ничтожной доле по сравнению с мужчиной. Для того, чтобы это положение переменялось, нужно, чтобы была власть трудящихся, и тогда главные задачи политики будут составлять все то, что непосредственно касается судьбы самих трудящихся.

И здесь участие женщины-работницы, не только партийной и сознательной, но и беспартийной и наиболее бессоч-

знательной, необходимо. Здесь для женщины-работницы открывается Советской властью широкое поле деятельности.

Нам приходилось очень трудно в борьбе против сил, враждебных Советской России, которые идут на нее походом. Нам было трудно бороться и в области военной с теми силами, которые против власти трудящихся идут войной, и в области продовольственной против спекулянтов, потому что недостаточно велико число людей, число трудящихся, которые всецело шли бы к нам на помощь своим собственным трудом. И здесь Советская власть ничто не может так ценить, как помощь широкой массы беспартийных женщин-работниц. Пусть они знают, что, может быть, в старом буржуазном обществе для политической деятельности требовалась сложная подготовка, и это было недоступно женщине. Но политическая деятельность Советской республики главной своей задачей ставит борьбу с помещиками, капиталистами, борьбу за уничтожение эксплуатации и поэтому в Советской республике для женщин-работниц открывается политическая деятельность, которая будет состоять в том, чтобы своим организаторским умением женщина помогала мужчине.

Нам нужна не только организаторская работа в миллионном масштабе. Нам нужна организаторская работа и в самом небольшом масштабе, которая даст возможность трудиться и женщинам. Женщина может трудиться и в условиях военных, когда дело идет о помощи армии, об агитации среди нее. Женщина во всем этом должна принимать активное участие, чтобы Красная Армия видела, что о ней заботятся, о ней пекутся. Женщина может трудиться также и в области продовольственной — по распределению продуктов и улучшению массового питания, развитию тех столовых, которые так широко теперь поставлены в Петрограде.

Вот в каких областях деятельность женщины-работницы приобретает настоящее организаторское значение. Участие женщины необходимо и в постановке крупных опытных хозяйств и наблюдении за ними, чтобы это дело не было у нас одиночным делом. Без участия в этом деле большого числа трудящихся женщин оно невыполнимо. И женщина-работница вполне может подойти к этому делу и в смысле надзора за распределением продуктов, и

надзора за тем, чтобы продукты легче доставались. Эта задача вполне носильна для беспартийной женщины-работницы, и между тем осуществление этой задачи будет содействовать более всего упрочению социалистического общества.

Отменив частную собственность на землю и почти целиком отменив ее и на фабрики и заводы, Советская власть стремится к тому, чтобы все трудящиеся, не только партийные, но и беспартийные, и не только мужчины, но и женщины, принимали участие в этом хозяйственном строительстве. Это начатое Советской властью дело может быть двинуто вперед только тогда, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Тогда дело социалистического строительства, мы уверены, будет упрочено. Тогда трудящиеся докажут, что они могут жить и могут хозяйничать и без помещиков и капиталистов. Тогда социалистическое строительство будет стоять в России так прочно, что никакие внешние враги в других странах и внутри России не будут Советской республике страшны.

«Правда» № 213, 25 сентября 1919 г.

Печатается по тексту брошюры:
В. И. Ленин. «Речь на съезде работниц»,
Москва, 1919, сверенному с текстом
газеты «Правда»

ПРИМЕР ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ

Газеты уже сообщили, что рабочие Петрограда начали усиленную мобилизацию и отправку лучших работников на Южный фронт.

Взятие Деникиным Курска и движение на Орел вполне объясняют этот подъем энергии петроградского пролетариата. Его примеру должны последовать рабочие и в других промышленных центрах.

Деникинцы рассчитывают вызвать панику в наших рядах и заставить нас думать только об обороне, только о данном направлении. Иностранные радио показывают, с каким усердием империалисты Франции и Англии помогают Деникину и в этом, как они помогают ему вооружением и сотнями миллионов рублей. Иностранные радио кричат на весь мир об открытой дороге на Москву. Так хочется капиталистам запугать нас.

Но им не удастся запугать нас. Наши войска распределены согласно обдуманному и твердо проводимому плану. Наше наступление на главный источник сил неприятеля неуклонно продолжается. Победы, одержанные на днях, — взятие 20 орудий в Богучарском районе, взятие станицы Вешенской, — показывают успешное продвижение наших войск к центру казачества, которое одно только давало и дает возможность Деникину создавать серьезную силу. Деникин будет сломлен, как сломлен Колчак. Нас не запугают, и мы доведем свое дело до победного конца.

Взятие Курска и движение врага на Орел ставят перед нами задачу: дать добавочные силы, чтобы отразить здесь неприятеля. И петроградские рабочие своим примером показали, что они правильно учли задачу. Не скрывая от

себя опасности, несколько не преуменьшая ее, мы говорим: пример Петрограда доказал, что у нас добавочные силы есть. Чтобы отразить наступление на Орел, чтобы перейти в наступление на Курск и Харьков, надо, сверх того, чем мы располагаем, мобилизовать лучших работников из пролетариата. Серьезная опасность, созданная падением Курска. Никогда еще не был враг так близко от Москвы. Но для отражения этой опасности, в добавление к прежним силам войска, мы двигаем новые отряды передовых рабочих, способных создать перелом настроения в отступающих частях.

Среди войск на юге видное место занимал у нас вернувшийся в ряды армии дезертир. Он вернулся большей частью добровольно, под влиянием агитации, разъяснившей ему его долг, разъяснившей ему всю серьезность угрозы восстановления власти помещиков и капиталистов. Но дезертир не устоял, у него нехватило выдержки, он стал сплошь да рядом отступать, не принимая боя.

Вот почему первостепенное значение получает поддержка армии новым притоком пролетарских сил. Неустойчивые элементы будут укреплены, настроение будет поднято, перелом будет достигнут. Пролетариат, как бывало постоянно в нашей революции, поддержит и направит колеблющееся плечо трудящегося населения.

В Петрограде рабочим давно уже приходится нести на себе еще больше тягот, чем рабочим в других промышленных центрах. И голод, и военная опасность, и вытягивание лучших рабочих на советские должности по всей России — от всего этого питерский пролетариат страдал больше, чем пролетариат других мест.

И все же мы видим, что ни малейшего уныния, ни малейшего упадка сил среди питерских рабочих нет. Наоборот. Они закалены. Они нашли новые силы. Они выдвигают свежих борцов. Они превосходно выполняют задачу передового отряда, посылая помощь и поддержку туда, где она более всего требуется.

Когда такие свежие силы идут для укрепления дрогнувших частей нашей армии, тогда трудящиеся массы, солдаты из крестьян, получают новых вождей из среды своих людей, из среды трудящихся же более развитых, более сознательных, более твердых духом. Вот почему такая помощь и нашей крестьянской армии дает нам решающий

перевес над врагом, ибо у врага для «поддержки» его крестьянской армии идут в ход только помещичьи сынки, а мы знаем, что эта «поддержка» погубила Колчака, погубит Деникина.

Товарищи рабочие! Возьмемтесь все за новую работу по примеру петроградских товарищей! Больше сил на деятельность в войске, больше почина и смелости, больше соревнования, чтобы сравняться с петроградцами, и победа будет за трудящимися, помещичья и капиталистическая контрреволюция будет добыта.

Н. Ленин

P. S. * Сейчас я узнал, что и из Москвы отправились на фронт несколько десятков преданнейших товарищей. За Питером тронулась Москва. За Москвой должны тронуться остальные.

Н. Л.

3-го октября 1919 года.

«Правда» № 221, 4 октября 1919 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

* — Postscriptum — приписка. Ред.

**ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ
КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ
«THE CHICAGO DAILY NEWS»**

5/X 1919.

Прошу извинить меня за мой плохой английский язык. Я рад ответить на Ваши вопросы:

1. Какова нынешняя политика Советского правительства в вопросе о мире?

2. Каковы в общих чертах условия мира, выдвигаемые Советской Россией?

Наша политика мира — прежняя, т. е. мы приняли мирное предложение г. Буллита¹³. Мы никогда не изменяли наших мирных условий (вопрос 2), которые сформулированы вместе с г. Буллитом.

Мы много раз официально предлагали мир Антанте до приезда г. Буллита.

3. Готово ли Советское правительство гарантировать абсолютное невмешательство во внутренние дела иностранных государств?

Мы готовы это гарантировать.

4. Готово ли Советское правительство доказать, что оно представляет большинство русского народа?

Да, Советское правительство является самым демократическим из всех правительств мира. Мы готовы это доказать.

5. Какова позиция Советского правительства в отношении экономической договоренности с Америкой?

Мы решительно за экономическую договоренность с Америкой, — со всеми странами, но *особенно* с Америкой.

Если необходимо, мы можем представить Вам полный текст наших условий мира, сформулированных нашим правительством совместно с г. Буллитом.

Вл. Ульянов (Н. Ленин)

*Напечатано 27 октября 1919 г.
в газете «The Chicago Daily News»
№ 257*

*На русском языке опубликовано
в 1942 г.*

*Печатается по рукописи
Перевод с английского*

ПРИВЕТ ИТАЛЬЯНСКИМ, ФРАНЦУЗСКИМ И НЕМЕЦКИМ КОММУНИСТАМ

Необычайно скудны сведения, получаемые у нас из-за границы. Блокада империалистских зверей действует во-всю, насилие могущественнейших держав мира обрушивается на нас ради восстановления власти эксплуататоров. И вся эта звериная злоба капиталистов России и всего мира прикрывается, разумеется, фразеологией о высоком значении «демократии»! Лагерь эксплуататоров верен себе: он выдает буржуазную демократию за «демократию» вообще, и все филистеры, все мелкие буржуа подпевают этому лагерю, все вплоть до господ Фридриха Адлера, Карла Каутского и большинства вождей «независимой» (то есть не зависящей от революционного пролетариата, но зависящей от мелкобуржуазных предрассудков) с.-д. партии Германии.

Но чем реже мы получаем в России вести из-за границы, тем с большей радостью наблюдаем мы гигантские, повсеместные успехи коммунизма среди рабочих во всех странах мира, успехи разрыва этих масс с гнилыми и предательскими вождями, перешедшими, от Шейдемана до Каутского, на сторону буржуазии.

Об итальянской партии мы узнали только, что конгресс ее громадным большинством принял присоединение к III Интернационалу и программу диктатуры пролетариата¹⁴. Таким образом, Итальянская социалистическая партия присоединилась к коммунизму на деле, хотя и сохранила еще, к сожалению, старое название. Горячий привет итальянским рабочим и их партии!

О Франции мы знаем только, что в одном Париже есть уже две коммунистические газеты: «Интернационал» под

редакцией Реймонда Перика и «Запрещенное Название» под редакцией Жоржа Анкетилля. К III Интернационалу примкнул уже ряд пролетарских организаций. Сочувствие рабочих масс безусловно на стороне коммунизма и Советской власти.

О германских коммунистах мы узнали только то, что в ряде городов существует коммунистическая пресса. Газеты эти часто носят название «Красное Знамя». Берлинское «Красное Знамя»¹⁵ выходит нелегально, ведя геройскую борьбу с палачами Шейдеманами-Носке, лакействующими перед буржуазией своими делами, как лакействуют перед ней «независимые» словами и «идейной» (мелкобуржуазно-идейной) своей пропагандой.

Геройская борьба берлинской газеты коммунистов «Красное Знамя» вызывает полный восторг. Наконец-то есть честные и искренние социалисты в Германии, оставшиеся твердыми и непреклонными несмотря на все преследования, несмотря на подлые убийства лучших вождей! Наконец-то есть коммунисты-рабочие в Германии, ведущие геройскую борьбу, заслуживающую названия «революционной» на деле! Наконец-то из недр пролетарской массы выросла в Германии такая сила, для которой слова о «пролетарской революции» стали *правдой!*

Привет немецким коммунистам!

Шейдемань и Каутские, Реннерь и Фридрихи Адлерь, как ни велико, может быть, различие между этими господами в смысле их личной честности, одинаково оказались мелкими буржуа, позорнейшими изменниками и предателями социализма, сторонниками буржуазии, ибо все они в 1912 году писали и подписывали Базельский манифест об имеющей наступить империалистской войне, все они говорили тогда о «*пролетарской* революции», и все они оказались на деле мелкобуржуазными демократами, рыцарями мещански-республиканских, буржуазно-демократических иллюзий, пособниками контрреволюционной буржуазии.

Бешеные преследования, которые обрушились на головы немецких коммунистов, закалили их. Если теперь они до известной степени разрознены, это свидетельствует о широте и массовом характере их движения, о силе роста коммунизма из глубины рабочих масс. Разрозненность неизбежна для движения, которое так бешено преследуют

контрреволюционные буржуа и их слуги Шейдемань-Носке и которое вынуждено организовываться нелегально.

Естественно также, что движение, столь быстро растущее, терпящее такие отчаянные преследования, порождает довольно острые разногласия. В этом нет ничего страшного. Это болезнь роста.

Пусть Шейдемань и Каутские злорадствуют в своих газетах «Vorwärts» * и «Freiheit»¹⁶ по поводу разногласий среди коммунистов. Этим героям гнилого мещанства ничего не осталось, как прикрывать свою гнилость кивками по адресу коммунистов. Но если говорить о существе дела, то только слепые могут теперь еще не видеть правды. И правда эта состоит в том, что шейдемановцы и каутскианцы позорнейшим образом *предали* пролетарскую революцию в Германии, *изменили ей*, оказались *фактически* на стороне контрреволюционной буржуазии. Гейнрих Лауфенберг в своей превосходной брошюре «Между первой и второй революцией» с замечательной силой, наглядностью, ясностью, убедительностью показал и доказал это. Разногласия внутри шейдемановцев и каутскианцев суть разногласия разлагающихся, умирающих партий, у которых остаются вожди без массы, генералы без армии. Масса покидает шейдемановцев и переходит к каутскианцам ради их левого крыла (это видно по любому отчету о массовом собрании), а это левое крыло соединяет — безидейно, трусливо — старые предрассудки мелкой буржуазии насчет парламентарной демократии с коммунистическим признанием пролетарской революции, диктатуры пролетариата, Советской власти.

Гнилые вожди «независимых» *на словах* признают все это, под давлением масс, а на деле остаются мелкобуржуазными демократами, «социалистами» типа Луи Блана и других дурачков 1848-го года, столь беспощадно осмеянных и заклеянных Марксом.

Вот эти разногласия действительно непримиримы. Между мещанами, которые, как и мещане 1848-го года, молятся на буржуазную «демократию», не понимая ее буржуазного характера, и пролетарскими революционерами мира быть не может. Работать вместе они не могут. Гаазе и

* — «Вперед». Ред.

Каутский, Фридрих Адлер и Отто Бауэр могут сколько угодно вертеться и исписывать горы бумаги, говорить бесконечные речи — им не отговориться от того факта, что они *на деле* обнаруживают полное непонимание диктатуры пролетариата и Советской власти, что они *на деле* мещанские демократы, «социалисты» вроде Луи Блана и Ледрю-Роллена, что они *на деле* в лучшем случае игрушка в руках буржуазии, в худшем — прямые прислужники ее.

«Независимцы», каутскианцы, австрийские социал-демократы *кажутся* единой партией; на деле масса их членов партии *не* солидарна с вождями в основном, в самом главном, в наиболее существенном. Масса *пойдет* на пролетарскую революционную борьбу за Советскую власть, как только наступит момент нового кризиса, а «вожди» останутся и тогда, как и теперь, контрреволюционерами. Сидеть между двух стульев нетрудно на словах, и Гильфердинг в Германии, Фридрих Адлер в Австрии показывают высокие образчики этого благородного искусства.

Но в огне революционной борьбы люди, занятые примирением непримиримого, окажутся мыльными пузырями. Это показали все «социалистические» герои 1848-го года, это показали их родные братья, меньшевики и социал-революционеры в России 1917—1919 годов, это показывают все рыцари бернского или желтого II Интернационала.

Разногласия среди коммунистов иного рода. Разницы коренной может не видеть здесь только тот, кто не хочет видеть. Это — разногласия среди представителей невероятно быстро выросшего массового движения. Это — разногласия на одной общей, прочной как камень, основной базе: на базе признания пролетарской революции, борьбы с буржуазно-демократическими иллюзиями и буржуазно-демократическим парламентаризмом, признания диктатуры пролетариата и Советской власти.

На *такой* базе разногласия не страшны: это болезнь роста, а не старческая дряхлость. Разногласия такого рода переживал не раз и большевизм, переживал он и небольшие расколы из-за подобных разногласий, но в решительный момент, в момент завоевания власти и создания Советской республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли, он объединил вокруг себя *весь*

авангард пролетариата и *гигантское большинство* трудящихся.

Так будет и с германскими коммунистами.

Шейдемановцы и каутскианцы ведут все еще разговоры о «демократии» вообще, они все еще живут в идеях 1848-го года, они — марксисты на словах, Луи Бланы на деле. Они толкуют о «большинстве», думая, что равенство избирательных бюллетеней означает равенство эксплуатируемого с эксплуататором, рабочего с капиталистом, бедняка с богачом, голодного с сытым.

У шейдемановцев и каутскианцев выходит так, будто добренькие, честные, благородные, миролюбивые капиталисты никогда не применяли силы богатства, силы денег, власти капитала, гнета бюрократии и военной диктатуры, а решали дела истинно «по большинству»!

Шейдемановцы и каутскианцы (частью по лицемерию, частью по крайней тупости, воспитанной десятилетиями реформистской работы) *подкрашивают* буржуазную демократию, буржуазный парламентаризм, буржуазную республику, изображая дело так, будто капиталисты решают государственные дела волей большинства, а не волей капитала, средствами обмана, гнета, насилия богачей над бедняками.

Шейдемановцы и каутскианцы готовы «признать» пролетарскую революцию, но только так, чтобы сначала *при сохранении* силы, власти, гнета, привилегий капитала и богатства получилось голосование большинства (при буржуазном аппарате государственной власти, производящей выборы) *«за революцию»!!* Трудно представить себе всю бездну мещанского тупоумия, которая обнаруживается таким воззрением, — всю бездну мещанской доверчивости (*Vertrauensduselei*) к капиталистам, к буржуазии, к генералам, к буржуазному аппарату государственной власти.

На деле именно буржуазия всегда лицемерила, называя «демократией» формальное равенство, на деле же насилуя бедноту, трудящихся, мелких крестьян и рабочих бесконечным числом приемов обмана, гнета и так далее. Империалистская война (которую постыдно подкрашивали Шейдемановцы и Каутские) вскрыла это для миллионов людей. Диктатура пролетариата есть *единственное* средство защиты трудящихся от гнета капитала, от насилия военной диктатуры буржуазии, от империалистских войн. Диктатура

пролетариата есть единственный шаг к равенству и демократии *на деле*, не на бумаге, а в жизни, не в политической фразе, а в экономической действительности.

Не поняв этого, Шейдеманн и Каутские оказались презренными изменниками социализма и защитниками идей буржуазии.

* * *

Каутскианская (или «независимая») партия гибнет и неминуемо, вскоре, погибнет и разложится от разногласий между революционными в массе ее членами и контрреволюционными «вождями».

Коммунистическая партия окрепнет и закалится, переживая как раз такие (по существу дела) разногласия, которые переживал и большевизм.

Разногласия среди германских коммунистов сводятся, насколько я могу судить, к вопросу об «использовании легальных возможностей» (как говорили в 1910—1913 годах большевики), об использовании буржуазного парламента, реакционных профессиональных союзов, «закона о советах» (*Betriebsratgesetz*), изуродованных шейдеманновцами и каутскианцами, об участии в подобных учреждениях или о бойкоте их.

Мы, русские большевики, пережили как раз такого рода разногласия в 1906 и 1910—1912 годах. И мы ясно видим, что у многих молодых германских коммунистов сказывается просто недостаток революционного опыта. Если бы они пережили парочку буржуазных революций (1905 и 1917), они бы не проповедывали так безусловно бойкота, не впадали бы временами в ошибки синдикализма.

Это — болезнь роста. Она пройдет с ростом движения, которое растет превосходно. И с этими очевидными ошибками надо бороться открыто, стараясь не преувеличить разногласий, ибо всем должно быть ясно, что в недалеком будущем борьба за диктатуру пролетариата, за Советскую власть устранил большую часть этих разногласий.

И с точки зрения марксистской теории и с точки зрения опыта трех революций (1905, 1917 февраль, 1917 октябрь) я считаю безусловно ошибочным отказ от участия в буржуазном парламенте, в реакционном (легиновском, гомперсовском и т. п.) профессиональном союзе, в

реакционнейшем рабочем «совете», изуродованном шейдемановцами, и т. п.

Иногда, в отдельном случае, в отдельной стране бойкот правилен, как был, например, правилен бойкот большевиками царской Думы в 1905 году. Но те же большевики участвовали в гораздо более реакционной и прямо-контрреволюционной Думе 1907 года. Большевики участвовали в выборах в буржуазное Учредительное собрание в 1917 году, а в 1918 году мы его разогнали, к ужасу мещанских демократов, Каутских и прочих ренегатов социализма. Мы участвовали в реакционнейших профессиональных союзах, чисто меньшевистских, ничем (по контрреволюционности) не уступающих легиновским, подлейшим и реакционнейшим профессиональным союзам Германии. Мы даже теперь, два года спустя после завоевания государственной власти, не кончили еще борьбы с остатками меньшевистских (т. е. шейдемановских, каутскланских, гомперсовских и прочее) профессиональных союзов: настолько это длительный процесс! Насколько велико в отдельных местностях или в отдельных профессиях влияние мелкобуржуазных идей!

Мы были раньше меньшинством в Советах, меньшинством в профессиональных союзах, в кооперативах. Долгим трудом, долгой борьбой — и до завоевания политической власти и после ее завоевания — мы приобрели большинство во *всех* рабочих организациях, потом и в не-рабочих, потом и в мелкокрестьянских.

Только негодяи или дурачки могут думать, что пролетариат сначала должен завоевать большинство при голосованиях, производимых *под гнетом буржуазии*, *под гнетом наемного рабства*, а потом должен завоевывать власть. Это верх тупоумия или лицемерия, это — замена классовой борьбы и революции голосованиями при старом строе, при старой власти.

Пролетариат ведет свою классовую борьбу, не дожидаясь голосования для начала стачки, — хотя для полного успеха стачки нужно сочувствие большинства трудящихся (а следовательно и большинства населения). Пролетариат ведет свою классовую борьбу, свергая буржуазию, не дожидаясь при этом никакого предварительного (и буржуазией производимого, под ее гнетом идущего) голосования, причем пролетариат прекрасно знает, что для успеха его

революции, для успешного свержения буржуазии *безусловно необходимо* сочувствие большинства трудящихся (а следовательно и большинства населения).

Парламентские кретины и современные Луи Бланы «требуют» обязательно голосования и обязательно проводимого буржуазией голосования для определения этого сочувствия большинства трудящихся. Но это взгляд педантов, мертвецов или ловких обманщиков.

Живая жизнь, история действительных революций показывает, что «сочувствие большинства трудящихся» очень часто не может быть доказано никакими голосованиями (не говоря уже о голосованиях, производимых эксплуататорами, при «равенстве» эксплуататора с эксплуатируемым!). Очень часто «сочувствие большинства трудящихся» доказывается вообще *не* голосованиями, а ростом одной из партий, или ростом числа ее членов в Советах, или успехом отдельной, но почему-либо приобретшей громадное значение стачки, или успехом в гражданской войне и т. д. и т. п.

История нашей революции показала, например, что сочувствие диктатуре пролетариата со стороны большинства трудящихся на необъятных пространствах Урала и Сибири было обнаружено не голосованиями, а опытом годичной власти царского генерала Колчака над Уралом и Сибирью. Причем власть Колчака также началась властью «коалиции» шейдемановцев и каутскианцев (по-русски: «меньшевиков» и «социалистов-революционеров», сторонников Учредительного собрания), как в Германии теперь господина Гаазе и Шейдемана своей «коалицией» прокладывают дорогу власти фон-Гольца или Людендорфа и прикрывают, прикрашивают эту власть. В скобках заметить: коалиция Гаазе и Шейдемана в правительстве кончилась, но политическая коалиция этих предателей социализма осталась. Доказательство: книги Каутского, статьи Штампера в «Vorwärts», статьи каутскианцев и шейдемановцев об их «объединении» и так далее.

Пролетарская революция невозможна без сочувствия и поддержки огромного большинства трудящихся по отношению к своему авангарду: к пролетариату. Но это сочувствие, эта поддержка не дается сразу, не решается голосованиями, а *завоевается* длинной, трудной, тяжелой классовой борьбой. Классовая борьба пролетариата

за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся не оканчивается завоеванием политической власти пролетариатом. После завоевания власти эта борьба *продолжается* только в *иных* формах. В русской революции обстоятельства сложились для пролетариата (в его борьбе за его диктатуру) исключительно благоприятно, ибо пролетарская революция произошла, когда весь народ был вооружен и когда все крестьянство хотело свержения власти помещиков, все крестьянство возмущено было «каутскпанской» политикой социал-предателей, меньшевиков и социалистов-революционеров.

Но даже в России, где в момент пролетарской революции дела сложились исключительно благоприятно, где сразу получилось выдающееся единение всего пролетариата, всей армии, всего крестьянства, даже в России борьба пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, борьба пролетариата за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся заняла месяцы и годы. За два года эта борьба почти кончена, но не совсем еще кончена в пользу пролетариата. Мы только в два года завоевали окончательно сочувствие и поддержку подавляющего большинства рабочих и трудящихся крестьян Великороссии, включая Урал и Сибирь, но не закончили еще завоевания сочувствия и поддержки большинства трудящихся крестьян (в отличие от крестьян-эксплуататоров) Украины. Нас *может* задавить (и все же так не задавит) военная мощь Антанты, но *внутри* России за нами *теперь* такое прочное сочувствие такого огромного большинства трудящихся, что мир еще не видал государства более демократического.

Если вдуматься в эту сложную, трудную, долгую, богатую чрезвычайным разнообразием форм, необыкновенным обилием резких изменений, переломов, переходов от одной формы борьбы к другой, историю борьбы пролетариата за власть, то ясной станет ошибка тех, кто хочет «запретить» участие в буржуазном парламенте, в реакционных профессиональных союзах, в царских или шейдемановских комитетах рабочих старост или в заводских Советах и так далее и тому подобное. Эта ошибка вызвана революционной неопытностью искреннейших, убежденнейших, героических революционеров из рабочего класса. Поэтому Карл Либкнехт и Роза Люксембург были тысячу раз правы, когда они в январе 1919 года видели эту ошибку, указывали

на нее, но предпочитали остаться вместе с ошибающимися, по не очень важному вопросу, пролетарскими революционерами, чем с предателями социализма, шейдемановцами и каутскианцами, которые не ошибались по вопросу об участии в буржуазном парламенте, но перестали быть социалистами, сделались мещанскими демократами, пособниками буржуазии.

Но все же ошибка остается ошибкой и ее надо критиковать, за ее исправление надо бороться.

Борьба с предателями социализма, шейдемановцами и каутскианцами, должна быть беспощадной, но она должна идти не по линии за участие или против участия в буржуазных парламентах, реакционных профессиональных союзах и т. п. Это было бы безусловной ошибкой и еще большей ошибкой было бы отступление от идей марксизма и от его практической линии (крепкая, централизованная политическая партия) к идеям и практике синдикализма. Надо стремиться к тому, чтобы партия участвовала и в буржуазных парламентах, и в реакционных профессиональных союзах, и в «заводских Советах», шейдемановски урезанных и кастрированных, участвовала везде, где есть рабочие, где можно говорить к рабочим, влиять на рабочую массу. Надо во что бы то ни стало соединять нелегальную работу с легальной, систематически и неуклонно осуществляя строжайший контроль нелегальной партии, ее рабочих организаций, над легальной деятельностью. Это не легко, — но «легких» задач, «легких» средств борьбы у пролетарской революции вообще нет и быть не может.

Эту нелегкую задачу надо во что бы то ни стало решить. Наше отличие от шейдемановцев и каутскианцев не только в том (и не главным образом в том), что они не признают вооруженного восстания, а мы признаем. Главное и коренное отличие то, что они на *всех* поприщах работы (и в буржуазных парламентах, и в профессиональных союзах, и в кооперативах, и в журналистике и т. д.) ведут непоследовательную, оппортунистическую или даже прямо изменническую и предательскую политику.

Против социал-предателей, против реформизма и оппортунизма — эту политическую линию можно и должно вести на *всех* без изъятия поприщах борьбы. И тогда мы завоеваем рабочую массу. А с рабочей массой авангард пролетариата, марксистская централизованная политическая

партия верным путем поведет народ к победоносной диктатуре пролетариата, к пролетарской демократии на место буржуазной, к Советской республике, к социалистическому строю.

Третий Интернационал одержал ряд блестящих, невиданных побед в несколько месяцев. Быстрота его роста удивительна. Частные ошибки и болезни роста не страшны. Прямо и открыто критикуя их, мы добьемся того, что марксистски воспитанная рабочая масса всех культурных стран скоро прогонит от себя предавших социализм шейдемановцев и каутскианцев *всех* наций (а эти типы есть во всех нациях).

Победа коммунизма неизбежна. Победа будет за ним.

Н. Ленин

10 октября 1919.

Опубликовано в октябре 1919 г.

Печатается по рукописи

ГОСУДАРСТВО РАБОЧИХ И ПАРТИЙНАЯ НЕДЕЛЯ

Партийная неделя¹⁷ в Москве совпала с трудным временем для Советской власти. Успехи Деникина вызвали отчаянное усиление заговоров со стороны помещиков, капиталистов и их друзей, усиление потуг буржуазии посеять панику, подорвать всяческими средствами твердость Советской власти. Колеблющиеся, шаткие, несознательные обыватели, а с ними интеллигенты, эсеры, меньшевики, стали, как водится, еще более шаткими и первые дали себя запугать капиталистам.

Но я считаю, что совпадение партийной недели в Москве с трудным моментом скорее для нас выгодно, ибо для дела полезнее. Нам нужна партийная неделя не для парада. Показных членов партии нам не надо и даром. Единственная правительственная партия в мире, которая заботится не об увеличении числа членов, а о повышении их качества, об очистке партии от «примазавшихся», есть наша партия — партия революционного рабочего класса. Мы не раз производили перерегистрацию членов партии, чтобы изгнать этих «примазавшихся», чтобы оставить в партии только сознательных и искренне преданных коммунизму¹⁸. Мы пользовались и мобилизациями на фронт и субботниками, чтобы очистить партию от тех, кто хочет только «попользоваться» выгодами от положения членов правительственной партии, кто не хочет нести тягот самоотверженной работы на пользу коммунизма.

И теперь, когда производится усиленная мобилизация на фронт, партийная неделя хороша тем, что не даст соблазна желающим примазаться. В партию мы зовем в шпирком числе только рядовых рабочих и беднейших крестьян,

крестьян-тружеников, а не крестьян-спекулянтов. Этим рядовым членам мы не сулим и не даем никаких выгод от включения в партию. Напротив, на членов партии ложится теперь более тяжелая, чем обычно, и более опасная работа.

Тем лучше. Пойдут в партию только искренние сторонники коммунизма, только добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики, только настоящие представители угнетавшихся при капитализме масс.

Только таких членов партии нам и надо.

Не для рекламы, а для серьезной работы нужны нам новые члены партии. Их мы зовем в партию. Трудящимся мы открываем широко ее двери.

Советская власть есть власть трудящихся, борющаяся за полное свержение ига капитала. На эту борьбу первым поднялся рабочий класс городов и фабричных центров. Он одержал первую победу и завоевал государственную власть.

Он присоединяет к себе большинство крестьян. Ибо на сторону капитала, на сторону буржуазии тянет только крестьянин-торгаш, крестьянин-спекулянт, а не крестьянин-труженик.

Самые развитые, самые сознательные рабочие, рабочие Питера, больше всего сил отдали для управления Россией. Но мы знаем, что преданных интересам трудящейся массы и способных на руководящую работу людей очень и очень много среди рядовых рабочих и крестьян. Среди них очень много организаторских и администраторских талантов, которым капитализм не давал ходу, которым мы всячески помогаем и должны помогать выдвинуться и взяться за работу строительства социализма. Найти эти новые, скромные, невидные таланты нелегко. Нелегко привлечь к государственной работе рядовых рабочих и крестьян, которых веками подавляли и запугивали помещики и капиталисты.

Но именно эту нелегкую работу нам надо, обязательно надо производить, чтобы глубже черпать новые силы из рабочего класса, из трудящегося крестьянства.

Идите в партию, товарищи беспартийные рабочие и трудящиеся крестьяне! Мы не сулим вам выгод от этого, мы зовем вас на трудную работу, на работу государственного строительства. Если вы искренний сторонник коммунизма, беритесь смелее за эту работу, не бойтесь новизны

и трудности ее, не смущайтесь старым предрассудком, будто эта работа подсилена только тем, кто превзошел казенное образование. Это неправда. Руководить работой строительства социализма могут и должны во все большем числе рядовые рабочие и крестьяне-труженики.

Масса трудящихся за нас. В этом наша сила. В этом источник непобедимости всемирного коммунизма. Больше новых работников из массы в ряды партии, для самостоятельного участия в строительстве новой жизни — таков наш прием борьбы со всеми трудностями, таков наш путь к победе.

11. X. 1919.

*«Правда» № 228, 12 октября 1919 г.
Подпись: Н. Ленин*

Печатается по рукописи

**РЕЧЬ ПЕРЕД МОБИЛИЗОВАННЫМИ
РАБОЧИМИ-КОММУНИСТАМИ
С БАЛКОНА МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. И КР. Д.
16 ОКТЯБРЯ 1919 г.**

ХРОНИКЕРСКАЯ ЗАПИСЬ

(Появление Ленина встречается громом аплодисментов.) Товарищи! Позвольте мне приветствовать рабочих Ярославской и Владимирской губерний, которые еще раз откликнулись на наш зов и дали лучшие свои силы для защиты рабоче-крестьянской республики. Вы знаете из газет, в которых мы печатаем всю правду, не скрывая ничего, какую новую и грозную опасность несут царский генерал Деникин взятием Орла и Юденич — угрозой красному Питеру. Но мы смотрим на эту опасность и боремся с нею, как всегда: мы обращаемся к сознательному пролетариату и трудовому крестьянству с призывом стать грудью на защиту своих завоеваний.

Положение чрезвычайно тяжелое. Но мы не отчаиваемся, ибо знаем, что всякий раз, как создается трудное положение для Советской республики, рабочие проявляют чудеса храбрости, своим примером ободряют и воодушевляют войска и ведут их к новым победам.

Мы знаем, что во всем мире, во всех странах без исключения, революционное движение, хотя и медленнее, чем мы хотели бы, но неуклонно растет. И мы знаем также, что победа рабочего класса во всем мире обеспечена.

Как ни тяжелы жертвы, приносимые Россией, как она ни измучена и ни истерзана, она упорно борется за дело всех рабочих. Империалисты могут раздавить еще одну — две республики, но они не могут спасти мирового империализма, ибо он обречен, ибо он будет сметен грядущим социализмом.

Вот почему приветствую вас, рабочие Владимирской и Ярославской губерний, в твердой уверенности, что вы своим личным примером поддержите дух Красной Армии и поведете ее к победе.

Да здравствуют рабочие и крестьяне!

Да здравствует всемирная рабочая республика!

«Правда» № 232, 17 октября 1919 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

К РАБОЧИМ И КРАСНОАРМЕЙЦАМ ПЕТРОГРАДА

Товарищи! Наступил решительный момент. Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения — отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взятые Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом.

Товарищи! Вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, а это значит наполовину судьба Советской власти в России.

Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге. Вся история двухлетней беспримерной по трудностям и беспримерной по победам советской борьбы с буржуазией всего мира показала нам со стороны питерских рабочих не только образец исполнения долга, но и образец высочайшего героизма, невиданного в мире революционного энтузиазма и самоотвержения.

Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!

17/Х

В. Ульянов (Ленин)

К ТОВАРИЩАМ-КРАСНОАРМЕЙЦАМ

Товарищи-красноармейцы! Царские генералы — Юденич на севере, Деникин на юге — еще раз напрягают силы, чтобы победить Советскую власть, чтобы восстановить власть царя, помещиков и капиталистов.

Мы знаем, как кончилась подобная же попытка Колчака. Не надолго обманул он уральских рабочих и сибирских крестьян. Увидав обман, испытав бесконечные насилия, порку, грабежи от офицеров, сынков помещиков и капиталистов, уральские рабочие и сибирские крестьяне помогли нашей Красной Армии побить Колчака. Оренбургские казаки перешли прямо на сторону Советской власти.

Вот почему мы твердо уверены в нашей победе над Юденичем и Деникиным. Не удастся им восстановить царской и помещичьей власти. Не бывать этому! Крестьяне восстают уже в тылу Деникина. На Кавказе ярким пламенем горит восстание против Деникина. Кубанские казаки ропщут и волнуются, недовольные деникинскими насилиями и грабежом в пользу помещиков и англичан.

Будемте же тверды, товарищи-красноармейцы! Рабочие и крестьяне все более сплоченно, все с большим сознанием, все более решительно становятся на сторону Советской власти.

Вперед! товарищи-красноармейцы. На бой за рабоче-крестьянскую власть, против помещиков, против царских генералов! Победа будет за нами!

Н. Ленин

19. X. 1919.

ИТОГИ ПАРТИЙНОЙ НЕДЕЛИ В МОСКВЕ И НАШИ ЗАДАЧИ

В Москве во время партийной недели записалось в партию 12 600 человек.

Это успех громадный, совершенно неожиданный. Вся буржуазия и особенно мелкая городская буржуазия, включая горюющих о потере своего привилегированного, «господского», положения специалистов, чиновников, служащих, — вся эта публика как раз в последнее время, как раз в течение партийной недели в Москве, из кожи воп лезла, чтобы сеять панику, чтобы пророчить Советской власти близкую гибель, Деникину — близкую победу.

И с каким великолепным искусством умеет эта «интеллигентская» публика пользоваться этим оружием сеяния паники! Ибо это стало настоящим оружием в классовой борьбе буржуазии против пролетариата. Мелкая буржуазия слывается в такие моменты, как переживаемый нами, в «одну реакционную массу» с буржуазией и «со страстью» хватается за это оружие.

Именно в Москве, где особенно силен был торговый элемент, где больше всего было сосредоточено эксплуататоров, помещиков, капиталистов, рантье, где капиталистическое развитие собрало вместе массы буржуазной интеллигенции, где центральное государственное управление создало особенно большое скопление чиновников — именно в Москве попроще для буржуазной сплетни, для буржуазного злословия, для буржуазного сеяния паники было исключительно удобное. «Момент» удачного наступления Деникина и Юденича благоприятствовал «успехам» этого буржуазного орудия до чрезвычайной степени.

И тем не менее, из пролетарской массы, которая видела «успехи» Деникина и знала все трудности, тяжести, опасности, связанные как раз теперь со званием и должностью коммунистов, поднялись тысячи и тысячи для подкрепления партии коммунистов, для взятия на себя столь невероятно трудного бремени государственного управления.

Успех Советской власти, успех нашей партии прямо таки замечательный!

Этот успех доказал и наглядно показал столичному населению, а за ним и всей республике и всему миру, что именно в глубинах пролетариата, именно среди настоящих представителей трудящейся массы заключается самый надежный источник силы и крепости Советской власти. Диктатура пролетариата в этом успехе добровольной записи в партию, в момент наибольших трудностей и опасностей, показала себя на деле *с той стороны*, которую злостно не хотят видеть враги и которую выше всего ценят действительные друзья освобождения труда от ига капитала, именно со стороны особой силы *морального* (в лучшем смысле слова) влияния пролетариата (владеющего государственной властью) на массы, со стороны *способов* этого влияния.

Передовые слои пролетариата, держа в руках государственную власть, своим примером показали массе трудящихся, показали в течение целых двух лет (срок громадный для нашего, исключительно быстрого темпа политического развития) *образец* такой преданности интересам трудящихся, такой энергии в борьбе с врагами трудящихся (эксплуататорами вообще и, в частности, с «собственниками» и спекулянтами), такой твердости в тяжелые минуты, такой беззаветности отпора разбойникам всемирного империализма, что сила *сочувствия* рабочих и крестьян своему авангарду оказалась *одна* в состоянии *творить чудеса*.

Ибо это — чудо: рабочие, перенесшие неслыханные мучения голода, холода, разрухи, разорения, не только сохраняют всю бодрость духа, всю преданность Советской власти, всю энергию самопожертвования и героизма, но и берут на себя, несмотря на всю свою неподготовленность и неопытность, бремя управления государственным кораблем! И это в момент, когда буря достигла бешеной силы...

Таковыми чудесами полна история нашей пролетарской революции. Такие чудеса приведут, наверное и непременно, — каковы бы ни были отдельные тяжелые испытания, — к полной победе всемирной Советской республики.

Нам надо позаботиться теперь о том, чтобы *правильно* использовать новых членов партии. Этой задаче надо уделить особенно много внимания, ибо задача эта нелегкая, задача эта новая, и старыми шаблонами ее не решить.

Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе. Новые члены партии, вступившие во время партийной недели, несомненно, в большинстве своем неопытны и в деле государственного управления неумелы. Но так же несомненно, что это — преданнейшие, искреннейшие и способнейшие люди из тех общественных слоев, которые капитализм искусственно держал *внизу*, делал «низшими» слоями, не давал им подняться вверх. А силы, свежести, непосредственности, закаленности, искренности в них *больше*, чем в других.

Отсюда вытекает, что все партийные организации должны особо обдумать использование этих новых членов партии. Надо *смелее* давать им как можно более разнообразную государственную работу, надо быстрее испытать их практически.

Конечно, смелость нельзя понимать так, чтобы *сразу* вручать новичкам ответственные посты, требующие знаний, которыми новички не обладают. Смелость нужна в смысле борьбы с бюрократизмом: недаром наша партийная программа со всей определенностью поставила вопрос о причинах некоторого возрождения бюрократизма и о мерах борьбы против этого. Смелость нужна в смысле установления, во-первых, *контроля* за служащими, за чиновниками, за специалистами со стороны новых членов партии, хорошо знающих положение народных масс, их нужды, их требования. Смелость нужна в смысле *немедленного* предоставления этим новичкам возможности развернуться и показать себя на *широкой* работе. Смелость нужна в смысле ломки обычных шаблонов (у нас тоже заметна — увы! нередко — чрезмерная боязнь посягнуть на установленные советские шаблоны, хотя «устанавли-

вают» их иногда не сознательные коммунисты, а старые чиновники и служащие); смелость нужна в смысле готовности с революционной быстротой изменять вид работы для новых членов партии, чтобы скорее испытать их и скорее найти им надлежащее место.

Во многих случаях новые члены партии могут быть поставлены на такие должности, когда, контролируя добросовестность исполнения своих задач старыми чиновниками, эти члены партии быстро научатся делу и смогут самостоятельно перенять его. В других случаях они могут быть поставлены так, чтобы обновить, освежить посредствующую связь между рабочей и крестьянской массой, с одной стороны, государственным аппаратом — с другой. В наших промышленных «главках и центрах», в наших земледельческих «советских хозяйствах» много, слишком еще много осталось саботажников, запрятавшихся помещиков и капиталистов, всячески вредящих Советской власти. Искусство опытных партийных работников в центре и на местах должно проявиться в том, чтобы усиленно использовать новые свежие партийные силы для решительной борьбы с этим злом.

Советская республика должна стать единым военным лагерем с наибольшим напряжением сил, с наибольшей экономией их, с наибольшим сокращением всякой волокиты, всякой ненужной формальности, с наибольшим упрощением аппарата, с наибольшим приближением его не только к нуждам массы, но и к ее пониманию, к ее самостоятельному участию в этом аппарате.

Усиленно происходит мобилизация старых членов партии на военную работу. Надо никоим образом не ослаблять, а все усиливать и усиливать эту работу. Но, вместе с тем, и в целях достижения успеха на войне надо улучшать, упрощать, освежать наш гражданский аппарат управления.

Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще.

У нас всего этого больше, чем у белых, больше, чем у «всемирно-могущественного» англо-французского империализма, этого колосса на глиняных ногах. У нас этого больше, ибо мы можем черпать и долго еще будем черпать все более и более глубоко из среды рабочих и трудящихся крестьян, из среды тех классов, которые капитализмом

были угнетены и которые составляют везде подавляющее большинство населения. Мы можем черпать из этого обширнейшего резервуара, ибо он дает нам самых искренних, самых закаленных тяготами жизни, самых близких к рабочим и крестьянам вождей их в деле строительства социализма.

У наших врагов, ни у русской буржуазии, ни у всемирной, нет ничего даже отдаленно похожего на этот резервуар, у них все больше колеблется почва под ногами, у них все больше уходят бывшие их сторонники из рабочих и крестьян.

Вот почему, в последнем счете, обеспечена и неизбежна победа всемирной Советской власти.

21-го октября 1919 г.

«Известия ЦК РКП(б)» № 7,
22 октября 1919 г.
Подпись: *И. Ленин*

Печатается по тексту
бюллетеня «Известия ЦК РКП(б)»

**РЕЧЬ ПЕРЕД СЛУШАТЕЛЯМИ
СВЕРДЛОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ОТПРАВЛЯЮЩИМИСЯ НА ФРОНТ,
24 ОКТЯБРЯ 1919 г.**

Товарищи! Вы знаете, что сегодня собрало нас вместе не только желание отпраздновать окончание большинством из вас курсов советской школы, но также то обстоятельство, что около половины всего вашего выпуска приняло решение отправиться на фронт для того, чтобы оказать новую, экстраординарную и существенную помощь борющимся на фронте войскам.

Товарищи! Мы прекрасно знаем, какие громадные трудности причиняет всему нашему управлению и в городе, и, в особенности, в деревнях недостаток опытных, осведомленных товарищей. Мы прекрасно знаем, что те передовые рабочие Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов, те передовые товарищи, которые до сих пор несли на своих плечах, можно сказать, главную тяжесть управления страной при неслыханно трудных условиях, главную тяжесть объединения рабочих и крестьян и руководства ими, мы прекрасно знаем, что они чрезвычайно истощены теми, иногда сверхчеловеческими требованиями, которые предъявляет к ним защита Советской республики. Поэтому возможность собрать здесь несколько сот рабочих и крестьян, дать им возможность заняться систематически несколько месяцев, пройти курс советских знаний, чтобы двинуться отсюда вместе, организованно, сплоченно, сознательно для управления, для исправления тех громадных недостатков, которые еще остаются, — эта возможность представляет для нас громадную ценность, и мы с чрезвычайным трудом, с чрезвычайной неохотой и после долгих колебаний решились на то, чтобы около половины настоящего выпуска отдать на фронтовую работу.

Но условия, которые сложились на фронте, таковы, что выбора не оставалось. И мы думали, что решение, которое было принято добровольно и целью которого является отправление на фронт еще ряда лучших представителей, которые были бы очень полезны во всей административно-строительной работе, это решение вызывается обстоятельствами безусловной необходимости.

Товарищи, вы мне позволите вкратце остановиться на том положении, которое сложилось теперь на разных фронтах, чтобы вы могли судить о том, насколько экстренна эта необходимость.

На очень многих фронтах, которые раньше были весьма существенными и на которые неприятель возлагал громадные надежды, как раз в последнее время дело подходит к полной и, по всем признакам, к окончательной победе в нашу пользу. На Северном фронте, где наступление на Мурманск обещало неприятелю особенно большие выгоды, где давно уже были собраны англичанами громадные и великолепно вооруженные силы, где нам, при отсутствии продовольствия и снаряжения, было невероятно трудно бороться, — там, казалось бы, у империалистов Англии и Франции должны были быть блестящие перспективы. И как раз там оказалось, что все наступление неприятеля рухнуло окончательно. Англичанам пришлось вывезти назад свои войска, и мы теперь видим полное подтверждение того, что английские рабочие войны с Россией не хотят и, даже теперь, когда в Англии далеко еще нет революционной борьбы, они способны оказывать такое влияние на свое правительство хищников и грабителей, что заставляют его убрать войска из России. Этот фронт, который был особенно опасным, потому что неприятель находился там в наиболее выгодных условиях, имея морскую дорогу, они вынуждены были сдать. Там остаются ничтожные силы русских белогвардейцев, которые не имеют почти никакого значения.

Возьмите другой фронт — колчаковский. Вы знаете, что, когда наступали войска Колчака к Волге, европейская капиталистическая печать торжествовала возвестить всему миру падение Советской власти и признание Колчака верховным правителем России. Но не успела торжественная грамота об этом признании дойти до самого Колчака, как наши войска погнали его в Сибирь, и вы знаете, что

мы подходили к Петропавловску и Иртышу, и Колчаку пришлось распределить свои силы иначе, чем он предполагал. Было время, когда нам пришлось отойти, потому что местные рабочие и крестьяне опоздали со своей мобилизацией. Но сведения, которые мы получаем из колчаковского тыла, говорят, что у него несомненный развал, а население восстает против него поголовно, даже зажиточные крестьяне. И мы подходим к тому, что последний оплот сил Колчака будет сломлен, и этим мы закончим год революции, в течение которого вся Сибирь была под властью Колчака, когда ему помогали и эсеры, и меньшевики, которыми еще раз была проделана история соглашения с буржуазным правительством. Вы знаете, что Колчаку оказывала помощь вся европейская буржуазия. Вы знаете, что сибирская линия охранялась и поляками, и чехами, были и итальянцы, и американские офицеры-добровольцы. Все, что могло бы парализовать революцию, все пришло на помощь Колчаку. И все это рухнуло, потому что крестьяне, сибирские крестьяне, которые менее всего поддаются влиянию коммунизма, потому что менее всего его наблюдают, получили такой урок от Колчака, такое *практическое* сравнение (а крестьяне любят сравнения практические), что мы можем сказать: Колчак дал нам миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать. Вот чем кончилась власть Колчака, и вот почему на этом фронте мы чувствуем себя наиболее прочно.

На Западном фронте мы видим, что наступление поляков приходит к концу. Они получали помощь от Англии, от Франции и Америки, которые стремились раздуть старую ненависть Польши к великорусским угнетателям, пытаясь перенести ненависть польских рабочих к помещикам и царям, стократ заслуженную, на русских рабочих и крестьян, заставляя их думать, что большевики так же, как русские шовинисты, мечтают о завоевании Польши. И на время этот обман им удался. Но у нас есть определенные признаки того, что время, когда действовал этот обман, проходит, что среди польских войск начинается разложение. И американские известия, которых никак нельзя заподозрить в сочувствии к коммунизму, подтверждают, что среди польских крестьян все более усиливались требования закончить войну к первому октября во что бы то

ни стало, и что стремления эти поддерживают даже самые патриотические из польских социал-шовинистов (ППС)¹⁹, которые занимают место наших меньшевиков и эсеров, все более усиленно оказывая сопротивление своему правительству. За это время настроение поляков сильно изменилось.

Остается два фронта — Петроградский и Южный, где разыгрываются наиболее серьезные события. Но и здесь все признаки говорят за то, что враг собирает последние силы. Мы имеем точные сообщения о том, что в Англии военный министр Черчилль и партия капиталистов предприняли эту военную авантюру на Петроград, чтобы показать возможность быстро покончить с Советской Россией, и что там английская пресса рассматривает эту авантюру, как последнюю ставку шовинистов и министра Черчилля, вопреки несомненной воле большинства населения.

Мы можем рассматривать петроградское нашествие, как меру помощи Денкингу. Об этом мы можем заключить из положения на Петроградском фронте.

Вы знаете, что нам и латышское, и литовское, и эстонское правительства ответили согласием на предложение начать переговоры о мире. И естественно, что эти последние известия вызвали колебания в наших войсках, вызвали в них надежду, что война оканчивается. Переговоры уже начались. А в это время Англия собрала остатки своих судов и высадила несколько тысяч белогвардейцев, которые были снабжены великолепными техническими средствами. Но они не могут ввозить их к нам, не усыпивши народ обманом, потому что в Англии и Франции были случаи, что попытки грузить военные припасы на пароходы оканчивались неудачей, ибо портовые рабочие устраивали стачки и говорили, что они пароходов, которые везут истребительное снаряжение в Советскую Россию, не допустят. И английским империалистам приходилось брать из других стран это снаряжение, обманывая свой народ. Неудивительно поэтому, что они пустили на Советскую Россию несколько сотен или тысяч русских белогвардейских офицеров. В Англии существуют лагеря, где держат этих белогвардейских офицеров, кормят их и обучают для нашествия на Россию, говоря затем, что это — внутренняя война, вызванная террором большевиков. Лагеря, которые наполнялись раньше нашими пленными, полны теперь

русскими белогвардейскими офицерами. Этим и вызвано то, что, когда мы со стороны Литвы и Латвии ожидали перемирия, неприятель одержал в первые дни такие громадные успехи, бросив эти силы на Петроградский фронт. Вы теперь знаете, что на Петроградском фронте наступил перелом. Вы знаете из сообщений Зиновьева и Троцкого, что убыль уже пополнена, что прежние колебания пришли к концу, что наши войска наступают и наступают успешно, преодолевая самое отчаянное сопротивление. Эти бои отличаются необыкновенным ожесточением. Мне сообщил по телефону т. Троцкий из Петрограда, что в Детском Селе, которое недавно взято нами, из отдельных домов стреляли белогвардейцы и оставшаяся буржуазия, оказывая самое упорное сопротивление, большее, чем во всех предыдущих боях. Неприятель чувствует, что происходит перелом всей войны и что Деникин находится в таком положении, когда надо помочь ему и отвлечь наши силы, направленные против него. Это им не удалось, можно сказать определенно. Все, чем мы помогли Петрограду, было взято без малейшего ослабления Южного фронта. Ни одна часть на Петроградский фронт не была отвлечена с юга, и та победа, которую мы начали осуществлять и которую мы доведем до конца, будет осуществлена без малейшего ослабления Южного фронта, на котором решится исход войны с помещиками и империалистами. Исход будет там, на Южном фронте, в недалеком будущем.

Товарищи, вы знаете, что на Южном фронте, с одной стороны, неприятель больше всего опирался на казаков, которые боролись за свои привилегии, а с другой стороны, там больше всего было образовано полков добровольческой армии, которые, полные негодования и бешенства, боролись за интересы своего класса, за восстановление власти помещиков и капиталистов. Здесь, поэтому, нам предстоит дать решающий бой, и здесь мы видим то же, что мы видели на примере Колчака, одержавшего вначале огромные победы, но чем дальше шли бои, тем больше редели ряды офицеров и сознательного кулачества, которые составляли главную силу Колчака, и тем больше ему приходилось брать рабочих и крестьян. Они умеют воевать чужими руками, они сами не любят жертвовать собой и предпочитают, чтобы рабочие рсековали головой ради их интересов. И когда Колчаку пришлось расширять свою армию, это

расширение привело к тому, что сотни тысяч перешли на нашу сторону. Десятки белогвардейских офицеров и казаков, перебежчиков от Колчака, говорили, что они убедились, что Колчак продает Россию оптом и в розницу, и, даже не разделяя большевистских взглядов, переходили на сторону Красной Армии. Так кончил Колчак, так кончит и Деникин. Сегодня вы могли прочитать в вечерних газетах о восстаниях в тылу у Деникина, — Украина загорается. Мы имеем сообщение о событиях на Кавказе, где горцы, доведенные до отчаяния, бросились в наступление и обобрали полки Шкуро, отняв у них винтовки и снаряжение. Мы получили вчера иностранное радио, которое вынуждено было признать, что положение Деникина трудное: ему приходится пускать лучшие свои силы в бой, ибо Украина горит и на Кавказе восстание. Наступает момент, когда Деникину приходится бросать все на карту. Никогда не было еще таких кровопролитных, ожесточенных боев, как под Орлом, где неприятель бросает самые лучшие полки, так называемые «корниловские», где треть состоит из офицеров наиболее контрреволюционных, наиболее обученных, самых бешеных в своей ненависти к рабочим и крестьянам, защищающих прямое восстановление своей собственной помещичьей власти. Вот почему мы имеем основание думать, что теперь приближается решающий момент на Южном фронте. Победа под Орлом и Воронежем, где преследование неприятеля продолжается, показала, что и здесь, как и под Петроградом, перелом наступил. Но нам надо, чтобы наше наступление из мелкого и частного было превращено в массовое, огромное, доводящее победу до конца.

Вот почему, как ни тяжела для нас эта жертва, — посылка на фронт сотен курсантов, собранных здесь и заведомо необходимых для работы в России, — мы тем не менее согласились на ваше желание. Там, на Южном и Петроградском фронтах, в ближайшие, если не недели, то во всяком случае месяцы, решается судьба войны. В такой момент всякий сознательный коммунист должен сказать себе: мое место там, впереди других на фронте, где дорог каждый сознательный коммунист, прошедший школу.

Если в войсках произошло колебание, то оно вызвано тем, что народ устал от войны. Вы прекрасно знаете, какой голод, разруху и муку вынес за эти два года рабочий и

крестьянин в борьбе против империалистов всего мира. Вы знаете, что наиболее уставшие не выдерживают долго напряжения, и этим моментом пользуется неприятель, у которого лучше связь, командный состав и нет изменников, — и ударяет со всей силой. Этим-то и были вызваны неудачи на Южном фронте. Потому-то теперь самые сознательные представители рабочих и крестьян, обученные на военных курсах и на курсах, подобных вашим, должны организованно, сплоченно, поделившись на большие или маленькие группы по соглашению с военными властями, распределив между собой обязанности, двинуться на фронт, чтобы помочь войскам, среди которых появилась некоторая неустойчивость, где сильнее натиск врагов. Всякий раз, в течение двухлетнего существования Советской власти, когда замечалась некоторая неустойчивость среди крестьянской массы, которая не видела и не знает советской работы, мы обращались за помощью к наиболее организованной части городского пролетариата и получали от него поддержку самую героическую.

Сегодня я видел товарищей иваново-вознесенских рабочих, которые сняли до половины всего числа ответственных партийных работников для отправки на фронт. Мне рассказывал сегодня один из них, с каким энтузиазмом их провожали десятки тысяч беспартийных рабочих и как подошел к ним один старик, беспартийный, и сказал: «Не беспокойтесь, уезжайте, ваше место там, а мы здесь за вас справимся». Вот когда среди беспартийных рабочих возникает такое настроение, когда беспартийные массы, не разбирающиеся еще полностью в политических вопросах, видят, что мы лучших представителей пролетариата и крестьянства отправляем на фронт, где они берут на себя самые трудные, самые ответственные и тяжелые обязанности, и где им придется в первых рядах понести больше всего жертв и погибнуть в отчаянных боях, — число наших сторонников среди неразвитых беспартийных рабочих и крестьян вырастает вдесятеро, и с войсками колебавшимися, ослабевшими, усталыми происходят настоящие чудеса.

Вот, товарищи, та великая, тяжелая и трудная задача, которая лежит на ваших плечах. Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть — смерть или

победа. Каждый из вас должен уметь подойти к самым отсталым, самым неразвитым красноармейцам, чтобы самым понятным языком, с точки зрения человека трудящегося, объяснить положение, помочь им в трудную минуту, устранить всякое колебание, научить их бороться с многочисленными проявлениями саботажа, вялости, обмана или измены. Вы знаете, что еще много таких проявлений в наших рядах и в командном составе. Тут нужны те, кто прошел известный курс науки, понимает политическое положение и умеет оказать помощь широким массам рабочих и крестьян в их борьбе с изменой или саботажем. Кроме личной смелости Советская власть ждет от вас, чтобы вы оказали всестороннюю помощь этим массам, чтобы вы прекратили всякие колебания среди них и показали, что у Советской власти есть силы, к которым она прибегает во всякую трудную минуту. Этих сил имеется у нас достаточное количество.

Теперь, повторяю, нам приходится идти на эту большую жертву лишь потому, что это главный и последний фронт, где по всем признакам в ближайшие недели или месяцы решится судьба всей гражданской войны. Здесь мы можем раз навсегда нанести неприятелю такой удар, от которого он не оправится. И после кровавой борьбы с белогвардейцами, борьбы, которую они нам навязали, мы перейдем, наконец, к нашему делу, делу настоящего строительства, более свободные, с удесятеренной энергией. Вот почему, товарищи, я приветствую тех из вас, кто берет на себя сейчас эту труднейшую и величайшую задачу борьбы до конца в передовых рядах на фронте, и прощаюсь с ними в полной уверенности, что они принесут нам полную и окончательную победу.

«Правда» № № 240 и 241;
26 и 28 октября 1919 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

**ТОВАРИЩУ ЛОРИО
И ВСЕМ ФРАНЦУЗСКИМ ДРУЗЬЯМ,
ПРИМКНУВШИМ К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ**

28. X. 1919.

Дорогой друг! От души благодарю Вас за Ваше письмо, которое тем ценнее для нас, чем реже мы имеем от вас вести.

Во Франции, как и в Англии, победоносный империализм не только дал возможность обогатиться некоторому числу мелких буржуа, но и верхнему слою рабочих, этой аристократии рабочего класса, сможет дать «подачки», подкупить его, заинтересовать его участием в получении крох от империалистских барышей, от грабежа колоний и т. д.

Но кризис, вызванный войной, так велик, что даже в победивших странах масса трудящихся неминуемо осуждена на страшные бедствия. Отсюда понятен быстрый рост коммунизма, рост симпатий к Советской власти, к III Интернационалу.

С французским оппортунизмом, особенно утонченным в духе Лонге, вам придется, конечно, еще долго бороться. Много и много еще будет попыток со стороны «опытных» парламентариев и политиканов отделываться словесным признанием революционной тактики и диктатуры пролетариата, а на деле путем новых уловок и уверток, обманывать пролетариат, как обманули его Лонге, Мергейм и К^о 21 июля ²⁰, продолжать старую оппортунистическую политику, вредить и мешать революции, а не помогать ей. И во Франции и в Англии старые, гнилые вожди рабочих сделают тысячи попыток такого рода.

Но мы все уверены, что коммунистам, работающим в теснейшей связи с массой пролетариата, удастся эти попытки сломать и преодолеть. Чем тверже и решительнее будут выступать коммунисты, тем скорее будет за ними полная победа.

С коммунистическим приветом

Н. Ленин

*Напечатано на английском языке
3 января 1920 г. в газете
«The Workers' Dreadnought» № 41*

*На русском языке впервые
опубликовано в 1932 г.*

Печатается по рукописи

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ ПО ПОВОДУ РАСКОЛА ²¹

ТОВАРИЩАМ ПАВЛУ ЛЕВИ, КЛАРЕ ЦЕТКИНОЙ, ЭБЕРЛЕЙНУ
И ВСЕМ ЧЛЕНАМ ЦЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

28. X. 1919.

Дорогие друзья! Я послал Вам для печати помеченное 10. X. 1919 письмо: «Привет французским, итальянским и германским коммунистам» и в нем коснулся, между прочим, ваших разногласий с сторонниками бойкота, полусиндикалистамп и т. п. Сегодня из правительственной германской радио (из Науэна) я узнаю о расколе Вашей партии: хотя источник и грязный, но вероятно в данном случае он прав, ибо письма наших друзей из Германии говорят о возможности раскола.

Не верится только тому сообщению этого радио, что вы, имея 25 голосов против 18, *исключили* из партии меньшинство, которое будто бы потом создало свою партию. Я очень мало знаю об этой отколовшейся оппозиции, видел только некоторые №№ берлинской «Rote Fahne»*. Очень талантливые агитаторы, неопытные, молодые вроде наших «левых коммунистов» (по неопытности и молодости) 1918-го года, — таково мое впечатление. При наличии согласия в основном (за власть Советов против буржуазного парламентаризма), объединение, по-моему, возможно и необходимо — так же, как необходим раскол с каутскианцами. Если раскол оказался неизбежным, надо постараться не разжигать его, обратиться за посредничеством к Исполнительному комитету III Интернационала, заставить «левых» формулировать, в тезисах и в брошюре, их

* — «Красное Знамя». Ред.

разногласия. С точки зрения интернациональной, восстановление единства Коммунистической партии Германии и возможно и необходимо. Крайне рад был бы получить от Вас письмо по на эту тему. Прилагаю также письмо к отколовшимся — надеюсь, Вы передадите его одновременно с напечатанием моей статьи, вполне признающей вашу правоту, статьи, написанной до получения вести о расколе.

Крепко жму рук и горячо желаю успехов в трудной работе. Во всем мире движение коммунистическое растет превосходно — медленнее, чем бы хотели, но широкое, мощное, глубокое и непобедимое. Как и в России, везде обрисовалась стадия господства «меньшевиков и социалистов-революционеров» («II Интернационала»). За этим господством придет господство коммунистов и победа диктатуры пролетариата и Советской власти.

С коммунистическим приветом

Н. Ленин

Впервые опубликовано в 1932 г.

Печатается по рукописи

**ТОВАРИЩАМ-КОММУНИСТАМ,
ВХОДИВШИМ В ОБЩУЮ
«КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ ГЕРМАНИИ»
И СОСТАВИВШИМ ТЕПЕРЬ НОВУЮ ПАРТИЮ**

28. X. 1919.

Дорогие товарищи! Я только сегодня из краткой радиотелеграммы германского правительства (из Науэна) узнал о расколе. Свою статью: «Привет французским, итальянским и германским коммунистам» я писал до известий о расколе.

В этой статье я постарался с точки зрения интернационального коммунизма оценить вашу позицию, насколько мог ознакомиться с ней по отдельным №№ берлинской газеты «Rote Fahne»*. По моему убеждению, коммунисты, согласные в основном, — в борьбе за диктатуру пролетариата и за Советскую власть, непримиримо враждебные шейдемановцам и каутскианцам всех наций, — могли бы и должны бы были выступать едиными. Расхождения в менее важных вопросах, по-моему, могут исчезнуть и непременно исчезнут: этот результат будет вызван логикой совместной борьбы с действительно грозным врагом, с буржуазией, с ее прямыми (шейдемановцы) и ее прикрытыми (каутскианцы) слугами.

Я не вхожу в Исполнительный комитет III Интернационала, по я думаю, что он предложит германским коммунистам свои услуги по восстановлению единства германского коммунизма. Неудивительно, что бешеные преследования, сделав партию нелегальной, затруднили ее работу,

* — «Красное Знамя». Ред.

затруднили правильный обмен мыслей и выработку общей тактики. Внимательное обсуждение разногласий, обмен мнениями в интернациональном масштабе могли бы помочь делу германского коммунизма и сплочения его сил.

Я был бы очень рад, если бы удалось нам обменяться мнениями по этим вопросам.

С коммунистическим приветом

Н. Ленин

Печатается впервые, по рукописи

ТОВАРИЦУ СЕРРАТИ И ИТАЛЬЯНСКИМ КОММУНИСТАМ ВООБЩЕ

28. X. 1919.

Дорогой друг! Известия, получаемые нами из Италии, крайне скудны. Только из иностранных газет (не коммунистических) мы узнали о съезде Вашей партии в Болонье и о блестящей победе коммунизма. От всей души приветствую Вас и всех итальянских коммунистов и желаю Вам наилучших успехов. Пример итальянской партии будет иметь огромное значение для всего мира. В частности решение вашего съезда об участии в выборах в буржуазный парламент, по-моему, вполне правильно и, надеюсь, поможет достигнуть объединения только что расколовшейся из-за этого Коммунистической партии Германии.

Нет сомнения, открытые и прикрытые оппортунисты, коих так много в итальянской партии среди парламентариев, постараются обойти решения болоньского съезда, свести их на-нет. Борьба с этими течениями далеко не кончена. Но победа в Болонье облегчит дальнейшие победы.

Итальянскому пролетариату, в силу международного положения Италии, предстоит трудные задачи. Возможно, что Англия и Франция, при участии итальянской буржуазии, постараются спровоцировать итальянский пролетариат на преждевременное восстание, чтобы легче было задавить его. Но провокация им не удастся. Блестящая работа итальянских коммунистов дает ручательство, что им удастся с таким же успехом завоевать весь промышленный и *весь сельский* пролетариат плюс мелкое крестьянство,

а тогда, при выборе правильного международного момента, победа диктатуры пролетариата в Италии будет прочная. За это ручаются также успехи коммунистов во Франции, в Англии и во всем мире.

С коммунистическим приветом

Н. Ленин

Напечатано на итальянском языке
5 декабря 1919 г. в газете
«Avanti!» (Рим) № 332

На русском языке впервые
напечатано в 1932 г.

Печатается по рукописи

О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

Написано в сентябре — октябре 1919 г.

Впервые напечатано в 1925 г.

Печатается по рукописи

Для разработки в брошюре вопрос распадается на 4 крупные отдела:

- A)) Диктатура пролетариата, как новые формы классовой борьбы пролетариата (иначе: новая стадия ее, с новыми задачами).
- B)) Диктатура пролетариата как разрушение буржуазной и создание пролетарской демократии.
- C)) Диктатура пролетариата и особенности империализма (или империалистской стадии капитализма).
- D)) Диктатура пролетариата и Советская власть.

План разработки по этим 4 отделам:

I (A) ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА КАК НОВЫЕ ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

1. Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами», это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы (cf. * Marx 1852)²².

Диктатура пролетариата есть *продолжение*

* — confer — сравни. Ред.

классовой борьбы пролетариата, в *новых* формах. В этом гвоздь, этого не понимают.

Пролетариат, как *особый* класс, один *продолжает* вести свою классовую борьбу.

2. Государство лишь = *орудие* пролетариата в его классовой борьбе. *Особая дубинка, rien de plus!**

Старые предрассудки насчет государства (ср. «Государство и революция»). Новые формы государства = тема отдела *B*; здесь лишь *подход* к этому.

3. Формы классовой борьбы пролетариата, при его диктатуре, не могут быть прежние. *Пять* новых (главнейших) задач и *respective*** новых форм:

4. ((1)). *Подавление сопротивления эксплуататоров.* Об этом, как задаче (п содержанию) *эпохи*, вовсе забывают оппортунисты и «социалисты».

Отсюда:

(α) особая (высшая) ожесточенность классовой борьбы

($\beta\beta$) новые формы сопротивления, соответствующие

Сопротивление эксплуататоров начинается *до* их свержения и *обостряется* после с 2-х сторон. Борьба до *конца* или «отболтаться» (К. Каут-

* — ничего более! *Ред.*

** — соответственно. *Ред.*

капитализму и его высшей стадии (заговоры + саботаж + воздействие на мелкую буржуазию, etc. etc. *) и в частности

5. ((2)) (γγ) *Гражданская война.*

Революция вообще и гражданская война (1649.1793.) cf. *К. Каутский* 1902 в «Социальной революции».

Гражданская война в эпоху международных связей капитализма.

Превращение империалистской войны в гражданскую. (Невежество и подлая трусость «социалистов».)

cf. *Мах* 1870²³: научит пролетариат владеть оружием. *Эпоха* 1871—1914 и эпоха гражданских войн.

6. ((3)) «Нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства.

Коммунистический манифест (реакционна и революционна «постольку поскольку») ²⁴.

К. Каутский в «Agrarfrage»** нейтрализация — та же мысль verballhornt***.

ский, мелкая буржуазия, «социалисты»).

Гражданская война и «уничтожение» партии (К. Каутский).

Террор и гражданская война.

{ α) *Россия, Венгрия, Финляндия, Германия.*

{ β) *Швейцария и Америка.*

+ Неизбежность соединения гражданской войны с революционными войнами (cf. Программа РКП).

«Господствующий класс». Господство исключает «свободу и равенство».

«Вести», «руководить», «увлекать за собой», классовое содержание этих понятий.

* — et cetera — и так далее. *Ред.*

** — «Аграрном вопросе». *Ред.*

*** — ухушена под видом исправления. *Ред.*

«Нейтрализация» на практике

{ пресечение насилием
(Энгельс 1895)
пример
убеждение etc. etc.

привлечение + пресечение,
«постольку поскольку».

NB*

Крестьянин и рабочий. Крестьянин как труженик и крестьянин как эксплуататор (спекулянт, собственник). «Постольку-поскольку». Колебания в ходе борьбы. Опыт борьбы.

«Одна реакционная масса»: Энгельс 1875 относит к *Коммуне*²⁵.

7. ((4)). *«Использование» буржуазии.*

«Спеццы». Не только подавление сопротивления, не только «нейтрализация», но взятие на работу, принуждение служить пролетариату.

Cf. Программа РКП.
«Военспецы».

8. ((5)). *Воспитание новой дисциплины.*

(а) Диктатура пролетариата и профессиональные союзы.

(б) Премии и сдельная плата.

(γ) Очистка партии и ее роль.

(δ) «Коммунистические субботники».

* — Nota bene — заметьте. *Ред.*

II (B) ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА, КАК РАЗРУШЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ И СОЗДАНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

9. Диктатура и демократия, как «общие» («чистые» по К. Каутскому) понятия.

Диктатура как отрицание демократии. Для кого?

Абстрактная (мелкобуржуазная) демократическая точка зрения и марксизм (классовая борьба).

Дефиниция*. Насилие (Энгельс).

10. «Свобода». = Товаровладельца.

Реальная свобода для наемных рабочих; — для крестьян.

Свобода для эксплуататоров.

Свобода для кого?

» от кого? от чего?

» в чем?

11. «Равенство». Энгельс в Анти-Дюринге (предрас судок, если сверх уничтожения классов)²⁷.

Равенство эксплуатируемого с эксплуататором.

» голодного с сытым.

» рабочего с крестьянином.

Равенство кого с кем? в чем?

Государство и «свобода» (cf. Энгельс 1875)²⁶.

Равенство *товаровладельцев*.

* — Определение. *Ред.*

12. Решение по большинству.

Его условия: равенство фактическое (культура)

свобода фактическая

Ср. печать, собрания etc.

Все равны, *не считая* денег, капитала, земли...

13. Решение по большинству. Его другое условие = «добросовестность» подчинения.

Утопия реформизма.

Подкрашивание капитализма.

14. Реальность *буржуазно-демократической* республики.

Engels о связи правительства с биржей и с *капиталом*²⁸.

Подкуп
обман

пресса

собрания

парламент

привычка

давление капитала (общественное мнение etc.).

Сначала свергнуть гнет денег, власть капитала, частную собственность, потом *длинный рост* «добросовестности» на *этой* новой почве.

Формальное равенство при сохранении буржуазного гнета, ига капитала, наемного рабства.

15. Империалистская война 1914—1918, как «последнее слово» буржуазной демократии.

«Мир» 1918—1919.

Внешняя политика.

Армия и флот.

16. Бюрократия. Суды.
Милитаризм.

Диктатура буржуазии,
прикрытая парламентскими
формами.

17. Решение большинст-
вом и *сила* большинства.
51% «пролетариата».

{	империалист-	}	versus*
	ское влияние,		
	положение		
	мелкой бур-		
	жуазии etc.		20 пр. + 40?
	«полупроле-		1/2 пр.
	тариат»		

18. Мирное голосование
и обостренная классовая
борьба.

Экономические и полити-
ческие условия обострения
классовой борьбы.

19. Реальность демокра-
тизма при *пролетарской* де-
мократии.

Успехи демократизма:
съезды, собрания, пресса,
религия, женщины, угнетен-
ные нации.

20. Исторический пере-
лом от буржуазной к проле-
тарской демократии.

«Перерастание», «вполза-
ние» или ломка первой, ро-
ждение второй? = Револю-
ция или без революции?

Решение *«всех»?* вопреки
колеблющимся и *кроме* экс-
плуататоров.

Мотивы волеизъявлений
(буржуазная обстановка).

[	Сначала «решить», по-
	том мирно голоснуть?
	Сначала развитие клас-
	совой борьбы.

Разрушение буржуазной
обстановки, ее реальных ус-
ловий мотивации воли.

* — по отношению к. *Ред.*

Завоевание политической власти новым классом, свержение буржуазии или сделка, соглашение классов?

III (С) ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА

21. Империализм как высшая стадия капитализма.
Резюме моей книги.
Дефиниция.

22. Колонии и зависимые страны.

Восстание *пролетариата* против буржуазии своей страны + восстание *народов* в колониях и зависимых странах.

Революционно-пролетарские и национальные войны (cf. Программа РКП).

23. Захват земли «Лигой наций».

«Единый» угнетатель. Концентрация борьбы.

Разнообразие этапов.

24. Буржуазная верхушка пролетариата.

1852—1892 Энгельс и Марх²⁹.

1872 Марх о вождях английских тред-юнионов³⁰.

Labor lieutenants of the capitalist class*.

Социал-шовинизм.

2 главных «струи»: про-
дажные и филистеры.

* — Рабочие приваичии класса капиталистов. *Ред.*

Раскол 1915—1917 «центр». 1917—1919 (cf. Программа РКП).

Vorwärts («Radikalisierung der englischen Arbeiter»)... «eine gewisse Größe» * большевиков.

*Wiener Arbeiter Zeitung*** № 180 (2. VII. 1919) Friedrich Adler в докладе. ΣΣΣ*** софизмы изменника.

25. 2 *Интернационала*.
Диктатура революционных элементов класса.
Одна страна и весь мир.

IV (D) ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

26. Происхождение Советов.
1905 и 1917.

27. Особенности России.
Каутский: «Славяне и революция»

28. Советы и «соглашательство»
III—X 1917.
Меньшевики и эсеры.

{ 1894 (Струве) и 1899
(Бернштейн)
меньшевики и социалисты-революционеры
(1917)—1918—1919—1920
— — — (в Европе) }

29. Невежество и тупость *вождей* II Интернационала. Nil**** о Советах.

* — «Вперед» («Полениние английских рабочих»)... «известная спла». *Ред.*

** — Венская «Рабочая Газета». *Ред.*

*** — *Summa vishmagum* — Общий итог. *Ред.*

**** — Ничего. *Ред.*

Каутский в брошюре *August** 1918.

Советы для борьбы, но не для государственной власти!!

30. Иначе *пролетарская масса*: классовый инстинкт!

31. Триумфальное шествие советской идеи по всему миру.

Открыта (массовым движением пролетариата) форма диктатуры пролетариата!!

III Интернационал.

32. Советская конституция РСФСР.

§ 23 ее³¹ *N. B.*

Прямая и косвенная (включение в германскую конституцию) победа советской идеи.

Идея овладела массами.

1793-1794 versus 1917-1919.

* — август. Ред.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

К двухлетнему юбилею Советской власти я задумал написать небольшую брошюру на тему, указанную в заглавии. Но в сутолоке повседневной работы мне не удалось до сих пор пойти дальше предварительной подготовки отдельных частей. Поэтому я решил сделать опыт краткого, конспективного изложения самых существенных, на мой взгляд, мыслей по данному вопросу. Разумеется, конспективный характер изложения несет с собой много неудобств и минусов. Но может быть для небольшой журнальной статьи окажется тем не менее достижимой скромная цель: дать постановку вопроса и канву для обсуждения его коммунистами разных стран.

1

Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым, коммунизмом.

Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою. И однако все рассуждения о переходе

к социализму, которые мы слышим от современных представителей мелкобуржуазной демократии (а таковыми являются, вопреки своему якобы социалистическому ярлычку, все представители II Интернационала, включая таких людей, как Макдональд и Жан Лонге, Каутский и Фридрих Адлер), отличаются полвым забвением этой самоочевидной истины. Мелкобуржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обеих борющихся сил вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил.

2

В России диктатура пролетариата неизбежно должна отличаться некоторыми особенностями по сравнению с передовыми странами вследствие очень большой отсталости и мелкобуржуазности нашей страны. Но основные силы — и основные формы общественного хозяйства — в России те же, как и в любой капиталистической стране, так что особенности эти могут касаться только не самого главного.

Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат.

Экономика России в эпоху диктатуры пролетариата представляет из себя борьбу первых шагов коммунистически объединенного, — в едином масштабе громадного государства, — труда с мелким товарным производством и с сохраняющимся, а равно с возрождающимся на его базе капитализмом.

Труд объединен в России коммунистически постольку, поскольку, во-первых, отменена частная собственность на средства производства, и поскольку, во-вторых, пролетарская государственная власть организует в общенациональном масштабе крупное производство на государственной земле и в государственных предприятиях, распределяет рабочие силы между разными отраслями

хозяйства и предприятиями, распределяет массовые количества принадлежащих государству продуктов потребления между трудящимися.

Мы говорим о «первых шагах» коммунизма в России (как говорит это и наша партийная программа, принятая в марте 1919 г.), ибо все эти условия осуществлены у нас лишь частью, или иными словами: осуществление этих условий находится лишь в начальной стадии. Сразу, одним революционным ударом, сделано то, что вообще можно сделать сразу: например, в первый же день диктатуры пролетариата, 26 октября 1917 г. (8 ноября 1917 г.), отменена частная собственность на землю, без вознаграждения крупных собственников, экспропрированы крупные собственники земли. В несколько месяцев экспропрированы, тоже без вознаграждения, почти все крупные капиталисты, владельцы фабрик, заводов, акционерных предприятий, банков, железных дорог и так далее. Государственная организация крупного производства в промышленности, переход от «рабочего контроля» к «рабочему управлению» фабриками, заводами, железными дорогами, — это, в основных и главнейших чертах, уже осуществлено, но по отношению к земледелию это только-только начато («советские хозяйства», крупные хозяйства, организованные рабочим государством на государственной земле). Равным образом только-только начата организация различных форм товариществ мелких земледельцев, как переход от мелкого товарного земледелия к коммунистическому*. То же самое надо сказать про государственную организацию распределения продуктов взамен частной торговли, т. е. государственную заготовку и доставку хлеба в города, промышленных продуктов в деревню. Ниже будут приведены имеющиеся по этому вопросу статистические данные.

Крестьянское хозяйство продолжает оставаться мелким товарным производством. Здесь мы имеем чрезвычайно широкую и имеющую очень глубокие, очень прочные корни, базу капитализма. На этой базе капитализм сохраняется и возрождается вновь — в самой ожесточенной

* Число «советских хозяйств» и «земледельческих коммун» в Советской России определяется приблизительно в 3536 и 1961; число земледельческих артелей в 3696. Наше Центральное статистическое управление производит в настоящее время точную перепись всех советских хозяйств и коммун. Итоги начнут поступать в ноябре 1919 года.

борьбе с коммунизмом. Формы этой борьбы: мешочничество и спекуляция против государственной заготовки хлеба (а равно и других продуктов), — вообще против государственного распределения продуктов.

3

Чтобы иллюстрировать эти абстрактные теоретические положения, приведем конкретные данные.

Государственная заготовка хлеба в России, по данным Компрода (Народного комиссариата продовольствия), с 1 августа 1917 г. по 1 августа 1918 г. дала около 30 миллионов пудов. За следующий год — около 110 миллионов пудов. За первые три месяца следующей (1919—1920) кампании заготовки, видимо, достигают цифры около 45 миллионов пудов против 37 миллионов пудов за те же месяцы (август — октябрь) 1918 года.

Эти цифры ясно говорят о медленном, но неуклонном улучшении дел, в смысле победы коммунизма над капитализмом. Это улучшение достигается несмотря на неслыханные в мире трудности, причиняемые гражданской войной, которую русские и заграничные капиталисты организуют, напрягая все силы могущественнейших держав мира.

Поэтому, как бы ни лгали, ни клеветали буржуа всех стран и их прямые и прикрытые пособники («социалисты» II Интернационала), остается несомненным: с точки зрения основной экономической проблемы диктатуры пролетариата у нас обеспечена победа коммунизма над капитализмом. Буржуазия всего мира именно потому бешенствует и неистовствует против большевизма, организует военные нашествия, заговоры и прочее против большевиков, что она превосходно понимает неизбежность нашей победы в перестройке общественного хозяйства, если нас не задавить военной силой. А задавить нас таким образом ей не удастся.

Насколько именно победили мы уже капитализм в тот краткий срок, который был нам дан, и при тех невиданных в мире трудностях, при которых пришлось действовать, видно из следующих итоговых цифр. Центральное статистическое управление только что приготовило для печати данные о производстве и потреблении хлебов не по всей Советской России, а по 26 губерниям ее.

Итоги получились такие:

26 губерний Советской России	Население (миллионы)	Производство хлеба (без семян и без кормов) (миллионы пудов)	Доставлено хлеба:		Все коли- чество хлс- ба, конм распо- лагало на- селение (миллионы пудов)	Потре- бление хлеба на 1 душу (пудов)
			Ком- продом (миллионы пудов)	Мешоч- никами (миллионы пудов)		
Производящие губернии	Города 4,4 Села 28,6	— 625,4	20,9 —	20,6 —	41,5 481,8	9,5 16,9
Потребляющие губернии	Города 5,9 Села 13,8	— 114,0	20,0 12,1	20,0 27,8	40,0 151,4	6,8 11,0
Всего (26 губерний)	52,7	739,4	53,0	68,4	714,7	13,6

Итак, приблизительно половину хлеба городам дает Компрод, другую половину — мешочники. Точное обследование питания городских рабочих в 1918 году дало именно эту пропорцию. При этом за хлеб, доставленный государством, рабочий платит *в девять раз меньше*, чем мешочникам. Спекулятивная цена хлеба *вдесятеро* выше государственной цены. Так говорит точное изучение рабочих бюджетов.

4

Приведенные данные, если хорошенько вдуматься в них, дают точный материал, рисующий все основные черты современной экономики России.

Трудящиеся освобождены от вековых угнетателей и эксплуататоров, помещиков и капиталистов. Этот шаг вперед действительной свободы и действительного равенства, шаг, по величине его, по размерам, по быстроте передвижений в мире, не учитывается сторонниками буржуазии (в том числе мелкобуржуазными демократами), которые говорят о свободе и равенстве в смысле парламентарной буржуазной демократии, облыжно объявляя ее «демократией» вообще или «чистой демократией» (Каутский).

Но трудящиеся учитывают именно действительное равенство, действительную свободу (свободу от помещиков и от капиталистов) и потому так прочно стоят за Советскую власть.

В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще. Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. *Впервые* при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и *питался лучше горожанина*. Впервые крестьянин увидел свободу на деле: свободу есть свой хлеб, свободу от голода. Равенство при распределении земли установилось, как известно, максимальное: в громадном большинстве случаев крестьяне делят землю «по едокам».

Социализм есть уничтожение классов.

Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом *не* самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать *всех — работниками*. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и в силу необходимости длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными и законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне.

Чтобы решить вторую, труднейшую, часть задачи, пролетариат, победивший буржуазию, должен неуклонно вести следующую основную линию своей политики по отношению к крестьянству: пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина трудящегося от крестьянина собственника, — крестьянина работника от крестьянина торгаша, — крестьянина труженика от крестьянина спекулянта.

В этом разграничении *вся суть социализма.*

И неудивительно, что социалисты на словах, мелкобуржуазные демократы на деле (Мартовы и Черновы, Каутские и К^о) этой сути социализма не понимают.

Разграничение, указанное здесь, очень трудно, ибо в живой жизни все свойства «крестьянина», как они ни различны, как они ни противоречивы, слиты в одно целое. Но все же разграничение возможно и не только возможно, но оно неизбежно вытекает из условий крестьянского хозяйства и крестьянской жизни. Крестьянина трудящегося веками угнетали помещики, капиталисты, торгаши, спекулянты и *из* государство, включая самые демократические буржуазные республики. Крестьянин трудящийся воспитал в себе ненависть и вражду к этим угнетателям и эксплуататорам в течение веков, а это «воспитание», данное жизнью, *заставляет* крестьянина искать союза с рабочим против капиталиста, против спекулянта, против торгаша. А в то же самое время экономическая обстановка, обстановка товарного хозяйства, неизбежно делает крестьянина (не всегда, но в громадном большинстве случаев) торгашом и спекулянтом.

Приведенные нами выше статистические данные показывают наглядно разницу между крестьянином трудящимся и крестьянином спекулянтом. Вот тот крестьянин, который дал в 1918—1919 году голодным рабочим городов 40 миллионов пудов хлеба по твердым, государственным, ценам, в руки государственных органов, несмотря на все недостатки этих органов, прекрасно сознаваемые рабочим правительством, но не устранимые в первый период перехода к социализму, вот этот крестьянин есть крестьянин трудящийся, полноправный товарищ социалиста-рабочего, надежнейший союзник его, родной брат в борьбе против ига капитала. А вот тот крестьянин, который продал из-под полы 40 миллионов пудов хлеба по цене вдесятеро более высокой, чем государственная, используя нужду и голод городского рабочего, надувая государство, усиливая и порождая всюду обман, грабеж, мошеннические проделки, вот тот крестьянин есть спекулянт, союзник капиталиста, есть классовый враг рабочего, есть эксплуататор. Ибо иметь излишки хлеба, собранного с общегосударственной земли при помощи орудий, в создание которых вложен так или иначе труд не только крестьянина, но и рабочего и так

далее, иметь излишки хлеба и спекулировать ими, значит быть эксплуататором голодного рабочего.

Вы — нарушители свободы, равенства, демократии — кричат нам со всех сторон, указывая на неравенство рабочего и крестьянина в нашей Конституции, на разгон учредилки, на насильственное отобрание излишков хлеба и т. п. Мы отвечаем: не было в мире государства, которое бы так много сделало для устранения того фактического неравенства, той фактической несвободы, от которых веками страдал крестьянин труженик. Но с крестьянином спекулянт мы никогда не признаем равенства, как не признаем «равенства» эксплуататора с эксплуатируемым, сытого с голодным, «свободы» первого грабить второго. И с теми образованными людьми, которые не хотят понять этой разницы, мы будем обращаться как с белогвардейцами, хотя бы эти люди назывались демократами, социалистами, интернационалистами, Каутскими, Черновыми, Мартовыми.

5

Социализм есть уничтожение классов. Диктатура пролетариата сделала для этого уничтожения все, что могла. Но сразу уничтожить классы нельзя.

И классы *остались* и *останутся* в течение эпохи диктатуры пролетариата. Диктатура будет ненужна, когда исчезнут классы. Они не исчезнут без диктатуры пролетариата.

Классы остались, но *каждый* видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы.

Пролетариат был при капитализме классом угнетенным, классом, лишенным всякой собственности на средства производства, классом, который один только был непосредственно и всецело противопоставлен буржуазии и потому один только способен был быть революционным до конца. Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, *господствующим* классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобщественными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопро-

тивления эксплуататоров. Все это — особые задачи классовой борьбы, задачи, которых раньше пролетариат не ставил и не мог ставить.

Класс эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплуататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением коего они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи. Энергия сопротивления их возросла, именно вследствие их поражения, в сотни и в тысячи раз. «Искусство» государственного, военного, экономического управления дает им перевес очень и очень большой, так что их значение несравненно больше, чем доля их в общем числе населения. Классовая борьба свергнутых эксплуататоров против победившего авангарда эксплуатируемых, т. е. против пролетариата, стала неизмеримо более ожесточенной. И это не может быть иначе, если говорить о революции, если не подменять этого понятия (как делают все герои II Интернационала) реформистскими иллюзиями.

Наконец, крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это — довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, объединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это — обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебания между пролетариатом и буржуазией. А при обостренной борьбе между этими последними, при невероятно крутой ломке всех общественных отношений, при наибольшей привычке к старому, рутинному, неизменяемому со стороны именно крестьян и мелких буржуа вообще, естественно, что мы неизбежно будем наблюдать среди них переходы от одной стороны к другой, колебания, повороты, неуверенность и т. д.

По отношению к этому классу — или к этим общественным элементам — задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых — вот что должен делать пролетариат.

Если мы сопоставим вместе все основные силы или классы и их видоизмененное диктатурой пролетариата взаимоотношение, мы увидим, какой безграничной теоретической нелепостью, каким тупоумием является ходячее, мелкобуржуазное представление о переходе к социализму «через демократию» вообще, которое мы видим у всех представителей II Интернационала. Унаследованный от буржуазии предрассудок насчет безусловного, внеклассового содержания «демократии» — вот основа этой ошибки. На самом же деле и демократия переходит в совершенно новую фазу при диктатуре пролетариата, и классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы.

Общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равновесны слепому повторению понятий, являющихся слепком с отношений товарного производства. Посредством этих общих фраз решать конкретные задачи диктатуры пролетариата значит переходить, по всей линии, на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии. С точки зрения пролетариата, вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности? и т. д.

Энгельс давно разъяснил в «Анти-Дюринге», что понятие равенства, будучи слепком с отношений товарного производства, превращается в предрассудок, если не понимать равенства в смысле *уничтожения классов*³². Эту азбучную истину об отличии буржуазно-демократического и социалистического понятия равенства постоянно забывают. А если не забывать ее, то становится очевидным, что пролетариат, свергнувший буржуазию, делает этим самый решительный шаг к уничтожению классов и что для довершения этого пролетариат должен продолжать свою классовую борьбу, используя аппарат государственной власти и применяя различные приемы борьбы, влияния, воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии.

(Продолжение следует.)³³

30. X. 1919.

ПРИВЕТ ПЕТРОГРАДСКИМ РАБОЧИМ

В день двухлетней годовщины Советской республики первого привета заслуживают петроградские рабочие. Как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся масс России и всего мира, петроградские рабочие первые свергли власть буржуазии и подняли знамя пролетарской революции против капитализма и империализма.

Два года рабочие и трудящиеся крестьяне Советской республики удерживают победоносно это знамя вопреки всем трудностям и мучениям голода, холода, разрухи, разорения. Два года социалистического строительства дали нам, несмотря на бешеную злобу и сопротивление буржуазии, несмотря на военное нашествие всемирного империализма, дали нам большой опыт, дали укрепление Советской власти.

Сочувствие рабочих всего мира на нашей стороне. Медленно и трудно, но неуклонно зреет во всех странах пролетарская революция, и зверские насилия буржуазии только обостряют борьбу, только ускоряют победу пролетариата.

Как раз в последние дни английские реакционеры империалисты поставили последнюю свою карту на взятие Петрограда. Буржуазия всего мира, и русская особенно, уже предвкушала победу. Но вместо победы они получили поражение под Петроградом.

Войска Юденича разбиты и отступают.

Товарищи-рабочие, товарищи-красноармейцы! Напрягите все силы! Во что бы то ни стало преследуйте отступающие войска, бейте их, не давайте им ни часа, ни минуты

отдыха. Теперь больше всего мы можем и должны ударить как можно сильнее чтобы добить врага.

Да здравствует Красная Армия, побеждающая царских генералов, белогвардейцев, капиталистов! Да здравствует международная Советская республика!

Н. Ленин

5. XI. 1919.

*«Петроградская Правда» № 255,
7 ноября 1919 г.*

Печатается по рукописи

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Двухлетняя годовщина Советской власти заставляет нас бросить общий взгляд на осуществленное за это время и вдуматься в значение и цели совершенного переворота.

Буржуазия и ее сторонники обвиняют нас в нарушении демократии. Мы утверждаем, что советский переворот дал невиданный в мире толчок развитию демократии и вглубь и вширь, притом демократии именно для трудящихся и угнетенных капитализмом масс, — следовательно, демократии для громадного большинства народа, следовательно, демократии социалистической (для трудящихся), в отличие от демократии буржуазной (для эксплуататоров, для капиталистов, для богатых).

Кто прав?

Хорошенько вдуматься в этот вопрос, глубже понять его — значит учесть опыт двух лет и лучше подготовиться к его дальнейшему развитию.

Положение женщины особенно наглядно поясняет разницу между буржуазной и социалистической демократией, особенно наглядно отвечает на поставленный вопрос.

В буржуазной республике (т. е. где есть частная собственность на землю, фабрики, заводы, акции и проч.), хотя бы это была самая демократическая республика, положение женщины *нигде в мире, ни в одной самой передовой стране* не стало вполне равноправным. И это несмотря на то, что со времени великой французской (буржуазно-демократической) революции прошло более $1\frac{1}{4}$ века.

Буржуазная демократия на словах обещает равенство и свободу. На деле женской половине человеческого рода ни одна, хотя бы самая передовая, буржуазная республика

не дала ни полного равенства с мужчиной по закону, ни свободы от опеки и от угнетения мужчины.

Буржуазная демократия есть демократия пышных фраз, торжественных слов, велеречивых обещаний, громких лозунгов *свободы и равенства*, а на деле это прикрывает несвободу и неравенство женщины, несвободу и неравенство трудящихся и эксплуатируемых.

Советская или социалистическая демократия отменяет прочь пышные, но лживые слова, объявляет беспощадную войну лицемерию «демократов», помещиков, капиталистов или сытых крестьян, которые наживаются на спекулятивной продаже излишков хлеба голодным рабочим.

Долой эту гнусную ложь! Не может быть, нет и не будет «равенства» угнетенных с угнетателями, эксплуатируемых с эксплуататорами. Не может быть, нет и не будет настоящей «свободы», пока нет свободы для женщины от привилегий по закону в пользу мужчины, свободы для рабочего от ига капитала, свободы для трудящегося крестьянина от ига капиталиста, помещика, купца.

Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще.

Мы говорим рабочим и крестьянам: срывайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам. Спрашивайте:

— Равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— *Какого класса с каким классом?*

— Свобода от какого ига или от ига какого класса? Свобода для какого класса?

Кто говорит о политике, демократии, о свободе, о равенстве, о социализме, не ставя этих вопросов, не выдвигая их на первый план, не воюя против прятания, скрывания, затушевывания этих вопросов, — тот худший враг трудящихся, тот волк в овечьей шкуре, тот злейший противник рабочих и крестьян, тот слуга помещиков, царей, капиталистов.

За два года Советская власть в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщины, для равенства ее с «сильным» полом столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе передовые, просвещенные, «демократические» республики всего мира.

Просвещение, культура, цивилизация, свобода — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республиках мира с песляханным-подлыми, отвратительно-грязными, зверски-грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчины, об унижении и оскорблении для женщины.

Иго капитала, гнет «священной частной собственности», деспотизм мещанской тупости, мелкохозяйственной корысти — вот что помешало самым демократическим республикам буржуазии посягнуть на эти грязные и подлые законы.

Советская республика, республика рабочих и крестьян, смела эти законы сразу, не оставила камня на камне в постройках буржуазной лжи и буржуазного лицемерия.

Долой эту ложь! Долой лжецов, говорящих о свободе и равенстве *для всех*, пока есть угнетенный пол, пока есть угнетающие классы, пока есть частная собственность на капитал, на акции, пока есть сытые своими излишками хлеба, кабелящие голодных. Не свобода для всех, не равенство для всех, а *борьба* с угнетателями и эксплуататорами, *уничтожение возможности* угнетать и эксплуатировать. Вот наш лозунг!

Свобода и равенство для угнетенного пола!

Свобода и равенство для рабочего, для трудящегося крестьянина!

Борьба с угнетателями, борьба с капиталистами, борьба со спекулянт-кулаком!

Вот наш боевой лозунг, вот наша пролетарская правда, правда борьбы с капиталом, правда, которую мы бросили в лицо миру капитала с его слащавыми, лицемерными, напыщенными фразами о свободе и о равенстве *вообще*, о свободе и о равенстве *для всех*.

И именно потому, что мы сорвали маску этого лицемерия, что мы осуществляем с революционной энергией свободу и равенство для угнетенных и для трудящихся, против угнетателей, против капиталистов, против кулаков, — именно поэтому стала так дорога рабочим всего мира Советская власть.

Именно поэтому, в день двухлетней годовщины Советской власти, во всех странах мира сочувствие рабочих

масс, сочувствие угнетенных и эксплуатируемых — на нашей стороне.

Именно поэтому, в день двухлетней годовщины Советской власти, несмотря на голод и холод, несмотря на все наши бедствия, причиняемые нам нашествием империалистов на Российскую Советскую республику, мы полны твердой веры в правоту нашего дела, твердой веры в неминуемую победу всемирной Советской власти.

*«Правда» № 249, 6 ноября 1919 г.
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

ДВА ГОДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Главную массу читателей «Бедноты»³⁴ составляют крестьяне. И в день двухлетней годовщины Советской власти, приветствуя десятки миллионов трудящихся крестьян, освобожденных от ига помещиков и капиталистов, я скажу несколько слов по поводу этого освобождения.

Советская власть, власть трудящихся, власть, которая свергла иго капитала, борется в России с неслыханными, невероятными трудностями.

Помещики и капиталисты России, а затем и всего мира, с бешеной ненавистью воюют против Советской власти, боясь ее примера, боясь, что она привлечет на свою сторону сочувствие и поддержку рабочих всего мира.

Заговоры внутри страны, подкуп чехословаков, высадка иностранных войск в Сибири, в Архангельске, на Кавказе, на юге, под Петроградом, сотни миллионов рублей, выкидываемые на помощь Колчаку, Деникину, Юденичу и другим парским генералам, — все пускают в ход капиталисты всех стран, накопившие миллионы и миллиарды на военных поставках, все пускают в ход, чтобы свергнуть Советскую власть.

И все тщетно. Советская власть стоит твердо, побеждая эти невиданные и неслыханные трудности, преодолевая самые отчаянные страдания, причиняемые войной, блокадой, голодом, бестоварьем, разрушением транспорта, разорением всей страны.

Советская власть в России уже привлекла на свою сторону рабочих всего мира. Нет ни одной страны, где бы ни говорили о большевизме и о Советской власти.

Капиталисты говорят о ней с ненавистью, с бешеной злобой, клеветают и лгут без конца. Но как раз злобой своей они выдают себя, и рабочие всего мира в массе своей отворачиваются от старых вождей и переходят на сторону Советской власти.

Советская власть задавлена и замучена натиском врагов на Россию. Но Советская власть тем не менее уже победила весь мир — победила в том смысле, что сочувствие масс трудящихся повсюду уже завоевано нами.

Победа во всем мире Советской власти дело обеспеченное. Вопрос только во времени.

Почему тверда Советская власть, несмотря на неслыханные тяжелые испытания и мучения голода и трудности, создаваемые войной и разрухой?

Потому, что она есть власть самих трудящихся, власть миллионов рабочих и крестьян.

Рабочие держат в руках государственную власть. Рабочие помогают миллионам крестьян-тружеников.

Советская власть свергла помещиков и капиталистов и твердо защищает народ от попыток восстановления их власти.

Советская власть всю силу своей помощи несет крестьянам-труженикам, беднейшим и средним крестьянам, которые составляют огромное большинство.

Советская власть не дает ходу кулаку, богатею, собственнику, спекулянту, тому, кто хочет нажиться не работая, тому, кто хочет разбогатеть на нужде и голоде народа.

Советская власть — за трудящихся, против спекулянтов, собственников, капиталистов, помещиков.

Вот в чем источник силы и твердости, источник непобедимости во всем мире Советской власти.

Десятки и сотни миллионов рабочих и крестьян во всем мире переносили гнет, надругательство, грабеж помещиков и капиталистов. А старое государство, и монархии и «демократические» (якобы демократические) республики помогали эксплуататорам, притесняли трудящихся.

Это знают, это видели, это испытали, это переживали и переживают десятки и сотни миллионов рабочих и крестьян всех стран.

Более четырех лет длилась империалистическая война, десятки миллионов людей убиты и искалечены — из-за

чего? Из-за дележа добычи капиталистов, из-за рынков, из-за прибыли, из-за колоний, из-за власти банков.

Хищники германского империализма побеждены хищниками англо-французского империализма, которые теперь с каждым днем разоблачают себя как разбойники и грабители, угнетатели трудящихся, богатееющие на народной пужде, притесняющие слабые народы.

Вот почему растет по всем мире сочувствие рабочих и крестьян к Советской власти.

Тяжелая, трудная борьба против капитала пачата победоносно в России. Эта борьба ширится во всех странах.

Эта борьба кончится победой Всемирной Советской республики.

«Беднота» № 478, 7 ноября 1919 г.
Подпись: Ленин

Печатается по тексту
газеты «Беднота»

ДВА ГОДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

РЕЧЬ НА СОЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК,
МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. И КР. Д.,
ВЦСПС И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ, ПОСВЯЩЕННОМ
ДВУХЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ,
7 НОЯБРЯ 1919 г.

Товарищи! Два года тому назад, когда еще кипела империалистская война, восстание русского пролетариата, завоевание им государственной власти казалось всем сторонникам буржуазии в России, казалось массам народным и, пожалуй, большинству рабочих остальных стран смелой, но безнадежной попыткой. Казалось тогда, что всемирный империализм — такая громадная, непобедимая сила, что рабочие отсталой страны, делая попытку восстать против него, поступают, как безумцы. А теперь, оглядываясь назад, на пройденные два года, мы видим, что правоту нашу начинают признавать все более и более и наши противники. Мы видим, что империализм, который казался таким непреодолимым колоссом, оказался на глазах у всех колоссом на глиняных ногах, и те два года, которые мы пережили и боролись, они знаменуют все яснее и яснее победу не только русского, но и международного пролетариата.

Товарищи, в первый год существования нашей власти нам приходилось наблюдать могущество германского империализма, страдать от насильнического и хищнического мира, который нам был навязан, нам приходилось в одиночку бросать свой призыв к революции, не встречая поддержки и отклика на наш призыв. И если первый год нашей власти был первым годом нашей борьбы с империализмом, то мы скоро могли убедиться в том, что борьба различных частей этого гигантского международного империализма есть не что иное, как только предсмертная судорога, и что в этой борьбе заинтересован и империализм

Германии, и империализм англо-французской буржуазии. Мы выяснили за этот год, что данная борьба только укрепляет, только увеличивает и восстапавливает наши силы и обращает эти силы против всего империализма. И если мы такое положение создали в течение первого года, то в течение всего второго года мы стали лицом к лицу с нашим врагом. Были пессимисты, которые еще в прошлом году сильно обрушивались на нас, еще в прошлом году они говорили, что Англия, Франция и Америка — это такая огромная, такая гигантская сила, которая раздавит нашу страну. Прошел год, и вы видите, что если этот первый год можно назвать годом могущества международного империализма, то второй год будет назван годом нашествия англо-американского империализма и победы над этим нашествием, победы над Колчаком и Юденичем и началом победы над Деникиным.

А мы знаем прекрасно, что все те военные силы, которые были пущены на нас, были направлены из определенного источника. Мы знаем, что империалисты давали им все военное снабжение, все вооружение; мы знаем, что они всемирный военный свой флот передали частично нашим врагам, и теперь они всемерно помогают и готовят силы и на юге России и в Архангельске. Но мы знаем прекрасно, что все эти, казалось, грандиозные и непобедимые силы международного империализма ненадежны, не страшны для нас, что они гнилы внутри, что они все сильнее и сильнее укрепляют нас и что это укрепление даст нам возможность одержать победу на внешнем фронте и дойти в этой победе до конца. Я не буду останавливаться на этом, потому что эту задачу обрисует т. Троцкий.

Мне кажется, нам надо теперь попытаться извлечь общие уроки из двухлетнего героического строительства.

То, что, на мой взгляд, составляет самый важный вывод из двухлетнего строительства Советской республики, что, в моих глазах, является всего важнее для нас — это урок строительства рабочей власти. Мне кажется, что в этом отношении нам не надо ограничиваться теми конкретными, отдельными фактами, касающимися работы того или иного комиссариата и которые большинству из вас известны по собственному опыту. Мне кажется, нам надо теперь, бросая взгляд на пережитое, извлечь общий урок из этого строительства, урок, который мы усвоим и понесем более

широко в трудящиеся массы. Это — тот урок, что только участие рабочих в общем управлении государством дало нам возможность устоять в таких невероятных трудностях и что, только идя по этому пути, мы добьемся полной победы. Другой урок, который мы должны вывести, это — правильное отношение к крестьянам, к громадной массе многомиллионного крестьянства, ибо только оно позволило нам с успехом при всех трудностях жить, и только оно указывает путь, идя по которому мы переходим от успеха к успеху.

Если вы припомните прошедшее, если припомните первые шаги Советской власти, если припомните все строительство республики во всех отраслях управления, не исключая и военного дела, вы увидите, что власть рабочего класса два года тому назад, в октябре, была только началом, когда аппарат государственной власти в действительности еще в наших руках не был, и вы, бросая взгляд на пережитые два года, согласитесь со мной, что в каждой отрасли — военной, политической и экономической — приходилось завоевывать пядь за пядью каждую позицию для создания настоящего аппарата государственной власти, отменяя с пути тех, которые до нас были еще во главе рабочих и трудящихся масс.

Нам особенно важно понять прошедшее за это время развитие, потому что во всех странах мира это развитие идет тем же путем. Рабочие и трудящиеся массы первые шаги делают не со своими настоящими руководителями, — теперь пролетариат сам берет в свои руки управление государством, политическую власть, во главе его мы видим повсюду вождей, которые уничтожают старые предрассудки мелкобуржуазной демократии, старые предрассудки, выразителями которых у нас являются меньшевики и эсеры, а во всей Европе — представители буржуазных правительств. Прежде это было исключением, теперь это стало общим правилом. И если в октябре, два года тому назад, буржуазное правительство в России — его союз, его коалиция с представителями меньшевиков и эсеров — было сломлено, мы знаем, как нам, строя нашу работу, приходилось потом каждую отрасль управления переделывать таким образом, чтобы действительно настоящие представители, революционные рабочие, чтобы действительно авангард пролетариата взял в свои руки строи-

тельство власти. Это было в октябре, два года тому назад, когда работа шла с чрезвычайным напряжением; тем не менее мы знаем и должны сказать, что эта работа и сейчас не закончена. Мы знаем, как старый аппарат государственной власти оказал нам сопротивление, как чиновники пытались сначала отказаться от управления, — этот самый грубый саботаж был сломлен в несколько недель пролетарской властью. Она показала, что ни малейшего впечатления на нее этим отказом не произведешь; и после того, как мы сломали этот грубый саботаж, как тот же враг пошел другим путем.

Сплошь и рядом бывало, что даже рабочее управление строилось сторонниками буржуазии; нам пришлось войти в это дело так, чтобы целиком применить силу рабочих. Возьмем, например, ту эпоху, которую нам пришлось пережить, когда во главе железнодорожного управления, железнодорожного пролетариата стояли люди, ведущие его не по пролетарскому, а по буржуазному пути³⁵. Мы знаем, что во всех отраслях, где только мы могли покончить с буржуазией, мы это делали, но чего нам это стоило! В каждой области мы завоевывали пядь за пядью и выдвигали силы рабочих, ставя своих передовых людей, которые прошли трудную школу организации управления государственной власти. Может быть, со стороны глядя, все это дело не представляет из себя большой трудности, но на самом деле, если вникнуть, то вы увидите, с каким трудом рабочие, пережившие все этапы борьбы, добились своих прав, как они поставили дело от рабочего контроля до рабочего управления промышленностью, или в железнодорожном деле, начиная с пресловутого Викжеля, поставили работоспособный аппарат; вы увидите, как представители рабочего класса понемногу входят во все наши организации, укрепляя их своей деятельностью. Возьмем, например, кооперацию, где мы видим громадные цифры рабочих представителей. Мы знаем, что она раньше состояла почти целиком из представителей нерабочего класса. И здесь, в старой кооперации, мы встречали людей, проникнутых взглядами и интересами старого буржуазного общества. В этом отношении рабочим приходилось много бороться, чтобы взять власть в свои руки и подчинить кооперацию своим интересам, чтобы провести более плодотворную работу.

Но самую важную работу мы проделали в области перестройки старого государственного аппарата, и хотя трудна была эта работа, но мы в течение двух лет видим результаты усилий рабочего класса и можем сказать, что мы в этой области имеем тысячи представителей рабочих, которые прошли весь огонь борьбы, шаг за шагом выталкивая представителей буржуазной власти. Мы видим рабочих не только у государственного аппарата, но мы видим представителей их в продовольственном деле, в той области, где были почти исключительно представители старого буржуазного правительства, старого буржуазного государства. Рабочими создан продовольственный аппарат, и если мы год тому назад не могли еще вполне справиться с этим аппаратом, если год тому назад представителей рабочих там было только 30%, то теперь во внутреннем строительстве продовольственного аппарата мы можем насчитать до 80% представителей рабочих. Этими простыми, наглядными цифрами мы можем выразить тот шаг, который сделала страна, и для нас важно, что мы добились больших результатов в построении пролетарской власти после политического переворота.

Кроме того, рабочими проделана и проделывается важная работа — создание вождей пролетариата. Десятки и сотни тысяч отважных рабочих выделяются из нашей среды и бросаются против белогвардейских генералов. Шаг за шагом мы отвоевываем у нашего врага власть, и если раньше рабочие не вполне владели этим делом, то теперь мы постепенно завоевываем у нашего врага одну область за другой, и никакие трудности не остановят пролетариат. Каждую область, постепенно, одну за другой, невзирая ни на какие трудности, пролетариат завоевывает и привлекает представителей пролетарских масс для того, чтобы в каждой области управления, в каждой маленькой ячейке, снизу доверху, — чтобы везде представители пролетариата сами прошли школу строительства, сами выработали десятки и сотни тысяч людей, способных все дела государственного управления, государственного строительства вести самостоятельно.

Товарищи! В последнее время мы наблюдали особенно блестящий пример того, каким успехом сопровождалась наша работа. Мы знаем, как широко распространились

среди сознательных рабочих субботники. Мы знаем наиболее замученных голодом и холодом представителей коммунизма, которые в тылу приносят не меньшую пользу, чем Красная Армия приносит на фронте; мы знаем, как в критический момент, когда неприятель наступал на Петроград, а Деникин взял Орел, когда буржуазия вдохновилась и прибегла к своему последнему излюбленному оружию — сеянию паники, мы объявили тогда партийную неделю. В такой момент рабочие-коммунисты шли к рабочим и трудящимся, к тем, кто больше всего от тяжести империалистической войны страдал и от голода и холода мучился, к тем, на кого больше всего рассчитывали буржуазные сеятели паники, к тем, кто больше всего тяжести вынес на себе, — к ним во время партийной недели мы обращаемся и говорим: «Вас пугают тяжести рабочей власти, угрозы империалистов и капиталистов; вы видите нашу работу и трудности; мы зовем вас, и только вам, только представителям трудящихся широко открываем двери нашей партии. В трудный момент мы рассчитываем на вас и зовем в свои ряды, чтобы взять на себя всю тяжесть государственного строительства». Вы знаете, что это был страшно тяжелый момент и в смысле материальном, и в смысле внешне-политического и военного успеха противника. И вы знаете, каким невиданным, неожиданным и невероятным успехом кончилась эта партийная неделя в одной Москве, где мы получили свыше 14 тысяч человек новых членов партии. Вот итог той партийной недели, которая совершенно преобразует, передельывает рабочий класс, и из бездеятельного, безвольного орудия буржуазной власти, эксплуататоров, буржуазного государства создает опытом работы настоящих творцов будущего коммунистического общества. Мы знаем, что есть десятки, сотни тысяч резервов рабоче-крестьянской молодежи, которые видели и знают весь старый гнет помещичьего и буржуазного общества, которые видели неслыханные трудности строительства, которые наблюдали, какими героями выступал первый призыв работников в 1917-ом и 1918-ом гг., которые идут к нам тем более широко, с тем большим самоотвержением, чем нам труднее. Эти резервы дают полную уверенность, что мы за два года достигли прочного, неискоренимого укрепления и имеем источник, из которого долго можем черпать еще в более

широких размерах, чтобы сами представители трудящихся брались за дело государственного строительства. В этом отношении за два года мы имели такой опыт применения рабочего управления во всех областях, что мы здесь смело и без всякого преувеличения можем сказать, что теперь остается только продолжать начатое, и дело пойдет так, как оно шло эти два года, и все более и более быстрым темпом.

В другой области, в области отношения рабочего класса к крестьянству, мы имели гораздо больше трудностей. В 1917-ом году, два года тому назад, когда власть перешла в руки Советов, отношение было еще совершенно не ясно. Крестьянство уже все в целом повернуло против помещиков, поддержало рабочий класс, потому что увидело в нем исполнителей желаний крестьянской массы, настоящих рабочих борцов, а не тех, кто предавал крестьянство в союзе с помещиками. Но мы прекрасно знаем, что внутри крестьянства борьба тогда еще не развернулась. Первый год был годом, когда прочной позиции в деревне городской пролетариат еще не имел. Это мы особенно наглядно видим на тех окраинах, где на время укреплялась власть белогвардейцев. Это мы видели прошлым летом, в 1918-ом году, когда ими были одержаны легкие победы на Урале. Мы видели, что пролетарская власть в самой деревне еще не образовалась, что недостаточно принести извне пролетарскую власть и дать ее деревне. Нужно, чтобы крестьянство своим опытом, своим строительством пришло к тем же выводам, и хотя эта работа неизмеримо более трудна, более медленна и тяжела, но она несравненно более плодотворна в смысле результатов. Это составляет главное наше завоевание в течение второго года Советской власти.

Я не буду говорить о военном значении победы над Колчаком, но я скажу, что, если бы не опыт крестьянства, которое сравнивало власть диктаторов буржуазии с властью большевиков, этой победы не было бы. А ведь диктаторы начали с коалиции, с Учредительного собрания, в этой власти участвовали те же эсеры и меньшевики, которых мы встречаем на каждом шагу нашей работы, как людей вчерашнего дня, как строителей кооперации, профессиональных союзов, учительских организаций и массы других организаций, которые нам приходится переделывать. Кол-

чак начал в союзе с ними, с людьми, которым оказалось мало опыта Керенского, и они проделали второй опыт. Он потребовался для того, чтобы против большевиков поднялись окраины, самые оторванные от центра. Мы не могли дать крестьянам в Сибири того, что дала им революция в России. В Сибири крестьянство не получило помещичьей земли, потому что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам. В эту борьбу были вовлечены все силы Антанты и той армии империалистов, которая менее всего в войне пострадала, — армия японской. Мы знаем, что сотни миллионов рублей были употреблены на помощь Колчаку, что были использованы все средства для его поддержки. Чего же не было на его стороне? Все было. Все, что есть у могущественных держав мира, крестьянство и громадная территория, где промышленного пролетариата почти не было. Отчего же все это разбилось? Оттого, что опыт рабочих, солдат и крестьян еще раз показал, что большевики в своих предсказаниях, в своем учете соотношения общественных сил были правы, говоря, что союз рабочих и крестьян трудно осуществляется, но во всяком случае является единственным непобедимым союзом против капиталистов.

Это — наука, товарищи, если здесь можно говорить о науке. Этот опыт есть самый трудный, все учитывающий и все закрепляющий опыт коммунизма; мы можем построить коммунизм только в том случае, если крестьянство сознательно придет к определенному выводу. Мы можем это сделать только в том случае, когда мы войдем в союз с крестьянами. В этом мы могли убедиться на опыте Колчака. Эпопея Колчака была кровавым опытом, но виноваты в этом были не мы.

Вы знаете прекрасно теперь второй вид гнета, обрушившегося на нашу голову, вы знаете, что голод и холод больше всего обрушились на нашу страну. Вы знаете, что причины этого взваливают на голову коммунизма, но вы прекрасно знаете и то, что коммунизм здесь не при чем. Мы видим в каждой стране расширение и углубление голодовки и холода, и скоро все убедятся в том, что такое положение в России не есть следствие коммунизма, а есть следствие четырехлетней международной войны. Эта война создала весь ужас, в котором мы живем, создала этот голод

и холод. Но мы верим, что скоро выйдем из этого круга. Вопрос весь только в том, что рабочим нужно трудиться, во трудиться на себя, а не на тех, кто в течение четырех лет резал глотки. И борьба с голодом и холодом уже идет везде. Самые могущественные державы подвержены теперь этому гнету.

Нам пришлось путем государственного сбора собрать хлеб с нашего многомиллионного крестьянства, и мы это сделали не тем путем, каким делали капиталисты, которые действовали наряду со спекулянтами. Мы в разрешении данного вопроса шли с рабочими, шли против спекулянтов. Мы шли путем убеждения, мы шли к крестьянину и говорили ему: мы все делаем только для его и рабочих поддержки. Крестьянин, который имеет излишки хлеба и сдает их по твердой цене, есть наш соратник. Тот же, который не делает этого, — есть наш враг, есть преступник, есть эксплуататор и спекулянт, и мы с ним не можем иметь ничего общего. Мы шли к крестьянину с проповедью, и эта проповедь все больше и больше привлекала к нам крестьянство. У нас получились в этом смысле вполне определенные результаты. Если в прошлом году в августе — октябре у нас было заготовлено 37 миллионов пудов хлеба, то в этом году у нас заготовлено 45 миллионов пудов, без особой, тщательной проверки. Улучшение, как вы видите, идет, улучшение медленное, но улучшение несомненное. И если взять даже и те пробелы, которые произошли у нас вследствие занятия Деникиным нашего плодородного района, то все-таки дело идет к тому, что мы сможем провести наш план заготовок и план распределения по государственной цене. И в этом отношении наш аппарат создан в известном смысле, и сейчас мы становимся на социалистический путь.

Теперь перед нами стоит вопрос о топливном кризисе. Вопрос с хлебом у нас стоит уже не так остро; создалось положение, когда мы имеем хлеб, но не имеем топлива. Деникиным отнят у нас угольный район. Отнятие этого угольного района создало у нас небывалые затруднения, и мы в данном случае поступаем так же, как поступали в отношении хлеба. Мы обращаемся к рабочим так же, как обращались и раньше. Так же, как мы переделали наш продовольственный аппарат, который, укрепившись и наладившись, произвел вполне определенную, давшую

свои блестящие результаты, работу, точно так же и теперь мы изо дня в день улучшаем аппарат нашего топливоснабжения. Мы говорим рабочим, откуда надвигается на нас та или иная опасность, куда нужно и из какого района бросить новые силы, и мы уверены, что так же, как в прошлом году мы побеждали трудности с хлебом, так и теперь мы победим наши затруднения в топливном вопросе.

Позвольте мне пока ограничиться данным итогом нашей работы. Я позволю себе в заключение указать только в нескольких словах, как улучшается наше международное положение. После того, как мы проверили наш путь, результаты показали, что путь был прям и верен. Когда мы в 1917-ом году взяли власть, мы были одиноки. В 1917-ом году во всех странах говорили, что большевизм не может быть привит. Теперь в тех же странах существует уже могучее коммунистическое движение. На второй год после того, как мы завоевали власть, и полгода спустя после того, как мы основали III Интернационал, Интернационал коммунистов, этот Интернационал стал уже фактически самой главной силой в рабочем движении всех стран. В этом отношении опыт, который мы проделали, дал самые блестящие, невиданные, быстрые результаты. Правда, движение к свободе идет в Европе не как у нас. Но, если припомните два года борьбы, вы увидите, что и на Украине, даже в некоторых великорусских частях России, где было особенного состава население, например, в казачьих, сибирских частях, например, на Урале, там движение к победе шло не так быстро и не тем путем, как шло в Петербурге и в Москве — в центре России. Понятно, нас не может удивлять движение в Европе, которое идет более медленно, где приходится преодолевать большее давление шовинизма, империализма, но тем не менее движение там идет неуклонно, той же самой дорогой, на которую большевики указывают. Везде мы видим, как идет это движение вперед. Глашатаи меньшевиков и эсеров уступают дорогу представителям III Интернационала. Эти вожди падают, и везде поднялось коммунистическое движение, и поэтому теперь, после двух лет Советской власти, мы можем сказать, что не только в масштабе русского государства, мы имеем полное право, доказанное фактами, сказать, что и в международном масштабе мы имеем сейчас

за собою все, что есть созпательного, все, что есть революционного в массах, в революционном мире. И мы можем сказать, что никакие трудности после того, что мы выдержали, нам не страшны, что мы все эти трудности вынесем, и после того мы все их победим. (Бурные аплодисменты.)

«Правда» № 251, 9 ноября 1919 г.

*Печатается по стенограмме,
сверенной с текстом газеты
«Правда»*

ТОВАРИЩАМ КОММУНИСТАМ ТУРКЕСТАНА³⁶

Товарищи! Позвольте мне обратиться к вам не в качестве Председателя Совнаркома и Совета Оборона³⁷, а в качестве члена партии.

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его, — с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе.

Я был бы очень благодарен, если бы мне вы ответили на это письмо и сообщили о вашем отношении к делу.

С коммунистическим приветом

В. Ульянов (Ленин)

*«Туркестанский Коммунист»,
«Известия ЦИК Советов Турк.
Республики» и «Красный Фронт»
(юбилейный выпуск), 7—10 ноября
1919 г.*

Печатается по тексту газеты

НА БОРЬБУ С ТОПЛИВНЫМ КРИЗИСОМ

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО К ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Товарищи! На нашу партию, как на организованный авангард пролетариата, легла задача объединения борьбы рабочего класса и руководство его борьбой за победу рабоче-крестьянской Советской власти. Победоносно проведя эту борьбу в течение двух лет, мы хорошо знаем теперь, какими средствами нам удавалось преодолевать невероятные трудности, поставленные на нашем пути разорением страны от четырехлетней империалистской войны и сопротивлением всех эксплуататоров, как российских, так и международных.

Товарищи! Главный источник нашей силы: сознательность и героизм рабочих, которым не могли и не могут не сочувствовать, не оказывать поддержки трудящиеся крестьяне. Причина наших побед: прямое обращение нашей партии и Советской власти к трудящимся массам с указанием на всякую очередную трудность и очередную задачу; умение объяснить массам, почему надо налечь изо всех сил то на одну, то на другую сторону советской работы в тот или иной момент; умение поднять энергию, героизм, энтузиазм масс, сосредоточивая революционно напряженные усилия на важнейшей очередной задаче.

Товарищи! Наступило время, когда такой важнейшей очередной задачей стала борьба с топливным кризисом. Мы добиваем Колчака, мы победили Юденича, мы начали успешно наступать на Деникина. Мы улучшили значительно заготовку и ссылку хлеба. Но топливный кризис грозит разрушить всю советскую работу: разбегаются от холода и голода рабочие и служащие, останавливаются везущие хлеб поезда, надвигается именно из-за недостатка топлива настоящая катастрофа.

Топливный вопрос встал в центре всех остальных вопросов. Топливный кризис надо преодолеть во что бы то ни стало, иначе нельзя решить ни продовольственной задачи, ни военной, ни общехозяйственной.

И преодолеть топливный кризис можно. Ибо, лишившись донецкого угля, не имея возможности быстро усилить добычу угля на Урале и в Сибири, мы имеем еще много лесов, мы можем нарубить и подвезти достаточное количество дров.

Преодолеть топливный кризис можно. И надо суметь теперь сосредоточить главные силы на нашем главном (в настоящую минуту) враге: на топливном голоде, надо суметь вызвать в трудящихся массах энтузиазм, надо добиться революционного напряжения энергии для самой быстрой добычи и доставки наибольшего количества всяческого топлива, угля, сланца, торфа и так далее, а в первую очередь дров, дров и дров.

Цека РКП уверен, что все партийные организации, все члены партии, доказавшие в течение двух лет способность и умение решать революционным путем не менее, а более трудные задачи, решат и эту задачу.

Цека РКП предлагает всем партийным организациям в особенности следующие меры:

1. Все партийные организации должны отныне постоянным пунктом порядка дня партийных собраний и, в первую очередь, собраний партийных комитетов ставить топливный вопрос и борьбу с топливным кризисом. Что можем мы еще сделать, что мы должны сделать для борьбы с топливным кризисом? как усилить эту работу? как сделать ее продуктивнее? — пусть эти вопросы займут сейчас все партийные организации.

2. То же самое должно относиться ко всем губисполкомам, горисполкомам, уездисполкомам, волысполкомам, — одним словом, ко всем руководящим советским учреждениям. Партийные люди должны взять на себя почин усиления, объединения, напряжения соответственной работы в общегосударственном масштабе.

3. Надо повести всюду самую широкую агитацию, главным образом в деревне, по выяснению топливного вопроса для Советской власти. Надо в особенности бороться против господства местных и местнических, узко-эгоистических интересов в топливном деле. Надо разъяснить, что без

самоотверженной работы на общегосударственные нужды нельзя спасти республики Советов, нельзя отстаивать власть крестьян и рабочих.

4. Надо внимательнейшим образом проверять выполнение на деле заданий партии и поручений, требований, заданий Советской власти. Новые члены партии, вступившие во время последней партийной недели, должны быть все привлечены к делу проверки выполнения всеми своих обязанностей.

5. Трудовая повинность всего населения или мобилизация известных возрастов для работ по добыче и подвозу угля и сланца, для рубки и возки дров к станциям железных дорог должна быть осуществляема с наибольшей быстротой и самым неукоснительным образом. Устанавливать трудовые нормы и во что бы то ни стало добиваться их выполнения. Карать с беспощадной суровостью тех, кто, вопреки повторным настояниям, требованиям и приказам, оказывается уклоняющимся от работ. Всякая поблажка, всякая слабость будут преступлением перед революцией.

Мы подняли дисциплину в войске. Мы должны поднять трудовую дисциплину.

6. Субботники должны проводиться чаще, энергичнее, систематичнее, более организованно и в первую очередь на топливные работы. Члены партии должны идти впереди всех по трудовой дисциплине и энергии. Постановления Совнаркома, Совобороны и других центральных, а равно и местных советских учреждений по топливному вопросу, должны быть исполняемы не за страх, а за совесть.

7. Местные топливные учреждения должны быть усилены лучшими партийными работниками. Распределение сил надо пересмотреть и соответственно видоизменить в этих целях.

8. Товарищам, командируемым из центра, надо оказывать всемерную помощь, добиваясь обучения — и притом на практике — наибольшего числа молодых сил организации, постановке, ведению топливной работы. В местной печати надо уделять больше внимания этой работе, заботливо выдвигая, для общего сведения, образцы действительно хорошей работы и беспощадно борясь с отсталостью, нерадением или неумением какого-либо района, отдела, учреждения. Наша печать должна стать орудием подтяги-

вания отсталых, воспитания к работе, к трудовой дисциплине, к организации.

9. Обеспечение продовольствием и фуражом занятых на топливной работе должно стать главной задачей продовольственных органов. Всесторонняя помощь им, усиление их работы, контроль за ее выполнением.

10. Во всех топливных органах (как и во всех советских учреждениях) надо неустанно добиваться того, чтобы на деле обеспечивалась *личная* ответственность *каждого* за определенную, строго и точно означенную работу или часть работы. Коллекциальность обсуждения должна быть сведена до необходимого минимума и никогда не препятствовать быстроте и твердости решения, не погашать ответственности каждого отдельного работника.

11. В делопроизводстве по всем топливным вопросам необходима особенная точность и срочность. Малейшее проявление волокиты должно быть беспощадно караемо. Осведомление центра должно быть образцовое.

12. Вообще вся топливная работа должна быть поставлена по-военному: с такой же энергией, быстротой, строжайшей дисциплиной, которая требуется на войне. Без этого топливного голода не победить. Без этого из кризиса не выйти.

Цек РКП уверен, что все товарищи напрягут все силы для энергичнейшего и точнейшего выполнения этих указаний.

На борьбу до победы над топливным голодом!

ЦК РКП

**РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ
ПО ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ³⁸
18 НОЯБРЯ 1919 г.**

Товарищи! Мне не удалось, к сожалению, принять участие в том совещании, которое вы организовали, т. е. в совещании по работе в деревне. Поэтому мне придется ограничиться только общими и основными соображениями, и я уверен, что вам удастся постепенно применить эти общие соображения и основные правила нашей политики к тем отдельным заданиям и практическим вопросам, которые встанут перед вами.

Вопрос о работе в деревне у нас сейчас является все-таки основным вопросом всего социалистического строительства, ибо в отношении работы среди пролетариата и вопроса об его объединении мы можем с уверенностью сказать, что за два года Советской власти политика коммунистов не только вполне определилась, но достигла безусловно прочных результатов. Вначале нам приходилось бороться с недостатком в рабочей среде сознания общности интересов, с отдельными проявлениями синдикализма, когда у рабочих отдельных фабрик или отдельных отраслей промышленности было стремление ставить свои интересы, интересы своей фабрики, своей промышленности, выше интересов общества. Нам приходилось и приходится теперь еще бороться с недостаточной дисциплинированностью в области новой организации труда. Вам всем памятно, я думаю, те крупные этапы, через которые наша политика проходила, когда мы, выдвигая все новых и новых рабочих на новые посты, давали им возможность ознакомиться с поставленными перед нами задачами, с общим механизмом государственного управления. Теперь организация коммунистической деятельности пролетариата и вся поли-

тика коммунистов приобрела вполне окончательную, прочную форму, и я уверен, что мы стоим на правильном пути, движение по которому вполне обеспечено.

Что же касается работы в деревне, то здесь трудность, несомненно, большая, и на VIII съезде партии этот вопрос, как один из самых главных, был нами поставлен полностью. Опорой нашей в деревне, как и в городе, могут быть только представители трудящихся и эксплуатируемых масс, только те, кто при капитализме выносил на себе целиком гнет помещиков и капиталистов. Конечно, с того времени, когда завоевание власти рабочими позволило крестьянам сразу же смести власть помещиков, уничтожив частную собственность, они, приступая к разделу земли, осуществили наибольшее равенство и таким образом значительно подняли эксплуатацию земли, доведя ее до уровня выше среднего. Но, разумеется, полностью это не могло намудаться, потому что при одиночном хозяйстве для обеспечения каждого крестьянина достаточным количеством семян, скота, орудий требуется гигантское количество материальных средств. Мало того, даже если бы наша промышленность сделала необычайные успехи в развитии производства сельскохозяйственных машин, даже если представить себе все наши желания исполненными, то и при этом условии мы легко поймем, что снабдить достаточными средствами производства каждого мелкого крестьянина — вещь невозможная и в высшей степени нерациональная, потому что это означало бы страшное распыление; только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистская война.

Крестьянская масса, которая при капитализме была более всего угнетена по сути своего хозяйственного положения, труднее всего верит в возможность крутых переломов и переходов. Опыты, проделанные над крестьянином Колчаком, Юденичем и Деникиным, заставляют его с особой осторожностью относиться к тому, что он завоевал. Каждый крестьянин знает, что прочность его завоеваний еще не окончательна, что его враг — помещик — еще не уничтожен, но, притаившись, ждет помощи от своих друзей, разбойников международного капитала. И хотя международный капитал с каждым днем все более и более ослабевает, а наше международное положение необычайно

улучшилось за последнее время, но если трезво учитывать все обстоятельства дела, то мы должны сказать, что международный капитал еще несомненно сильнее нас. Он уже не может идти на нас прямой войной, — для этого у него уже подрезаны крылышки. Как раз в последние дни в европейской буржуазной прессе все эти господа начинают говорить: «Пожалуй, в России завязнешь, не лучше ли с ней мириться». Это всегда так бывает, что, когда противника побьешь, он начинает мириться. Мы господам европейским империалистам не раз говорили, что мы согласны на мир, но они мечтали Россию закабалить. Теперь же они поняли, что их мечтам не суждено сбыться.

Сейчас международные миллионеры и миллиардеры еще сильнее нас. И крестьяне прекрасно видят, что попытки восстания Юдевича, Колчака и Деникина являются силой, организованной на деньги империалистов Европы и Америки. И крестьянская масса отлично знает, что сулит ей малейшая слабость. Ясное воспоминание о том, чем грозит власть помещиков и капиталистов, делает из крестьян вернейших сторонников Советской власти. С каждым месяцем растет прочность Советской власти и сознательность в среде тех крестьян, которые раньше трудились и были эксплуатируемы и на своей шкуре испытали всю тяжесть гнета помещиков и капиталистов.

Но, конечно, иначе обстоит дело с кулаками, с теми, которые сами давили рабочих, пускали деньги в рост, наживались на счет чужого труда. Они в массе своей стоят на стороне капиталистов и недовольны происшедшим переворотом. И мы должны ясно себе представлять, что против этой группы крестьян нам придется вести еще долгую и упорную борьбу. А между теми крестьянами, которые на своих плечах вынесли весь гнет помещиков и капиталистов, и теми, которые сами эксплуатировали других, стоит масса среднего крестьянства. Тут наша самая трудная задача. Социалисты всегда указывали на то, что переход к социализму выдвигает тяжелую задачу — отношение рабочего класса к среднему крестьянству. Здесь от товарищей-коммунистов мы должны больше всего ожидать внимания, сознательного отношения и умения подойти к этой сложной и трудной задаче, не решая вопроса одним ударом.

Среднее крестьянство, несомненно, привыкло к одиночному хозяйству. Это — крестьяне-собственники, и хотя земли у них пока нет, хотя частная собственность на землю уничтожена, но крестьянин остается собственником, главным образом, потому, что у этой группы крестьян остаются предметы продовольствия. Средний крестьянин производит продовольствия больше, чем ему нужно, и таким образом, имея хлебные излишки, он становится эксплуататором голодного рабочего. В этом — основная задача и основное противоречие. Крестьянин, как труженик, как человек, который живет своим трудом, как человек, вынесший гнет капитализма, — такой крестьянин стоит на стороне рабочего. Но крестьянин, как собственник, у которого остаются излишки хлеба, привык смотреть на них, как на свою собственность, которую он может свободно продавать. А продавать излишки хлеба в голодной стране, — значит превращаться в спекулянта, эксплуататора, потому что голодный человек за хлеб отдаст все, что у него есть. Тут разворачивается самая большая и трудная борьба, которая от всех нас, представителей Советской власти, и особенно от коммунистов, работающих в деревне, требует самого большого внимания, самого вдумчивого отношения к вопросу и подхода к нему.

Мы всегда говорили, что мы не хотим навязывать среднему крестьянину социализм силой, и VIII съезд партии это всецело подтвердил. Выбор тов. Калинина председателем ВЦИК исходил из того расчета, что мы должны непосредственно сблизить Советскую власть с крестьянством. И благодаря тов. Калинину работа в деревне получила значительный толчок. Крестьянин, несомненно, получил возможность более непосредственного сношения с Советской властью, обращаясь к тов. Калинину, который представляет в своем лице высшую власть Советской республики. Таким образом, среднему крестьянину мы говорили: «Ни о каком насильственном навязывании перехода к социализму не может быть и речи». Но надо это дать ему понять, надо уметь это сказать на языке, наиболее крестьянину понятном. Здесь может быть только действие примером, удачной постановкой общественного хозяйства. А для того, чтобы показать пример артельного, товарищеского труда, нужно сначала самим удачно организовать такое хозяйство. Движение к устройству земледельческих

коммун и артелей за эти два года было громадно. Но, смотря на вещи трезво, мы должны сказать, что масса товарищей, которые бросились на устройство коммун, шли в земледелие, в сельское хозяйство с недостаточными знаниями хозяйственных условий крестьянской жизни. Поэтому здесь надо было устранить громадную массу ошибок, последствий торопливых шагов, неправильного подхода к делу. Сплошь и рядом в советские хозяйства пролезали старые эксплуататоры, бывшие помещики. Власть их там сброшена, но сами они не уничтожены. Их надо оттуда выжить или поставить под контроль пролетариата.

Эта задача стоит перед нами во всех областях жизни. Вы слышали о ряде блестящих побед Красной Армии. В ней работают десятки тысяч старых офицеров и полковников. Если бы мы их не взяли на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армии. И, несмотря на измены со стороны отдельных военных специалистов, мы разгромили Колчака и Юденича, мы побеждаем на всех фронтах. Это происходит потому, что благодаря существованию в Красной Армии коммунистических ячеек, имеющих громадное пропагандистско-агитационное значение, небольшое число офицеров окружено такой обстановкой, таким громадным напором коммунистов, что большинство из них не в состоянии вырваться из той сети коммунистической организации и пропаганды, которою мы их окружаем.

Нельзя построить коммунизм без запаса знаний, техники, культуры, а он находится в руках буржуазных специалистов. Среди них большинство не сочувствует Советской власти, но без них построить коммунизм мы не можем. Надо их окружить товарищеской обстановкой, духом коммунистической работы и добиться того, чтобы они шли в шеренге с рабоче-крестьянской властью.

Среди крестьянства очень часто проявляется чрезвычайное недоверие и возмущение, доходящее до полного отрицания советских хозяйств: не нужно советских хозяйств, там сидят старые эксплуататоры. Мы говорили — нет, если не умеете сами устроить хозяйство по-новому, надо брать на службу старых специалистов, без этого из нищеты не выйти. Тех из них, которые будут нарушать постановления Советской власти, мы будем беспощадно вылавливать

так же, как и в Красной Армии; борьба продолжается, и борьба беспощадная. Но большинство из них мы заставим работать по-нашему.

Эта задача трудная, сложная, одним ударом ее не разрешить. Тут нужна сознательная рабочая дисциплина, сближение с крестьянами; необходимо показать им, что мы видим все злоупотребления в советских хозяйствах, но мы говорим, что люди науки и техники должны быть поставлены на службу общественному хозяйству, ибо мелким хозяйством из нужды не выйти. И мы будем действовать, как в Красной Армии: нас сто раз побьют, а в сто первый раз мы победим всех. Но для этого нужно, чтобы работа в деревне велась дружно, стройно, в таком же строгом порядке, как велась работа в Красной Армии и как ведется в других областях хозяйства. Мы медленно и неуклонно доказываем крестьянам преимущества общественного хозяйства.

Вот какую борьбу мы должны вести в советских хозяйствах, вот в чем состоит трудность перехода к социализму и в чем настоящее и окончательное упрочение Советской власти. Когда большинство средних крестьян увидит, что вне союза с рабочими они помогают Колчаку и Юденичу, что во всем мире с ними остались только капиталисты, которые ненавидят Советскую Россию и будут еще годами повторять свои попытки восстановить свою власть, то даже самый отсталый из них поймет, что либо идти в союзе с революционными рабочими к полному освобождению, либо допустить хоть малейшее колебание, и тогда враг, старый эксплуататор-капиталист, возьмет верх. Победа над Деникиным еще окончательно не уничтожит капиталистов. Это мы все должны понимать. Мы прекрасно знаем, что они еще и еще раз будут делать попытки накинуть петлю на Советскую Россию. Поэтому у крестьянина выбора нет; он должен помогать рабочим, ибо малейшее колебание отдаст победу в руки помещиков и капиталистов. Развзвать это сознание среди крестьян — наша первая и основная задача. Крестьянин, живущий своим трудом, — верный союзник Советской власти, к такому крестьянину рабочий относится, как к равному, для него рабочая власть делает все, что она может сделать, и нет такой жертвы, перед которой рабоче-крестьянская власть остановилась бы ради удовлетворения нужд такого крестьянина.

Но крестьянин, который эксплуатирует благодаря тому, что имеет излишки хлеба, — наш противник. Обязанность удовлетворить основные нужды голодной страны есть государственная обязанность. Но крестьяне далеко не все понимают, что свободная торговля хлебом есть государственное преступление. «Я хлеб произвел, это мой продукт, и я имею право им торговать», — так рассуждает крестьянин, по привычке, по старине. А мы говорим, что это государственное преступление. Свободная торговля хлебом означает обогащение благодаря этому хлебу, — это и есть возврат к старому капитализму, этого мы не допустим, тут мы будем вести борьбу во что бы то ни стало.

В переходный период мы проводим государственную заготовку и разверстку хлеба. Мы знаем, что только это даст нам возможность избавиться от нужды и голода. Громадное большинство рабочих бедствует оттого, что хлеб распределяется неправильно, а для того, чтобы его правильно распределить, нужно, чтобы государственная разверстка хлеба выполнялась крестьянами неукоснительно, добросовестно и безусловно. Тут никаких уступок со стороны Советской власти быть не может. Это не вопрос борьбы рабочей власти с крестьянами, но вопрос всего существования социализма, существования Советской власти. Дать крестьянину сейчас товар мы не можем, ибо нет топлива, останавливаются железные дороги. Надо сначала, чтобы крестьянин дал рабочему хлеб в ссуду, не по спекулятивной, а по твердой цене, для того, чтобы рабочие могли восстановить производство. Каждый крестьянин согласится с этим, когда речь идет об отдельном рабочем, который умирает рядом с ним от голода. Но когда речь идет о миллионах рабочих, тогда они этого не понимают, и старые привычки к спекуляции одерживают верх.

Длительная и упорная борьба с этими привычками, агитация и пропаганда, разъяснения, проверка того, что сделано, — вот в чем состоит наша политика по отношению к крестьянству.

Всяческая поддержка крестьянину-труженику, отношение к нему, как к равному, ни малейшей попытки навязывать ему что бы то ни было силою — первая наша задача. И вторая задача — неуклонная борьба со спекуляцией, торгашеством, разорением.

Когда мы начинали создавать Красную Армию, это были отдельные, разрозненные группы партизан. Было много лишних жертв, благодаря отсутствию дисциплины и сплоченности, но мы эти трудности одолели и на месте партизанских отрядов создали миллионную Красную Армию. Если мы могли этого достигнуть за такой короткий срок, как два года, в таком трудном, тяжелом и опасном деле, как военное, то тем более мы уверены в том, что достигнем того же во всех остальных отраслях хозяйственной жизни.

Я уверен, что мы и эту, одну из самых трудных задач, — правильное отношение рабочих к крестьянству, правильную продовольственную политику, — разрешим, и здесь одержим такую же победу, какую мы одержали на фронте.

«Правда» № 259, 19 ноября 1919 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

**ДОКЛАД НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НАРОДОВ ВОСТОКА³⁹
22 НОЯБРЯ 1919 г.**

Товарищи! Я очень рад, что могу приветствовать съезд товарищей-коммунистов, представителей мусульманских организаций Востока, и сказать несколько слов по вопросу о том, как сложилось теперь положение в России и во всем свете. Тема моего доклада — текущий момент, и мне кажется, что по этому вопросу самым существенным сейчас является отношение народов Востока к империализму и революционное движение среди этих народов. Само собой понятно, что это революционное движение народов Востока может сейчас получить успешное развитие, оно может получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской республики против международного империализма. В силу ряда обстоятельств, — между прочим, в связи с отсталостью России и с ее необъятным пространством и тем, что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком, — нам пришлось взять на себя всю тяжесть — в чем мы видим великую честь — быть застрельщиками мировой борьбы против империализма. Поэтому весь ход предстоящих в ближайшее время событий предвещает еще более широкую и упорную борьбу с международным империализмом и неминуемо будет связан с борьбой Советской республики против сил объединенного империализма — Германии, Франции, Англии и Америки.

Что касается военной стороны, то вы знаете, как благоприятно сложилось теперь для нас дело на всех фронтах. Я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, скажу только, что гражданская война, которую нам

навязал силой международный империализм, за два года причинила Российской Социалистической Федеративной Советской Республике неисчислимые тягости, наложила на крестьян и рабочих такое непосильное бремя, которое, казалось часто, они не вынесут. Но вместе с тем эта война своим грубым насильничанием, беспощадно грубым натиском превратившихся в зверей, так называемых, наших «союзников», которые грабили нас еще до начала социалистической революции, — эта война сделала чудо, превратив людей, уставших от войны и, казалось, не могущих перенести еще другую войну, в борцов, которые в течение двух лет не только выдержали войну, но победоносно кончают ее. Те победы, которые мы одерживаем теперь над Колчаком, Юденичем и Деникиным, эти победы означают наступление новой полосы в истории борьбы мирового империализма против стран и наций, поднявших борьбу за свое освобождение. В этом отношении наша двухлетняя гражданская война не только подтвердила полностью давным-давно историей сделанное наблюдение, что характер войны и ее успех больше всего зависят от внутреннего порядка той страны, которая вступает в войну, что война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет. Все это неизбежно отражается на ведении войны.

Вопрос о том, какой класс вел войну и войну продолжает, является весьма важным вопросом. Только благодаря тому, что наша гражданская война ведется освободившими себя рабочими и крестьянами и является продолжением политической борьбы за освобождение трудящихся от капиталистов своей страны и всего мира, только потому в такой отсталой стране, как Россия, истомленной четырехлетней империалистической войной, нашлись сильные волей люди для того, чтобы в течение двух лет беспримерной, невероятной тяжести и трудности вести эту войну дальше.

История гражданской войны показала это на примере Колчака особенно наглядно. Такой неприятель, как Колчак, который имел помощь всех сильнейших держав мира, который имел железнодорожную линию, охранявшуюся сотней тысяч войск иностранных держав, в том числе лучшими войсками международных империалистов, как, например, японскими войсками, которые готовились к империалистической войне, почти не участвовали в ней

и потому мало пострадали, — Колчак, который опирался на крестьян Сибири, самых зажиточных, не знавших крепостного права и потому, естественно, бывших дальше чем кто-либо от коммунизма, — казалось, что Колчак представляет собой непобедимую силу, потому что его войска были передовым отрядом международного империализма. И до сих пор еще в Сибири действуют японские, чехословацкие и ряд других войск империалистических наций. Тем не менее опыт больше чем годовой власти Колчака над Сибирью с ее громадными естественными богатствами, опыт, который был вначале поддержан социалистическими партиями II Интернационала, меньшевиками и эсерами, создавшими фронт Комитета учредительного собрания, и при таких условиях, с точки зрения обывательской и обычного хода истории, казался прочным и непобедимым, на самом деле показал следующее: чем дальше продвигался Колчак в глубину России, тем он больше истощался, и в конце концов мы видим полную победу Советской России над Колчаком. Несомненно, мы здесь получаем практическое доказательство того, что сплоченные силы рабочих и крестьян, освобожденных от ига капиталистов, производят действительные чудеса. Здесь мы имеем на практике доказательство того, что революционная война, когда она действительно тягивает и заинтересовывает угнетенные трудящиеся массы, когда она дает им сознание того, что они борются против эксплуататоров, что такая революционная война вызывает энергию и способность творить чудеса.

Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение. Она покажет народам Востока, что как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Си-

бири, опыта, который проделан Советской республикой, подвергшейся военному нашествию всех могущественных стран империализма.

Кроме того, этот опыт гражданской войны в России показал нам и коммунистам всех стран, как в огне гражданской войны вместе с развитием революционного энтузиазма создается сильное внутреннее укрепление. Война есть испытание всех экономических и организационных сил каждой нации. В конце концов, после двух лет опыта, как ни бесконечно тяжела война для рабочих и крестьян, страдающих от голода и холода, на основании двухлетнего опыта можно сказать, что мы побеждаем и будем побеждать, потому что у нас есть тыл и тыл крепкий, что крестьяне и рабочие, несмотря на голод и холод, сплочены, окрепли и на каждый тяжелый удар отвечают увеличением сцепления сил и экономической мощи, и только поэтому победы над Колчаком, Юденичем и их союзниками, сильнейшими державами мира, были возможны. Истекшие два года показывают нам, с одной стороны, возможность развития революционной войны, а с другой стороны — укрепление Советской власти под тяжелыми ударами иностранного нашествия, которое имеет целью быстро сломить очаг революции, сломить республику рабочих и крестьян, посмевших объявить войну международному империализму. Но вместо того, чтобы сломить рабочих и крестьян России, они их только закалили.

Таковы главные итоги, таково главное содержание переживаемого нами момента. Мы подходим к решительным победам над Деникиным, последним врагом, который остался на нашей территории. Мы чувствуем себя сильными и тысячу раз можем повторить, что мы не ошибаемся, когда говорим, что внутреннее строительство республики окрепло и из войны с Деникиным мы выйдем во много раз крепче и подготовленнее для осуществления задачи строительства социалистического здания, — строительства, которому мы могли во время гражданской войны уделять слишком мало времени и сил и которому только теперь, выходя на свободную дорогу, нам несомненно удастся целиком отдаться.

Мы видим в Западной Европе разложение империализма. Вы знаете, что год тому назад даже германским социалистам казалось, как и огромному большинству социалистов,

которые не понимали положения вещей, что происходит борьба двух групп всемирного империализма, и они считали, что эта борьба заполнила собой историю, что нет сил, которые могли бы дать что-либо иное; им казалось, что даже социалистам ничего не остается, как примкнуть к одной из групп могущественных мировых хищников. Так казалось в конце октября 1918 года. Но мы видим, что с тех пор мировая история пережила за год невиданные явления, широкие и глубокие, которые открыли глаза многим из тех социалистов, которые были во время империалистической войны патриотами и оправдывали свое поведение тем, что перед ними стоял враг; оправдывали союз с английскими и французскими империалистами, которые будто бы несли освобождение от германского империализма. Посмотрите, сколько иллюзий было разрушено этой войной! Мы видим разложение германского империализма, которое привело не только к республиканской революции, но и к социалистической. Вы знаете, что в Германии в настоящее время еще острее стала борьба классов и все ближе надвигается гражданская война, борьба немецкого пролетариата против немецких империалистов, которые перекрасились в республиканский цвет, но остались представителями империализма.

Все знают, что социальная революция зреет в Западной Европе не по дням, а по часам, что то же происходит и в Америке, и в Англии — у этих якобы представителей культуры и цивилизации и победителей над гуннами — германскими империалистами, — а когда дело дошло до Версальского мира, то все увидели, что Версальский мир является в сто раз больше грабительским, чем Брестский, который нам был навязан германскими грабителями, и что этот Версальский мир является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты этих злополучных победивших стран. Версальский мир открыл глаза именно победившим нациям и доказал, что мы имеем перед собой не представителей культуры и цивилизации, а имеем, в лице Англии и Франции, хотя и демократические государства, но управляемые хищниками-империалистами. Внутренняя борьба у этих хищников развивается так быстро, что мы можем ликовать, зная, что Версальский мир является только внешней победой торжествующих империалистов, а на деле означает

крах всего империалистического мира и решительный отход трудящихся масс от тех социалистов, которые были во время войны в союзе с представителями гнилого империализма и защищали одну из групп боровшихся хищников. Глаза открылись у трудящихся, потому что Версальский мир явился хищническим и показал, что Франция и Англия на самом деле боролись с Германией, чтобы закрепить свою власть над колониями и увеличить свою империалистическую мощь. Эта внутренняя борьба развивается чем дальше, тем шире. Сегодня мне пришлось видеть радиотелеграмму из Лондона от 21 ноября, в которой американские журналисты — люди, которых нельзя заподозрить в симпатии к революционерам, — говорят, что во Франции наблюдается невиданная вспышка ненависти к американцам, потому что американцы отказываются утвердить Версальский мирный договор.

Англия и Франция победили, но они в долгу, как в шелку, у Америки, которая решила, что сколько бы французы и англичане ни считали себя победителями, она будет снимать сливки и получать проценты с лихвой за свою помощь во время войны, а в обеспечение этого должен служить американский флот, который сейчас строится и обгоняет своими размерами английский. А что хищнический империализм американцев так грубо выступает, видно из того, что агенты Америки скупают живой товар, женщин и девушек, и везут в Америку, развивая проституцию. Свободная, культурная Америка снабжает публичные дома живым товаром! В Польше и Бельгии происходят конфликты с американскими агентами. Это — маленькая иллюстрация того, что происходит в громадных размерах в каждой маленькой стране, которая получила помощь от Антанты. Возьмем хотя бы Польшу. Вы видите, что туда американские агенты и спекулянты являются скупать все богатства Польши, которая хвастается тем, что она существует теперь как независимая держава. Польша скупается агентами Америки. Нет ни одной фабрики, ни одного завода, ни одной отрасли промышленности, которые бы не были в кармане американцев. Америка обнаглела так, что начинает поработать «великую свободную победительницу» Францию, которая являлась прежде страной ростовщиков, а теперь стала сплошь задолженной Америке, так как у нее не стало экономических

сил, и она не может обойтись ни своим хлебом, ни своим углем, не может в широких размерах развивать свои материальные силы, а Америка требует, чтобы вся дань была неукоснительно уплачена. Таким образом, чем дальше, тем больше выясняется экономический крах Франции, Англии и других могущественных стран. Выборы во Франции дали перевес клерикалам. Французский народ, который был обманут тем, что должен был давать все силы во имя свободы и демократии против Германии, получил теперь в награду бесконечную задолженность, издевательство хищных американских империалистов, а затем клерикальное большинство из представителей самой дикой реакции.

Положение во всем мире стало неизмеримо запутаннее. Наша победа над Колчаком, Юденичем, над этими слугами международного капитала, велика, но еще гораздо больше, хотя и не так ясна, победа, которую мы одерживаем в международном масштабе. Эта победа заключается во внутреннем разложении империализма, который не может послать своих войск против нас. Антанта испытала это, и ничего у нее не вышло, потому что войска ее разлагаются, когда встречаются с нашими войсками и знакомятся с нашей российской Советской конституцией, переведенной на их языки. Вопреки влиянию вождей гнилого социализма, наша Конституция всегда привлекает симпатии трудящихся масс. Слово «Совет» понятно теперь всем, а Советская конституция переведена на все языки и с ней знаком каждый рабочий. Он знает, что это Конституция трудящихся, что это политический строй трудящихся, зовущих к победе над международным капиталом, знает, что это есть завоевание, которое мы сделали над международными империалистами. Эта наша победа отозвалась на каждой империалистической стране, раз мы отняли, отвоевали ее собственные войска, отняли возможность двигать их против Советской России.

Они пробовали воевать чужими войсками, войсками Финляндии, Польши, Латвии, но и из этого ничего не вышло. Английский министр Черчилль несколько недель тому назад в своей речи в палате хвастал, — и об этом были посланы телеграммы всему миру, — что организован поход четырнадцати народов против Советской России и что к новому году это даст победу над Россией. И правда, тут

участвовало много народов — Финляндия, Украина, Польша, Грузия, чехословаки, японцы, французы, англичане, немцы. Но мы знаем, что из этого вышло! Мы знаем, что эстонцы оставили войска Юденича, и сейчас идет бешеная полемика в газетах из-за того, что эстонцы не хотят ему помогать, а Финляндия, как ни хотела этого ее буржуазия, также не дала помощи Юденичу. Таким образом и вторая попытка натиска на нас провалилась. Первый этап — посылка собственных войск Антанты, которые были снабжены по всем правилам военной техники, так что казалось, что они победят Советскую республику. Они уже покинули Кавказ, Архангельск, Крым и остались еще на Мурмане, как чехословаки в Сибири, но остались как островки. Первая попытка победить нас своими войсками кончилась победой для нас. Вторая попытка состояла в том, чтобы послать на нас соседние с нами нации, которые целиком зависят в финансовом отношении от Антанты, и заставить их удушить нас, как гнездо социализма. Но и эта попытка окончилась неудачей: оказалось, что ни одно из этих маленьких государств к такой войне не способно. И еще более — в каждом маленьком государстве укрепилась ненависть к Антанте. Если Финляндия не пошла брать Петроград, когда Юденич уже взял Красное Село, то потому, что она колебалась и видела, что рядом с Советской Россией она может жить самостоятельно, а с Антантой в мире жить не может. Это переживали все маленькие народы. Это переживают Финляндия, Литва, Эстляндия, Польша, где царит сплошной шовинизм, но где есть ненависть к Антанте, развивающей там свою эксплуатацию. И теперь мы, без всякого преувеличения, точно учитывая ход событий, можем сказать, что не только первый, но и второй этап международной войны против Советской республики потерпел крах. Теперь остается нам только победить войска Деникина, которые уже наполовину разбиты.

Таково теперешнее русское и международное положение, которое я вкратце охарактеризовал в своем докладе. Позвольте в заключение остановиться на том, какое положение создается по отношению к национальностям Востока. Вы являетесь представителями коммунистических организаций и коммунистических партий разных народов Востока. Я должен сказать, что если русским большевикам

удалось пробить брешь в старом империализме, взять на себя необычайно трудную, но и необычайно благородную задачу создания новых путей революции, то вам, представителям трудящихся масс Востока, предстоит еще более великая и еще более новая задача. Выясняется вполне, что социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, никоим образом не будет состоять только в победе пролетариата в каждой стране над своей буржуазией. Это было бы возможно, если бы революции происходили легко и быстро. Мы знаем, что империалисты этого не допустят, что все страны вооружены против своего внутреннего большевизма и думают только о том, как победить большевизм у себя дома. Поэтому в каждой стране нарождается гражданская война, к участию в которой на стороне буржуазии привлечены старые социалисты-соглашатели. Таким образом, социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма. В программе нашей партии, которая была принята в марте прошлого года, мы, характеризуя приближение всемирной социальной революции, говорили, что гражданская война трудящихся против империалистов и эксплуататоров во всех передовых странах начинает соединяться с национальной войной против международного империализма. Это подтверждается ходом революции и будет все больше подтверждаться. То же будет и на Востоке.

Мы знаем, что здесь поднимутся, как самостоятельные участники, как творцы новой жизни, народные массы Востока, потому что сотни миллионов этого населения принадлежат к зависимым, неполноправным нациям, которые до сих пор были объектом международной политики империализма, которые для капиталистической культуры и цивилизации существовали только, как материал для удобрения. И когда говорят о раздаче мандатов на колонии, мы прекрасно знаем, что это — раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это — раздача прав ничтожной части населения земли на эксплуатацию большинства населения земного шара. Это большинство, которое до сих пор стояло совершенно вне исторического

прогресса, потому что самостоятельной революционной силы представлять не могло, перестало, мы знаем, в начале XX столетия играть такую пассивную роль. Мы знаем, что после 1905 г. последовали революции в Турции, Персии, Китае, что в Индии развилось революционное движение. Империалистическая война также способствовала росту революционного движения, потому что пришлось втягивать целые полки колониальных народов в борьбу империалистов Европы. Империалистическая война разбудила и Восток, втянула его народы в международную политику. Англия и Франция восружали колониальные народы и помогали им познакомиться с военной техникой и усовершенствованными машинами. Этой наукой они воспользуются против господ империалистов. За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просятся к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества.

Вот почему я думаю, что вам предстоит в истории развития мировой революции, которая будет, судя по началу, продолжаться много лет и потребует много трудов, — вам предстоит в революционной борьбе, в революционном движении сыграть большую роль и слиться в этой борьбе с нашей борьбой против международного империализма. Ваше участие в международной революции поставит вас перед сложной и трудной задачей, разрешение которой будет служить основанием общего успеха, потому что здесь впервые большинство населения приходит в самостоятельное движение и будет активным фактором в борьбе за свержение международного империализма.

Большинство народов Востока находится в худшем положении, чем самая отсталая в Европе страна — Россия, но нам удалось соединить в борьбе против остатков феодализма и капитализма русских крестьян и рабочих, и наша борьба так легко прошла потому, что против капитала и феодализма соединились крестьяне и рабочие. Здесь связь с народами Востока особенно важна, потому что большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы, — не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными

представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета. Русская революция показала, как победившие капитализм пролетарии, сплотившись с многомиллионной распыленной крестьянской массой трудящихся, победоносно встали против средневекового гнета. Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма.

Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков. Это трудная и своеобразная задача, но она особенно благодарна, потому что в борьбу втягивается та масса, которая еще не участвовала в борьбе, а с другой стороны, благодаря организации коммунистических ячеек на Востоке, вы получаете возможность осуществить теснейшую связь с III Интернационалом. Вы должны найти своеобразные формы этого союза передовых пролетариев всего мира с живущими часто в средневековых условиях трудящимися и эксплуатируемыми массами Востока. В маленьких размерах мы осуществили в нашей стране то, что в большом размере, в больших странах осуществите вы. И эту вторую задачу, я надеюсь, вы выполните с успехом. Благодаря коммунистическим организациям на Востоке, представителями которых вы здесь являетесь, у вас имеется связь с передовым революционным пролетариатом. Перед вами стоит задача, чтобы и дальше заботиться о том, чтобы внутри каждой страны, на понятном для народа языке велась коммунистическая пропаганда.

Само собой понятно, что окончательно может победить только пролетариат всех передовых стран мира, и мы, русские, начинаем то дело, которое закрепят английский, французский или немецкий пролетариат; но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс всех угнетенных колониальных народов, и в первую голову народов Востока. Мы должны себе дать отчет в том, что

одна авангард не может осуществить перехода к коммунизму. Задача в том, чтобы пробудить революционную активность к самостоятельности и организации трудящихся масс, независимо от того, на каком уровне они стоят, перевести истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществлять практические задачи, которые нужно осуществить немедленно, и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран.

Вот те задачи, решения которых вы не найдете ни в одной коммунистической книжке, но решение которых вы найдете в общей борьбе, которую начала Россия. Вам придется эту задачу поставить и решать ее самостоятельным опытом. В этом вам поможет, с одной стороны, тесный союз с авангардом всех трудящихся других стран, а с другой — умение подойти к народам Востока, которых вы здесь представляете. Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание. Вместе с тем вы должны проложить дорогу к трудящимся и эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственной надеждой на освобождение является победа международной революции, и что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов народов Востока.

Вот задача необычайного размаха, которая стоит перед вами и которая, благодаря эпохе революции и росту революционного движения — в этом нельзя сомневаться — общими усилиями коммунистических организаций Востока будет успешно разрешена и доведена до полной победы над международным империализмом.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ЦК РКП(б) О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ ⁴⁰

1) Обсудив вопрос об отношениях к освобождающемуся от временного захвата денкинскими бандами трудовому народу Украины, ЦК РКП, неуклонно проводя принцип самоопределения наций, считает необходимым еще раз подтвердить, что РКП стоит неуклонно на точке зрения признания самостоятельности УССР.

2) РКП будет стремиться к установлению федеративной связи РСФСР и УССР на почве решений ВЦИК от 1 июня 1919 г. и ЦИКУ от 18 мая 1919 года ⁴¹ (резолюция прилагается).

3) Ввиду того, что украинская культура (язык, школа и т. д.) в течение веков подавлялась российским царизмом и эксплуататорскими классами, ЦК РКП вменяет в обязанность всем членам партии всеми средствами содействовать устранению всех препятствий к свободному развитию украинского языка и культуры. Поскольку на почве многовекового угнетения в среде отсталой части украинских масс наблюдаются националистические тенденции, члены РКП обязаны относиться к ним с величайшей осторожностью, противопоставляя им слово товарищеского разъяснения тождественности интересов трудящихся масс Украины и России. Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя руссификаторским попыткам оттеснить украинский язык на второй план, превращая его в орудие коммунистического просвещения трудовых масс. Немедленно должны быть приняты меры, чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским

языком, и чтобы в дальнейшем все служащие умели объясняться на украинском языке.

4) Необходимо обеспечить теснейшую связь советских учреждений с коренным крестьянским населением страны, для чего должно быть принято за правило, что даже на первых порах, при самом введении ревкомов и Советов, в них должно быть обеспечено большинство за трудовым крестьянством при обеспечении решающего влияния за крестьянской беднотой.

5) Принимая во внимание, что на Украине, еще в большей мере, чем в России, преобладающей массой населения является крестьянство, задачей Советской власти на Украине является завоевание доверия к себе со стороны не только крестьянской бедноты, но и широких слоев среднего крестьянства, которое своими подливыми интересами теснейшим образом связано с Советской властью. В частности, сохраняя принцип продовольственной политики (государственная заготовка хлеба по твердым ценам), необходимо видоизменить способы ее проведения.

Ближайшей задачей продовольственной политики на Украине должно быть извлечение хлебных излишков лишь в строго ограниченном размере, необходимом для снабжения украинской бедноты, рабочих и Красной Армии. При извлечении излишков особое внимание должно быть обращено на интересы среднего крестьянства, при строгом отделении его от кулаческих элементов. Необходимо на деле разоблачить перед украинским крестьянством контрреволюционную демагогию, внушающую ему, будто задачей Советской России является выкачивание хлебных и других продовольственных продуктов из Украины в Россию.

Самое широкое привлечение бедного и среднего крестьянства к делу управления должно быть вменено в обязанность агентам центральной власти, всем партийным работникам, инструкторам и т. п.

В тех же целях установления подлинной власти трудящихся должны быть немедленно приняты меры к тому, чтобы не допустить наводнения советских учреждений элементами украинского городского мещанства, чуждого понимания условий быта широких крестьянских масс и нередко прикрывающимися именем коммунистов.

Условием допущения такого рода элементов как в ряды партии, так и в советские учреждения должна быть

предварительная проверка их трудоспособности и преданности интересам трудящихся на деле и прежде всего на фронте, в рядах армии. Везде и при всяких условиях подобные элементы должны быть поставлены под строгий классовый контроль пролетариата.

Ввиду того, что большое количество оружия, имеющегося на Украине в руках сельского населения, как показал опыт, неизбежно, при неорганизованности бедноты, сосредоточивается в руках кулацких и контрреволюционных элементов, что приводит вместо диктатуры трудящихся к фактическому господству бандитского кулачества, первой задачей советского строительства на Украине является извлечение всего оружия и сосредоточение его в руках рабоче-крестьянской Красной Армии.

б) Равным образом, земельная политика должна проводиться с особым вниманием к интересам земельного хозяйства бедного и среднего крестьянства.

Задачей земельной политики на Украине должно явиться:

1) Полная ликвидация восстанавливаемого Деникиным помещичьего землевладения с передачей помещичьих земель безземельным и малоземельным.

2) Советские хозяйства строить только в строго ограниченном числе и размерах, строго сообразуясь в каждом случае с интересами окружающего крестьянства.

3) В отношении объединения крестьян в коммуны, артели и т. п. проводить строго политику партии, которая не допускает в этом отношении никакого принуждения, предоставляя это исключительно свободному решению самих крестьян и строго карая всякие попытки внести в это дело начало принуждения.

* *
*

2. Считаю бесспорной для всякого коммуниста и для всякого сознательного рабочего необходимость теснейшего союза для всех советских республик в их борьбе с грозными силами всемирного империализма, РКП стоит на той позиции, что определение форм этого союза будет окончательно решено самими украинскими рабочими и трудящимися крестьянами.

**VIII ВСЕРОССИЙСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б)⁴²**

2—4 ДЕКАБРЯ 1919 г.

1

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ
2 ДЕКАБРЯ

Товарищи! Позвольте мне от имени Центрального Комитета РКП (большевиков) объявить Всероссийскую конференцию нашей партии открытой.

Товарищи! По уставу партии такого рода конференция должна созываться каждые 3 месяца, но то тяжелое положение, которое мы несколько месяцев тому назад переживали в связи с военным положением, заставило нас так напрягать свои силы и так сжимать все аппараты не только советской, но и партийной работы, что, к сожалению, выполнить в точности постановление устава нам не удалось, и конференция была отсрочена.

Товарищи! Мы созываем теперь конференцию в связи со съездом Советов в такой момент, когда нам удалось достигнуть гигантского улучшения на фронтах и когда мы уверены, что стоим накануне крупнейшего перелома к лучшему как в международном положении, так и в отношении военном, так же и в связи со всем нашим внутренним строительством. Какие задачи развертываются перед нами, об этом не раз уже говорилось на партийных собраниях, в печати, и мы будем говорить о них при обсуждении отдельных, конкретных пунктов порядка дня. Поэтому я позволю себе прямо перейти к деловой стороне и предложить вам выбор президиума конференции.

Прошу указать, какие имеются по этому вопросу предложения.

2

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
2 ДЕКАБРЯ

(Аплодисменты.) Товарищи! Доклад Центрального Комитета с формальной стороны в данный момент должен был дать вам, главным образом, сводку опыта, за это время пройденного. Но я должен сказать, что такая задача — ограничиться историей, или хотя бы дать только отчет, обращающий главное внимание на историю, — слишком не соответствует духу времени, которое мы переживаем, и тем задачам, которые перед нами стоят. Я поэтому позволю себе перенести центр тяжести в настоящем докладе, который я хотел бы представить и съезду Советов, не столько на описание того, что мы пережили, сколько на те указания опыта, которые мы получаем и должны получать для нашей непосредственной практической деятельности.

Хотя за переживаемое время, можно сказать без всякого преувеличения, мы завоевали успехи громадные, хотя самая главная трудность у нас уже позади, все-таки нам предстоит трудности несомненно еще очень и очень большие. Естественно, внимание партии должно целиком сосредоточиться на решении этих задач, а в историю можно позволить себе углубиться лишь настолько, насколько это безусловно необходимо для разрешения задач, стоящих перед нами.

Конечно, за пережитое Советской властью время самым главным вопросом, который нас больше всего занимал, является неминусомо вопрос военный. Гражданская война, понятно, все заполонила, и само собой разумеется, что в этой борьбе за существование мы должны были лучшие силы партии отрывать от всех остальных отраслей работы

и деятельности и переводить их на работу военную. Иначе и быть не могло в условиях войны. Но зато, как ни пострадала от этого отвлечения творческая работа во многих отраслях нашей советской и партийной деятельности, нам действительно удалось в области военной добиться такого сосредоточения сил и достигнуть таких успешных результатов, которые не только нашими противниками, не только колеблющимися, но и большинством в нашей собственной среде, раньше были бы вероятно признаны невозможными. Ибо держаться два года при прямой и косвенной поддержке всех наших врагов сначала германским империализмом, а потом еще более сильным, безраздельно захватившим весь мир, империализмом Антанты — держаться два года в стране, настолько разоренной и настолько отсталой, это такая задача, решение которой было несомненно «чудом». Поэтому, мне кажется, нам надо присмотреться, каким же образом вышло так, что это «чудо» осуществилось, и какие вытекают отсюда практические выводы, на основании которых мы могли бы с твердостью сказать, — а мне кажется, мы и действительно можем с твердостью сказать, что как ни велики трудности внутреннего строительства, мы их в ближайшее время преодолеем так же успешно, как успешно разрешили вопросы военной обороны.

Всемирный империализм, который вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании, потерпел за эти два года поражения, и нам надо поставить прежде всего вопрос: как могло случиться, что в борьбе с всемирным империализмом, который без всякого сомнения и посейчас еще во много раз сильнее нас, мы достигли такого громадного успеха? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо бросить общий взгляд на историю гражданской войны в России, на историю вмешательства Антанты. Мы должны прежде всего установить наличие в этой войне двух, коренным образом расходящихся по приему деятельности Антанты, периодов или двух основных методов ее военных действий против России.

Прежде всего, Антанта, победив Германию, при своем плане удушить Советскую республику в России, естественное дело, опиралась на свои собственные войска. И, разумеется, если бы Антанта хотя бы небольшую долю своих

гигантских армий, которые освободились после поражения Германии, — если бы она хотя бы только одну десятую долю этих войск могла двинуть настоящим образом против Российской Советской республики, то само собой понятно, что нам бы не удержаться. И первый период гражданской войны в России характеризуется тем, что попытка Антанты своими собственными войсками сломить Советскую республику потерпела крушение. Английские войска, которые действовали на Архангельском фронте, Антанте пришлось убрать. Высадка французских войск на юге России кончилась рядом восстаний французских матросов, и в настоящее время, как ни свирепо еще действует военная цензура, — хотя войны нет, но бывшая военная, теперь невоенная цензура продолжает существовать в якобы свободных странах Англии и Франции, — и как ни редки доходящие до нас экземпляры газет, мы все-таки имеем совершенно точные документальные данные из Англии и Франции, которые показывают, что сведения, например, о восстании матросов на французских военных судах в Черном море, во французскую прессу попали, что осуждение нескольких французских матросов на каторгу стало известно во Франции, что вся коммунистическая, вся революционная рабочая пресса Франции и Англии на эти факты ссылается, что, например, имя тов. Жанны Лябурб, которую французы расстреляли в Одессе за большевистскую агитацию, стало лозунгом для французской социалистической рабочей печати не только коммунистического крыла: даже такая газета, как «Юманите»⁴³, которая, в сущности говоря, по основным своим принципам стоит ближе всего к точке зрения наших меньшевиков и эсеров, даже эта газета имя Лябурб сделала лозунгом борьбы против французского империализма, за невмешательство в дела России. Точно так же письма английских солдат, побывавших на Архангельском фронте, обсуждались в английской рабочей прессе. Об этом у нас есть совершенно точные документальные данные. Поэтому нам ясно, что здесь действительно произошел величайший сдвиг, на который мы раньше всегда указывали, на который глубоко надеялись и который хотя и с необычайной медленностью, но несомненно стал за последнее время фактом.

Этот сдвиг неизбежно вызывался самим ходом вещей. Именно те страны, которые больше всего считались и

считаются демократическими, цивилизованными и культурными, именно они вели войну против России самыми зверскими средствами, без малейшей тени законности. Большевиков обвиняют в нарушении демократизма, — это ходячий довод против нас у меньшевиков и эсеров и у всей европейской буржуазной печати. Но ни одно из этих демократических государств не решилось и не посмеет по законам своей собственной страны объявить войну Советской России. Рядом с этим идет внешне незаметный, но очень глубокий протест со стороны рабочей печати, которая заявляет: где в нашей конституции, в конституции Франции, Англии и Америки, те законы, которые позволяют вести войну, не объявляя ее и не спрашивая парламента? И в печати Англии, Франции и Америки делались предложения предать суду главы своих государств за государственные преступления, за объявление войны без разрешения парламента. Такие предложения делались. Правда, они делались в листках, выходящих не чаще раза в неделю, конфискуемых, вероятно, не реже раза в месяц, имеющих распространение в несколько сот или несколько тысяч экземпляров. Такими листками вожди ответственных правительственных партий могли и пренебрегать. Но тут нужно отметить две основные струи: господствующие классы во всем мире издают ежедневно миллионы экземпляров известных капиталистических газет, которые наполнены неслыханной ложью и клеветой против большевиков. Внизу же, в рабочих массах знают от тех солдат, которые вернулись из России, о лживости всей этой кампании. Таким образом создается необходимость для Антанты убрать свои войска из России.

Когда мы с самого начала говорили, что ставим ставку на всемирную революцию, над этим смеялись и сотни раз объявляли и сейчас объявляют это несбыточным. Но мы за два года получили точный материал для проверки. Мы знаем, что если говорить об этой ставке в смысле надежды на быстрое непосредственное восстание в Европе, то этого не было. Но что эта ставка оказалась в основе своей глубоко верной и что она вырвала с самого начала почву для вооруженного вмешательства Антанты, — после двух лет и особенно после поражения Колчака, после ухода английских войск из Архангельска и со всего Северного фронта, — это бесспорнейший исторический

факт. Было достаточно самого небольшого количества из имевшихся у Антанты армий, чтобы нас задавить. Но мы смогли победить врага, потому что в самый трудный момент сочувствие рабочих всего мира показало себя. И, таким образом, из этого первого периода нашествия Антанты на нас нам удалось выйти с честью. Мне припоминается, что в одной статье, кажется Радека, говорилось, что соприкосновение войск Антанты с горячей почвой России, зажегшей пожар социалистической революции, зажжет и эти войска. Действительность показала, что так и произошло на самом деле. Нечего говорить о том, что процессы, происходящие среди английских и французских солдат и матросов, знающих имена тех, кто расстрелян за большевистскую агитацию, нечего говорить о том, что, как ни слабы эти процессы, как ни слабы там коммунистические организации, — они делают работу гигантскую. Результаты налицо: они заставили Антанту убрать свои войска назад. Только это дало нам первую крупнейшую победу.

Второй прием Антанты, вторая система ее борьбы состояла в том, чтобы использовать против нас маленькие государства. В конце августа этого года шведская газета сообщила, будто бы военный министр Англии Черчилль заявил, что на Россию будут наступать 14 государств и что, следовательно, в ближайший срок, во всяком случае в конце года, падение Петрограда и Москвы обеспечено. Кажется, Черчилль потом опроверг это заявление, сказав, что его выдумали большевики. Но мы имеем точные сведения о том, в какой шведской газете это сообщение было помещено. Поэтому мы утверждаем, что это сообщение исходит из европейских источников. Кроме того, оно подтверждается фактами. На примере Финляндии и Эстляндии мы с абсолютной точностью установили, что Антанта употребляла все усилия, чтобы заставить их наступать против Советской России. Мне лично пришлось читать одну передовицу английской газеты «Таймс»*, посвященную вопросу о Финляндии, в такое время, когда войска Юденича стояли в нескольких верстах от Петрограда и опасность для последнего была самая гигантская. Статья эта прямо кипела негодованием, возмущением и написана

* — «Времена». Ред.

была с неслыханной, необычной для газеты страстностью (обыкновенно подобные газеты пишутся дипломатически, как у нас писалась миллюковская «Речь»). Это была самая бешеная прокламация, обращенная к Финляндии и ставящая вопрос ребром: судьба мира зависит от Финляндии, на которую смотрят все цивилизованные капиталистические страны. Мы знаем, что момент, когда войска Юденича были в нескольких верстах от Петрограда, был момент решающий. Безразлично, говорил или не говорил вышеприведенные слова Черчилль, но такую политику он вел. Известно, какое давление оказывал империализм Антанты на эти маленькие страны, паскоро созданные, бессильные, целиком зависящие от Антанты даже в самых насущных вопросах, как вопрос продовольствия, и во всех других отношениях. Вырваться из этой зависимости они не могут. Все способы давления, финансового, продовольственного, военного, были пущены в ход, чтобы заставить Эстляндию, Финляндию и, несомненно, также Латвию, Литву и Польшу, заставить весь этот цикл государств идти против нас. История последнего похода Юденича на Петроград показала окончательно, что этот второй метод ведения войны Антантой сорвался. Нет никакого сомнения, что самой небольшой помощи Финляндии или — немного более — помощи Эстляндии было бы достаточно, чтобы решить судьбу Петрограда. Нет никакого сомнения, что, сознавая важность положения, Антанта сделала все усилия, чтобы добиться этой помощи, и тем не менее она потерпела крах.

Это — вторая гигантская международная победа, которую мы одержали, и победа более сложная, чем первая. Первая была одержана потому, что оказалось, что французские и английские войска действительно нельзя держать на территории России: они не воюют, а доставляют Англии и Франции бунтовщиков, поднимающих английских и французских рабочих против своих правительств. Но оказалось, что, хотя Россию и окружили и окружают умышленно кольцом маленьких государств, создаваемых и поддерживаемых, понятно, в целях борьбы против большевизма, и это оружие обращается против Антанты. Во всех этих государствах существуют буржуазные правительства, почти всегда имеющие в своем составе буржуазных соглашателей, людей, которые идут против большевиков в силу своего классового положения. Каждая из этих

наций настроена безусловно решительно враждебно к большевикам, тем не менее нам удалось этих буржуа и соглашателей повернуть на свою сторону. Это кажется невероятным, но это именно так, потому что каждое из этих государств после пережитой империалистской войны не может не колебаться в вопросе о том, есть ли им расчет бороться сейчас против большевиков, когда другим претендентом на власть в России, претендентом, дающим основание считать его солидным, является только Колчак или Деникин, т. е. представители старой империалистской России, а что Колчак или Деникин здесь представители старой России, сомнений нет. Следовательно, мы получили возможность опереться на другую трещину в лагере империализма. Если первые месяцы после нашей революции мы держались потому, что германский и английский империализм были в мертвой схватке друг с другом, если после этого волугодия мы держались еще больше полугодом потому, что войска Антанты оказались неспособными бороться против нас, то следующий год, за который приходится преимущественно теперь отчитываться, мы продержались с успехом потому, что попытка великих держав, под влиянием которых безусловно и безоговорочно находятся все маленькие страны, попытка их мобилизовать маленькие страны против нас потерпела крушение из-за противоречия интересов международного империализма и интересов этих стран. Каждая из этих маленьких стран уже испытала на себе лапы Антанты. Они знают, что когда французские, американские и английские капиталисты говорят: «Мы вам гарантируем независимость» — это на практике значит: «Мы у вас скупаем все источники ваших богатств и держим вас в кабале. Кроме того, мы вас третируем с наглостью офицера, который приехал в чужую страну управлять и спекулировать и ни с кем не желает считаться». Они знают, что сплошь и рядом английский посол в такой стране значит больше, чем любой тамошний царь или парламент. И если этих истин мелкобуржуазные демократы до сих пор понять не могли, то теперь действительность заставляет их это понять. Оказывается, что по отношению к буржуазным и мелкобуржуазным элементам маленьких стран, которых грабят империалисты, мы представляем из себя если не союзников, то соседей более надежных и ценных, чем империалисты.

Это — вторая победа, которую мы одержали над международным империализмом.

Вот почему мы вправе теперь сказать, что главные трудности у нас позади. Нет никаких сомнений, что Антанта сделает еще очень много попыток военного вмешательства в наши дела. Если последние победы над Колчаком, над Юденичем заставили представителей всех этих держав говорить теперь о том, что поход на Россию безнадежен, и предлагать мир, то мы должны дать себе ясный отчет, какое значение имеют подобные выступления. Я бы просил тут не записывать...

Если мы у представителей буржуазной интеллигенции, у беспощадных врагов наших вырвали такие признания, мы вправе и тут сказать, что симпатии не только рабочего класса на стороне Советской власти, но и широких кругов буржуазной интеллигенции. Представители обывателей, мелкой буржуазии, тех, кто в бешеной схватке труда с капиталом колебались, стали решительно на нашу сторону, и на поддержку их мы можем теперь отчасти рассчитывать.

Эта победа должна нами учитываться, и, если мы ее поставим в связь с тем, каким образом, в конце концов, нам досталась победа над Колчаком, вывод получится еще более убедительный... и тут можно начать писать, потому что дипломатия тут кончилась.

Если мы поставим вопрос, какие силы обусловили нашу победу над Колчаком, то мы должны будем признать, что победа над Колчаком, несмотря на то, что он действовал на территории, где меньше всего пролетариата и где крестьянину мы не могли дать непосредственной реальной помощи для свержения помещичьей власти, какую мы ему дали в России, несмотря на то, что Колчак начинал с фронта, который был поддержан меньшевиками и эсерами, образовавшими фронт Учредительного собрания, несмотря на то, что там были наилучшие условия для того, чтобы создать правительственную власть, опирающуюся на помощь всемирного империализма, — тем не менее этот эксперимент окончился полным поражением Колчака. Из этого мы имеем право сделать тот вывод, который является самым существенным для нас и во всей нашей деятельности должен нами руководить: *исторически побеждает тот класс, который может вести за собой массу*

населения. Если меньшевики и эсеры до сих пор говорят об Учредительном собрании, о воле нации и т. д., то мы за это время убедились на опыте в том, что в революционное время классовая борьба ведется в формах самых ужасных, но может привести к победе только тогда, когда класс, который ведет ее, способен вести за собой большинство населения. В этом отношении то сравнение, которое было произведено не голосованием билетами, а более чем годичным опытом самой тяжелой, самой кровавой борьбы, которая требовала жертв во сто раз больше, чем та или другая политическая борьба, — этот опыт по отношению к Колчаку показал, что мы осуществляем господство того самого класса, большинство которого умеем вести за собой, присоединяя к себе в друзья и союзники крестьянство, лучше, чем какая бы то ни было другая партия. Это доказал пример Колчака. Этот пример в отношении социальном является для нас самым последним нашим уроком. Он показывает, на кого мы можем рассчитывать и кто идет против нас.

Рабочий класс, как он ни ослаблен империалистской войной и разрухой, осуществляет политическое господство, но он этого не мог бы сделать, если бы не привлек к себе в союзники и друзья большинство трудящегося населения, в русских условиях — крестьянство. Это осуществилось в Красной Армии, где мы смогли использовать специалистов, в большинстве настроенных против нас, и создать ту армию, которая, по признанию наших врагов эсеров в резолюции последнего совета их партии, представляет армию не наемников, а народную. Рабочий класс смог создать эту армию, большинство которой принадлежит не к его классу, смог использовать специалистов, настроенных против него, только потому, что он мог вести за собой, мог превратить в своих друзей и союзников ту массу трудящихся, которая связана с мелким хозяйством, которая связана с собственностью и которая поэтому стремится неуклонно к свободной торговле, т. е. к капитализму, к возвращению власти денег. В этом — основа всего того, чего мы за два года добились. Во всей дальнейшей нашей работе, во всей дальнейшей нашей деятельности, в той деятельности, к которой нужно приступить в освобождаемой Украине, и в том строительстве, вся тяжесть и вся важность задач которого развернется

после победы над Деникиным, этот основной урок мы должны больше всего зарубить себе на носу, больше всего должны его памятовать. Политические итоги нашей деятельности, мне кажется, больше всего к этому сводятся и в этом суммируются.

Товарищи! Было уже сказано, что война есть продолжение политики. Мы это испытали на своей собственной войне. Война империалистская, которая была продолжением политики империалистов, господствующих классов, помещиков и капиталистов, вызвала в народных массах враждебное отношение и была лучшим средством революционирования этих масс. Она у нас, в России, облегчила и свержение монархии, и свержение помещичьего землевладения, и буржуазии, которое произошло с неслыханной легкостью только потому, что империалистская война была продолжением, обострением, обнажением империалистской политики. А наша война была продолжением нашей коммунистической политики, политики пролетариата. До сих пор мы читаем у меньшевцов и эсеров и слышим от беспартийных и колеблющихся людей: «Вы обещали мир, а дали войну, вы обманули трудящиеся массы». А мы говорим, что трудящиеся массы, хотя они и не учились марксизму, но тем не менее своим классовым инстинктом угнетенных людей; людей, которые десятки лет чувствовали на своей шкуре, что такое помещик и капиталист, отлично усвоили разницу между войной империалистской и гражданской. Для всех тех, кто испытал на своей шкуре десятки лет угнетения, для всех тех эта разница между войнами понятна. Империалистская война была продолжением империалистской политики. Она восстанавливала массы против своих владык. Гражданская же война против помещиков и капиталистов была продолжением политики свержения этих помещиков и капиталистов, и с каждым месяцем развитие этой войны укрепляло связь трудящихся масс с пролетариатом, который руководит этой войной. Как ни много было испытаний, как ни часты были громадные поражения, как ни тяжелы были эти поражения, как ни часто бывали моменты, когда враг одерживал громадные победы и существование Советской власти висело на волоске, — такие моменты бывали, нет сомнений, что Антанта попытается еще бороться против нас, — но мы должны сказать, что опыт, который

мы пережили, — очень солидный опыт. Этот опыт показал, что война укрепляет сознание трудящихся масс и показывает им преимущество Советской власти. Люди наивные или люди, целиком живущие предрассудками старого мещанства и старого буржуазно-демократического парламентаризма, ждут от крестьянина, чтобы он избирательным бюллетенем решил, идет ли он с большевиками-коммунистами или с эсерами; много решения они не желают признавать, потому что они сторонники народоприваства, свободы, Учредительного собрания и т. д. А жизнь решила так, что крестьянину пришлось этот вопрос проверять на деле. После того, как в Учредительном собрании он дал большинство эсерам, после того, как политика эсеров потерпела крах, и крестьянам пришлось практически иметь дело с большевиками, крестьянин убедился, что это власть твердая, власть, которая требует довольно многого, что это власть, которая умеет добиться исполнения этих требований во что бы то ни стало, что это власть, которая признает ссужение хлебом голодного безусловным долгом крестьянина, хотя бы это было без эквивалента, что это власть, которая добивается во что бы то ни стало передачи этого хлеба голодающим. Это крестьянин видел, он сравнил эту власть с властью Колчака и Деникина и сделал выбор не путем голосования, а путем решения вопроса на практике, когда ему пришлось испытать и ту и другую власть. Крестьянин решает и будет решать этот вопрос в нашу пользу.

Вот что нам доказала история поражения Колчака и что нам доказывают наши победы на юге. Вот почему мы говорим, что действительно массы, миллионы людей, живущих в деревнях, миллионы крестьян окончательно становятся на нашу сторону. В этом, мне кажется, заключается главный политический урок, который мы вынесли за это время и который мы должны применить к тем задачам внутреннего строительства, которые теперь, по завершении нашей победы над Деникиным, будут стоять на очереди дня, так как мы получили возможность сосредоточиться на внутреннем строительстве.

До сих пор больше всего мелкая буржуазия в Европе обвиняла нас в нашем терроризме, в нашем грубом подавлении интеллигенции и обывателя. На это мы скажем: «Все это навязали нам вы, ваши правительства». Когда нам

кричат о терроре, мы отвечаем: «А когда державы, имеющие в руках всемирный флот, имеющие в руках военные силы в сто раз больше наших, обрушиваются на нас и заставляют воевать против нас все малые государства, — это не был террор?». — Это был настоящий террор, когда против страны, одной из наиболее отсталых и ослабленных войной, объединились все державы. Даже Германия помогала постоянно Антанте еще с тех времен, когда она, не будучи побеждена, питала Краснова, и до последнего времени, когда та же Германия блокирует нас и оказывает прямое содействие нашим противникам. Этот поход всемирного империализма, этот военный поход против нас, этот подкуп заговорщиков внутри страны, — разве это не был террор? Наш террор был вызван тем, что против нас обрушились такие военные силы, против которых нужно было неслыханно напрягать все наши силы. Нужно было действовать внутри страны со всей настойчивостью, нужно было собрать все силы. Здесь мы не хотели оказаться — и мы решили, что не окажемся — в том положении, в каком оказались соглашатели с Колчаком в Сибири, в каком завтра будут немецкие соглашатели, воображающие, будто они представляют правительство и опираются на Учредительное собрание, а на деле сотня или тысяча офицеров в любой момент может дать такому правительству по шапке. И это понятно, потому что это офицерство представляет из себя массу обученную, организованную, великолепно знающую военное дело, имеющую в своих руках все нити, превосходно информированную насчет буржуазии и помещиков, обеспеченную их сочувствием.

Это показала история всех стран после империалистской войны, и теперь перед лицом такого террора со стороны Антанты мы имели право прибегнуть к этому террору.

Из этого вытекает, что обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию. Она навязала нам террор. И мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его минимальнейшим минимумом, как только мы покончим с основным источником терроризма, с нашествием мирового империализма, с военными заговорами и военным давлением мирового империализма на нашу страну.

И тут, говоря о терроризме, надо сказать и об отношении к тому среднему слою, к той интеллигенции, которая

больше всего жалуется на грубость Советской власти, жалуется на то, что Советская власть ставит ее в положение худшее, чем прежде.

То, что мы можем при наших скудных средствах сделать по отношению к интеллигенции, мы делаем в ее пользу. Мы знаем, конечно, как мало значит бумажный рубль, но мы знаем также, что представляет собою частная спекуляция, которая дает известную подмогу тем, кто не может прокормиться при помощи наших продовольственных органов. Мы даем в этом отношении буржуазной интеллигенции преимущества. Мы знаем, что в момент, когда на нас обрушился мировой империализм, мы должны были провести строжайшую военную дисциплину и дать отпор всеми силами, которые были в нашем распоряжении. И, конечно, ведя революционную войну, мы не можем делать так, как делали все буржуазные державы, сваливавшие всю тяжесть войны на трудящиеся массы. Нет, тяжесть гражданской войны должна быть и будет разделена и всей интеллигенцией, и всей мелкой буржуазией, и всеми средними элементами, — все они будут нести эту тяжесть. Конечно, им будет гораздо труднее нести эту тяжесть, потому что они десятки лет были привилегированными, но мы должны в интересах социальной революции эту тяжесть возложить и на них. Так мы рассуждаем и действуем, и мы иначе не можем.

Конец гражданской войны будет шагом к улучшению положения этих групп. Мы же и теперь нашей тарифной политикой доказываем и в нашей программе заявили, что признаем необходимость поставить эти группы в положение лучшее, потому что невозможен переход от капитализма к коммунизму без использования буржуазных специалистов, и все наши победы, все победы нашей Красной Армии, руководимой пролетариатом, привлечшим на свою сторону полутрудовое, полусобственническое крестьянство, мы одерживали отчасти благодаря умению использовать буржуазных специалистов. Эта наша политика, выраженная в всенном деле, должна стать политической нашего внутреннего строительства.

Опыт, который мы проделали за это время, говорит нам, что мы очень часто рядом с постройкой фундамента здания брались за постройку купола, всяких украшений и т. д. Может быть, это было необходимо до известной меры для

социалистической республики. Может быть, мы должны были строить во всех областях народной жизни. Вполне естественно это увлечение строительством во всех областях. Если посмотреть на опыт нашего государственного строительства, мы сплошь и рядом увидели бы много построек начатых, брошенных, таких, глядя на которые, можно сказать себе: может быть, надо было бы с этой постройкой подождать, а сначала сделать основное. Вполне понятно, что все деятели, естественно, увлекаются теми задачами, которые могут быть выполнены только после установки фундамента. Но мы из этого опыта можем теперь сказать, что в дальнейшем мы больше сосредоточим свои усилия на основном, на фундаменте, на тех простейших задачах, которые всего труднее решить, но которые мы все-таки решим. Это — задача о хлебе, задача о топливе, задача борьбы со вшами. Вот три простейших задачи, которые дадут нам возможность построить социалистическую республику, и тогда мы победим весь мир во сто раз более победоносно, торжественно и триумфально, чем отразили нападения Антанты.

По вопросу о хлебе: мы далеко пошли в применении разверстки. Наша продовольственная политика дала возможность за второй год собрать хлеба втрое больше, чем за первый. За три месяца последней кампании заготовлено хлеба больше, чем за три месяца прошлого года, хотя, как вы услышите из доклада Наркомпрода, произошло это при трудностях, несомненно, больших. Один набег Мамонтова, который захватил южную часть центральной земледельческой полосы, обошелся нам очень дорого. Но мы научились применять разверстку, т.е. научились заставлять отдавать государству хлеб по твердым ценам, без эквивалента. Мы знаем, конечно, хорошо, что кредитный билет не есть эквивалент хлеба. Мы знаем, что крестьянин дает хлеб в ссуду; мы говорим ему: должен ли ты задерживать хлеб, дожидаясь эквивалента, чтобы рабочий умирал с голода? Хочешь ли ты торговать на вольном рынке, возвращая таким образом нас назад к капитализму? Многие интеллигенты, читавшие Маркса, не понимают, что свобода торговли есть возврат к капитализму, но крестьянин это понимает гораздо легче. Он понимает, что продавать хлеб по вольным ценам, когда голодный готов заплатить сколько угодно; готов отдать

•

все, что у него есть, чтобы не умереть с голоду, что это есть возврат к эксплуатации, что это есть свобода наживы для богатых и разорение для бедных. И мы говорим, что это есть государственное преступление, и в борьбе с этим мы не уступим ни на йоту.

В этой борьбе за разверстку хлеба крестьянину приходится оказывать ссуду голодному рабочему — это есть единственный способ для того, чтобы начать правильное строительство, для того, чтобы восстановить промышленность и т. д. Если крестьянин этого не делает, это есть возвращение к капитализму. Если крестьянин чувствует свою связь с рабочими, он готов отдать излишки хлеба по твердым ценам, т. е. за простую цветную бумажку, — это вещь необходимая, без этого нельзя спасти голодного рабочего от смерти, без этого нельзя восстановить промышленность. Эта задача неимоверно трудная. Нельзя решить эту задачу одним только насилем. Как бы ни кричали, что большевики есть партия насилия над крестьянами, мы говорим: господа, это — ложь! Если бы мы были партией насилия над крестьянами, то как бы мы могли удержаться против Колчака, как бы мы могли создать армию со всеобщей воинской повинностью, в которой восемь десятых — крестьяне, в которой все вооружены, в которой все на примере империалистской войны видели, что та же самая винтовка легко поворачивается в разные стороны? Как можем мы быть партией насилия над крестьянами, мы — партия, которая осуществляет союз рабочих с крестьянами, которая говорит крестьянам, что переход к свободной торговле есть возврат к капитализму и что наши насильственные изъятия излишков применяются к спекулянту, а не к трудящимся?

Разверстка хлеба должна лечь в основу нашей деятельности. Продовольственный вопрос лежит в основе всех вопросов. Мы должны много сил отдать для борьбы против Деникина. Пока нет полной победы, всегда еще возможны повороты и ни малейшего сомнения и легкомыслия быть не может. Но, при малейшем улучшении военного положения, мы должны как можно больше сил уделить на продовольственную работу, ибо это — основа всего. Разверстка должна быть доведена до конца. И только тогда, когда мы решим эту задачу и у нас будет социалистический фундамент, мы сможем строить на этом социалисти-

ческом фундаменте все то роскошное здание социализма, которое мы не раз начинали строить сверху и которое не раз разрушалось.

Другой основной вопрос — это вопрос о топливе, главном фундаменте нашего строительства. Это тот вопрос, на который натолкнулись мы теперь, когда не можем использовать наших продовольственных успехов, так как не можем подвезти хлеб, не можем использовать наших побед полностью, потому что нет топлива. У нас еще нет настоящего аппарата для того, чтобы сладить с топливным вопросом, но есть возможность сладить с ним.

Вся Европа испытывает теперь угольный голод. В самых богатых странах-победительницах, даже таких, как Америка, которая не испытала ни походов, ни вторжений, — если там так остро ставится вопрос о топливе, естественно, что он отражается и на нас. Угольную промышленность мы не можем восстановить даже при самых лучших условиях раньше, чем в несколько лет.

Нужно спастись посредством дров. Для этого мы бросаем новые и новые партийные силы на эту работу. В Совете Народных Комиссаров и в Совете Обороны в течение последней недели главное внимание было уделено этому вопросу и проведен ряд мер, которые должны дать в этом отношении такой же перелом, какого мы добились по отношению к нашим армиям Южного фронта. Надо сказать, что нельзя ослаблять в этом отношении нашу деятельность, что каждый наш шаг должен быть шагом победы в борьбе против топливного голода. Средства материальные у нас есть. Пока мы не поставим как следует угольную промышленность, мы можем обойтись посредством дров и обеспечить топливом промышленность. На эту основную задачу, товарищи, мы должны дать все партийные силы.

Третья наша задача есть борьба со вшами, теми вшами, которые разносят сыпной тиф. Этот сыпной тиф среди населения, истощенного голодом, больного, не имеющего хлеба, мыла, топлива, может стать таким бедствием, которое не даст нам возможности справиться ни с каким социалистическим строительством.

Здесь первый шаг нашей борьбы за культуру и здесь борьба за существование.

Это основные задачи. К ним я хотел бы больше всего привлечь внимание товарищей, принадлежащих к партии. На эти основные задачи до сих пор мы обращали внимания непропорционально мало. Девять десятых наших сил, что остались от военной работы, которую нельзя ослаблять ни на секунду, необходимо направить на эту первейшую задачу. Мы теперь ясно представляем себе остроту этого вопроса. Каждый в меру своих сил должен приложить свои усилия к этому делу. На это мы должны направить все наши силы.

Этим я кончаю политическую часть доклада. Что касается международной части, то тов. Чичерин осветит ее детально и прочтет то предложение, которое мы хотим сделать от имени съезда Советов воюющим державам.

Я коснусь совсем коротко партийных задач. Наша партия в ходе революции стала перед одной из крупнейших задач. С одной стороны, естественно, что к правящей партии примыкают худшие элементы уже потому, что эта партия есть правящая. С другой стороны, рабочий класс истощен и в разоренной стране, естественно, ослаблен. Между тем только передовая часть рабочего класса, только его авангард в состоянии вести свою страну. Чтобы осуществить эту задачу в смысле общегосударственного строительства, мы применяли, как одно из средств, субботники. Мы выставили лозунг: в нашу партию идут те, которые прежде всего мобилизуются на фронт; те же, кто не может воевать, должны на месте доказать, что они понимают, что такое рабочая партия, должны показать применение принципов коммунизма на деле. А коммунизм, если брать это слово в строгом значении, есть безвозмездная работа на общественную пользу, не учитывающая индивидуальных различий, стирающая всякое воспоминание о бытовых предрассудках, стирающая косность, привычки, разницу между отдельными отраслями работы, разницу в размере вознаграждения за труд и т. п. Это есть один из крупнейших залогов того, что не только в область военного, но и в область мирного строительства мы включаем рабочий класс и трудящихся. Дальнейшее развитие коммунистических субботников должно быть школой. Каждый шаг должен сопровождаться тем, что мы привлекаем в свою партию элементы рабочие и наиболее надежные элементы из других классов. Мы этого достигаем перерегистрацией.

Мы не боимся приступать к изъятию тех, кто не вполне надежен. Мы достигаем этого также тем, что доверяем члену партии, приходящему к нам в трудную минуту. Те члены партии, как показывает сегодняшний отчет Центрального Комитета, те тысячи и сотни тысяч, которые приходили к нам, когда Юденич стоял в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин к северу от Орла, когда вся буржуазия уже ликовала, эти члены партии заслуживают нашего доверия. Такое расширение партии мы ценим.

После того, как мы произвели такое расширение партии, мы должны ворота запереть, должны быть особенно осторожны. Мы должны сказать: теперь, когда партия побеждает, новых членов партии нам не нужно. Мы превосходно знаем, что в разлагающемся капиталистическом обществе к партии будет примазываться масса вредного элемента. Мы должны создавать партию, которая будет партией рабочих, в которой нет места примазывающимся, но мы должны привлекать к работе и массы, стоящие вне ее. Как это сделать? Средство здесь — рабочие и крестьянские беспартийные конференции. Недавно в «Правде» была напечатана статья о беспартийных конференциях. Эта статья, статья тов. Ростопчина, заслуживает особенного внимания. Я не знаю иного средства, которое решало бы эту задачу глубочайшей исторической важности. Партия не может раскрывать широко своих ворот, так как в эпоху разложения капитализма абсолютно неизбежно, что она вберет в себя элементы худшие. Партия должна быть узкой настолько, чтобы вбирать в себя вне рабочего класса только тех выходцев из других классов, которых она имеет возможность испытать с величайшей осторожностью.

Но у нас имеется несколько сот тысяч членов партии на страну, насчитывающую сотни миллионов населения. Как может такая партия управлять? Во-первых, у нее есть и должны быть помощником профессиональные союзы, которые охватывают миллионы, вторым помощником являются беспартийные конференции. На этих беспартийных конференциях мы должны уметь подойти к непролетарской среде, должны преодолеть предрассудки и мелкобуржуазные колебания — это одна из самых коренных и основных задач.

Мы должны учитывать успех наших партийных организаций не только тем, сколько членов партии работает на той или иной работе, не только тем, как успешно производится перерегистрация, но еще и тем, достаточно ли правильно и часто устраиваются эти беспартийные рабочие и крестьянские конференции, т. е. умеем ли подойти к той массе, которая не может сейчас войти в партию, но которую мы должны привлечь к работе.

Если мы победили Антанту, так это может быть потому, что мы снискали симпатии среди рабочего класса, среди этой самой беспартийной массы. Если мы в конце концов победили Колчака, то, может быть, именно потому, что Колчак потерял возможность черпать дальнейшие силы из резервуара трудящихся масс. А у нас есть такой резервуар, какого нет ни у одного правительства в мире и которого не может быть ни у какого правительства в мире, кроме правительства рабочего класса, потому что только правительство рабочего класса может смело черпать, с абсолютной уверенностью в успехе, из среды трудящихся самых угнетенных, самых отсталых. Мы можем и должны черпать из среды беспартийных рабочих и крестьян, потому что это наши вернейшие друзья. Для решения этих задач обеспечения хлебом, топливом и для победы над сыпным тифом, мы можем черпать силы именно из этих масс, больше всего угнетенных капиталистами и помещиками. И поддержка этих масс нам обеспечена. Мы будем продолжать все глубже и глубже черпать из этой среды, и мы можем сказать, что в конце концов победим всех наших противников. И в области мирного строительства, которое мы развернем после победы над Деникиным настоящим образом, мы сделаем еще гораздо больше чудес, чем сделали за эти два года в области военной.

«Известия ЦК РКП(б)» № 9,
20 декабря 1919 г.

Печатается по тексту
буллетеня «Известия ЦК РКП(б)»,
сверенному со стенограммой

3

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДОКЛАДУ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
2 ДЕКАБРЯ

Я отказался бы от заключительного слова, если бы меня не подзадорил т. Сапронов, и мне хочется с ним немножко пополемизировать. Нет сомнения, что к местным работникам, имеющим организационный опыт, нужно прислушиваться. Все их советы ценны для нас. Но я спрашиваю, что худого в том, что тут написано? Я не знаком был с этим пунктом. Сапронов дал мне его. Тут написано: «Проект инструкции губернским, уездным и волостным комитетам по работе в деревне»⁴⁴. Значит, инструкция направлена к тем местным работникам, через которых ведется вся местная работа. Если говорят о посылке агитаторов, комиссаров, агентов или уполномоченных Центрального Комитета, то они всегда и безусловно получают инструкции. В 9 пункте здесь говорится: «Добиваться от советских хозяйств и коммун помощи окрестным крестьянам, непосредственной реальной помощи». Я все-таки полагал, что даже агент Центрального Комитета имеет голову на плечах. Если действительно утверждено положение, то как он может требовать, чтобы отдали телегу, лошадь и т. д.? У нас имеется на этот счет достаточно инструкций, некоторые даже говорят, что их излишне много. И агент ЦК может добиваться чего-либо только в пределах инструкции, и ни один заведующий коммуной не может допустить, чтобы отдавали телегу, лошадь или корову. Но это вопрос серьезный, ибо на этой почве у нас часто портятся отношения с крестьянами, а на Украине могут быть второй раз испорчены, если мы не сумеем провести своей политической линии в жизнь. А провести

ее не трудно, и крестьяне будут рады помощи даже маленькой. Надо не только принять инструкцию, но и уметь ее провести. Если т. Сапронов боится, что у советского хозяйства отнимут корову, лошадь, телегу, то пусть он поделится с нами своим великолепным опытом в этом пункте и скажет: давайте дадим крестьянам орудия даром или по дешевой цене; это я понимаю. Но во всяком случае 9 пункт не будет этим устранен, а подтвержден. Отношения коммун и советских хозяйств к окружающему крестьянству — это один из самых больных вопросов всей нашей политики. Он будет таковым еще больше на Украине, завтра он станет таковым же и в Сибири. Сейчас мы идейно завоевали сибирского крестьянина, освободив его от Колчака. Но это не будет прочно, если мы не сумеем поставить этого дела так, чтобы этому крестьянину оказывалась реальная помощь, и, конечно, всякий агент, работающий в деревне, должен такую инструкцию получить. И всякого агента при отчете надо спрашивать: где же и чем помогли крестьянину советские хозяйства? По этому пункту указания т. Сапронова были неправильны. Использовать опыт местных работников — наша коренная, безусловная обязанность. (Аплодисменты.)

*«Известия ЦК РКП(б)» № 9,
20 декабря 1919 г.*

*Печатается по тексту
бюллетеня «Известия ЦК РКП(б)»,
сверенному со стенограммой*

4

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСУ
О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ ⁴⁵

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве советского строя, чему до сих пор мешало вмешательство Антанты и голодная блокада.

Рабоче-крестьянское правительство предлагало мир державам Антанты неоднократно, именно: 5 августа 1918 г. обращение Народного комиссариата иностранных дел к американскому представителю г. Пулю; 24 октября 1918 г. — к президенту Вильсону; 3 ноября 1918 г. — всем правительствам Согласия через представителей нейтральных стран; 7 ноября 1918 г. — от имени VI Всероссийского съезда Советов; 23 декабря 1918 г. — нота Литвинова в Стокгольме всем представителям Антанты; затем обращения 12 января, 17 января, 4 февраля 1919 г. и проект договора с Буллитом 12 марта 1919 г.; 7 мая 1919 г. через Наусена.

Вполне одобряя все эти многократные шаги Совета Народных Комиссаров и Народного комиссариата иностранных дел, VII съезд Советов еще раз подтверждает свое неуклонное стремление к миру, еще раз предлагает всем державам Антанты, Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии, всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире и поручает Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету,

Совету Народных Комиссаров и Народному комиссариату иностранных дел систематически продолжать эту мирную политику (или: систематически продолжать эту мирную политику, принимая все необходимые для ее успеха меры).

Написано 2 декабря 1919 г.

Впервые опубликовано в 1932 г.

Печатается по рукописи

5

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ВОПРОСУ
О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ
3 ДЕКАБРЯ

Товарищи! Мне немного придется говорить в заключительном слове, хотя, к сожалению, мне придется возражать больше не т. Яковлеву, который говорил передо мной, а т. Бубнову и Дробнису, которые говорили после меня. Несмотря на это частное только замечание приходится сделать.

По поводу речи т. Раковского приходится сказать, что когда он заявил, что советские хозяйства должны быть основанием нашего коммунистического строительства, то это неверно. Никаким образом так ставить дело мы не можем. Мы должны признать, что только весьма небольшую часть культурных хозяйств мы должны дать под советские хозяйства, иначе мы блока с мелким крестьянством не получим, а нам этот блок необходим. Когда некоторые товарищи говорили, что я рекомендую блок с боротьбистами⁴⁶, то это недоразумение. Я здесь сравнивал политику, которую нужно вести по отношению к боротьбистам, с той политикой, которую мы вели по отношению к правым эсерам. Тогда нас обвиняли, в первую неделю после Октября, между прочим на крестьянских съездах, — за то, что мы, захватив власть, не хотим использовать сил крестьян. Я говорил: мы взяли вашу программу целиком для использования сил крестьян, мы этого хотим, но союза с эсерами мы не хотим. Поэтому тов. Мануильский находится в чрезвычайно странном заблуждении точно так же, как и т. Дробнис и Бубнов, заявляя, будто бы я рекомендую блок с боротьбистами. Мое мнение состоит именно в том, чтобы указать, что нам нужен блок с крестьянством Украины, и для того, чтобы этот блок осуществился, мы

должны вести полемику с боротьбистами не так, как ее ведут. Все те, кто говорил о национальном вопросе, — это говорили и т. Дробнис и Бубнов и многие другие, — они в своей критике нашей цекистской резолюции показали, что они проявляют ту самую самостоятельность, в которой мы упрекали киевлян. Тов. Мануильский находится в чрезвычайном заблуждении, когда думает, что мы упрекали в самостоятельности в смысле национальном, в смысле независимости Украины. Мы упрекали в самостоятельности в смысле нежелания считаться с московскими взглядами, взглядами Центрального Комитета, находящегося в Москве. Это слово, которое употреблялось в шутку, имело совершенно иное значение.

Теперь вопрос стоит таким образом: нужен ли нам блок с украинским крестьянством, нужна ли нам такая же политика, какая нужна была в конце 1917-го года и в течение многих месяцев 1918-го? Я утверждаю, что нужна, и поэтому большую часть советских хозяйств нам нужно отдать для фактического раздела. Нам нужна борьба против крупных хозяйств, нам нужна борьба против мелкобуржуазных предрассудков, нам нужна борьба против партизанства. Боротьбисты говорят много о национальном вопросе, но не говорят о партизанстве. Мы должны требовать, чтобы боротьбисты разогнали спилку* учителей, хотя бы на украинском языке, хотя бы с украинской государственной печатью, но во имя тех же принципов пролетарской коммунистической политики, во имя которых мы свой ВУС, Всероссийский учительский союз, разогнали, ибо он не проводил принципов пролетарской диктатуры, а защищал интересы и проводил политику мелкой буржуазии.

Впервые напечатано в 1932 г.

Печатается по стенограмме

* — союз. Ред.

РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОММУН И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ АРТЕЛЕЙ⁴⁷

4 ДЕКАБРЯ 1919 г.

Товарищи! Я очень рад приветствовать от имени правительства ваш первый съезд земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей. Вы, конечно, все знаете из всей деятельности Советской власти, какое громадное значение придаем мы коммунам, артелям и всяким вообще организациям, направленным к превращению, постепенному содействию этому препрращению, мелкого, единоличного крестьянского хозяйства в общественное, товарищеское или артельное. Вы знаете, что Советская власть уже давно установила миллиардный фонд в помощь начинаниям такого рода⁴⁸. В «Положении о социалистическом землеустройстве»⁴⁹ особенно подчеркнуто значение коммун, артелей и всех предприятий общественной обработки земли, и Советская власть направляет все свои усилия к тому, чтобы этот закон не оставался только на бумаге, но чтобы он действительно приносил пользу, которую он должен принести.

Значение всех предприятий такого рода громадно, потому что, если бы прежнее бедное, нищенское, крестьянское хозяйство осталось по-старому тогда ни о какой прочной постройке социалистического общества не могло бы быть и речи. Лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим

образом многомиллионную крестьянскую массу. Поэтому значение всякого рода предприятий по содействию товарищескому, артельному земледелию трудно переоценить. Мы имеем миллионы разбросанных, распыленных в глуши деревень, отдельных хозяйств. Переделать эти хозяйства каким-нибудь быстрым способом, каким-нибудь приказом, воздействием извне, со стороны, было бы мыслью совершенно нелепой. Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что воздействовать на миллионные мелкие крестьянские хозяйства можно только постепенно, осторожно, лишь удачным практическим примером, ибо крестьяне — люди слишком практичные, слишком крепко связанные со старым земельным хозяйством, чтобы пойти на какие-либо серьезные изменения только на основании советов и указаний книжки. Этого быть не может, да это и было бы нелепостью. Лишь когда практически, на опыте, близком для крестьян, будет доказано, что переход к товарищескому, артельному земледелию необходим и возможен, лишь тогда мы вправе будем сказать, что в такой громадной крестьянской стране, как Россия, по пути социалистического земледелия сделав серьезный шаг. Поэтому это громадное значение коммун, артелей и товариществ, возлагающее на всех вас громадные государственные и социалистические обязанности, естественным образом заставляет Советскую власть и ее представителей относиться к этому вопросу с особенным вниманием и осторожностью.

В нашем законе о социалистическом землеустройстве сказано, что мы считаем безусловной обязанностью всяких предприятий товарищеского, артельного земледелия не обособляться, не отстраняться от окрестного крестьянского населения, а обязательно оказывать ему помощь. В законе это написано, в нормальных уставах всех коммун, артелей и товариществ это повторено, в инструкциях и указах нашего Комиссариата земледелия и всех органов Советской власти это постоянно развивается. Но все дело в том, чтобы найти действительно практический способ, как применить это к жизни. Здесь у меня нет еще уверенности в том, что мы эту главную трудность преодолели. И мне хотелось бы, чтобы ваш съезд, где вы имеете возможность поделиться друг с другом опытом собравшихся со всех концов России практических работников

общественных хозяйств, положил конец всем сомнениям и доказал, что мы овладаем, начинаем овладевать практически делом упрочения артелей, товариществ, коммун и вообще всякого рода коллективных, общественных земледельческих предприятий. Но чтобы это доказать, нужны, действительно, *практические* результаты.

Когда мы читаем уставы земледельческих коммун или книги, посвященные этому вопросу, то кажется, что мы слишком много места в них уделяем пропаганде, теоретическому обоснованию необходимости организации коммун. Конечно, это вещь необходимая — без обстоятельной пропаганды, без разъяснения преимуществ товарищеского земледелия, без повторения этой мысли тысячи и тысячи раз, мы не можем рассчитывать, что в широких массах крестьянства поднимется интерес и начнется практическое испытание способов его проведения в жизнь. Конечно, пропаганда необходима, и повторений нам бояться нечего, потому что то, что для нас кажется повторением, для многих сотен и тысяч крестьян будет, пожалуй, не повторением, а в первый раз открываемой ими истиной. И если у нас является мысль, что мы слишком много внимания уделяем пропаганде, то нужно сказать, что нам необходимо еще в сто раз больше это делать. Но если я это говорю, то говорю в том смысле, что если мы подходим к крестьянству с общим разъяснением полезности устройства земледельческих коммун и, наряду с этим, не умеем на деле показать ему практическую пользу, привносимую ему товарищескими, артельными хозяйствами, то оно не станет оказывать доверия нашей пропаганде.

Закон говорит, что коммуны, артели, товарищества должны помогать окрестному крестьянскому населению. Но государство, рабочая власть дает миллиардный фонд для того, чтобы оказывать помощь земледельческим коммунам и артелям. И, конечно, если та или иная коммуна будет оказывать крестьянам помощь из этого фонда, то я боюсь, что это вызовет со стороны крестьян только насмешки. И это будет вполне основательно. Всякий крестьянин скажет: «Разумеется, если вам миллиардный фонд дают, то вам, ведь, нетрудно кое-что из этого и поманить». Я боюсь, что крестьянин только посмеется над этим, ибо к этому вопросу он относится очень внимательно и очень недоверчиво. Крестьянин привык со стороны

государственной власти в течение многих веков встречать лишь одно угнетение, поэтому он привык относиться недоверчиво ко всему, что идет от казны. И если помощь со стороны сельскохозяйственных коммун крестьянам будет осуществляться только для того, чтобы исполнить слово закона, то такая помощь будет не только бесполезна, но из нее может получиться только вред. Ибо название сельскохозяйственных коммун очень большое, связанное с понятием коммунизма. Хорошо, если коммуны на практике показывают, что в них действительно ведется серьезная работа по улучшению крестьянского хозяйства — тогда, несомненно, поднимется авторитет и коммунистов и коммунистической партии. Но сплошь и рядом бывало так, что коммуны возбуждали в крестьянстве лишь отрицательное отношение к себе, и слово «коммуна» делалось иногда даже лозунгом борьбы против коммунизма. И так бывало не только тогда, когда делались слепые попытки насильственным путем загнать крестьян в коммуны. Нелепость этого так резко бросалась всем в глаза, что Советская власть давным-давно выступила против них. И я надеюсь, что если теперь и встречаются единичные примеры этого насплиня, то их немного, и вы воспользуетесь настоящим съездом для того, чтобы последние следы этого безобразия полностью стереть с лица Советской республики и чтобы ни на один пример не могло сослаться окрестное крестьянское население для поддержки того старого мнения, будто бы вступление в коммуну связано с каким-либо насплинем.

Но даже если мы от этого старого недостатка отделаемся и полностью победим это безобразие, то все же это будет самой небольшой долей того, что нам следует сделать. Ибо необходимость помощи коммунаам со стороны государства осталась, и мы не были бы коммунистами и сторонниками введения социалистического хозяйства, если бы не осуществляли государственной помощи всякого рода коллективным земледельческим предприятиям. Мы вынуждены это делать и потому, что это соответствует всем нашим заданиям, и так как мы прекрасно знаем, что эти товарищества, артели и коллективные организации являются новшеством, и если ему не оказать поддержку со стороны рабочего класса, стоящего у власти, то оно не привьется. Для того же, чтобы оно привилось, нам надо именно ввиду того,

что государство приходит к нему с денежной и со всякого рода иной помощью, добиться того, чтобы крестьяне не могли встретить это с насмешкой. Мы должны всегда опасаться того, чтобы крестьянин не сказал про коммунара и членов артелей и товариществ, что они — казенные нахлебники и отличаются от крестьян только тем, что им дают льготы. Если дать землю да пособие на постройку из миллиардного фонда, то всякий дурак будет жить немножко получше, чем простой крестьянин. Что же тут коммунистического и какое здесь улучшение, — скажет крестьянин, — за что же мы их должны уважать? Конечно, если выбрать несколько десятков или сотен человек и дать им миллиарды, они будут работать.

Вот такое именно отношение со стороны крестьян больше всего внушает опасений, и я хотел бы обратить внимание товарищей, съехавшихся на этот съезд, на этот вопрос. Его необходимо практически решить так, чтобы мы могли сказать себе, что мы не только избежали этой опасности, но и нашли средства бороться за то, чтобы крестьянин так думать не мог, но, наоборот, чтобы он в каждой коммуне, в каждой артели увидал нечто такое, чему государственная власть помогает, и нашел бы в ней новые способы земледелия не в книгах и не в речах (это очень дешево), но в практической жизни показывающие свои преимущества перед старыми. Вот в чем трудность решения задачи, и вот почему и нам, имея перед глазами только сухие цифры, трудно судить о том, доказали ли мы на деле, что каждая коммуна, каждая артель есть действительно выше всех предприятий старого порядка, что рабочая власть здесь помогает крестьянину.

Я думаю, что практически для решения этого вопроса было бы очень желательным, чтобы вы, имея практическое знакомство с целым рядом окрестных коммун, артелей и товариществ, выработали бы приемы действительно фактического контроля над тем, как осуществляется закон, который требует помощи окрестному населению со стороны сельскохозяйственных коммун; как проводится в жизнь переход к социалистическому земледелию и в чем он выражается конкретно в каждой коммуне, артели, товариществе; как именно это проводится, сколько товариществ, коммун на деле проводят его, а сколько только собираются; сколько раз наблюдалось, что коммуны оказывают помощь

и какой характер носила эта помощь — филантропический или социалистический.

Если коммуны и артели из оказанной им государством помощи уделяют часть крестьянам, то это лишь даст повод каждому крестьянину думать, что здесь только добрые люди ему помогают, но вовсе не доказывает перехода к социалистическому порядку. Крестьяне же к таким «добрым людям» испокон веков привыкли относиться недоверчиво. Нужно суметь проверить, в чем действительно сказался этот новый общественный порядок, каким путем крестьянам доказывается, что товарищеская, артельная обработка земли лучше единоличной крестьянской обработки и лучше *не* благодаря казенной помощи; нужно добиться того, чтобы суметь крестьянам доказать и *без* казенной помощи практическое осуществление этого нового порядка.

К сожалению, мне не придется присутствовать на вашем съезде до конца, и я не смогу поэтому принять участие в выработке этих способов проверки. Но я уверен, что вместе с теми товарищами, которые руководят нашим Комиссариатом земледелия, вы такие способы найдете. Я с удовольствием прочел статью Народного Комиссара земледелия тов. Середы, в которой он подчеркивает, что коммуны и товарищества должны не отрываться от окрестного крестьянского населения, а стараться улучшить его хозяйство. Надо так поставить коммуну, чтобы она стала образцовой и чтобы соседние крестьяне сами потянулись к ней; надо суметь показать им практический пример, как надо помогать людям, ведущим хозяйство при таких тяжелых условиях бестоварья и всеобщей разрухи. Для того, чтобы определить практические способы проведения этого в жизнь, нужно выработать очень подробную инструкцию, которая должна перечислять все виды помощи окрестному крестьянскому населению, должна опрашивать каждую коммуну, что ею сделано для оказания поддержки крестьянам, должна указать способы, как достичь того, чтобы из существующих двух тысяч коммун и около четырех тысяч артелей каждая была ячейкой, способной на деле укрепить среди крестьян убеждение, что коллективное земледелие, как переход к социализму, есть вещь полезная, а не блажь, не простой бред.

Я уже говорил, что закон требует от коммун помощи окрестному крестьянскому населению. Выразиться как-либо

иначе в законе, дать в нем какие-либо практические указания мы не могли. Нам надо было установить общие положения и рассчитывать на то, что сознательные товарищи на местах будут добросовестно применять этот закон и сумеют найти тысячу способов, как его практически применить в конкретных хозяйственных условиях каждой местности. Но, разумеется, всякий закон можно обойти, даже под видом его исполнения. И закон о помощи крестьянам, при недобросовестном его применении, может превратиться в совершеннейшую игрушку и достичь совсем противоположных результатов.

Коммуны должны развиваться в том направлении, чтобы при соприкосновении с ними стали изменяться условия крестьянского хозяйства, встречая хозяйственную помощь, и чтобы каждая коммуна, артель или товарищество умели положить начало улучшению этих условий и практически его осуществить, доказав на деле крестьянам, что это изменение приносит им только пользу.

Вы можете, естественно, подумать, что нам скажут: для того, чтобы улучшить хозяйство, надо иметь условия, отличающиеся от условий теперешней разрухи, вызванной четырехлетней империалистской и двухлетней гражданской войной, которую нам навязали империалисты. При таких условиях, как у нас, где уж тут думать о широком распространении улучшений земледельческих хозяйств, — дай бог как-нибудь продержаться и не умереть с голоду.

Вполне естественно, что такого рода сомнения могут быть высказаны. Но если бы мне пришлось отвечать на подобные возражения, то я сказал бы следующее. Допустим, что, действительно, в силу расстроенного хозяйства, в силу разрухи, бестоварья, слабости транспорта, уничтожения скота и орудий, широкого улучшения хозяйства провести нельзя. Нет сомнения, однако, что в целом ряде отдельных случаев неширокое улучшение хозяйства осуществимо. Но допустим, что даже и этого нет. Значит ли это, что коммуны не могут внести изменений в окружающую жизнь крестьян и не могут доказать крестьянам, что коллективные земледельческие предприятия — не искусственно выращенное, тепличное растение, но новая помощь рабочей власти трудящемуся крестьянству, содействие ему в его борьбе против кулачества? Я уверен, что если даже так поставить вопрос, если мы допустим невозможность

осуществления улучшений в условиях теперешней разрухи, то, имея в коммунах и артелях добросовестных коммунистов, можно достичь очень и очень многого.

Чтобы не оставаться голословным, я сошлюсь на то, что у нас в городах называли субботниками. Так называли бесплатную работу городских рабочих сверх того, что требуется от каждого рабочего, посвященную в течение нескольких часов какой-нибудь общественной потребности. Они были введены впервые в Москве железнодорожниками Московско-Казанской железной дороги. На один из призывов Советской власти, указывающий на то, что красноармейцы на фронтах приносят неслыханные жертвы и, несмотря на все бедствия, которые им приходится испытывать, одерживают невиданные победы над врагами, и говорящий вместе с тем, что довести эти победы до конца мы сможем лишь в том случае, если этот героизм, это самопожертвование будут иметь место не только на фронтах, но и в тылу, — московские рабочие ответили устройством субботников. Несомненно, что московским рабочим приходится испытывать бедствий и нужды гораздо больше, чем крестьянам, и если вы с условиями их жизни ознакомитесь и подумаете над тем, что они смогли при этих неслыханно тяжелых условиях начать осуществление субботников, то вы согласитесь, что нельзя никакой тяжестью условий отговариваться от того, что можно сделать при всяких условиях, применяя тот же способ, какой применили московские рабочие. Ничто не помогло так повысить авторитет коммунистической партии в городе, так поднять уважение со стороны беспартийных рабочих к коммунистам, как эти субботники, когда они перестали быть единичным явлением и когда беспартийные рабочие на деле увидели, что члены господствующей коммунистической партии несут на себе обязанности, и коммунисты допускают новых членов в партию не для того, чтобы они пользовались выгодами, связанными с положением правительственной партии, а для того, чтобы они показывали пример действительно коммунистического труда, т. е. такого, который ведется бесплатно. Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу. Мы знаем, что сейчас вводить социалистический порядок мы не можем, — дай бог, чтобы при наших детях, а может быть, и внуках он

был установлен у нас. Но мы говорим, что члены господствующей коммунистической партии берут на себя и больше всего трудностей в борьбе с капитализмом, мобилизуя лучших коммунистов для отправки на фронт, а от тех, которые не могут быть для этого использованы, требуя выполнения субботников.

Применяя эти субботники, которые вошли в распространение в каждом крупном промышленном городе, участия в которых партия требует теперь от каждого своего члена, карая за неисполнение даже исключением из партии, применяя это средство в коммунах, артелях и товариществах, вы сможете и должны при самых худших условиях добиться того, чтобы крестьянин видел в каждой коммуне, артели, товариществе союз, отличающийся не тем, что он получает казенное пособие, а тем, что в нем собраны лучшие представители рабочего класса, не только проповедующие социализм для других, но и умеющие осуществлять его сами, умеющие показать, что они даже при худших условиях умеют коммунистически хозяйничать и помогать, чем могут, окрестному крестьянскому населению. По этому пункту не может быть никаких отговорок, тут нельзя ссылаться на бестоварье, на отсутствие семян или на падеж скота. Здесь мы получаем проверку, которая, во всяком случае, позволит нам сказать определенно, насколько мы практически овладели той трудной задачей, которую мы перед собой поставили.

Я уверен, что общее собрание представителей коммун, товариществ и артелей обсудит это и поймет, что применение такого способа действительно послужит громадным средством в деле упрочения коммун и товариществ и добьется тех практических результатов, чтобы нигде в России не могло быть ни одного случая враждебного отношения к коммунам, артелям и товариществам со стороны крестьян. Но этого мало; надо, чтобы крестьянство относилось к ним сочувственно. И мы, представители Советской власти, со своей стороны все сделаем для того, чтобы этому помочь, и чтобы наша государственная помощь из миллиардного фонда или из других источников применялась только в тех случаях, когда действительно будет практически осуществляться сближение трудовых коммун и артелей с жизнью окрестных крестьян. Вне этих условий всякую помощь артелям или товариществам мы считаем

не только бесполезной, но и безусловно вредной. Помощь коммуна окрестным крестьянам нельзя считать помощью, которая происходит только от избытка, но нужно, чтобы эта помощь была социалистической, т. е. давала бы возможность крестьянам переходить от обособленного, единоличного хозяйства к товарищескому. А это можно сделать лишь тем способом субботников, о котором я здесь говорил.

Если вы учтете этот опыт городских рабочих, начавших движение в пользу субботников, живя в условиях неизмеримо более худших, чем крестьяне, то я уверен, что при вашей общей, единодушной поддержке мы добьемся того, чтобы каждая из существующих теперь нескольких тысяч коммун и артелей стала настоящим рассадником коммунистических идей и представлений среди крестьян, практическим примером, показывающим им, что она, хотя и слабый, маленький еще росток, но все же не искусственный, не парниковый, а настоящий росток нового социалистического строя. Лишь тогда мы одержим прочную победу над старой темнотой, разорением и нуждой, лишь тогда нам не будут страшны никакие трудности на нашем дальнейшем пути.

«Правда» № 273 и 274;
5 и 6 декабря 1919 г.

Печатается по тексту
газеты «Правда»

**VII ВСЕРОССИЙСКИЙ
СЪЕЗД СОВЕТОВ**⁵⁰

5—9 ДЕКАБРЯ 1919 г.

*Напечатано 7, 9 и 10 декабря 1919 г.
в газете «Правда» № № 275, 276 и 277*

*Печатается по тексту книги:
«7-й Всероссийский съезд Советов
рабочих, крестьянских, красноар-
мейских и казачьих депутатов.
Стенографический отчет». Москва,
1920, сверенному со стенограммой*

1

ДОКЛАД ВЦИК И СОВНАРКОМА
5 ДЕКАБРЯ

(Аплодисменты, делегаты съезда встают с мест и приветствуют Ленина.) Товарищи! Мне предстоит дать вам политический доклад, по решению президиума соединенный из доклада ВЦИК и доклада Совнаркома. Я надеюсь, что вы не ждете от меня перечисления тех законов и административных мероприятий, которые мы провели за отчетный год. Нет сомнения, что с этим вы ознакомились по газетам. Кроме того, почти все наши комиссарнаты издали коротенькие брошюрки, которые раздаются всем делегатам съезда и отмечают главное, сделанное каждым комиссариатом за отчетный период. Я бы хотел остановить ваше внимание на некоторых сводных результатах, которые на мой взгляд могут быть выведены из пережитого нами и могут послужить полезным указанием и материалом для той работы, которой все товарищи-делегаты будут теперь заняты на местах.

Прежде всего, когда говоришь о политических результатах нашей деятельности и о политических уроках из нее, на первое место ставится само собою международное положение Советской республики. Мы всегда говорили и перед Октябрем и во время Октябрьской революции, что рассматриваем себя и можем рассматривать только как один из отрядов международной армии пролетариата, причем такой отряд, который выдвинулся вперед вовсе не в меру своего развития и своей подготовки, а в меру исключительных условий России, и что поэтому считать окончательной победу социалистической революции можно лишь тогда, когда она станет победой пролетариата, по

крайней мере, в нескольких передовых странах. И вот в этом отношении нам пришлось пережить больше всего трудностей.

Наша, если можно так выразиться, ставка на международную революцию подтвердилась всемерным образом, если смотреть в общем и целом. Но с точки зрения быстроты развития мы пережили время особенно тяжелое, мы испытали на себе, что развитие революции в более передовых странах оказалось гораздо более медленным, гораздо более трудным, гораздо более сложным. Это не может нас удивлять, потому что — естественное дело — для такой страны, как Россия, было гораздо легче начать социалистическую революцию, чем для передовых стран. Но, во всяком случае, это более медленное, более сложное, более зигзагообразное развитие социалистической революции в Западной Европе возложило на нас непероятнейшие трудности. И прежде всего задаешь себе вопрос, как могло совершиться такое чудо, что два года продержалась в отсталой, разоренной и уставшей от войны стране Советская власть, несмотря на упорную борьбу сначала германского империализма, который считался тогда всемогущим, а затем империализма Антанты, который год тому назад разделался с Германией, не знал себе соперников и владычествовал над всеми странами земли, без малейшего изъятия? С точки зрения простого учета сил, с точки зрения военного взвешивания сил, это действительно чудо, потому что Антанта была и остается неизмеримо более могущественной, чем мы. И тем не менее отчетный год знаменателен больше всего как раз тем, что мы одержали гигантскую победу, — настолько большую победу, что, пожалуй, не преувеличивая, можно сказать, что *главные трудности уже позади*. Как еще ни велики предстоящие нам опасности и трудности, все же главное, повидимому, осталось позади. Нужно уяснить себе причины этого и, главное, правильно определить свою политику в дальнейшем, ибо будущее почти наверное нам принесет не раз еще попытки Антанты повторить свое вмешательство, и, может быть, появится снова прежний разбойничий союз международных и русских капиталистов для восстановления власти помещиков и капиталистов, для свержения Советской власти в России, одним словом, преследующий ту же цель — затушить тот очаг всемирного социалистического пожара, которым

сделалась Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Рассматривая с этой точки зрения историю вмешательства Антанты и полученный нами политический урок, я скажу, что эта история разделяется на три главных этапа, из которых каждый дает нам один за другим глубокую и прочную победу.

Первым этапом, естественно более доступным и более легким для Антанты, была ее попытка разделаться с Советской Россией при помощи своих собственных войск. Конечно, после того, как Антанта победила Германию, она имела миллионные армии, еще не заявлявшие прямо о мире и не сразу пришедшие в себя от того пугала германского империализма, которым их пугали во всех западных странах. Конечно, в такое время с точки зрения военной, с точки зрения внешней политики для Антанты ничего не стоило взять одну десятую долю своих армий и направить в Россию. Заметьте, что в ее руках было полное господство над морем, полное господство над флотом. Доставка войск и снабжение всегда были всецело в ее руках. Если бы в то время Антанта, ненавидя нас так, как только может ненавидеть социалистическую революцию буржуазия, — если бы она смогла сколько-нибудь успешно хотя бы десятую долю своих армий бросить против нас, — вет ни малейшего сомнения, что судьба Советской России была бы решена и ее постигла бы участь Венгрии.

Почему это не удалось Антанте? Она высадила войска в Мурманске. Поход на Сибирь был предпринят при помощи войска Антанты, и японские войска держат до сих пор отдаленный кусок Восточной Сибири, а во всей Западной Сибири были, хотя по числу и небольшие, но были отряды войска всех государств Антанты. Затем французские войска были высажены на юге России. Это — первый этап международного вмешательства в наши дела, первая попытка, так сказать, задушить Советскую власть войсками, которые Антанта взяла у себя, т. е. рабочими и крестьянами более передовых стран, причем они были снабжены великолепно, и вообще в смысле технических и материальных условий кампании не было ничего, чего бы Антанта не была в состоянии удовлетворить. Перед нею не было никаких препятствий. Чем же объяснить, что эта попытка потерпела неудачу? Она кончилась тем, что Антанте пришлось

убрать из России войска, потому что войска Антанты оказались неспособными вести борьбу против революционной Советской России. Это всегда, товарищи, составляло для нас главный и основной аргумент. С самого начала революции мы говорили, что мы представляем из себя партию интернационального пролетариата, и, как бы ни велики были трудности революции, придет время, — и в самый решительный момент скажется сочувствие, солидарность рабочих, угнетенных международным империализмом. Нас за это обвиняли в утопизме. Но опыт нам показал, что если не всегда и не на все выступления пролетариата можно рассчитывать, то можно сказать, что за эти два года всемирной истории мы оказались тысячу раз правы. Попытка англичан и французов своими войсками задушить Советскую Россию, попытка, которая обещала им наверняка самый легкий успех в кратчайшее время, — эта попытка кончилась крахом: английские войска ушли из Архангельска, французские войска, высадившиеся на юге, все были увезены на родину. И мы знаем теперь, — несмотря на блокаду, на окружающее нас кольцо, до нас все-таки доходят известия из Западной Европы, мы получаем хотя бы разрозненные номера английских и французских газет, из которых узнаем, что письма английских солдат из Архангельской области все-таки в Англию попадали и там печатались. Мы знаем, что имя французенки, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе, — это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы, стало тем именем, вокруг которого все французские рабочие, без различия казавшихся столь трудно преодолимыми фракционных течений синдикализма, — все объединились для выступления против международного империализма. То, что писал однажды т. Радек, — который, к счастью, как сегодня сообщают, освобожден Германией и которого мы, быть может, скоро увидим, — что горящая революционным пожаром почва России окажется недоступной для войск Антанты, то, что казалось простым увлечением публициста, оказалось фактом, в точности осуществившимся на деле. Действительно, на нашей почве, несмотря на всю нашу отсталость, несмотря на всю тяжесть нашей борьбы, рабочие и крестьяне Англии и Франции оказались

не в состоянии бороться против нас. Результат получился в нашу пользу. Первый раз, когда попробовали двинуть против нас массовые военные силы, — а без них победить нельзя, — это привело, благодаря правильному классовому инстинкту, только к тому, что французские и английские солдаты привезли из России ту самую язву большевизма, против которой выступали немецкие империалисты, когда высылали из Берлина наших послов⁵¹. Они думали этим забаррикадироваться от язвы большевизма, теперь целиком охватившей всю Германию усилением рабочего движения. Эта победа, которую мы одержали, вынудив убрать английские и французские войска, была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств.

И тут обнаружилось, как поверхностно, как неясно суждение об этих якобы демократических странах по тем признакам, по которым о них судить принято. В парламентах у них прочное буржуазное большинство. Это они называют «демократией». Что капитал господствует и давит все, прибегает до сих пор к военной цензуре, это они называют «демократией». Среди миллионов номеров газет и журналов у них едва найдется ничтожная доля, где бы было сказано что-нибудь, хотя бы даже косноязычно, в пользу большевиков. Они поэтому говорят: «Мы защищены от большевиков, у нас господствует порядок», который они называют «демократией». Как же могло случиться, что небольшая часть английских солдат и французских матросов могла заставить убрать войска Антанты из России? Что-то тут не так. Значит, народные массы за нас, даже в Англии, Франции и Америке; значит, все эти верхушки есть обман, как это всегда утверждали социалисты, не желавшие изменять социализму; значит, буржуазный парламентаризм, буржуазная демократия, буржуазная свобода печати есть только свобода для капиталистов, свобода подкупать общественное мнение, давить на него всей силой денег. Вот что говорили всегда социалисты, пока империалистская война не развела их по национальным лагерям и не превратила каждую национальную группу социалистов в лакеев своей буржуазии. Это говорили социалисты до

войны, это всегда говорили интернационалисты и большевики во время войны, — все это оказалось полностью правдой. Все эти верхушки, вся эта показная сторона, это — обман, который становится массам все более и более очевидным. Они все кричат о демократизме, но ни в одном парламенте мира они не посмели сказать, что объявляют войну Советской России. Поэтому в целом ряде издавий французских, английских, американских, которые появились у нас, мы читаем предложение: «Предать суду главы государств за то, что они нарушили конституцию, за то, что ведут войну с Россией без объявления войны». Когда, где, какой параграф конституции, какой парламент ее разрешил? Где они собрали представителей, хотя бы засадив предварительно в тюрьму всех большевиков и большевистствующих, как выражается французская печать? Даже при этих условиях они не смогли сказать в своих парламентах, что они воюют с Россией. Вот что было причиной того, что великолепно вооруженные, никогда не знавшие поражений войска Англии и Франции не смогли разбить нас и ушли с Архангельского севера и с юга.

Это — наша первая и основная победа, потому что это не только военная и даже вовсе не военная победа, а победа на деле той международной солидарности трудящихся, во имя которой мы всю революцию начинали, указывая на которую мы говорили, что, как бы много ни пришлось нам испытать, все эти жертвы сторицей окупятся развитием международной революции, которая неизбежна. Это проявилось в том, что в таком деле, где больше всего играют роль самые грубые и материальные факторы, в военном деле, мы победили Антанту тем, что отняли у нее рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры.

После этой первой победы наступила вторая эпоха вмешательства Антанты в наши дела. Во главе каждой нации стоит группа политиков, у которых имеется великолепный опыт, и потому они, проиграв эту ставку, поставили ставку на другое, пользуясь своим господством над всем миром. Нет ни одной страны, не осталось теперь ни одного куска земного шара, где бы фактически не господствовал полностью английский, французский и америнанский финансовый капитал. На этом была основана новая попытка, которую они сделали — заставить те маленькие государства, которые окружают Россию и из которых многие осво-

бодились и получили возможность объявить себя независимыми только во время войны — Польша, Эстляндия, Финляндия, Грузия, Украина и др., — попытаться заставить эти маленькие государства воевать против России на английские, французские и американские деньги.

Вы, может быть, помните, товарищи, как наши газеты обошло известие про речь известного английского министра Черчилля, который сказал, что на Россию будут наступать 14 государств и что к сентябрю падет Петроград, а к декабрю — Москва. Я слышал, что Черчилль потом опровергал это известие, но оно было взято из шведской газеты «Фолькетс Дагблад Политикен»* от 25 августа. Но если бы даже этот источник оказался неправильным, мы прекрасно знаем, что дела Черчилля и английских империалистов были именно таковы. Мы прекрасно знаем, что на Финляндию, Эстляндию и другие мелкие страны оказывались все меры воздействия для того, чтобы они воевали против Советской России. Мне пришлось прочитать одну передовицу английской газеты «Таймс»**, — самой влиятельной буржуазной газеты в Англии, — передовицу, написанную в то время, когда войска Юденича, заведомо снабженные, экипированные и подвезенные на судах Антанты, стояли в нескольких верстах от Петрограда и Детское Село было взято. Статья представляла из себя настоящий поход, где все силы давления были использованы — давления военного, дипломатического, исторического. Английский капитал обрушивался на Финляндию и ставил ей ультиматум: «Весь мир смотрит на Финляндию, — говорили английские капиталисты, — вся судьба Финляндии зависит от того, поймет ли она свое назначение, поможет ли она подавить грязную, мутную, кровавую волну большевизма и освободить Россию». И за это «великое и нравственное» дело, за это «благородное, культурное» дело обещали Финляндии столько-то миллионов фунтов, такой-то кусок земли и такие-то блага. И какой получился результат? Было время, когда войска Юденича стояли в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин стоял к северу от Орла, когда малейшая помощь им быстро решила бы судьбу Петрограда в пользу наших врагов, в кратчайший срок и с ничтожными жертвами.

* — «Народный Политический Ежедневник». Ред.

** — «Времена». Ред.

Все давление Антанты обрушилось на Финляндию, а Финляндия у ней в долгу, как в шелку. И не только в долгу: она не может без помощи этих стран прожить месяца. Как же произошло такое «чудо», что мы выиграли тяжбу с таким противником? А мы ее выиграли. Финляндия в войну не вошла, и Юденич оказался разбитым, и Деникин оказался разбитым в такой момент, когда их совместная борьба самым верным, самым быстрым образом привела бы к решению всей борьбы в пользу международного капитализма. Мы выиграли тяжбу с международным империализмом в этом самом серьезном, отчаянном испытании. Как же мы ее выиграли? Как могло быть такое «чудо»? Оно было потому, что Антанта ставила ставку, какую ставят все капиталистические государства, действующие исключительно и всецело обманом, давлением, и потому она каждым своим действием возбуждала против себя такое противодействие, что получалась выгода для нас. Мы стояли слабо вооруженными, измученными и говорили финляндским рабочим, которых задавила финляндская буржуазия: «Вы не должны воевать против нас». Антанта стояла во всей силе своего вооружения, своего внешнего могущества, всех своих продовольственных благ, которые она могла дать этим странам, и требовала, чтобы они боролись против нас. Мы выиграли эту тяжбу. Мы выиграли потому, что у Антанты своих войск, которые она могла бы бросить против нас, уже не было, она должна была действовать силами маленьких народов, а маленькие народы, не только рабочие и крестьяне, но даже порядочная часть буржуазии, раздавившей рабочий класс, в конце концов не пошли против нас.

Когда империалисты Антанты говорили о демократии и независимости, эти народы имели дерзость, с точки зрения Антанты, а с нашей точки зрения — глупость, брать эти обещания всерьез и понимать независимость так, что это действительно независимость, а не средство для обогащения английских и французских капиталистов. Они думали, что демократия — это значит жить свободными, а не значит, что все американские миллиардеры могут грабить их страну и всякий дворянчик-офицер может держать себя, как хам, и превращаться в наглого спекулянта, который из-за нескольких сот процентов прибыли идет на самые грязные дела. Вот чем мы победили! Антанта, дави на эти

маленькие страны, на каждую из этих 14 стран, встречала противодействие. Финская буржуазия, которая подавила белым террором десятки тысяч финских рабочих и знает, что это ей не забудется, что нет уже того немецкого штыка, который давал ей возможность это сделать, — эта финская буржуазия ненавидит большевиков всеми силами, какими может ненавидеть хищник рабочих, которые его скинули. Тем не менее эта финская буржуазия говорила себе: «Если нам пойти по указаниям Антанты — значит, безусловно потерять всякие надежды на независимость». А эту независимость им дали большевики в ноябре 1917 года, когда в Финляндии было буржуазное правительство. Таким образом, мясные широких кругов финляндской буржуазии оказалось колеблющимся. Мы выиграли тяжбу с Антантой, потому что она рассчитывала на мелкие нации и вместе с тем от себя их оттолкнула.

На этом опыте в громадном, всемирно-историческом масштабе подтверждается то, что мы всегда говорили. Есть две силы на земле, которые могут определить судьбы человечества. Одна сила — международный капитализм, и раз он победит, он проявит эту силу бесконечными зверствами — это видно из истории развития каждой маленькой нации. Другая сила — международный пролетариат, который борется за социалистическую революцию посредством диктатуры пролетариата, которую он называет демократией рабочих. Нам не верили ни колеблющиеся элементы у нас в России, ни буржуазия мелких стран, объявляя нас утопистами или разбойниками, а то еще хуже, ибо нет того нелепого и чудовищного обвинения, которое против нас не возводили бы. Но когда стал ребром вопрос: идти ли с Антантой, помогать ли ей душить большевиков, или помочь большевикам своим нейтралитетом, — оказалось, что мы выиграли тяжбу и получили нейтралитет. Хотя у нас не было никаких договоров, а у Англии, Франции и Америки были всякие векселя, всякие договоры, — все-таки маленькие страны поступили так, как хотели мы, не потому, что буржуазия польской, финляндской, литовской, латышской доставляло удовольствие вести свою политику ради прекрасных глаз большевиков, — это, конечно, чепуха, — а потому, что мы были правы в своем определении всемирно-исторических сил: что либо зверский капитал победит и, будь какая угодно демократическая республика,

он будет душить все малые народы мира; либо победит диктатура пролетариата, — и только в этом надежда всех трудящихся и всех малых, забитых, слабых народов. Оказалось, что мы были правы не только в теории, а и в практике мировой политики. Когда у нас завязалась эта тяжба из-за войск Финляндии, Эстляндии, мы эту тяжбу выиграли, хотя они могли задавить нас ничтожными силами. Несмотря на то, что Антанта всю громадную силу и своего финансового давления, и военной мощи, и доставки продовольствия, — все бросила на чашку весов, чтобы заставить Финляндию выступить, — все же мы эту тяжбу выиграли.

Это, товарищи, второй этап международного вмешательства, это наша вторая всемирно-историческая победа. Во-первых, мы отвоевали у Англии, Франции и Америки их рабочих и крестьян. Эти войска не смогли против нас бороться. Во-вторых, мы отвоевали у них эти малые страны, которые все против нас, в которых везде господствует не Советская, а буржуазная власть. Они осуществили по отношению к нам дружественный нейтралитет и пошли против всемирно-могущественной Антанты, ибо Антанта была хищником, который хотел их давить.

Тут произошло в международном масштабе то же, что произошло с сибирским крестьянином, который верил в Учредительное собрание, помогал эсерам и меньшевикам соединиться с Колчаком и бить нас. Когда он испытал, что Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской, тогда он организовал тот громадный ряд восстаний в Сибири, о которых мы получили точные донесения от товарищей и которые теперь обеспечивают нам полный возврат Сибири, — на этот раз сознательный. То, что было с сибирским мужичком, при всей его неразвитости и политической темноте, то же самое произошло теперь в масштабе более широком, в масштабе всемирно-историческом, со всеми маленькими нациями. Они ненавидели большевиков, некоторые из них кровавой рукой, бешеным белым террором подавляли большевиков, а когда увидели «освободителей», английских офицеров, то поняли, что значит английская и американская «демократия». Когда представители английской и американской буржуазии появились в Финляндии, в Эстляндии, они начали душить с наглостью большей, чем русские империалисты, —

большей потому, что русские империалисты были представителями старого времени и душить, как следует, не умели, а эти люди душить умеют и душат до конца.

Вот почему эта победа во втором этапе гораздо более прочна, чем сейчас кажется. Я вовсе не преувеличиваю и считаю преувеличения чрезвычайно опасными. Я несколько не сомневаюсь, что со стороны Антанты будут еще попытки натравливать на нас то одно, то другое маленькое государство, которое живет с нами по соседству. Эти попытки будут, потому что маленькие государства целиком зависят от Антанты, потому что все эти речи о свободе, независимости и демократии — одно лицемерие, и Антанта может заставить их еще раз поднять руку против нас. Но если эта попытка сорвалась в такой удобный момент, когда так легко было вести борьбу против нас, то, мне кажется, можно сказать определенно: в этом отношении, несомненно, главная трудность осталась позади. Мы имеем право это сказать без малейшего преувеличения и с полным сознанием того, что гигантский перевес сил на стороне Антанты. Мы победили прочно. Попытки будут, но их мы победим легче, потому что малые государства при всем их буржуазном строе убедились на опыте, не теоретически, — для теории эти господа не годятся, — что Антанта есть зверь более наглый и хищный, чем кажутся им большевики, которыми пугают детей и культурных мещан во всей Европе.

Но наши победы не ограничились этим. Во-первых, мы отвоевали у Антанты ее рабочих и крестьян, во-вторых, приобрели нейтралитет тех маленьких народов, которые являются ее рабами, а в-третьих, мы начали отвоевывать у Антанты в ее собственных странах мелкую буржуазию и образованное мещанство, которые были лелюком против нас. Чтобы доказать это, я позволю себе сослаться на газету «Юманитез»* от 26-го октября, которая у меня в руках. Эта газета, которая принадлежала всегда ко II Интернационалу, была бешено шовинистической во время войны, стояла на точке зрения таких социалистов, как наши меньшевики и правые эсеры, и посейчас играет роль примирителя, — она заявляет, что убедилась в изменении настроения рабочих. Она увидела это не в Одессе,

* — «Человечество». Ред.

а на улицах и собраниях Парижа, когда рабочие не давали говорить тому, кто смел сказать слово против большевистской России. И как политики, научившиеся кое-чему в течение нескольких революций, как люди, знающие, что представляют собой народные массы, они не смеют пикнуть за вмешательство и все высказываются против. Но этого мало. Мало того, что это заявляют социалисты (они называют себя социалистамп, хотя мы давно знаем, какие они социалисты), в том же номере «Юманите» от 26-го октября, который я цитировал, помещено заявление целого ряда представителей французской интеллигенции, французского общественного мнения. В этом заявлении, которое начинается подписью Анатоля Франса, где есть подпись Фердинанда Бюиссона, я насчитал 71 фамилию представителей буржуазной интеллигенции, известных всей Франции, которые говорят, что они против вмешательства в дела России, потому что блокада, применение голодной смерти, от которой гибнут дети и старики, не может быть допустима с точки зрения культуры и цивилизации, что они этого свести не могут. А известный французский историк Олар, насквозь стоящий на буржуазной точке зрения, в своем письме говорит: «Я, как француз, — враг большевиков, как француз, я — сторонник демократии, меня смешно заподозрить в противном, но когда я читаю, что Франция приглашает Германию принять участие в блокаде России, когда я читаю, что Франция с этим предложением обращается к Германии, — тогда я ощущаю краску стыда на лице». Это, может быть, просто словесное выражение чувств со стороны представителя интеллигенции, но можно сказать, что это — третья победа, которую мы одержали над империалистической Францией внутри нее самой. Вот о чем свидетельствует это выступление, шаткое, жалкое само по себе, выступление той интеллигенции, которая, как мы видели на десятках и сотнях примеров, может в миллионы раз больше шуметь, чем представляет собою силу, но которая отличается свойством быть хорошим барометром, давать показатель того, куда клонит мелкая буржуазия, давать показатель того, куда клонит общественное мнение, насквозь буржуазное. Если мы внутри Франции, где все буржуазные газеты, иначе как в выражениях самых лживых, не пишут о нас, достигли такого результата, то мы говорим себе: похоже на

то, что во Франции начинается второе дело Дрейфуса, только много покрупнее. Тогда буржуазная интеллигенция боролась против клерикальной и военной реакции, рабочий класс не мог тогда считать это своим делом, тогда не было объективных условий, не было такого глубокого революционного настроения, как теперь. А сейчас? Если французская буржуазная интеллигенция, после недавней победы самой бешеной реакции на выборах, после того режима, который там существует теперь по отношению к большевикам, если она говорит, что ей стыдно становится от союза реакционнейшей Франции с реакционнейшей Германией с целью душить голодом рабочих и крестьян России, — то мы говорим себе: это, товарищи, третья и крупнейшая победа. И я желал бы посмотреть, как при таком положении внутри государства господ Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон осуществят свой план новых покушений на Россию, о которых они мечтают. Попробуйте, господа! (Аплодисменты.)

Товарищи, я повторяю, что было бы величайшей ошибкой делать из этого выводы слишком неосторожные. Нет сомнения, что они свои попытки возобновят. Но мы совершенно уверены в том, что эти попытки, какими бы крупными силами они ни были предприняты, потерпят крах. Мы можем сказать, что та гражданская война, которую мы вели с такими бесконечными жертвами, была победной. Она оказалась победной не только в русском масштабе, но и во всемирно-историческом. Каждый из тех выводов, которые я вам сделал, я делал на основании результатов военной кампании. Вот почему, повторяю, новые попытки будут осуждены на неуспех, — потому что они стали гораздо слабее, чем были, а мы стали гораздо сильнее после нашей победы над Колчаком, над Юденичем и начинающейся и становящейся, повидимому, полной победы над Деникиным. Разве Колчак не имел помощи этой всемирно-могущественной Антанты? Разве крестьяне Урала и Сибири, которые на выборах в Учредительное собрание дали наименьший процент большевиков, не поддержали сплошь фронт Учредительного собрания, бывший тогда фронтом меньшевиков и эсеров, — разве они не были лучшим человеческим материалом против коммунистов? Разве Сибирь не являлась страной, в которой не было помещичьего землевладения, и где мы не могли сразу

помочь крестьянским массам так, как помогли всем русским крестьянам? Чего же нехватало Колчаку для победы над нами? Нехватало того, чего нехватает всем империалистам. Он оставался эксплуататором, он должен был действовать в обстановке наследства мировой войны, в той обстановке, которая позволяла о демократии и свободе только болтать, которая давала возможность иметь либо одну, либо другую диктатуру: либо диктатуру эксплуататоров, которая бешено отстаивает свои привилегии и заявляет, что должна быть уплачена дань по тем векселям, по которым они хотят драть миллиарды со всех народов, либо диктатуру рабочих, которая борется с властью капиталистов и желает твердо обеспечить власть трудящихся. Только из-за этого слетел Колчак. Вот каким способом, не подачей избирательного бюллетеня, — и это способ, конечно, недурной, при известных обстоятельствах, — а на деле сибирский и уральский крестьянин определил свою судьбу. Он был недоволен большевиками летом 1918 года. Он увидел, что большевики заставляют дать излишки хлеба не по спекулятивным ценам, и он повернул на сторону Колчака. Теперь он посмотрел, сравнил и пришел к иному выводу. Он это понял вопреки всей науке, которую ему преподавали, потому что на своей собственной шкуре он научился тому, чего из науки не хотят понять многие эсеры и меньшевики (а плоды сменты), что может быть только две диктатуры, что нужно выбирать либо диктатуру рабочих, — и это значит помочь всем трудящимся сбросить иго эксплуататоров, — либо диктатуру эксплуататоров. Мы крестьянина себе завоевали, мы доказали на опыте, самом тяжелом, прошедшем через неслыханные трудности, что вести за собой крестьянство мы, как представители рабочего класса, сумеем лучше, с большим успехом, чем какая бы то ни было другая партия. Другие партии любят нас обвинять в том, что мы с крестьянством ведем борьбу и не умеем заключить правильного договора, и все предлагают свои добрые, благородные услуги помирить нас с крестьянами. Благодарим покорно, господа, но мы не думаем, что вы это сделаете. А мы-то, по крайней мере, доказали давно, что это сделать сумели. Мы не рисовали крестьянину сладеньких картин, что он может выйти из капиталистического общества без железной дисциплины и твердой власти рабочего класса, что простое соби́рание бюллетеней решит всемирно-исто-

рический вопрос о борьбе с капиталом. Мы говорили прямо: диктатура — слово жестокое, тяжелое и даже кровавое, но мы говорили, что диктатура рабочих обеспечит ему свержение ига эксплуататоров, и мы оказались правы. Крестьянин, испытав на деле ту и другую диктатуру, выбрал диктатуру рабочего класса и с ней пойдет дальше до полной победы. (Аплодисменты.)

Товарищи, из того, что я сказал о наших международных победах, вытекает, — и, мне кажется, на этом не придется долго останавливаться, — что мы должны сделать с максимальной деловитостью и спокойствием повторение нашего мирного предложения. Мы должны сделать это потому, что мы делали уже такое предложение много раз. И каждый раз, когда мы делали его, в глазах всякого образованного человека, даже нашего врага, мы выигрывали, и у этого образованного человека появлялась краска стыда на лице. Так было, когда приехал сюда Буллит, когда он был принят т. Чичериным, беседовал с ним и со мной и когда мы в несколько часов заключили предварительный договор о мире. И он нас уверял (эти господа любят хвастаться), что Америка — это все, а кто же считается с Францией при силах Америки? А когда мы подписали договор, так и французский и английский министры сделали такого рода жест. (Ленин делает красноречивый жест ногой. Смех.) Буллит оказался с пустейшей бумажкой, и ему сказали: «Кто же мог ожидать, чтобы ты был так наивен, так глуп и поверил в демократизм Англии и Франции!». (Аплодисменты.) А в результате в этом самом номере я читаю полный текст договора с Буллитом по-французски, — и это напечатано во всех английских и американских газетах. В результате они сами себя выставили перед всем светом не то жуликами, не то мальчишками, — пусть выбирают! (Аплодисменты.) А все сочувствие даже мещанства, даже сколько-нибудь образованной буржуазии, вспомнившей, что и она когда-то боролась со своими царями и королями — на нашей стороне, потому что мы деловым образом самые тяжелые условия мира подписали и сказали: «Слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат; мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжелой дани; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян». Поэтому я думаю, что нам нечего много

разговаривать, и в конце я прочту проект резолюции, которая выразила бы от имени съезда Советов наше неуклонное желание проводить политику мира. (Аплодменты.)

Теперь мне хотелось бы перейти от международной и военной части доклада к части политической.

Мы одержали три громадные победы над Антантой, и они далеко не были победами только военными. Они были победами, которые одерживала диктатура рабочего класса, и каждая такая победа укрепляла наше положение не только потому, что слабел и без войск оказывался наш противник, — наше международное положение укреплялось потому, что мы выигрывали в глазах всего трудящегося человечества и даже многих представителей буржуазии. И в этом отношении те победы, которые мы одержали над Колчаком, Юденичем и теперь одерживаем над Деникиным, дадут нам возможность и дальше мирным путем завоспывать сочувствие к себе в неизменно большем размере, чем до сих пор.

Нас всегда обвиняли в терроризме. Это ходячее обвинение, которое не сходит со страниц печати. Это обвинение в том, что мы ввели терроризм в принцип. Мы отвечаем на это: «Вы сами не верите в такую клевету». Тот же историк Олар, который написал письмо в газету «Юманите», пишет: «Я учился истории и учил ей. Когда я читаю, что у большевиков только уроды, монстры и пугала, я говорю: то же самое писали про Робеспьера и Дантона. Этим, — говорит он, — я вовсе не сравниваю с этими великими людьми нынешних русских, ничего подобного; ничего сколько-нибудь похожего в них нет. Но я, как историк, говорю: нельзя же каждому слуху верить». Когда буржуазный историк начинает говорить таким образом, мы видим, что и та ложь, которая про нас распространяется, начинает рассеиваться. Мы говорим: нам террор был навязан. Забывают о том, что терроризм был вызван нашествием всемирно-могущественной Антанты. Разве это не террор, когда всемирный флот блокирует голодную страну? Разве это не террор, когда иностранные представители, опираясь на будто бы дипломатическую неприкосновенность, организуют белогвардейские восстания? Надо, все-таки, смотреть на вещи хоть сколько-нибудь трезво. Ведь надо же понимать, что международный

империализм для подавления революции поставил все на карту, что он не останавливается ни перед чем и говорит: «За одного офицера — одного коммуниста, и мы выиграем!». И они правы. Если бы мы попробовали на эти войска, созданные международным хищничеством, озверевшие от войны, действовать словами, убеждением, воздействовать как-нибудь иначе, не террором, мы бы не продержались и двух месяцев, мы бы были глупцами. Террор навязан нам терроризмом Антанты, террором всемирно-могущественного капитализма, который душит, душит и осуждает на голодную смерть рабочих и крестьян за то, что они борются за свободу своей страны. И всякий шаг в наших победах над этой первопричиной и причиной террора будет неизбежно и неизменно сопровождаться тем, что мы будем обходиться в своем управлении без этого средства убеждения и воздействия.

То, что мы говорим о терроризме, мы скажем и о нашем отношении ко всем колеблющимся элементам. Нас обвиняют в том, что мы создали невероятно тяжелые условия для средних людей, для буржуазной интеллигенции. Мы говорим: империалистская война была продолжением империалистской политики, поэтому она вызвала революцию. Все чувствовали во время империалистской войны, что она ведется буржуазией во имя ее хищнических интересов, что в этой войне народ гибнет, а буржуазия наживается. Это — основной мотив, которым проникнута вся ее политика во всех странах, и это ее губит и погубит до конца. А наша война есть продолжение политики революции, и каждый рабочий и крестьянин знает, а если не знает, то ощущает инстинктом и видит, что это — война, которая ведется во имя защиты от эксплуататоров, война, которая налагает больше всего жертв на рабочих и крестьян, но не останавливается ни перед чем, чтобы возложить эти жертвы и на другие классы. Мы знаем, что это для них тяжелее, чем для рабочих и крестьян, потому что они принадлежали к классу привилегированному. Но мы говорим, что когда дело идет о том, чтобы освободить от эксплуатации миллионы трудящихся, то правительство, которое остановилось бы перед возложением жертв на другие классы, было бы правительством не социалистическим, а изменническим. Если тяжести возлагались нами на средние классы, то потому, что нас поставили в неслыханно

тяжелые условия правительства Антанты. И всякий шаг наших побед, — это мы видим из опыта нашей революции, я только не могу на этом детально останавливаться, — сопровождается тем, что через все колебания и многочисленные попытки вернуться назад, все большее и большее число представителей колеблющихся элементов убеждается в том, что действительно нет иного выбора, кроме как между диктатурой трудящихся и властью эксплуататоров. Если были тяжелые времена для этих элементов, то виновата в этом не большевистская власть, а виноваты белогвардейцы, виновата Антанта, и победа над ними будет действительным и прочным условием улучшения положения всех этих классов. В этом отношении, товарищи, я бы хотел, переходя к урокам политического опыта внутри страны, сказать несколько слов о том, какое значение имеет война.

Наша война является продолжением политики революции, политики свержения эксплуататоров, капиталистов и помещиков. Поэтому наша война, как она ни бесконечно тяжела, привлекает к нам симпатии рабочих и крестьян. Война есть не только продолжение политики, она есть суммирование политики, обучение политике в этой неслыханно-тяжелой войне, которую взвалили на нас помещики и капиталисты при помощи всемирно-могущественной Антанты. В этом огне рабочие и крестьяне многому научились. Рабочие научились, как использовать государственную власть и как сделать из каждого шага источник пропаганды и образования, как сделать из этой Красной Армии, в которой большинство крестьян, орудие просвещения крестьянства, как сделать Красную Армию орудием использования буржуазных специалистов. Мы знаем, что эти буржуазные специалисты в громадном большинстве против нас, — и должны быть в громадном большинстве против нас, — ибо здесь сказывается их классовая природа, и на этот счет мы никаких сомнений иметь не можем. Нам изменяли сотни и тысячи этих специалистов, а служили все более и более верно десятки и десятки тысяч, потому, что в ходе самой борьбы они привлекались на нашу сторону, потому, что тот революционный энтузиазм, который совершал чудеса в Красной Армии, проистекал от того, что мы обслуживали и удовлетворяли интересы рабочих и крестьян. Эта обстановка массы дружно дей-

ствующих рабочих и крестьян, знающих, за что они борются, делала свое дело, и все большая и большая часть людей, которые переходили к нам из другого лагеря, иногда несознательно, превращалась и превращается в наших сознательных сторонников.

Товарищи, теперь перед нами стоит задача — тот опыт, который мы приобрели в нашей военной деятельности, перенести в область мирного строительства. Ничто не наполняет нас такой радостью и не дает такой возможности приветствовать VII Всероссийский съезд Советов, как поворотный пункт в истории Советской России, как то, что позади лежит главная полоса гражданских войн, которые мы вели, и впереди — главная полоса того мирного строительства, которое всех нас привлекает, которого мы хотим, которое мы должны творить и которому мы посвятим все свои усилия и всю свою жизнь. Теперь мы можем сказать на основании тяжелых испытаний войны, что в основном, в отношении военном и международном, мы оказались победителями. Перед нами открывается дорога мирного строительства. Нужно, конечно, помнить, что враг нас подкарауливает на каждом шагу и сделает еще массу попыток скинуть нас всеми путями, какие только смогут оказаться у него: насилем, обманом, подкупом, заговорами и т. д. Наша задача — весь тот опыт, который мы приобрели в военном деле, направить теперь на разрешение основных вопросов мирного строительства. Я назову эти главные вопросы. Прежде всего это — *вопрос о продовольствии, вопрос о хлебе.*

Мы вели самую тяжелую борьбу с предрассудками и привычками. Крестьянин, с одной стороны, есть труженик, который десятки лет испытывал гнет помещика и капиталиста и знает своим инстинктом угнетенного человека, что это зверь, который не остановится перед морями крови, чтобы вернуть свою власть. Но, с другой стороны, крестьянин есть собственник. Он желает продавать хлеб свободно, он хочет «свободы торговли», он не понимает, что свобода продажи хлеба в голодной стране есть свобода спекуляции, свобода наживы для богачей. И мы говорим: на это мы не пойдем никогда, скорее ляжем все костями, чем сделаем в этом уступки.

Мы знаем, что тут мы проводим политику, когда рабочие убеждают крестьян отдавать хлеб в ссуду, ибо бумажка

не есть эквивалент, не есть равноценность хлеба. Крестьянин даст нам хлеб по твердым ценам и не получает товаров, так как у нас их нет, а получает цветные бумажки. Он дает хлеб в ссуду, и мы говорим: «Если ты человек труда, можешь ли ты говорить против того, что это справедливо? Как можешь ты не согласиться с тем, что необходимо имеющиеся излишки хлеба дать в ссуду по твердым ценам, а не сбывать путем спекуляции, ибо спекуляция есть возврат к капитализму, возврат к эксплуатации, к тому, против чего мы боролись?». Это — громадная трудность, это стояло нам больших колебаний. Мы многие шаги делали и делаем оцупью, но мы приобрели основной опыт. Когда вы услышите доклад тов. Цюрупы или других работников по продовольствию, вы увидите, что к разверстке, — когда государство говорит крестьянам, что они должны давать хлеб в ссуду, — как к этой разверстке крестьяне привыкают, что мы имеем известия из ряда волостей о выполнении разверстки на все 100 процентов, что при всей ничтожности успехов успех все же есть, что наша продовольственная политика дает все более и более ясно вонять крестьянину: если хочешь свободы торговли хлебом в разоренной стране, — тогда иди назад, пробуй Колчака, Деникина! Против этого мы будем бороться до последней капли крови. Здесь не может быть никаких уступок. В этом основном вопросе, в вопросе о хлебе, мы будем добиваться всеми силами, чтобы не было спекуляций, чтобы продажа хлеба не обогащала богачей, а чтобы все излишки хлеба, получающиеся на общегосударственной земле усилиями целых поколений трудящихся, чтобы все эти излишки хлеба были достоянием государства, чтобы теперь, когда государство разорено, эти излишки хлеба были отдавы крестьянами в ссуду рабочему государству. Если крестьянин это сделает, мы из всех трудностей вылезем, мы восстановим промышленность, и рабочий свой долг вернет крестьянину сторицей. Он обеспечит и ему и его детям возможность существовать, не работая на помещика и капиталиста. Это мы говорим крестьянину, и он убеждается, что иного выбора нет. В этом убеждаем крестьянина даже не столько мы, сколько господа наши противники — Колчак и Деникин. Они больше всего дают крестьянину фактических уроков жизни, направляют его в нашу сторону.

Но, товарищи, за вопросом о хлебе идет второй *вопрос* — о *топливе*. Сейчас в местах заготовок собрано хлеба вполне достаточно для того, чтобы накормить голодных рабочих Питера и Москвы. А пройдитесь по рабочим кварталам Москвы и вы увидите страшный холод, страшные бедствия, которые сейчас обострились из-за вопроса о топливе. Здесь мы переживаем отчаянный кризис, здесь мы отстали от потребности. В последнее время целый ряд заседаний Совета Оборона и Совнаркома был посвящен целиком выработке мер для выхода из топливного кризиса. К моей речи т. Ксандров доставил материал, который показывает, что мы из этого отчаянного кризиса вылезать начали. В начале октября за неделю было погружено вагонов 16 тысяч, к концу октября эта цифра дошла до 10 тысяч в неделю. Это был кризис, это была катастрофа, это был голод для рабочих целого ряда заводов и фабрик Москвы, Петрограда и целого ряда других мест. Результаты этой катастрофы сказываются до сих пор. Затем, мы налегли на это дело, напрягли все наши силы, сделали то, что делали по отношению к военному делу, мы сказали: все, что есть сознательного, все — на решение топливного вопроса не старым путем капитализма, когда спекулянтам давали премию и они наживались на этом деле, получая какие-нибудь заказы, — нет, мы сказали: решайте вопрос путем социалистическим, путем самопожертвования, решайте таким путем, каким мы спасли красный Питер, освободили Сибирь, каким мы побеждали во все трудные минуты, при всех трудных задачах революции и каким будем побеждать всегда. И с 12 тысяч вагонов в последнюю неделю октября погрузка поднялась до 20 тысяч. Мы вылезаем из этой катастрофы, но еще далеко не вылезли. Нужно, чтобы все рабочие знали и помнили, что без хлеба для людей, без хлеба для промышленности, т. е. без топлива, страна обрекается на бедствия. И не только наша страна. Сегодня газеты сообщают, что во Франции, стране-победительнице, останавливаются железные дороги. Что же говорить о России? Франция будет вылезать из кризиса путем капиталистическим, путем наживы для капиталистов и продолжающихся лишений для масс. Советская Россия выйдет из кризиса путем дисциплины и самопожертвования рабочих, путем твердого обращения к крестьянам, того твердого обращения, которое, в конце концов, крестьянин всегда

понимает. Крестьянин познает на опыте, что как ни тяжел переход, как ни тверда рука государственной власти рабочих, а это есть рука труженика, который борется во имя союза трудящихся масс, во имя полного уничтожения всякой эксплуатации.

И третий бич на нас еще надвигается — *вошь, сыпной тиф*, который косит наши войска. И здесь, товарищи, нельзя представить себе того ужаса, который происходит в местах, пораженных сыпным тифом, когда население обессилено, ослаблено, нет материальных средств, — всякая жизнь, всякая общественность исчезает. Тут мы говорим: «Товарищи, все внимание этому вопросу. Или выш победят социализм, или социализм победит вышей!». И в этом вопросе мы, товарищи, действуя такими же методами, начинаем достигать успешных результатов. Конечно, есть еще такие врачи, которые относятся с предубеждением и недоверием к рабочей власти и предпочитают получать гонорар с богатых, чем идти на тяжелую борьбу с сыпным тифом. Но таких меньшинство, таких становится все меньше, а большинство — таких, которые видят, что народ борется за свое существование, видят, что он хочет решить своей борьбой основной вопрос спасения всякой культуры, — и эти врачи вкладывают в это тяжелое и трудное дело не меньше самопожертвования, чем любой военный специалист. Они согласны дать свои силы на работу для трудящихся. Я должен сказать, что мы из этого кризиса также начинаем вылезать. Тов. Семашко дал мне справку относительно этой работы. К 1 октября, по сведениям с фронта, туда прибыло врачей 122, фельдшеров 467. Отправлено из Москвы врачей 150. Мы имеем основание ожидать, что к 15-му декабря мы получим на фронт еще 800 врачей, которые помогут в борьбе с сыпным тифом. Мы должны обратить большое внимание на этот бич.

Главное наше внимание мы должны уделить тому, чтобы укрепить этот наш фундамент — хлеб, топливо, борьба с сыпняком. Товарищи, я об этом тем более хотел бы сказать, что в нашем социалистическом строительстве была заметна некоторая разбросанность. Это понятно. Когда люди решили переделать весь мир, вполне естественно, что к этой работе привлекаются неопытные рабочие и неопытные крестьяне. Нет сомнения, что много

пройдет времени прежде, чем мы правильно определим, на что надо больше всего обращать внимание. Неудивительно, что такие великие исторические задачи часто вызвали великие фантазии, а великие фантазии вырастают рядом со многими мелкими пудачными фантазиями. Было много случаев, когда мы брались за постройку с верхушек, с какого-нибудь флигелька, карниза, а на фундамент настоящего внимания не обращали. Я бы хотел вам сообщить, как результат моего опыта, моих наблюдений над работой, мое мнение, что насущная задача для нашей политики — дать этот фундамент. Нужно, чтобы каждый рабочий, каждая организация, каждое учреждение говорили это себе на каждом заседании. Если мы снабдим хлебом, если мы добьемся того, чтобы увеличить количество топлива, если мы напряжем все свои силы для того, чтобы стереть с лица русской земли сыпной тиф, — результат некультурности, нищеты, темноты и невежества, — если мы все те силы, весь тот опыт, который мы приобрели в кровавой войне, применим в этой войне бескровной, — мы можем быть уверены, что в этом деле, которое все же гораздо легче, гораздо человечнее, чем война, что в этом деле мы завоюем себе успеха все больше и больше.

Военную мобилизацию мы осуществили. Партии, которые были самыми непримиримыми нашими противниками, которые дольше всего отстаивали и отстаивают идеи капитализма, как, например, эсеры, должны были признать, вопреки всем обвинениям, сыпавшимся на нас со стороны буржуазных империалистов, что Красная Армия стала народной. Это значит, что мы осуществили в этом самом трудном деле объединение рабочего класса с переходящей на его сторону громадной массой крестьянства, и тем показали ему, что такое руководство рабочего класса.

Слова «диктатура пролетариата» крестьян отпугивают. В России это пугало для крестьян. Они оборачиваются против тех, кто это пугало пускает в ход. Но крестьяне знают теперь, что диктатура пролетариата, может быть, и слишком мудреное латинское слово, но что оно на практике есть та Советская власть, которая передает государственный аппарат в руки рабочих. Таким образом, это — вернейший друг и союзник трудящихся и самый беспощадный враг всякой эксплуатации. Вот почему мы, в конце концов, победим всех империалистов. Потому, что

у нас есть такой глубокий источник сил, такой широкий и глубокий резервуар человеческого материала, которого нет и нигде не будет ни у одного буржуазного правительства. У нас есть тот материал, из которого мы можем черпать все дальше и все глубже, переходя не только от передовых рабочих к середнякам, но и ниже — к крестьянам трудящимся, бедным и беднейшим. Последнее время товарищи петроградцы говорили, что Питер отдал всех своих работников и больше дать ничего не может. А когда наступил критический час, Питер оказался изумительным, как справедливо сказал т. Зиновьев, оказался городом, который точно родил новые силы. Те рабочие, которые считались ниже середняков, у которых не было никакого государственного и политического опыта, поднялись во весь рост, дали массу сил для пропаганды, агитации, организации, совершили новые и новые чудеса. Этого источника для новых и новых чудес у нас еще очень и очень много. Каждый новый слой еще не вовлеченных в работу рабочих и крестьян, это — наши вернейшие друзья и союзники. Нам приходится сейчас сплошь и рядом при управлении государством опираться на очень тонкий слой передовых рабочих. Мы должны снова и снова обращаться к беспартийным и в нашей партийной работе и в нашей советской практике, смелее и смелее обращаться к беспартийным рабочим и крестьянам, не с целью сразу привлечь их на свою сторону, втянуть в свою партию, — нам это неважно, — а в целях пробудить в них сознание, что для спасения страны нужна их помощь. Вот когда у тех, кого меньше всего помещики и капиталисты допускали к государственному управлению, когда мы у них пробудим сознание того, что мы зовем их вместе с нами строить прочный фундамент социалистической республики, тогда наше дело будет окончательно непобедимо.

Вот почему на основании опыта двух лет мы можем сказать вам с абсолютной уверенностью, что всякий шаг в наших военных победах будет с громадной быстротой приближать то время, — теперь уже совсем близкое, — когда мы целиком посвятим свои силы мирному строительству. На основании опыта, который мы приобрели, мы можем ручаться, что в этом деле мирного строительства мы в ближайшие годы сотворим несравненно большие чудеса, чем мы совершили за эти два года победоносной

пойны против всемирно-могущественной Антанты. (Ап-лодисменты.)

Товарищи, позвольте в заключение огласить проект резолюции, которую я вам предлагаю:

«Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика желает жить в мире со всеми народами и направить все свои силы на внутреннее строительство, чтобы наладить производство, транспорт и общественное управление на почве советского строя, чему до сих пор мешало вмешательство Антанты и голодная блокада.

Рабоче-крестьянское правительство предлагало мир державам Антанты неоднократно, именно: 5 августа 1918 г. — обращение Народного комиссариата иностранных дел к американскому представителю г. Пулю; 24 октября 1918 г. — к президенту Вильсону; 3 ноября 1918 г. — всем правительствам Согласно через представителей нейтральных стран; 7 ноября 1918 г. — от имени VI Всероссийского съезда Советов; 23 декабря 1918 г. — нота Литвинова в Стокгольме всем представителям Антанты; затем обращения 12 января, 17 января, 4 февраля 1919 г. и проект договора с Буллитом 12 марта 1919 г.; 7 мая 1919 г. через Наусена.

Вполне одобряя все эти многократные шаги Совета Народных Комиссаров и Народного комиссариата иностранных дел, VII съезд Советов снова подтверждает свое неуклонное стремление к миру, еще раз предлагает всем державам Антанты, Англии, Франции, Соединенным Штатам Америки, Италии, Японии, всем вместе и порознь, начать немедленно переговоры о мире и поручает Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету, Совету Народных Комиссаров и Народному комиссариату иностранных дел систематически продолжать политику мира, принимая все необходимые для ее успеха меры».

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ
ВЦИК И СОВНАРКОМА
6 ДЕКАБРЯ

(Голоса: «Да здравствует товарищ Ленин! Ура!». Аплодисменты.) Товарищи! Мне кажется, что своей речью и своей декларацией Мартову удалось дать нам чрезвычайно наглядный образец того, как относятся к Советской власти группы и партии, принадлежавшие раньше и принадлежащие теперь ко II Интернационалу, против которого мы теперь основали Коммунистический Интернационал. Всякому из вас бросилась в глаза разница между речью Мартова и его декларацией, — разница, которую в своем замечании подчеркнул и т. Сосновский, бросивший из президиума Мартову замечание: «Не прошлогодняя ли у вас декларация?». Действительно, речь Мартова, несомненно, относится к 1919 году, к концу его, а декларация составлена так, что мы в ней видим полное повторение того, что они говорили в 1918 году. (Аплодисменты.) И когда Мартов на это замечание Сосновского ответил, что декларация эта «на веки веков», то я бы тут все-таки позволил себе взять в защиту меньшевиков от Мартова. (Аплодисменты, смех.) Ибо я, товарищи, наблюдал развитие и прохождение деятельности меньшевиков, пожалуй, больше и внимательнее, — что вовсе не было так приятно, — чем кто бы то ни было другой. И, на основании этого пятнадцатилетнего наблюдения, я утверждаю, что декларация эта не только «на веки веков», но и на один год не останется (аплодисменты), потому что все развитие меньшевиков, особенно в такой великий момент, который начался в истории русской революции, показывает нам величайшее колебание среди них, сводящееся в общем и целом к тому, что от буржуазии и ее предрассудков они

с величайшим трудом, против своей воли, отходят. Много раз упираясь, они начинают подходить — очень медленно, а все же начинают подходить — к диктатуре пролетариата, и через год они сделают еще несколько шагов, — в этом я совершенно уверен. И этой декларации повторить нельзя будет, ибо эта декларация, если вы снимете с нее оболочку общих демократических фраз и парламентарных выражений, которые сделали бы честь любому вождю парламентской оппозиции, если вы отбросите в сторону эти речи, которые многим нравятся, а нам кажутся скучными, и возьмете настоящую суть дела, то вся декларация насквозь говорит: назад, к буржуазной демократии и ничего больше. (Аплодисменты.) И вот когда мы слышим такие декларации от людей, заявлявших о сочувствии нам, мы говорим себе: нет, и террор и ЧК — вещь абсолютно необходимая. (Аплодисменты.)

Товарищи, чтобы вы не обвинили меня сейчас или чтобы кто-нибудь не мог меня обвинить, что я придираюсь к этой декларации, я, на основании политических фактов, утверждаю, что под такой декларацией и правый меньшевик и правый эсер подпишутся сейчас обеими руками. Я имею доказательство этому. Совет партии правых эсеров, от которых вынужден был отколоться Вольский и его группа, — Вольский, председатель комитета Учредительного собрания, которого вы слышали на трибуне, — совет правых эсеров, состоявшийся в этом году, постановляет, что с партией меньшевиков, которую эсеры считают себе близкой, они желают слияния. Почему? Потому, что за печатание тех вещей, какие есть в декларации и в меньшевистских изданиях (которые будто бы являются чисто теоретическими и печатать которые мы напрасно не разрешаем, как говорила представительница от Бунда, жалуясь, что у нас нет полной свободы печати), за печатание таких вещей стоят правые эсеры, которые солидаризируются с меньшевиками, декларация которых насквозь построена на тех же принципах, как и у правых эсеров. В то же время, после длительной борьбы, группа Вольского должна была отколоться. Вот та путаница, которая наглядно показывает, что тут не наша придирка к меньшевикам, а действительное положение вещей, — в чем дает нам пример группа эсеров меньшинства. Здесь кстати вспомнили меньшевика Розанова, которого наверное Мартов и

партия исключили бы, а вот под этой декларацией и эсеры и меньшевики подпишутся.

Значит, есть среди них до сих пор два разных течения, из которых одно сожалеет, плачет, соболезнует и желает теоретически вернуться к демократизму, а другое действует. И напрасно говорит Мартов, будто бы я оправдывался в вопросе о терроризме. Уже одно это выражение показывает, как бесконечно далеки от нас воззрения мелкобуржуазной демократии и как близки они ко II Интернационалу. На деле ровно ничего социалистического в них нет, а как раз наоборот. Когда подошел социализм, нам опять проповедают старые буржуазные взгляды. Не оправдывал себя я, а говорил о специальной партии, которая создана войной, партии офицеров, командовавших в течение империалистической войны, которые выдвинулись в этой войне, которые знают, что такое практическая политика. Когда нам говорят: «Ваши ЧК либо надо убрать, либо лучше организовать», то, товарищи, мы отвечаем: мы не претендуем на то, что все, что мы делаем, это — лучшее, и учиться мы без малейшего предубеждения готовы и рады. Но если учить нас, как поставить охрану от помещичьих, белогвардейских сынков и офицеров, хотят те люди, которые были в Учредительном собрании, то мы им отвечаем: ведь вы были у власти и с Керенским боролись против Корнилова, и с Колчаком были, и вас оттуда без борьбы, как детей, выкидывали вон эти же самые белогвардейцы. И вы еще после этого говорите, что наши ЧК плохо организованы! (А плоды с мента.) Нет, ЧК у нас организованы великолепно. (А плоды с мента.) И когда господа заговорщики теперь в Германии издеваются над рабочими, когда там офицеры во главе с фельдмаршалами кричат «долой берлинское правительство», когда там безнаказанно убивают вождей коммунистов и белогвардейская публика третирует вождей II Интернационала, как мальчишек, мы ясно видим, что это соглашательское правительство не что иное, как игрушка в руках группы заговорщиков. И когда мы имеем такой опыт перед собой, когда мы только-только выходим на дорогу, тогда эти люди говорят: «У вас преувеличенный террор». А сколько недель тому назад мы открыли заговор в Петрограде⁶²? А сколько недель тому назад Юденич стоял в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин от Орла? Нам говорят представи-

тели этих колеблющихся партий и колеблющейся демократии: «Мы рады, что Юденич и Колчак побеждены». Я совершенно верю тому, что они рады, ибо они знают, чем бы и им грозили Юденич и Колчак. (Аплодисменты.) Я не заподозриваю в неискренности этих людей. Но я спрошу их: когда Советская власть переживает трудные минуты, когда среди буржуазных элементов организуются заговоры и когда в критический момент удастся эти заговоры открыть, то — что же, они открываются совершенно случайно? Нет, не случайно. Они потому открываются, что заговорщикам приходится жить среди масс, потому что им в своих заговорах нельзя обойтись без рабочих и крестьян, а тут они в конце концов всегда натыкаются на людей, которые идут в эти, как здесь говорят, плохо организованные ЧК и говорят: «А там-то собрались эксплуататоры». (Аплодисменты.) Поэтому я говорю, что, когда через несколько времени после смертельной опасности, перед лицом заговора, который бросается всякому в глаза, приходят к нам и говорят, что у нас Конституция не соблюдается, что ЧК скверно организованы, тут можно сказать, что эти люди политике в борьбе с белогвардейцами не научились, они своего опыта с Керенским, Юденичем и Колчаком не продумали и никаких практических результатов вывести из него не умеют. И поскольку вы, господа, начинаете понимать, что Колчак и Деникин представляют серьезную опасность, что нужно сделать выбор в пользу Советской власти, постольку вам пора оставить мартовскую декларацию «на веки веков». (Смех.) В Конституции учтен весь опыт нашей двухлетней власти, без чего, как я заявил в своей речи, и чего не попробовали здесь даже опровергнуть, — без чего мы не продержались бы не только двух лет, но и двух месяцев. Пусть попытается опровергнуть это всякий, кто пожелает сколько-нибудь объективно отнестись к Советской власти, хотя бы с точки зрения историка, а не политического деятеля, желающего говорить и действовать с рабочими массами и на них влиять.

Нам говорят: Советы редко собираются, не перевыбираются достаточно часто. Мне кажется, что на такого рода упрек следовало бы ответить не речами и не резолюциями, а делом. По-моему, лучшим ответом будет то, если вы работу, которая Советской властью начата, по подсчету того,

сколько у нас на местах было уездных и городских перевыборов Советов, сколько было съездов Советов и т. д., — если вы окончите эту работу. У нас тов. Владимирский, заместитель Наркома внутренних дел, опубликовал материал по истории этих съездов. Когда я увидел этот материал, я сказал: вот исторический материал, который доказывает, между прочим, что не было еще в истории цивилизованных народов ни одной страны, где была бы так широко применена пролетарская демократия, как у нас в России. Если говорят, что мы мало перевыбираем Советы, что мы редко созываем съезды, то я каждого делегата приглашаю ходатайствовать перед соответствующим органом о том, чтобы мы на этом съезде распространили еще дополнительный анкетный, опросный, листок, и чтобы на нем каждый делегат записал: какого месяца, числа и года и в каком уезде, городе и поселке собирались съезды Советов. Если вы эту нетрудную работу выполните и каждый из вас такой опросный листок заполнит, вы получите материал, который наши неполные данные пополнит и который докажет, что в такое трудное время, как время войны, когда действие европейских конституций, веками установленных, вошедших в привычку западно-европейского человека, почти целиком было приостановлено, и это время Советская конституция в смысле участия народных масс в управлении и самостоятельном разрешении дел управления на съездах и в Советах и на перевыборах применялась на местах в таких размерах, как нигде в мире. А если говорят, что этого мало, если критикуют и утверждают, что «если ваш ЦИК не собрался, это действительно ужасное преступление», то т. Троцкий прекрасно ответил на это представительнице Бунда, сказав, что ЦИК был на фронте. На это представительница Бунда, — того Бунда, который стал на советскую платформу и который поэтому, можно предполагать, действительно понял, наконец, что такое основа Советской власти, — представительница Бунда — я записал ее ответ — сказала: «Это курьез, что ЦИК был на фронте, он мог бы послать других».

Мы ведем борьбу с Колчаком, с Денкиным и с другими — их была не одна душа! Кончилось тем, что русские войска разогнали их как ребятшек. Мы ведем трудную победоносную войну. Вы знаете, что при каждом набеге мы

должны были всех членов ЦИК гнать на фронт, а нам отвечают: «Это курьез, надо было найти других». Что же, мы действовали вне времени и пространства? Или же мы можем рожать коммунистов (а плодисменты) по несколько человек в неделю? Мы этого делать не можем: рабочих, которые закалены несколькими годами борьбы, которые приобрели опыт, которые могут руководить, — таких рабочих у нас, товарищи, меньше, чем в какой-либо другой стране. Для того, чтобы подготовить рабочую молодежь, курсантов, нам нужно будет принять все меры, и на это потребуется несколько месяцев, даже лет. И когда это протекает в крайне трудных условиях, нам на это отвечают усмешкой. Эта усмешка только доказывает полное непонимание этих условий. Это, действительно, смехотворное интеллигентское непонимание, когда нас заставляют в этих военных условиях действовать не так, как мы действовали до сих пор. Мы должны напрягать силы до последней степени, и мы поэтому должны отдавать всех лучших работников и членов ЦИК и исполкомов на фронт. И я уверен, что ни один человек, сколько-нибудь практически опытный в управлении, не только не осудит, а одобрит нас за то, что мы максимум сделали для сведения коллегальных учреждений при исполкомах к минимуму, потому что они сводились к одному исполкому под гнетом войны, потому что работники скакали на фронт, как они бросаются теперь сотнями и тысячами на топливную работу. Это тот фундамент, без которого Советская республика жить не может. Если это куплено ценою того, что в течение нескольких месяцев реже будут собираться Советы, то не найдется ни одного разумного рабочего или крестьянина, который не понял бы необходимости этого, который не одобрил бы этого.

Я говорю, что насчет демократии и демократизма нам продолжают подносить целиком предрассудки буржуазного демократизма. Здесь говорили из партии оппозиции, что надо приостановить подавление буржуазии. Надо все-таки думать над тем, что говорить. Что такое подавление буржуазии? Помещика можно подавить и уничтожить тем, что уничтожено помещичье землевладение и земля роздана крестьянам. Но можно ли буржуазию подавить и уничтожить тем, что уничтожен крупный капитал? Всякий, кто учился азбуке марксизма, знает, что так

подавить буржуазию нельзя, что буржуазия рождается из товарного производства; и этих условиях товарного производства крестьянин, который имеет сотни пудов хлеба лишних, не нужных для его семьи, которых он не сдает рабочему государству в ссуду, для помощи голодному рабочему, и спекулирует, — это что такое? Это не буржуазия? Не здесь ли она рождается? В этом вопросе, в вопросе о хлебе, о тех муках голода, которые переживает вся промышленная Россия, тут есть ли нам помощь со стороны тех, кто нас упрекает в несоблюдении Конституции, в подавлении буржуазии? Нет! Помогают ли они нам в этом отношении? Они скрываются за словами «соглашение рабочих и крестьян». Да, конечно, это нужно. Мы показали, как мы это делаем, когда 26 октября 1917 г. взяли программу эсеров в части поддержки крестьян и целиком ее провели. Этим мы тогда показали, что крестьянин, который подвергался эксплуатации помещиков, который живет своим трудом, который не спекулирует, — что такой крестьянин находит себе верного защитника в рабочем, посланном центральной государственной властью. Тут мы соглашение с крестьянином осуществили. Когда мы проводим продовольственную политику, требующую, чтобы избыток хлеба, не нужный крестьянской семье, отдался рабочим в государственную ссуду, то возражения против этого есть поддержка спекуляции. Это еще есть в мелкобуржуазных массах, привыкших жить по-буржуазному. Вот что страшно, вот где опасность для социальной революции! Помогали ли нам когда-нибудь в этом отношении представители меньшевиков и эсеров, хотя бы самых левых? Нет, никогда! Та их печать, которую мы должны будто бы во имя «принципов свободы» разрешить и образцы которой мы имеем, показывает, что ни одним словом, — я не говорю уже о деле, — они не помогают нам. Пока мы не победили полностью старую привычку, старый проклятый завет, что всякий за себя, один бог за всех, единственный выход для нас — это взять излишки хлеба в ссуду голодному рабочему. Это сделать страшно трудно, — мы знаем. Здесь ничего не может быть сделано насильем. Но смехотворно говорить, что мы представляем собой меньшинство рабочего класса, — это вызывает только смех. Это можно говорить в Париже, да и там нынче не дают этого говорить на рабочих собраниях. В той стране, где правительство

было свергнуто с небывалой легкостью, где рабочие и крестьяне с винтовкой в руках защищают свои интересы, где они применяют ее, как орудие своей воли, — в такой стране говорить, что мы представляем собой меньшинство рабочего класса, — смешно. Я понимаю, когда такие речи раздаются из уст Клемансо, Ллойд-Джорджа, Вильсона. Вот чьи это слова, вот чьи это идеи! Когда эти речи Вильсона, Клемансо, Ллойд-Джорджа, самых худших из хищников, зверей империализма, повторяет здесь Мартов от имени Российской социал-демократической рабочей партии (с м е х), тогда я говорю себе, что надо быть начеку и знать, что тут ЧК необходима! (А плод с м е н т ы.)

Нас упрекают все ораторы оппозиции, в том числе и представители Бунда, что мы не соблюдаем Конституции. Я утверждаю, что мы Конституцию соблюдаем строжайшим образом. (Голос из ложи: «Ого!».) И хотя из ложи, которая в прежние времена была ложей царской, а теперь является ложей оппозиции (с м е х), я слышу иронический возглас «ого!», — тем не менее я сейчас это докажу. (А плод с м е н т ы.) Я прочту вам тот пункт Конституции, который мы строжайше соблюдаем и который показывает, что мы во всей своей деятельности Конституцию блюдем. Когда на собраниях, куда являлись сторонники меньшевиков и эсеров, мне приходилось говорить о Конституции, затруднение было в том, есть ли текст Конституции, чтобы цитировать. Но собрания происходят большей частью в помещениях, где Конституция висит на стене. В настоящем собрании этого нет, но меня выручил тов. Петровский, который дал мне экземпляр брошюры, озаглавленной «Конституция РСФСР». Я читаю параграф 23-й: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, РСФСР лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Я, товарищи, еще раз повторяю, что никогда мы не рассматривали нашу деятельность вообще и свою Конституцию в частности образцом совершенства. На этом съезде поставлен вопрос об изменениях Конституции. Мы согласны изменять и давайте рассматривать изменения, но мы не будем этого закреплять «на веки вечные». Но все же, если вы хотите воевать, давайте воевать вчистую. Если вы хотите, чтобы мы соблюдали Конституцию, то хотите ли вы, чтобы

соблюдался и параграф 23-й? (Аплодисменты.) Если вы этого не хотите, тогда давайте спорить, нужно ли отменять или нет параграф, который говорит, чтобы мы с фразами об общей свободе и общем равенстве трудящихся не шли к народу. Вы учились конституционному праву великолепно, но по старым буржуазным учебникам. Вы вспоминаете слова о «свободе и демократии», вы ссылаетесь на Конституцию и вспоминаете прежние слова, и обещаете народу все, для того, чтобы этого не исполнять. А мы ничего такого не обещаем, мы не предлагаем равенства рабочих и крестьян. Вы предлагаете, — давайте спорить. С теми крестьянами, которых эксплуатировали помещики и капиталисты, которые трудятся на свою семью на земле, отнятой у помещиков, — с такими крестьянами полное равенство, дружба и братский союз. А тем крестьянам, которые по старой привычке, по темноте и корысти тянут назад к буржуазии, — мы не даем равенства. Вы говорите общие фразы о свободе и равенстве трудящихся, о демократии, о равенстве рабочих и крестьян. Мы не обещаем, что Конституция обеспечивает свободу и равенство вообще. Свобода, — но для какого класса и для какого употребления? Равенство, — но кого с кем? Тех, кто трудится, кого эксплуатировала десятки и сотни лет буржуазия и кто сейчас борется против буржуазии? Это и сказано в Конституции: диктатура рабочих и беднейшего крестьянства для подавления буржуазии. Почему вы, когда разговариваете о Конституции, не цитируете этих слов: «для подавления буржуазии, для подавления спекулянтов»? Покажите нам образец страны, образец вашей прекрасной меньшевистской конституции. Может быть, найдете такой образец хотя бы в истории Самары, где была меньшевистская власть? Может быть, вы найдете его в Грузии, где сейчас меньшевистская власть, где подавление буржуазии, то есть подавление спекулянтов, происходит на началах полной свободы и равенства, на началах последовательной демократии и без ЧК? Покажите такой пример, и мы поучимся. Но вы и показать этого не можете, ибо вы знаете, что во всех местах, где держится соглашательская власть, меньшевистская или полуменьшевистская, там царит бешеная, разнузданная спекуляция. И та Вена, о которой справедливо говорил в своей речи Троцкий, где в правительстве участвуют люди, подобные Фридриху Адлеру, которая

не знает «ужасов большевизма», голодает и мучается так же, как Петроград и Москва, но без сознания того, что венские рабочие ценою голода пробивают дорогу к победе над буржуазией. Вена голодает и мучается сильнее Петрограда и Москвы, и тут же австрийская и венская буржуазия на венских улицах, на Невском проспекте в Кузнецком мосту Вены, творит чудовищные вещи по части спекуляции и грабежа. Конституцию вы не соблюдаете, а мы ее соблюдаем, когда признаем свободу и равенство только для тех, кто помогает пролетариату побеждать буржуазию. И параграфом 23-ммы говорим, что для переходного периода не рисуем молочных рек и кисельных берегов. Мы говорим, что нам нужно продержаться не месяцы, а годы, чтобы закончить этот переходный период. После двух лет мы можем сказать, и нам наверное поверят, что мы способны продержаться несколько лет именно потому, что вписали в Конституцию лишение прав отдельных лиц и групп. А кого мы лишаем прав, — мы этого не скрываем, мы говорим открыто, что группу меньшевиков и правых эсеров. За это нас порицали деятели II Интернационала, но мы говорим прямо группе меньшевиков и эсеров, что мы готовы на все, но что они должны помогать нам вести политику трудящихся против спекулянтов, против того, кто помогает продовольственной спекуляции, кто помогает буржуазии. По мере того, как вы докажете это на деле, мы снимем с вас то, что мы сделали по Конституции, а до тех пор ваши бессодержательные слова, это — только увертка. Наша Конституция не отличается красноречием, она крестьянам говорит: раз ты крестьянин трудящийся, ты имеешь все права, но не может быть равных для всех прав в обществе, где рабочие голодают, где идет борьба с буржуазией. А рабочему она говорит: равенство с тем крестьянином, который помогает в борьбе с буржуазией и никаких обобщений! Тут трудная борьба. Кто нам хочет помогать, того мы принимаем с величайшей радостью независимо от его прошлого, не считаясь ни с какими названиями. И мы знаем, что таких людей из других партий и беспартийных к нам идет все больше и больше, и этим обеспечивается наша победа. (Громкие аплодисменты, крики «браво».)

3

РЕЧЬ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СЕКЦИИ ⁵³
8 ДЕКАБРЯ

Товарищи! Я получил несколько записок от делегатов с предложением высказаться по этому вопросу. Мне казалось, что надобности в этом нет, и я воздерживался до получения этих приглашений, потому что, к сожалению, с местной работой практически знакомиться не имел возможности, а то знакомство, которое получаешь при деятельности в Совнаркоме, само собой разумеется, недостаточно. Кроме того, я вполне согласен с тем, что сказал т. Троцкий, и поэтому ограничусь небольшими замечаниями.

Когда в Совнаркоме перед нами ставился вопрос о советских хозяйствах и передаче их губземам, когда ставился вопрос о главках и центрах, то для меня никогда не оставалось сомнения в том, что в учреждениях обоого рода имеется немало контрреволюционных элементов. Но когда пытаются обвинять советские хозяйства в том, что эти учреждения особо контрреволюционны, то мне всегда казалось, и сейчас я так же думаю, что это значит стрелять мимо цели, потому что ни совхозы, ни главки и центры, ни какие бы то ни было крупные промышленные предприятия, вообще ни одна центральная или местная организация, ведающая сколько-нибудь значительной отраслью народного хозяйства, не обойдется, не обходится и не может обойтись без решения вопроса об участии буржуазных специалистов. И мне кажется, что нападки на главки и центры, нападки вполне законные с той точки зрения, что здесь нужна тщательная чистка, являются все же ошибочными, потому что в данном случае этот тип учреждений вырывается из ряда других аналогичных учреждений.

Между тем, из работы Совнархоза яснее ясного видишь, что выделять по этому пункту главки, центры и совхозы никоим образом не допустимо, потому что вся наша советская работа и в области военной, и в области здравоохранения, и в области просвещения, везде и всегда сталкивалась и сталкивается с подобного рода вопросом. Мы не можем перестроить государственный аппарат и воспитать достаточное количество рабочих и крестьян, хорошо знакомых с делом государственного управления, без помощи старых специалистов. Это — основной урок, который мы выводим из всего нашего строительства, и этот опыт нам говорит, что во всех областях, в том числе и военной, старые специалисты — они потому и старые — не могут быть взяты ниоткуда иначе, как из общества капиталистического. Оно давало возможность превращать в специалистов слишком немногочисленные слои, принадлежавшие к семьям помещиков и капиталистов, и лишь самое ничтожное число выходцев из крестьян, притом только зажиточных. Поэтому, если принять во внимание ту обстановку, в которой эти люди выросли и в которой теперь действуют, то совершенно неизбежным окажется факт, что эти специалисты, т. е. люди с навыком управления в широком государственном масштабе, на девять десятых проникнуты старыми буржуазными воззрениями и предрассудками, и что даже в тех случаях, когда они не являются прямыми изменниками (а это явление не случайное, а постоянное), даже в этих случаях они не в состоянии понять новых условий, новых задач, новых требований. На этой почве трения, неудачи и беспорядки замечаются всюду, во всех комиссариатах.

Мне казалось поэтому, что бьют мимо цели, когда кричат о реакционности именно совхозов, главков и центров, пытаюсь этот вопрос выделить из общего нашего вопроса о том, каким образом приучить к управлению в широком государственном масштабе большое число рабочих и крестьян. Мы это делаем с быстротой, которая, если принять во внимание отсталость страны и трудность условий, является безусловно невиданной в мировой истории. Но, как бы она ни была велика, она нас не удовлетворяет, потому что потребность наша в умевших управлять и знакомых со специальными отраслями управления рабочих и крестьянах — громадна и еще не удовлетворена и на

одну десятую, на одну сотую долю. Поэтому, когда нам говорили, или когда в Совнаркоме бывали заседания, на которых доказывали, что совхозы сплошь и рядом являются местами, где прячутся чуточку перекрашенные, а иногда и не перекрашенные старые помещики, что там создаются гнезда бюрократизма, что подобные явления сплошь и рядом наблюдаются в главках и центрах, — я никогда не сомневался в правильности этого. Но я говорил, что если вы думаете устранить это зло тем, что вы подчините совхозы губземотделу, то вы ошибаетесь.

Почему в главках и центрах, в совхозах осталось больше контрреволюционных элементов, больше бюрократизма, чем в области военной? Почему в военной области этих элементов меньше? Потому что на эту область, в целом, было обращено больше внимания, в нее было направлено больше коммунистов, больше рабочих и крестьян, там более широко работали политические отделы, одним словом, воздействие передовых рабочих и передовых крестьян на весь военный аппарат было более широким, более глубоким и более систематичным. Благодаря этому мы добились, что тут зло если еще не искоренено, то все же мы ближе к его искоренению. Я говорю: на это нужно обратить больше всего внимания.

Мы делаем только первые шаги к тому, чтобы совхозы стояли в тесной связи и с окрестным крестьянским населением и с коммунистическими группами, чтобы везде, а не в одной лишь военной области, были комиссары и были не только на бумаге. Будут ли это члены коллегии, помощники заведующих или комиссары — нам необходима единоличная ответственность: как коллегиальность необходима для обсуждения основных вопросов, так необходима и единоличная ответственность и единоличное распоряжение, чтобы не было волокиты, чтобы нельзя было уклоняться от ответственности. Нам нужны такие люди, которые во всяком случае учились бы самостоятельному управлению. Если это будет сделано, тогда мы исправим зло наилучшим образом.

Я совершенно согласен, скажу в заключение, с т. Троцким, когда он говорил о том, что здесь делались очень неправильные попытки представить наши споры, как спор между рабочими и крестьянами, и к вопросу о главках и центрах прилетался вопрос о диктатуре пролетариата.

Это, по-моему, в корне неправильно. Вопрос о диктатуре пролетариата может подниматься тогда, когда речь идет о подавлении буржуазии. Тогда мыслим этот вопрос, тогда нам нужна эта диктатура, ибо только посредством ее мы можем подавить буржуазию и передать власть в руки той части трудящихся, которая способна неуклонно действовать и привлекать к себе все больше и больше колеблющихся. В данном случае мы ничего подобного не имеем перед собой. Мы имеем спор о том, насколько больше или меньше централизма нужно в данной области и в данный момент. Если товарищи с мест говорят, и т. Троцкий и многие наркомы подтверждают, что за последнее время уровень работников губернских и, в значительной степени, уездных поднялся чрезвычайно (я такого рода подтверждения слышу постоянно и от тов. Калинина, много разъезжающего по местам, и от приезжающих с мест товарищей), то с этим приходится считаться, надо ставить вопрос, правильно ли понимается вопрос о централизме в данном случае. Я уверяю, что такого рода исправленной работы советских учреждений нам придется делать еще очень и очень немало. В этом отношении только теперь мы начинаем приобретать строительный опыт. И поскольку смотришь на этот опыт изнутри Совета Оборона и Совнаркома, постольку ясно видишь, что нельзя этого выразить какими цифрами, невозможно рассказать в краткой речи. Но мы уверены в том, что на местах работают по основным заданиям центральной власти. Это создано только в последнее время.

Здесь вопрос вовсе не стоит о конфликте между диктатурой пролетариата и другими общественными элементами. Здесь вопрос об опыте нашего советского строительства, об опыте, по-моему, даже не конституционном. Здесь много говорили об изменении Конституции. Мне кажется, что вопрос не в этом. Конституция говорит об основных положениях централизма. Это основное положение настолько для нас всех бесспорно (мы все научились ему на наглядном, внушительном и даже жестоким уроке Колчака, Юденича, Деникина и на партизанщине), что об этом здесь не может быть и речи. От этого основного положения централизма не отказывается и т. Сапронов, когда идет речь о том, чтобы предоставить право отвода наркомом или Совнаркомом. Это вопрос не конституционный,

а вопрос практического удобства. Нам нужно нажать то на одну, то на другую сторону, чтобы добиться положительных результатов. Когда мы говорим о губсовхозах и губземотделах, центр тяжести в том, чтобы поставить их под контроль рабочих и окрестных крестьян. Это совершенно независимо от того, кому они подчиняются. Мне кажется, что никакими изменениями Конституции вы никогда не вышибете ни спрятавшихся помещиков, ни перекрасившихся капиталистов и буржуа. Мы должны вводить в учреждения членами небольших коллегий, помощниками отдельных заведующих или в качестве комиссаров достаточное число практически опытных и безусловно преданных рабочих и крестьян. В этом гвоздь! Таким образом вы будете создавать все большее и большее число рабочих и крестьян, которые учатся управлению и, пройдя все сроки обучения рядом со старыми специалистами, становятся на их места, исполняют такие же задания и готовят в нашем гражданском деле, в деле управления промышленностью, в деле управления хозяйственной деятельностью такое же изменение командного состава, какое у нас происходит в военном ведомстве. Поэтому я думаю, что здесь нет никаких оснований исходить из тех принципиальных соображений, которые здесь иногда делались, а надо рассматривать этот вопрос не как конституционный, а как вопрос практического опыта. Если большинство местных работников после всестороннего обсуждения найдет, что нужно подчинить губсовхозы губземотделам, — хорошо, мы сделаем опыт в этом отношении, решим вопрос с точки зрения практического опыта. Но прежде всего мы должны решить, устраним ли мы таким образом спрятавшихся помещиков, поставим ли лучше дело использования специалистов? Подготовим ли мы таким образом большее число рабочих и крестьян к тому, чтобы они управляли сами? Вовлечем ли мы окрестных крестьян в проверку совхозов на деле? Выработаем ли практические формы этой проверки? Вот в чем гвоздь! Если мы разрешим эти задачи, то я не могу считать, что было потеряно наше время и наш труд. Испробуем даже в различных комиссариатах различные системы: создадим одну систему по отношению к совхозам, главкам и центрам, другую — по отношению к военному делу или Комиссариату здравоохранения. Наша задача — путем опыта привлекать в широких разме-

рах специалистов, заменять их, подготавливая новый командный состав, новый круг специалистов, которые должны научиться чрезвычайно трудному, новому и сложному делу управления. Это должно идти в формах не обязательно единообразных. Тов. Троцкий был вполне прав, говоря, что это не написано ни в каких книгах, которые мы считали бы для себя руководящими, не вытекает ни из какого социалистического мировоззрения, не определено ничьим опытом, а должно быть определено нашим собственным опытом. В этом отношении, мне кажется, мы должны этот опыт собирать и при практическом проведении его в жизнь проверять коммунистическое строительство, чтобы окончательно определить, как надо поступать по отношению к тем вопросам, которые стоят перед нами.

4

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА
9 ДЕКАБРЯ

(Продолжительные аплодисменты. Делегаты съезда и гости поднимаются с мест и бурно аплодируют в течение нескольких минут.) Товарищи! В нескольких словах я хотел бы остановиться на главном, что прошло перед нами на настоящем съезде.

Мы имели, товарищи, небольшую дискуссию по вопросу о демократии и о Советской власти. И как ни кажется на первый взгляд, что эта дискуссия была далека от практически насущных и злободневных задач Советской республики, мне кажется все же, что она далеко не бесполезна. Товарищи! На всем свете идет теперь во всех рабочих организациях, а очень часто и в буржуазных парламентах и, во всяком случае, на выборах в буржуазные парламента, та же самая основная дискуссия о демократии, старой буржуазной демократии, чего многие не понимают, и о новой Советской власти. Старая, или буржуазная, демократия объявляет свободу и равенство, равенство независимо от того, имеет ли человек собственность или нет, независимо от того, обладает он капиталом или нет, объявляет свободу распоряжаться частным собственникам землей, капиталом, а у кого этого нет — свободу продавать рабочие руки капиталисту.

Товарищи! Наша Советская власть решительно с этой свободой и с этим равенством, как с ложью, порвала (а пл дисменты) и сказала всем трудящимся, что социалисты, так понимающие свободу и равенство, забыли начатки, азбуку и все содержание социализма. Ибо всегда разоблачали мы и социалисты, которые не изменили еще

социализму, ложь, обман и лицемерие буржуазного общества, толкующего о свободе и равенстве, хотя бы о свободе и равенстве на выборах, когда на деле власть капиталистов, частная собственность на землю, на фабрики и на заводы определяет собой не свободу, а гнет и обман трудящихся при всяких и всяческих «демократических и республиканских» порядках.

Мы говорим: наша цель, как цель всемирного социализма, есть уничтожение классов, а классы — это такие группы, из которых одна может жить трудом другой, одна приспавивает себе труд другой. И вот, если мы об этой свободе, об этом равенстве поговорим, то мы должны будем признать, как признает громадное большинство трудящихся в России, что ни одна страна еще не давала так много в такой короткий срок для действительной свободы и для действительного равенства, ни одна страна не давала трудящимся в такой короткий срок свободы от их главного эксплуататорского класса помещиков и капиталистов, ни одна страна не давала равенства в такой мере по отношению к главному источнику средств существования — земле. И на этом пути, на пути освобождения от эксплуатации буржуазных классов до полного уничтожения классов, мы начали решительно бороться и продолжим борьбу за полное уничтожение классов. Мы знаем прекрасно, что эти классы разбиты, но не уничтожены. Мы знаем прекрасно, что помещики и капиталисты разбиты, но не уничтожены. Классовая борьба продолжается, и пролетариат вместе с беднейшим крестьянством должен продолжать борьбу за полное уничтожение классов, привлекая к себе всех тех, кто стоял посредине, добиваясь всем своим опытом, примером борьбы, привлечением всех тех, кто стоял до сих пор в среде колеблющихся.

Товарищи, переходя к работам нашего съезда, я должен сказать, что первый раз VII съезду удалось посвятить так много времени деловым задачам строительства, первый раз нам удалось положить начало практическому, непосредственно из опыта почерпнутому, обсуждению тех задач, которые касаются лучшей организации советского хозяйства, лучшей организации советского управления.

Конечно, слишком мало времени было у нас, чтобы с большей детальностью остановиться на этом вопросе, но все же

многое нами здесь сделано, и вся дальнейшая работа и Центрального Исполнительного Комитета и товарищей на местах пойдет под знаком заложенного здесь фундамента.

Наконец, товарищи, мне хотелось бы особо остановиться на том, чем мы закрепляем настоящий съезд в отношении нашего международного положения.

Товарищи, мы повторили здесь мирное предложение всем державам и странам Согласия. Мы выразили здесь уверенность, основанную на опыте, который у нас уже очень богат и очень серьезен, — уверенность в том, что главные трудности остались позади и что из той войны, которую навязала нам Антанта, из той войны, которую мы ведем два года против неприятеля, во много раз более сильного, чем мы, мы несомненно выходим победоносными.

Но, товарищи, я думаю, что то обращение, которое мы сейчас слышали от представителя нашей Красной Армии, было, тем не менее, вполне своевременным. Товарищи, если главные трудности остались позади, то надо сказать, что перед нами и задачи строительства развертываются в небывалой широте. Нет никакого сомнения, что есть еще очень влиятельные и очень сильные, во многих странах безусловно господствующие капиталистические группы, которые решили во что бы то ни стало продолжать войну против Советской России до конца. Нет никакого сомнения, что теперь, когда мы одержали некоторую решающую победу, пужно еще и еще употребить добавочные усилия, напрячь еще раз усилия, чтобы воспользоваться этой победой и довести ее до конца. (Аплодисменты.)

Товарищи! Не забывайте двух вещей: во-первых, нашей общей слабости, может быть связанной со славянским характером, — мы недостаточно устойчивы, выдержаны в преследовании поставленных себе целей, — и во-вторых, опыт показал один раз на востоке, другой раз на юге, что мы в решительную минуту не умели оказать достаточно сильного напора против бежавшего врага и позволили ему подняться на ноги. Нет ни тени сомнения, что сейчас правительства и военные классы Западной Европы готовят новые планы для того, чтобы спасти Деникина. Нет ни малейшего сомнения, что они попытаются сейчас вдесятеро усилить ту помощь, которую они ему оказывали, потому что они понимают, как велика опасность, грозящая ему от Советской России. И поэтому теперь, так же, как мы

говорили во времена трудные, мы должны сказать себе и во время этих начавшихся побед: «Товарищи, помните, что в настоящее время может быть от нескольких недель, может быть от двух-трех месяцев зависит, кончим ли мы войну не только решающей победой, но и полным уничтожением противника, или мы снова обречем десятки и сотни тысяч людей на продолжительную и мучительную войну. Теперь, на основании пережитого нами опыта, мы можем сказать с полной уверенностью, что от нескольких недель или двух-трех месяцев, если мы сумеем утронуть наши усилия, зависит возможность не только победить до конца, но и уничтожить врага и завоевать себе мир прочный и мир долгий».

Поэтому, товарищи, я больше всего хотел бы вас просить о том, чтобы каждый из вас, прислав на место, в каждой организации партии, в каждом советском учреждении, перед каждым собранием рабочих и крестьян ставил такой вопрос: товарищи, эта зимняя кампания наверняка может дать нам полное уничтожение неприятеля, если мы, ободренные успехом и открывающимися теперь с ясностью перспективами советского строительства, посмотрим на предстоящие нам недели и месяцы, как на ту страдную полосу, когда мы должны утронуть силы, посвященные военной работе и работе, которая с ней связана, — и тогда мы в самый короткий срок добьемся такого уничтожения неприятеля, такого конца гражданской войны, который откроет нам для мирного социалистического строительства долгое и прочное время, товарищи. (А п л о д в с м е н т ы.)

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

В сборнике социалистов-революционеров «Год русской революции. 1917—1918» (Москва. 1918. Московское издательство «Земля и Воля») помещена замечательно интересная статья Н. В. Святницкого: «Итоги выборов во Всероссийское учредительное собрание (предисловие)». Автор дает цифры по 54 избирательным округам из общего числа 79.

В состав обследования автора вошли почти все губернии Европейской России и Сибири. Не вошли из этого числа губернии: Олонецкая, Эстляндская, Калужская, Бессарабская, Подольская, Оренбургская, Якутская и Донская.

Мы приведем сначала основные итоги, опубликованные Н. В. Святницким, а затем рассмотрим политические выводы, которые из этих данных вытекают.

I

По 54 округам было подано всего в ноябре 1917 года 36 262 560 голосов. Автор приводит цифру 36 257 960, распределенную по 7 областям (плюс армия и флот), но итог приводимых им цифр по отдельным партиям дает именно указанную мной цифру.

Распределение по партиям таково: эсеры русские получили 16,5 миллионов голосов, а если присоединить эсеров

других наций (украинских, мусульманских и пр.), то 20,9 миллионов, т. е. 58%.

Меньшевики получили 668 064 голоса, а если прибавить сюда аналогичные группы «народных социалистов» (312 тыс.), «Единства» (25 тыс.), кооператоров (51 тыс.), украинских социал-демократов (95 тыс.), украинских социалистов (507 тыс.), немецких социалистов (44 тыс.) и финских социалистов (14 тыс.), то получим итог 1,7 миллиона.

Большевики получили 9 023 963 голоса.

Кадеты получили 1 856 639 голосов. Прибавляя к ним «союз земельных собственников и землевладельцев» (215 тыс.), «правые группы» (292 тыс.), старообрядцев (73 тыс.), националистов: еврейских (550 тыс.), мусульманских (576 тыс.), башкиров (195 тыс.), латышей (67 тыс.), поляков (155 тыс.), казаков (79 тыс.), немцев (130 тыс.), белоруссов (12 тыс.) и «списки разных групп и организаций» (418 тыс.), получаем итог помещичьих и буржуазных партий 4,6 миллиона.

Известно, что эсеры и меньшевики шли в блоке в течение всего периода революции с февраля по октябрь 1917 года. Кроме того все развитие событий и за это время и после него доказало определенно, что обе эти партии вместе представляют мелкобуржуазную демократию, которая так же ошибочно мнит и называет себя социалистической, как и все партии II Интернационала.

Объединяя три основные группы партий на выборах в Учредительное собрание, мы получаем такой итог:

партия пролетариата (большевики)....	9,02 миллиона =	25%
партии мелкобуржуазной демократии (социалисты-революционеры, меньшевики и т. п.)	22,62 » =	62%
партии помещиков и буржуазии (кадеты и т. п.)	4,62 » =	13%
<i>Всего</i>	36,26 миллиона =	100%

Приедем теперь данные, которые Н. В. Святицкий дает по областям:

Число поданных голосов в тысячах

Области * (и армия отдельно)	за эсеров (русских)	%	за больше- виков	%	за кад- етов	%	всего
Северная.....	1 140,0	38	1 177,2	40	393,0	13	2 975,1
Центрально - Про- мышленная	1 987,9	38	2 305,6	44	550,2	10	5 242,5
Поволжско - Чер- ноземная	4 733,9	70	1 115,6	16	267,0	4	6 764,3
Западная	1 242,1	43	1 282,2	44	48,1	2	2 961,0
Восточно - Ураль- ская	1 547,7	43 (62%**)	443,9	12	181,3	5	3 583,5
Сибирская	2 094,8	75	273,9	10	87,5	3	2 786,7
Украина	1 878,1	25 (77%***)	754,0	10	277,5	4	7 581,3
Армия и флот.....	1 885,1	43	1 671,3	38	51,9	1	4 363,6

Из этих данных по областям видно, что большевики были, по время выборов в Учредительное собрание, партией пролетариата, эсеры — партией крестьянства. В чисто крестьянских районах, великорусских (Поволжско-Черноземный, Сибирь, Восточно-Уральский) и украинском, эсеры имели 62—77% голосов. В промышленных центрах большевики имели преобладание над эсерами. Это преобладание преуменьшено в тех порайонных данных, которые привел Н. В. Святицкий, ибо наиболее промышленные округа соединены у него с мало промышленными и повсе не промышленными. По губерньским данным, приводимым Святицким для партий эсеров, большевиков, кадетов и затем «национальных и других групп», показывают, например, следующее:

В Северной области преобладание большевиков кажется ничтожным: 40% против 38%. Но в этой области соеди-

* Автор не совсем обычно разделил Россию на районы: Северный: Архангельская, Вологодская, Петроградская, Новгородская, Псковская, Лифляндская. — Центрально-Промышленный: Владимирская, Костромская, Московская, Нижегородская, Рязанская, Тульская, Тверская, Ярославская. — Поволжско-Черноземный: Астраханская, Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская. — Западный: Витебская, Минская, Могилевская, Смоленская. — Восточно-Уральский: Вятская, Казанская, Пермская, Уфимская. — Сибирский: Тобольская, Томская, Алтайская, Енисейская, Иркутская, Забайкальская, Приамурская. — Украина: Волынская, Екатеринославская, Киевская, Полтавская, Таврическая, Харьковская, Херсонская, Черниговская.

** Цифра в скобках, 62%, получается Святицким при добавлении мусульманских и чувашских эсеров.

*** Цифру в скобках, 77%, даю я, добавляя украинских эсеров.

нены непромышленные округа (губернии Архангельская, Вологодская, Новгородская, Псковская), где преобладали эсеры, и промышленные: Петроград столичный — 45% большевиков (по числу голосов), 16% эсеров; Петроградская губерния — 50% большевиков, 26% эсеров; Лифляндская — 72% большевиков, 0 — эсеров.

Из губерний Центрально-Промышленной области Московская дала 56% большевиков, 25% эсеров; Московский столичный округ — 50% большевиков, 8% эсеров; Тверская губерния — 54% большевиков, 39% эсеров; Владимирская — 56% большевиков, 32% эсеров.

Отметим мимоходом, как смешны перед лицом таких фактов речи о том, будто большевики имели и имеют за собой «меньшинство» пролетариата! А эти речи слышим мы и от меньшевиков (668 тыс. голосов, а с добавлением Закавказья еще 700—800 тысяч против 9 миллионов у большевиков) и от социал-предателей II Интернационала.

II

Как же могло произойти такое чудо: победа большевиков, имевших $\frac{1}{4}$ голосов, над мелкобуржуазными демократами, шедшими в союзе (коалиции) с буржуазией и вместе с ней владевшими $\frac{3}{4}$ голосов?

Ибо отрицать факт победы теперь, после двух лет помощи Антанты — всемирно-могущественной Антанты — всем противникам большевизма, просто смешно.

В том-то и дело, что бешеная политическая ненависть потерпевших поражение, в том числе всех сторонников II Интернационала, не позволяет им даже поставить серьезно интереснейший исторический и политический вопрос о причинах победы большевиков. В том-то и дело, что «чудо» есть тут лишь с точки зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, вся глубина невежества и предрассудков каковой демократии разоблачается этим вопросом и ответом на него.

С точки зрения классовой борьбы и социализма, с этой точки зрения, покинутой II Интернационалом, вопрос разрешается бесспорно.

Большевики победили, прежде всего, потому, что имели за собой громадное большинство пролетариата, а в нем самую сознательную, энергичную, революционную часть, настоящий авангард этого передового класса.

Возьмем обе столицы, Петроград и Москву. Всего голосов в Учредительное собрание подано было в них 1 765,1 тысяч. Из них получили:

эсеры	218,0	тысяч
большевики	837,0	»
кадеты	515,4	»

Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К^о), ни разбивали себе лба перед богинями «равенства», «всеобщего голосования», «демократии», «чистой демократии» или «последовательной демократии», от этого не исчезнет экономический и политический факт *неравенства* города и деревни.

Это — факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму в частности.

Город не может быть равен деревне. Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно *ведет за собой* деревню. Деревня неизбежно *идет за городом*. Вопрос только в том, *какой класс*, из «городских» классов, сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это *руководство города* примет.

Большевики имели за собой в ноябре 1917 года гигантское большинство пролетариата. Конкурирующая с ними, среди пролетариата, партия, партия меньшевиков, была разбита к этому времени наголову (9 миллионов голосов против 1,4, если сложить 668 тыс. и 700—800 тыс. Закавказья). И притом разбита была эта партия в пятнадцатилетней борьбе (1903—1917), которая *заклила*, просветила, организовала авангард пролетариата, *выковав* из него действительно революционный авангард. И притом первая революция, 1905-го года, подготовила дальнейшее развитие, определила *практически* взаимоотношение обеих партий, сыграла роль генеральной репетиции по отношению к великим событиям 1917—1919 годов.

Мелкобуржуазные демократы, называющие себя «социалистами» II Интернационала, любят отделяться от серьезнейшего исторического вопроса сладенькими фразами о пользе «единства» пролетариата. За этим сладеньким фразерством они забывают исторический факт *накопления оппортунизма* в рабочем движении 1871—1914 годов, забывают (или не хотят) *подумать* о причинах краха оппор-

тунизма в августе 1914 года, о причинах раскола международного социализма в 1914—1917 годах.

Без серьезнейшей и всесторонней подготовки *революционной* части пролетариата к изгнанию и подавлению оппортунизма нелепо и думать о диктатуре пролетариата. Этот урок русской революции надо бы зарубить на носу вождям «независимой» германской социал-демократии, французского социализма и т. п., которые хотят теперь вывернуться посредством словесного признания диктатуры пролетариата.

Далее. Большевики имели за собой не только большинство пролетариата, не только закаленный в долгой и упорной борьбе с оппортунизмом *революционный* авангард пролетариата. Они имели, если позволительно употребить военный термин, могучий «ударный кулак» в столицах.

В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот «закон» военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией.

Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа, — разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка.

В обеих столицах, в обоих главнейших для России торгово-промышленных центрах большевики имели подавляющий, решающий перевес сил. Мы имели здесь *почти четверо* больше, чем эсеры. Мы имели здесь *больше, чем эсеры и кадеты, вместе взятые*. Наши противники, кроме того, были раздроблены, ибо «коалиция» кадетов с эсерами и меньшевиками (меньшевики имели и в Петрограде и в Москве всего по 3% голосов) была до последней степени скомпрометирована среди трудящихся масс. Ни о каком *действительном* единстве эсеров и меньшевиков с кадетами против нас не могло быть и речи в тот момент*. Как известно, в ноябре 1917 года даже вожди эсеров и меньшевиков, во сто раз более близкие к идее блока

* Интересно отметить обнаруживаемое и вышеприведенными данными единство и сплоченность партии пролетариата, при громадной раздробленности партий мелкой буржуазии и партий буржуазии.

с кадетами, чем эсеровские и меньшевистские рабочие и крестьяне, даже эти вожди думали (и торговались с нами) насчет коалиции с большевиками без кадетов!

Столицы мы завоевывали в октябре — ноябре 1917 года *наверняка*, имея подавляющий перевес сил и самую солидную политическую подготовку как в смысле собирания, сосредоточения, обучения, испытания, закала большевистских «армий», так и в смысле разложения, обессиления, разъединения, деморализации «армий» «неприятеля».

А имея возможность *наверняка* быстрым, решающим ударом завоевать обе столицы, оба центра всей капиталистической машины государства (как в экономическом, так и в политическом отношении), мы, несмотря на бешеное сопротивление бюрократии и «интеллигенции», саботажа и т. д., могли при помощи центрального аппарата государственной власти *доказать делами* трудящимся не пролетарским массам, что пролетариат единственный надежный союзник, друг и руководитель их.

III

Но прежде чем переходить к этому, самому важному, вопросу — вопросу об отношении пролетариата к не пролетарским трудящимся массам — следует еще остановиться на *армии*.

Армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил, и если оппортунистическая сволочь II Интернационала (не только социал-шовинисты, т. е. прямо перешедшие на сторону «защиты отечества» Шейдеманы и Реноделл, но и «центровики») своими словами и своими делами укрепляла подчинение армии руководству империалистских разбойников как немецкой, так и англо-французской группы, то настоящие пролетарские революционеры никогда не забывали слов Маркса, сказанных в 1870 году: «буржуазия научит пролетариат владеть оружием»⁵⁴! О «защите отечества» в империалистской, т. е. с обеих сторон грабительской, войне могли говорить только австро-немецкие и англо-франко-русские предатели социализма, а пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 года) на революционизирование армии, на использование ее *против* империалистских разбойников буржуазии, на пре-

вращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против «своей», «национальной» буржуазии.

Предатели социализма *не подготовили* за 1914—1917 годы использование армий *против* империалистских правительств *каждой* нации.

Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года. Конечно, предатели социализма, Шейдеманы и Каутские всех наций, отделялись по этому поводу фразами о *разложении* армии большевистской агитацией, но мы *гордимся* тем, что исполнили свой долг, разлагая силы нашего классового врага, отвоёвывая у него вооруженные массы рабочих и крестьян *для борьбы* против эксплуататоров.

Результаты нашей работы сказались, между прочим, и на том голосовании по выборам в Учредительное собрание в ноябре 1917 года, в котором (голосовании) участвовала в России и армия.

Вот главные результаты этого голосования, как их приводит Н. В. Святицкий:

Число голосов (в тысячах), поданных в ноябре 1917 года на выборах в Учредительное собрание

Части армии и флота	за эсеров	за большевиков	за кадетов	за национальные и другие группы	всего
Северный фронт.....	240,0	480,0	?	60,0**	780,0
Западный »	180,6	653,4	16,7	125,2	976,0
Юго-Западный »	402,9	300,1	13,7	290,6	1 007,4
Румынский »	679,4	167,0	21,4	260,7	1 128,6
Кавказский »	360,0	60,0	?	—	420,0
Балтийский флот.....	—	(120,0)*	—	—	(120,0)*
Черноморский »	22,2	10,8	—	19,5	52,5
<i>Итого</i>	1 885,1	1 671,3	51,8	756,0	4 364,5
		+ (120,0)*	+ ?		+ (120,0)*
		1 791,3			+ ?

* Цифра приблизительная: выбрано 2 большевика. В среднем Н. В. Святицкий считает по 60 000 голосов на 1 выбранного. Поэтому я и беру цифру 120 000.

** О том, какая партия получала 19,5 тыс. голосов от Черноморского флота, сведений не дано. Остальные же цифры этого столбца относятся, видимо, почти целиком к украинским социалистам, ибо выбрано было 10 украинских социалистов и 1 социал-демократ (т. е. меньшевик).

Итог дает: за эсеров 1 885,1 тыс. голосов, за большевиков — 1 671,3 тысяч. А если добавить к последним 120,0 (приблизительно) от Балтийского флота, то получаем за большевиков 1 791,3 тысячи голосов.

Следовательно, большевики получили *немногим менее*, чем эсеры.

Армия была, следовательно, уже к октябрю — ноябрю 1917 года *наполовину большевистской*.

Без этого мы не могли бы победить.

Но, имея почти половину голосов в армии вообще, мы имели подавляющий перевес на фронтах, *ближайших к столицам* и вообще расположенных не чрезмерно далеко. Если вычтеть Кавказский фронт, то у большевиков в общем получается перевес над эсерами. А если взять Северный и Западный фронты, то у большевиков получается *свыше 1 миллиона голосов* против 420 тысяч у эсеров.

Следовательно, в армии большевики тоже имели уже к ноябрю 1917 года *политический «ударный кулак»*, который обеспечивал им подавляющий перевес сил в решающем пункте в решающий момент. Ни о каком сопротивлении со стороны армии против Октябрьской революции пролетариата, против завоевания политической власти пролетариатом, не могло быть и речи, когда на Северном и Западном фронтах у большевиков был гигантский перевес, а на остальных фронтах, удаленных от центра, большевики имели время и возможность *отвоевать крестьян у эсеровской партии*, о чем пойдет речь ниже.

IV

Мы изучили, на основании данных о выборах в Учредительное собрание, три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армии, близких к центру.

Но эти условия могли бы дать лишь самую кратковременную и непрочную победу, если бы большевики не могли привлечь на свою сторону большинство *непролетарских трудящихся масс*, отвоевать их себе у эсеров и прочих мелкобуржуазных партий.

Главное именно в этом.

И главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала состоит в непонимании ими того, что

государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоения этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий.

Полные мелкобуржуазных предрассудков, забывшие самое главное в учении Маркса о государстве, господа «социалисты» II Интернационала смотрят на *государственную власть* как на какую-то святыню, идол или равнодействующую формальных голосований, абсолютом «последовательной демократии» (и как там еще подобная ерунда называется). Они не видят в государственной власти просто *орудия*, которым *разные* классы могут и должны пользоваться (и уметь пользоваться) *в своих классовых целях*.

Буржуазия пользовалась государственной властью как орудием класса капиталистов против пролетариата, против всех трудящихся. Так было при самых демократических буржуазных республиках. Только изменники марксизма «забыли» это.

Пролетариат должен (собрав достаточно сильные, политические и военные, «ударные кулаки») низвергнуть буржуазию, отнять у нее государственную власть, чтобы это *орудие* пустить в ход ради *своих* классовых целей.

А каковы классовые цели пролетариата?

Подавление сопротивления буржуазии.

«Нейтрализация» крестьянства, а по возможности привлечение его — во всяком случае большинства его трудящейся, неэксплуататорской части — на свою сторону.

Организация крупного машинного производства на экспроприированных у буржуазии фабриках и средствах производства вообще.

Организация социализма на развалинах капитализма.

* * *

Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, «учат» народ, в издевку над учением Маркса: пролетариат должен сначала завоевать большинство посредством

всобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже, на этой основе «последовательной» (иные говорят: «чистой») демократии, организовать социализм.

А мы говорим, на основании учения Маркса и опыта русской революции:

пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся.

* *
*

Каким образом государственная власть в руках пролетариата может стать орудием его классовой борьбы за влияние на непролетарские трудящиеся массы? за привлечение их на сторону пролетариата? за оторвание, отвоевание их от буржуазии?

Во-первых, пролетариат достигает этого тем, что пускает в ход не старый аппарат государственной власти, а ломает его вдребезги, не оставляет в нем камня на камне (вопреки воплям запуганных мещан и угрозам саботажников) и создает *новый* государственный аппарат. Этот новый государственный аппарат приспособлен к диктатуре пролетариата и к его борьбе против буржуазии за непролетарские трудящиеся массы. Этот новый аппарат не выдуман кем-либо, а *вырастает* из классовой борьбы пролетариата, из ее распространения вширь и вглубь. Этот новый аппарат государственной власти, новый *тип* государственной власти есть *Советская власть*.

Российский пролетариат, завоевав государственную власть, немедленно, через несколько часов, объявил старый государственный аппарат (веками приспособляемый, как показал Маркс, к служению классовым интересам буржуазии, хотя бы при самой демократической республике⁵⁵) распущенным и передал *всю власть Советам*. А в Советы допускались только трудящиеся и эксплуатируемые, при исключении всех и всяческих эксплуататоров.

Таким путем, сразу, одним ударом, немедленно *после* завоевания государственной власти пролетариатом, про-

летариат *отвоевывает* у буржуазии громадную массу ее сторонников из мелкобуржуазных и «социалистических» партий, ибо эта масса — трудящиеся и эксплуатируемые, которых буржуазия (в том числе ее подпевалы, Черновы, Каутские, Мартовы и К^о) обманывала и которые, *получив Советскую власть*, получают *впервые* орудие массовой борьбы за свои интересы против буржуазии.

Во-вторых, пролетариат может и должен сразу или во всяком случае очень быстро отвоевать у буржуазии и у мелкобуржуазной демократии *«их»* массы, т. е. массы, шедшие за ними, — отвоевать *посредством революционного удовлетворения их наиболее насущных экономических нужд ценой экспроприации помещиков и буржуазии*.

Буржуазия этого сделать *не может*, хотя бы она обладала какой угодно «могучей» государственной властью.

Пролетариат, на другой же день после завоевания им государственной власти, это сделать *может*, ибо он имеет для этого и аппарат (Советы) и экономические средства (экспроприация помещиков и буржуазии).

Именно так российский пролетариат *отвоевал* у эсеров *крестьянство* и отвоевал буквально *через несколько часов* после завоевания пролетариатом государственной власти. Ибо через несколько часов после победы над буржуазией в Петрограде, победивший пролетариат издал «декрет о земле», а в этом декрете целиком и сразу, с революционной быстротой, энергией и беззаветностью, *осуществил* все насущнейшие экономические нужды *большинства* крестьян, экспроприровал полностью и без выкупа помещиков.

Чтобы доказать крестьянам, что пролетарии хотят не майоризировать их, не командовать ими, а помогать им и быть друзьями их, победившие большевики *ни слова своего* не вставили в «декрет о земле», а списали его, слово в слово, с тех крестьянских наказов (наиболее революционных, конечно), которые были опубликованы эсерами в *эсеровской газете*.

Эсеры кипятились, возмущались, негодовали, вопили, что «большевики украли их программу», но над эсерами за это только смеялись: хороша же партия, которую надо было победить и прогнать из правительства, чтобы осуществить все революционное, все полезное для трудящихся из ее программы!

Вот этой диалектики никогда не могли понять предатели, тупицы и педанты II Интернационала: пролетариат не может победить, не завоевывая на свою сторону большинства населения. Но ограничивать или обуславливать это завоевание приобретением большинства голосов на выборах *при господстве буржуазии* есть непроходимое скудоумие или простое надувательство рабочих. Чтобы завоевать большинство населения на свою сторону, пролетариат должен, во-первых, свергнуть буржуазию и захватить государственную власть в свои руки; он должен, во-вторых, ввести Советскую власть, разбив вдребезги старый государственный аппарат, чем он сразу подрывает господство, авторитет, влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей в среде непролетарских трудящихся масс. Он должен, в-третьих, *добить* влияние буржуазии и мелкобуржуазных соглашателей среди *большинства* непролетарских трудящихся масс *революционным* осуществлением их экономических нужд *на счет эксплуататоров*.

Возможность всего этого дана, разумеется, лишь известной высотой капиталистического развития. Без этого основного условия не может быть ни выделения пролетариата в особый класс, ни успеха его длительной подготовки, воспитания, обучения, испытания в борьбе на долгих годах стачек, демонстраций, опозорения и изгнания оппортунистов. Без этого основного условия не может быть той роли, экономической и политической, центров, овладевая которыми, пролетариат овладевает всей государственной властью или, вернее, ее жизненным нервом, сердцевинной, узлом. Без этого основного условия не может быть той родственности, близости, связи между положением пролетариата и положением непролетарских трудящихся масс, которые (родственность, близость, связь) необходимы для влияния пролетариата на эти массы, для успеха его воздействия на них.

V

Пойдем дальше.

Пролетариат может завоевать государственную власть, осуществить советский строй, удовлетворить экономически большинство трудящихся на счет эксплуататоров.

Достаточно ли этого для полной и окончательной победы?
Нет.

Только иллюзия мелкобуржуазных демократов, «социалистов» и «социал-демократов», как их главных современных представителей, может воображать, что при капитализме трудящиеся массы в состоянии приобрести столь высокую сознательность, твердость характера, пронизательность и широкий политический кругозор, чтобы иметь возможность *одним голосованием* решить или вообще как бы то ни было *наперед решить*, без долгого опыта борьбы, что они идут за таким-то классом или за такой-то партией.

Это иллюзия. Это слащавая побасенка педантов и слащавых социалистов типа Каутских, Лонге, Макдональдов.

Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал *массы* на состояние забитости, давленности, запуганности, распыленности (деревня!), темноты; — если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т. д.

Поэтому *вывести трудящихся* из капитализма к коммунизму способен только пролетариат. О решении наперед со стороны мелкобуржуазной или полумелкобуржуазной массы трудящихся сложнейшего политического вопроса: «быть вместе с рабочим классом или с буржуазией» нечего и думать. Неизбежны *колебания* непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный *практический опыт*, позволяющий *сравнить* руководство буржуазии и руководство пролетариата.

Вот это обстоятельство и упускают постоянно из виду поклонники «последовательной демократии», воображающие, что серьезнейшие политические вопросы могут быть решены голосованиями. На деле эти вопросы, если они остры и обострены борьбой, решает *гражданская война*, а в этой войне гигантское значение имеет *опыт* непролетарских трудящихся масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии.

Выборы в Учредительное собрание в России в ноябре 1917 года, сопоставленные с двухлетней гражданской войной 1917—1919 годов, чрезвычайно поучительны в этом отношении.

Посмотрите, какие районы оказались наименее большевистскими. Во-первых, Восточно-Уральский и Сибирский: 12% и 10% голосов за большевиков. Во-вторых, Украина: 10% голосов за большевиков. Из остальных районов наименьший процент голосов за большевиков дает крестьянский район Великороссии, Поволжско-Черноземный, но в нем за большевиков подано 16% голосов.

И вот именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьший, мы наблюдаем наибольший успех контрреволюционных движений, восстаний, организации сил контрреволюции. Именно в этих районах держалась месяцы и месяцы власть Колчака и Деникина.

Колебания мелкобуржуазного населения там, где меньше всего влияние пролетариата, обнаружались в этих районах с особенной яркостью:

сначала — за большевиков, когда они дали землю и демобилизованные солдаты принесли весть о мире. Потом — против большевиков, когда они, в интересах интернационального развития революции и сохранения ее очага в России, пошли на Брестский мир, «оскорбив» самые глубокие мелкобуржуазные чувства, патристические. Диктатура пролетариата не понравилась крестьянам особенно там, где больше всего излишков хлеба, когда большевики показали, что будут строго и властно добиваться передачи этих излишков государству по твердым ценам. Крестьянство Урала, Сибири, Украины поворачивает к Колчаку и Деникину.

Далее, опыт колчаковской и деникинской «демократии», о которой любой газетчик в колчакии и деникии кричал в каждом номере белогвардейских газет, показал крестьянам, что фразы о демократии и об «учрединловке» служат на деле лишь прикрытием диктатуры помещика и капиталиста.

Начинается новый поворот к большевизму: разрастаются крестьянские восстания в тылу у Колчака и у Деникина. Красные войска встречаются крестьянами как освободители.

В последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина. Но до этого «последнего счета» проходил

довольно продолжительный период тяжелой борьбы и мучительных испытаний, которые не закончены в России в течение двух лет, не закончены как раз в Сибири и на Украине. И нельзя ручаться, что они будут *окончательно* закончены еще, скажем, в течение года и тому подобное.

Сторонники «последовательной» демократии не вдумывались в значение этого исторического факта. Они рисовали и рисуют себе детскую сказочку, будто пролетариат при капитализме может «убедить» большинство трудящихся и прочно завоевать их на свою сторону голосованием. А действительность показывает, что лишь в долгой и жестокой борьбе тяжелый опыт *колеблющейся* мелкой буржуазии *приводит ее*, после сравнения диктатуры пролетариата с диктатурой капиталистов, к выводу, что первая лучше последней.

Теоретически все социалисты, учившиеся марксизму и желающие учитывать опыт политической истории передовых стран в течение XIX века, признают неизбежность *колебаний* мелкой буржуазии между пролетариатом и классом капиталистов. Экономические корни этих колебаний с очевидностью вскрываются экономической наукой, истины которой миллионы раз повторялись в газетах, листовках, брошюрах социалистов II Интернационала.

Но применить эти истины к своеобразной эпохе диктатуры пролетариата люди не умеют. мелкобуржуазно-демократические предрассудки и иллюзии (на счет «равенства» классов, на счет «последовательной» или «чистой» демократии, на счет решения великих исторических вопросов голосованием и т. п.) они ставят на место *классовой борьбы*. Не хотят понять, что завоевавший государственную власть пролетариат не прекращает этим свою классовую борьбу, а продолжает ее в иной форме, иными средствами. Диктатура пролетариата есть классовая борьба пролетариата при помощи такого орудия, как государственная власть, классовая борьба, одной из задач которой является демонстрация на долгом опыте, на долгом ряде практических примеров, демонстрация непролетарским трудящимся слоям, что им выгоднее быть за диктатуру пролетариата, чем за диктатуру буржуазии, и что ничего третьего быть не может.

Данные о выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917-го года дают нам основной фон той картины, которую

показывает в течение двух лет после этого развитие гражданской войны. Основные силы в этой войне с ясностью видны уже на выборах в Учредительное собрание: видна роль «ударного кулака» пролетарской армии, видна роль колеблющегося крестьянства, видна роль буржуазии. «Кадеты — пишет в своей статье Н. В. Святццкий — имели наибольший успех в тех же областях, где и большевики: в Северной и Центрально-Промышленной» (стр. 116). Естественно, что в наиболее развитых капиталистических центрах всего слабее были промежуточные элементы, стоящие посредине между пролетариатом и буржуазией. Естественно, что в этих центрах всего резче была классовая борьба. Именно здесь были главные силы буржуазии, именно здесь, только здесь, пролетариат мог разбить буржуазию. И только пролетариат мог разбить ее наголову. И только разбив ее наголову, пролетариат мог завоевать окончательно, используя такое орудие, как государственная власть, сочувствие и поддержку мелкобуржуазных слоев населения.

Данные о выборах в Учредительное собрание, если уметь ими пользоваться, уметь их читать, показывают нам еще и еще раз основные истины марксистского учения о классовой борьбе.

Между прочим. Эти данные показывают также роль и значение национального вопроса. Возьмите Украину. Пишущего эти строки некоторые товарищи на последних совещаниях по украинскому вопросу обвиняли в чрезмерном «выпячивании» национального вопроса на Украине. Данные о выборах в Учредительное собрание показывают, что еще в ноябре 1917 года на Украине получили большинство украинские эсеры и социалисты (3,4 млн. голосов + 0,5 = 3,9 млн. против 1,9 млн. за русских эсеров, при общем числе голосов на всей Украине 7,6 миллионов). На Юго-Западном и Румынском фронтах в армии украинские социалисты получили 30% и 34% всех голосов (при 40% и 59% за русских эсеров).

При таком положении дела игнорировать значение национального вопроса на Украине, — чем очень часто грешат великороссы (и пожалуй немногим менее часто, чем великороссы, грешат этим евреи) — значит совершать глубокую и опасную ошибку. Не может быть случайностью разделение русских и украинских эсеров на Украине еще

в 1917 году. И, как интернационалисты, мы обязаны, во-первых, особенно энергично бороться против остатков (иногда бессознательных) великорусского имперализма и шовинизма у «русских» коммунистов; во-вторых, мы обязаны именно в национальном вопросе, как сравнительно маловажном (для интернационалиста вопрос о границах государств вопрос второстепенный, если не десятстепенный), идти на уступки. Важны другие вопросы, важны основные интересы пролетарской диктатуры, важны интересы единства и дисциплины борющейся с Децикиным Красной Армии, важна руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству; гораздо менее важен вопрос, будет ли Украина отдельным государством или нет. Нам несколько не может удивить — и не должна пугать — даже такая перспектива, что украинские рабочие и крестьяне перепробуют различные системы и в течение, скажем, нескольких лет испытают на практике и слияние с РСФСР, и отделение от нее в особую самостоятельную УССР, и разные формы их тесного союза, и т. д., и т. п.

Пытаться наперед, раз навсегда, «твердо» и «бесповоротно» решить этот вопрос было бы узостью понимания или просто тупоумием, ибо колебания непролетарских трудящихся масс по *такому* вопросу вполне естественны, даже неизбежны, но вовсе для пролетариата не страшны. Действительно умеющий быть интернационалистом представитель пролетариата обязан относиться к *таким* колебаниям с величайшей осторожностью и терпимостью, обязан предоставить *самим* непролетарским трудящимся массам *изжить* эти колебания на собственном опыте. Нетерпимы и беспощадны, непримиримы и непреклонны мы должны быть по другим, более коренным вопросам, отчасти уже указанным мною выше.

VI

Сопоставление выборов в Учредительное собрание в ноябре 1917 года и развития пролетарской революции в России с октября 1917 года по декабрь 1919 дает возможность сделать выводы, относящиеся к буржуазному парламентаризму и пролетарской революции всякой капиталистической страны. Попытаемся изложить вкратце, или хотя бы наметить, главные из этих выводов.

1. Впоследствии избирательное право является показателем зрелости понимания своих задач разными классами. Оно показывает, как *склонны* решать свои задачи разные классы. Самое *решение* этих задач дается не голосованием, а всеми формами классовой борьбы, вплоть до гражданской войны.

2. Социалисты и социал-демократы II Интернационала стоят на точке зрения вульгарной мелкобуржуазной демократии, разделяя ее предрассудок, будто голосование способно решить коренные вопросы борьбы классов.

3. Участие в буржуазном парламентаризме необходимо для партии революционного пролетариата ради просвещения масс, достигаемого выборами и борьбой партий в парламенте. Но ограничивать борьбу классов борьбой внутри парламента, или считать эту последнюю высшей, решающей, подчиняющей себе остальные формы борьбы, значит переходить фактически на сторону буржуазии против пролетариата.

4. Такой переход на сторону буржуазии совершают фактически все представители и сторонники II Интернационала и все вожди германской так называемой «независимой» социал-демократии, когда они, признавая на словах диктатуру пролетариата, на деле в своей пропаганде внушают ему ту мысль, что он должен сначала добиться формального выражения воли большинства населения при капитализме (т. е. большинства голосов в буржуазном парламенте) для имеющего наступить затем перехода политической власти к пролетариату.

Все, исходящее из этой посылки, вопли германских «независимых» социал-демократов и т. п. вождей гиппо социализма против «диктатуры меньшинства» и тому подобное означают лишь непонимание этими вождями фактически господствующей, даже в наиболее демократических республиках, диктатуры буржуазии и непонимание условий ее разрушения классовой борьбой пролетариата.

5. Это непонимание состоит в особенности в следующем: забывают, что буржуазные партии господствуют в громадной степени благодаря обману ими масс населения, благодаря гнету капитала, к чему присоединяется еще самообман насчет сущности капитализма, самообман, более всего характерный для мелкобуржуазных партий, которые обычно хотят заменить классовую борьбу более или менее прикрытыми формами примирения классов.

«Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т. е. при сохранении власти и гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата, — только тогда она может и должна взять власть» — так говорят мелкобуржуазные демократы, фактические слуги буржуазии, называющие себя «социалистами».

«Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат, — тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удовлетворяя их на счет эксплуататоров» — говорим мы. Обратное будет в истории редким исключением (да и при таком исключении буржуазия может прибегнуть к гражданской войне, как показал пример Финляндии⁵⁶).

6. Или, иными словами:

«Сначала дадим обязательство признавать принцип равенства или последовательной демократии при сохранении частной собственности и ига капитала (т. е. фактического неравенства при формальном равенстве) и будем добиваться решения большинства на этой основе» — так говорит буржуазия и ее подпевалы, мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами.

«Сначала классовая борьба пролетариата разрушает, завоевывая государственную власть, устои и основы фактического неравенства, а затем победивший эксплуататоров пролетариат ведет за собой все трудящиеся массы к *уничтожению классов*, т. е. к тому единственно-социалистическому *равенству*, которое не является обманом» — говорим мы.

7. Во всех капиталистических странах, наряду с пролетариатом или с той частью пролетариата, которая признала свои революционные задачи и способна бороться за их осуществление, имеются многочисленные незаметно пролетарские, полупролетарские, полумелкобуржуазные слои трудящихся масс, которые идут за буржуазией и за буржуазной демократией (в том числе за «социалистами» II Интернационала), будучи обмануты ею, не веря в свои силы или в силы пролетариата, не сознавая возможности получить удовлетворение своих насущнейших нужд за счет экспроприации эксплуататоров.

Эти слои трудящихся и эксплуатируемых дают авангарду пролетариата союзников, с которыми он имеет прочное большинство населения, но завоевать этих союзников пролетариат может лишь при помощи такого орудия, как государственная власть, то есть лишь после низвержения буржуазии и разрушения ее государственного аппарата.

8. Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме.

Поэтому пролетариат, даже когда он составляет меньшинство населения (или когда сознательный и действительно революционный авангард пролетариата составляет меньшинство населения), способен и низвергнуть буржуазию и привлечь затем на свою сторону многих союзников из такой массы полупролетариев и мелких буржуа, которая никогда заранее за господство пролетариата не выскажется, условий и задач этого господства не поймет, а только из дальнейшего своего опыта убедится в неизбежности, правильности, закономерности пролетарской диктатуры.

9. Наконец, в каждой капиталистической стране есть всегда очень широкие слои мелкой буржуазии, неизбежно колеблющиеся между капиталом и трудом. Пролетариат для своей победы должен, во-первых, правильно выбрать момент решающего нападения на буржуазию, учитывая, между прочим, разъединение буржуазии с ее мелкобуржуазными союзниками или непрочность их союза и т. д. Пролетариат, во-вторых, должен после своей победы использовать эти колебания мелкой буржуазии так, чтобы нейтрализовать ее, помешать ей встать на сторону эксплуататоров, уметь продержаться известное время *вопреки ее шатаниям* и так далее и тому подобное.

10. Одним из необходимых условий подготовки пролетариата к его победе является длительная и упорная, беспощадная борьба против оппортунизма, реформизма, социал-шовинизма и тому подобных буржуазных влия-

ний и течений, которые неизбежны, поскольку пролетариат действует в капиталистической обстановке. Без такой борьбы, без предварительной полной победы над оппортунизмом в рабочем движении не может быть и речи о диктатуре пролетариата. Большевизм не победил бы буржуазию в 1917—1919 годах, если бы он не научился предварительно, в 1903—1917 годах, побеждать и беспощадно изгонять из партии пролетарского авангарда меньшевцов, то есть оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов.

И опаснейшим самообманом — а иногда простым падувательством рабочих — являются теперь словесные признания диктатуры пролетариата вождями немецких «независимых» или французскими лонгетистами и т. п., которые *на деле* продолжают старую, привычную политику уступок и уступочек оппортунизму, примирения с ним, раболепства перед предрассудками буржуазной демократии («последовательной демократии» или «чистой демократии», как они говорят), буржуазного парламентаризма и так далее.

16. XII. 1919.

Опубликовано в декабре 1919 г.

Печатается по рукописи

НАШЕЙ СМЕНЕ ⁵⁷

Приветствую рабоче-крестьянскую молодежь Петроградской губернии в дни проведения красной недели.

Успливайте, юные товарищи, вашу работу в этом направлении, чтобы со свежими молодыми силами приняться за устройство новой, светлой жизни.

В. Ульянов (Ленин)

«Смена» № 1, 18 декабря 1919 г.

*Печатается по тексту
газеты «Смена»*

**РЕЧЬ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ГОДОВЩИНЕ
ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1905 ГОДА,
В ПРЕСНЕНСКОМ РАЙОНЕ
19 ДЕКАБРЯ 1919 г.**

Товарищи, мы собрались сегодня чествовать день декабрьского восстания в Москве и сражения на Пресне, которое имело место 14 лет тому назад.

Товарищи, восстание в Москве в 1905 году было одним из самых крупных движений русских революционных рабочих и несмотря на то, что тогда оно не могло еще иметь успеха, несмотря на это, его значение оказалось громадным. Только теперь, видя перед собой всю многолетнюю историческую подготовку русской революции, мы можем настоящим образом оценить значение декабрьского восстания 1905 года и тех битв, которые тогда против сил царизма выдерживали красные пресненские рабочие. Товарищи, теперь мы видим ясно, как еще незначительны были тогда силы русского рабочего; мы видим, как жертвы, принесенные тогда, окупились сторицей.

Но я должен сказать, что царизм уже в 1905 году в декабре вынужден был напрягать все свои силы, чтобы подавить даже это еще слабое, еще зачаточное восстание рабочих. Недавно московская организация нашей партии издала два сборника, посвященные воспоминаниям о декабрьском восстании, о пресненских днях, о том, как подпольная слабая партийная организация подготавливала тогда это восстание и каким громадным сочувствием не только рабочих, но и всего трудящегося населения в Москве это восстание было поддержано. Особенно интересно в этих новых опубликованных недавно материалах признание одного деятеля жандармерии и полицейского, который говорит, что революционеры

не знали еще тогда, в декабре 1905 года, как мы, сторонники царизма, были слабы. «Если бы, — признается этот слуга царя, — удар революционеров был немного сильнее и продолжительнее, то при том расстройстве, которое и тогда уже начало наблюдаться у нас, нам бы было не удержаться». Вот особенно интересное признание охранника, которое показывает, что пресненские рабочие принесли тогда свои жертвы делу свободы и делу освобождения рабочих не напрасно, что и тогда своим геройским примером они показали силы рабочего класса всем врагам и своим примером зажгли те миллионные искры, которые потом в течение многих лет долгим и трудным путем разгорались и дали победоносную революцию.

После 1905 года рабочему движению пришлось пережить в России страницы своей истории самые тяжелые и самые кровавые. Царизм с героями, которые восстали в Москве 1905 года, расправился с песьяханским зверством. После подавления восстания в Москве рабочий класс России делал еще несколько раз попытки подняться на массовую борьбу. В 1906 году весной разгорелись массовые стачки и началось крестьянское движение; в 1907 году была сделана еще одна попытка, — но эти попытки замедляли только натиск реакции, но остановить совсем ее не могли. И пошли долгие годы, когда движению пришлось спрятаться в подполье, когда сотни, тысячи сынов рабочего класса погибали на виселицах, в тюрьмах, в ссылке и на каторге.

А затем мы видим, как с 1910—11—12 года рабочий класс снова начал собирать силы, как после ленского побоища в апреле 1912 года стала подниматься волна могучих массовых забастовок, которые перекидывались из конца в конец страны и распатали царизм настолько, что к лету 1914 года дело дошло до баррикад в Петрограде, и, может быть, одвой из причин, которые ускорили это отчаянное решение царского правительства начать войну, может быть, одной из причин была их надежда таким путем сломать революционное движение. Но вместо того, чтобы сломать, война привела к тому, что революционное движение перекинулось на все передовые страны.

Четырехлетняя война, как мы ясно видим, велась хищниками — не только германским империализмом, но

и английским и французским — с целями грабительскими. Когда германцы в 1918 году навязали нам грабительский Брест-Литовский мир, во Франции и Англии не было конца крикам осуждения этого мира, а когда в 1918 же году, год спустя, потерпела поражение Германия, когда империя пала в Германии, тогда французские и английские капиталисты навязали побежденной Германии тот Версальский мир, который теперь является образцом еще более зверских, насильственных мер, чем наш Брест-Литовский.

И теперь уже мы видим, как с каждой неделей открываются глаза сотням, тысячам и миллионам рабочих Франции, Англии и Америки, которые были обмануты, которых уверяли, что они ведут войну против германского империализма, и которые увидели, что в этой войне погибли десятки миллионов людей убитых и искалеченных. И ради чего? ради обогащения ничтожной горстки миллионеров, которые после этой войны превратились в миллиардеров, которые довели все страны до разорения.

Товарищи, мы переживаем теперь тяжелое время в смысле тех бедствий, которые обрушились на промышленных и особенно на городских рабочих. Вы знаете, как тяжело переносить это время, как сильно голодает и холодает наш рабочий класс. И мы знаем также, что не только отсталая Россия, которая четыре года терзалась войной и два года после этого тоже продолжает вести войну, которая ей навязана с помощью Англии и Франции, — не только она оказалась разоренной, а и самые передовые и богатые страны, страны победительницы, как, например, Франция и Америка, они тоже дошли до полного разорения. Там испытывают угольный кризис, там приходится останавливать железнодорожное движение, ибо промышленность и транспорт четырехлетней войной оказались неслыханно раздавленными и разрушенными. Миллионы лучших производительных сил погибли на этой империалистической войне и в результате мы видим, что тот путь, который русский рабочий класс указал рабочим, всему миру еще в 1905 году, когда он восстал против царизма, тот путь, который продолжал русский рабочий класс, когда он свергал буржуазию, — что этот путь оказался тем путем, который привлекает

к себе внимание и сочувствие рабочих всех, даже самых передовых, стран.

Я уже говорил, товарищи, что нам приходится теперь в эту зиму переносить неслыханные бедствия и тяжести. Но мы говорим себе: мы устоим до конца, потому что, несмотря на все тяжести и бедствия, лучшие представители рабочих, самые сознательные рабочие и крестьяне помогали нам, помогали, создавая Красную Армию, благодаря которой мы приходим к окончательной победе. Мы знаем, что теперь, когда окончательно разгромлены войска Колчака, когда недавно восстания в Сибири по всей видимости лишили возможности остатки колчаковской армии перебросить к Деникину, когда под Новониколаевском были захвачены громадные военные силы, — видно, никакой колчаковской армии нет. В настоящее время на юге, где Деникин имел возможность хвастать успехами, мы видим там все более и более усиливающееся наступление нашей Красной Армии. Вы знаете, что Киев, Полтава и Харьков взяты и наше продвижение к Донецкому бассейну, источнику угля, происходит с громадной быстротой.

Таким образом, мы видим, товарищи, что все те неслыханные тяжелые бедствия, которые рабочий класс перенес ради полной победы над капиталом, что все эти жертвы пришли к тому, чтобы окупиться полностью. Мы видим, как за границей, где капиталисты до сих пор оказывали миллионами рублей и всяческими военными припасами помощь сначала Колчаку, а потом Юденичу и Деникину, мы видим, как они заколебались.

Вы знаете, что они отрезали Россию от других стран железным кольцом блокады, вы знаете, что они не пускали наших представителей за границу. Вы знаете, что тов. Литвинов, один из революционеров, который еще раньше 1905 года сражался с большевиками против царизма, вы знаете, что когда он находился в Англии послом, то там не было ни одного рабочего собрания, где бы Литвинов не был встречен такими аплодисментами и взрывом такого протеста против своего правительства, что англичане постарались выслать тов. Литвинова. А теперь эти ненавидящие всей душой Литвинова дали ему разрешение проехать в Копенгаген и не только разрешение, а и возможность проезда (тов. Литвинов прибыл туда на английском крей-

сере). И мы знаем, что каждый день пребывания тов. Литвинова в Копенгагене является большей и большей победой России. К нему постоянно там обращаются представители рабочих, а также корреспонденты тысяч буржуазных газет за разъяснением, в чем состоит этот поворот. А мы знаем, что этот поворот состоит в том, что продолжать свою блокаду, помогать миллионами рублей русским контрреволюционным генералам западная буржуазия дальше не может, потому что это не позволяет ей рабочий каждой из этих богатых и передовых стран.

Может быть самым наглядным выражением того перелома, который наступил в политике европейских стран, является голосование депутатов в итальянской палате, о котором мы знаем из сообщения, переданного по радио Францией Америке и перехваченного нашей радиостанцией. Это сообщение состояло в том, что в итальянской палате обсуждался русский вопрос, и когда социалисты предложили немедленно признать Советскую республику, их предложение собрало сотню голосов, а против было двести; значит, только рабочие стояли за то, чтобы признать Советскую республику, а все представители буржуазии это отвергли. А после этого вся итальянская палата единогласно постановила, чтобы правительство Италии добивалось от союзников полного прекращения блокады и полного прекращения всякого вмешательства в русские дела. Вот решение, которое принято палатой депутатов, состоящей на две трети, если не на три четверти, из помещиков и капиталистов, которое принято в одной из стран победительниц, которое принято под давлением просто рабочего движения.

Это решение ясно показывает, что действительно перелом в международной политике надвигается, что громадные внутренние силы рабочего движения каждой страны действительно привели к тому, на что мы всегда надеялись, на что мы рабочим России указывали, ради чего — мы говорили им — стоит и должно принести тяжёлые жертвы борьбы, ради чего окупятся те бедствия и мучения, которые мы переносим, терпя голод и холод. Ибо этим мы не только спасаем Советскую Россию, но и привлекаем к себе с каждой неделей борьбы сочувствие и поддержку миллионов и миллионов рабочих других стран. И вот почему в настоящее время, когда мы вспоминаем наших

павших товарищей и героев Красной Пресни, мы из этого воспоминания все выносим еще большую бодрость, твердую решимость близкой победы.

Мы, несмотря на все трудности и жертвы, дойдем сами и приведем рабочих всех стран к полной победе над капиталом. (А плоды сменты.)

*Краткий отчет опубликован
20 декабря 1919 г. в газете
«Известия ВЦИК» № 258*

Полностью печатается впервые

Печатается по стенограмме

**ДОКЛАД О СУББОТНИКАХ НА МОСКОВСКОЙ
ОБЩЕГОРОДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б) ⁵⁸
20 ДЕКАБРЯ 1919 г.**

Товарищи, как мне сообщили устроители конференции, вы назначили доклад по вопросу о субботниках, разделив его на две части, чтобы иметь возможность обстоятельно обсудить самое главное в этом вопросе: во-первых, организацию субботников в Москве и их результаты и, во-вторых, практические выводы для дальнейшей их организации. Я хотел бы ограничиться только общими положениями, теми мыслями, которые вызывает организация субботников, как новое явление в нашем партийном и советском строительстве. Поэтому на стороне практической я остановлюсь лишь в самых кратких чертах.

Когда впервые только были организованы коммунистические субботники, трудно было еще судить о том, насколько подобное явление заслуживает внимания и может ли из него вырасти что-либо большое. Помню, когда первые известия об этом стали появляться в партийной печати, то отзывы товарищей, стоящих близко к делу профессионального строительства и Комиссариату труда, вначале были чрезвычайно сдержанные, чтобы не сказать — пессимистические. Им казалось, что придавать большое значение этим субботникам нет никаких оснований. С тех пор субботники разрослись так широко, что важность их в нашем строительстве никем не может быть оспариваема.

В самом деле, мы очень часто употребляем слово «коммунизм», до такой степени часто, что даже включили его в название нашей партии. Но когда задумываешься над этим вопросом, то является мысль, что вместе с тем добром, которое отсюда воспоследовало, может быть создана

для нас и некоторая опасность. Главной причиной, заставившей нас переменить название партии, было желание как можно резче отмежеваться от господствующего социализма II Интернационала. После того как подавляющее большинство официальных партий социализма стало во время империалистической войны, в лице своих вождей, на сторону буржуазии своей страны или своего правительства, с очевидностью выяснился для нас величайший кризис, крах старого социализма. И чтобы подчеркнуть самым резким образом, что мы не можем считать социалистами тех, кто во время империалистической войны шел вместе со своими правительствами, чтобы показать, что старый социализм сгнил, умер, для этого, главным образом, и была выдвинута мысль о переименовании нашей партии. Тем более, что с точки зрения чисто теоретической название «социал-демократия» давно не является правильным. Еще с сороковых годов, во Франции, когда оно впервые вошло в широкое политическое употребление, оно было присвоено партии мелкобуржуазного социалистического реформизма, а не партии революционного пролетариата. Таким образом, главным побудителем, двигателем при изменении названия партии, ставшего названием нового Интернационала, было желание решительно размежеваться со старым социализмом.

Если мы спросим себя, что представляет собою коммунизм в отличие от социализма, то мы должны будем сказать, что социализм есть то общество, которое вырастает из капитализма непосредственно, есть первый вид нового общества. Коммунизм же есть более высокий вид общества, и он может развиваться лишь тогда, когда вполне упрочится социализм. Социализм предполагает работу без помощи капиталистов, общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся; причем должны определяться и мера труда, и его вознаграждение. Это определение необходимо потому, что капиталистическое общество оставило нам такие следы и такие привычки, как труд враздробь, недоверие к общественному хозяйству, старые привычки мелкого хозяина, которые господствуют во всех крестьянских странах. Все это идет наперекор действительно коммунистическому хозяйству. Коммунизмом же мы называем такой порядок, когда люди привыкают

к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую пользу становится всеобщим явлением. Само собой понятно, что с точки зрения тех, кто делает первые шаги для полной победы над капитализмом, понятие «коммунизм» является слишком далеким. Поэтому, как ни правильно было изменение названия нашей партии, как ни громадна польза, которую оно принесло, как ни крупно сделанное дело, получившее громадный размах, — ибо коммунистические партии существуют теперь уже во всем мире, и хотя не прошло еще и года с основания Коммунистического Интернационала, но с точки зрения рабочего движения он несравненно сильнее умирающего старого, II Интернационала, — все же, если название «коммунистическая партия» истолковать так, как будто коммунистический строй осуществляется сейчас, то получится величайшее извращение и практический вред, сводящийся к пустейшему бахвальству.

Вот почему слово «коммунистический» требует к себе очень осторожного отношения, и вот почему коммунистические субботники получили особую ценность, когда стали входить в практику, ибо только в этом, чрезвычайно малом, явлении стало проявляться кое-что коммунистическое. От экспроприации помещиков и капиталистов мы получили только возможность строить самые первоначальные формы социализма, но коммунистического еще в этом ничего нет. Если мы возьмем наше настоящее хозяйство, то мы увидим в нем еще очень слабые зачатки социализма и громадное господство старых хозяйственных форм, выражающееся либо в преобладании мелкого хозяйничания, либо в самой дикой, безудержной спекуляции. Но когда в своих возражениях против нас наши противники, мелкобуржуазные демократы, меньшевики и эсеры, говорят: вы разбили крупный капитализм, а вместо этого у вас прет изо всех пор самый худший спекулятивный, ростовщический капитализм, то на это мы им отвечаем: если вы воображали, что от крупного капитализма мы можем перейти прямо к коммунизму, то вы не революционеры, а реформисты или утописты.

Крупный капитализм подорван коренным образом везде, даже в тех странах, где никаких шагов к социализму еще не сделано. С этой точки зрения вся эта критика, все эти

возражения, которые выдвигаются против нас нашими противниками, являются совершенно несерьезными. Конечно, после того как разбит крупный капитализм, то на его месте начинают появляться ростки нового, мелкого, спекулятивного капитализма. Мы переживаем бешеную борьбу с остатками крупного капитализма, бросившегося на всякую мелкую спекуляцию, где его труднее поймать и где он приобретает самую худшую, самую неорганизованную форму торговли.

Борьба, ставшая гораздо более ожесточенной в обстановке войны, вызвала самые зверские проявления спекуляции, в особенности там, где капитализм был организован в более крупном масштабе, и представлять себе революционный переход иначе было бы совершенно неправильным. Так обстоит дело с точки зрения теперешней экономики. Если мы поставим вопрос, что представляет собой современный экономический строй Советской России, то мы должны будем сказать, что он является закладыванием основ социализма в крупном производстве, переработкой старого капиталистического хозяйства при упорнейшем сопротивлении капитализма, проявляющемся в миллионах и миллионах форм. Страны западноевропейские, вышедшие из войны в такой же степени пострадавшими, как и наша, как, например, Австрия, отличаются от нас только тем, что там это разложение капитализма, эта спекуляция проявляются с еще большей силой, а зачатков социалистического строительства, того, что оказывает отпор капитализму, там нет. Но коммунистического в нашем хозяйственном строе пока нет ничего. «Коммунистическое» начинается только тогда, когда появляются субботники, т. е. бесплатный, не нормированный никакой властью, никаким государством, труд отдельных лиц на общественную пользу в широком масштабе. Это не помощь соседу, которая существовала в деревне всегда, но труд, производящий на общегосударственные потребности, организованный в широком масштабе и бесплатный. Поэтому было бы правильнее, если бы слово «коммунистическое» применять не только к названию партии, но и исключительно к тем хозяйственным явлениям нашей жизни, которые осуществляют коммунистическое на деле. Если в теперешнем строе России и есть что-либо коммунистическое, то это только субботники, а остальное есть лишь

борьба против капитализма за упрочение социализма, из которого, после его полной победы, должен будет вырасти тот самый коммунизм, который мы на субботниках наблюдаем не из книг, а на живой действительности.

Таково принципиальное значение субботников, показывающих, что здесь создается и начинает возникать в виде бесплатного труда, широко организованного на потребности всего государства, нечто совершенно новое, идущее вразрез со всеми старыми капиталистическими правилами, нечто более высокое, чем побеждающее капитализм социалистическое общество. Поэтому, когда в этом году, после призыва Центрального Комитета партии прийти на помощь стране, откликнулись сначала железнодорожники Московско-Казанской железной дороги, живущие в условиях наибольшего голода и наибольшей нужды, и когда появились признаки того, что коммунистические субботники перестают быть единичным явлением, начинают распространяться и встречают сочувствие масс, — можно было сказать, что тут мы имеем громадной важности принципиальное явление и что мы действительно должны оказать ему всестороннюю поддержку, если мы хотим быть коммунистами не только в смысле принципиальном, не только с точки зрения борьбы с капитализмом. С точки зрения практического строительства социалистического общества этого еще недостаточно. Надо сказать, что на деле движение можно осуществить в массовом размере. Доказали ли мы это, — я не возьмусь ответить, так как общих сводок размеров того движения, которое мы называем коммунистическими субботниками, еще не сделано. Я имею лишь отрывочные сведения и читал в партийной печати, что эти субботники получают все большее и большее развитие в целом ряде городов. Петроградские товарищи говорили, что субботники в Петрограде распространены несравненно более широко, чем в Москве. Что касается провинции, то многие товарищи — из тех, которые с этим движением знакомы практически — говорили мне, что у них подбирается громадный материал об этой новой форме общественного труда. Но только после многократного обсуждения этого вопроса в печати и на партийных конференциях разных городов нам удастся получить те сводные данные, на основании которых мы сможем сказать, действительно ли субботники стали

массовым явлением, и действительно ли мы достигли в этой области серьезных успехов.

Как бы то ни было, скоро ли или еще не скоро мы получим такого рода полные и проверенные данные, для нас должно быть несомненным, что с точки зрения принципиальной мы другого явления, которое указывало бы на то, что мы не только называемся коммунистами и не только хотим ими быть, но на деле нечто коммунистическое — не только социалистическое — осуществляем, — другого явления, кроме субботников, нет. Поэтому каждый коммунист, всякий, кто хочет быть верен принципам коммунизма, должен все свои усилия, все свое внимание направить на то, чтобы помочь уяснению этого явления и его практическому применению. Таково принципиальное значение субботников. Поэтому на каждой партийной конференции надо неустанно вопрос этот ставить и обсуждать его и со стороны теоретической, и со стороны практической. Мы не должны ограничивать этого явления только теоретической, принципиальной стороной. Коммунистические субботники имеют для нас громадную ценность не только потому, что они на практике осуществляют коммунизм. Кроме этого, субботники имеют еще для нас двойное значение: с точки зрения государственной — чисто практическая помощь государству — и с точки зрения партийной, что для нас, как для членов партии, не должно оставаться в тени, это — то значение, которое они имеют для очистки партии от примазавшихся к ней элементов, для борьбы против тех воздействий, которые переживает партия в обстановке разлагающегося капитализма.

*Краткий отчет опубликован
21 декабря 1919 г. в газете
«Известия ВЦИК» № 287*

*Впервые полностью напечатано
в 1927 г.*

Печатается по стенограмме

(1)

Письмо к рабочим и
крестьянам Украины по поводу
побед над Деникинцами.

Милые! Вчера мы с вами были в саду, в саду
августа 1919 года, и мы должны отразить с вами
и к рабочим и крестьянам по поводу победы
над Кобляками.

Мы с вами переживаем эту победу над
двух рабочих и крестьян Украины по поводу победы
над Деникинцами.

Красная армия была в Киев, Волынь, Карпаты
и победоносно двинулась на Восток. В Украине
кинул восток через Деникина. Который сел
на севе, чтобы разбить до конца ^{и уничтожить} войну, и разбить
с восточной стороны Киев помыслил и конгрессом.
~~Который~~ ^{Который} ~~уничтожил~~ Деникина, чтобы отразить
свои ~~уничтожил~~ ^{уничтожил} философия, чтобы уничтожить.

Рабочие и крестьяне Украины обещают
отрастить с теми уроками, которые в восток
русской армии и рабочие восточной ^{на восток} ~~побед~~ ^{побед}
восток Сибиря Кобляками и освободили Сибирь
красными войсками после долгой войны по
меморанду и конгрессом.

На Украине помыслил Деникина с

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Письмо к рабочим
и крестьянам Украины по поводу побед над Деникинцами». —
28 декабря 1919 г.

Уменьшено

ПИСЬМО К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ УКРАИНЫ ПО ПОВОДУ ПОБЕД НАД ДЕНИКИНЫМ

Товарищи! Четыре месяца тому назад, в конце августа 1919-го года, мне довелось обратиться с письмом к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком.

Теперь я перепечатаваю это письмо полностью для рабочих и крестьян Украины по поводу побед над Деникиным.

Красные войска взяли Киев, Полтаву, Харьков и победоносно двигаются на Ростов. В Украине кипит восстание против Деникина. Необходимо собрать все силы, чтобы разбить до конца деникинские войска, пытавшиеся восстановить власть помещиков и капиталистов. Необходимо уничтожить Деникина, чтобы обеспечить себя от малейшей возможности нового нашествия.

Рабочим и крестьянам Украины следует ознакомиться с теми уроками, которые для всех русских крестьян и рабочих выяснились на опыте завоевания Сибири Колчаком и освобождения Сибири красными войсками после долгих месяцев помещичьего и капиталистического гнета.

На Украине господство Деникина было таким же тяжелым испытанием, как господство Колчака в Сибири. Нет сомнения, что уроки этого тяжелого испытания приведут украинских рабочих и крестьян — так же, как уральских и сибирских — к более ясному пониманию задач Советской власти и к более твердой защите ее.

В Великороссии помещичье землевладение уничтожено полностью. На Украине надо сделать то же самое, и Советская власть украинских рабочих и крестьян должна закрепить полное уничтожение помещичьего землевладения, полное освобождение украинских рабочих

и крестьян от всякого гнета помещиков и от самих помещиков.

Но кроме этой задачи и ряда других задач, которые одинаково стояли и стоят перед великорусскими и украинскими трудящимися массами, есть особые задачи Советской власти на Украине. Одна из таких особых задач заслуживает в настоящее время чрезвычайного внимания. Это — вопрос национальный или вопрос о том, быть ли Украине отдельной и независимой Украинской Советской Социалистической Республикой, связанной в союз (федерацию) с Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, или слиться Украине с Россией в единую Советскую республику. Все большевики, все сознательные рабочие и крестьяне должны внимательно подумать над этим вопросом.

Независимость Украины признана и Всесоюзным (Все-российским Центральным Исполнительным Комитетом) РСФСР, Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, и Российской коммунистической партией большевиков. Поэтому само собою очевидно и вполне общепризнано, что только сами украинские рабочие и крестьяне на своем Всеукраинском съезде Советов могут решить и решат вопрос о том, сливать ли Украину с Россией, оставлять ли Украину самостоятельной и независимой республикой и в последнем случае какую именно федеративную связь установить между этой республикой и Россией.

Как же следует решать этот вопрос с точки зрения интересов трудящихся? с точки зрения успеха их борьбы за полное освобождение труда от ига капитала?

Во-первых, интересы труда требуют самого полного доверия, самого тесного союза между трудящимися разных стран, разных наций. Сторонники помещиков и капиталистов, буржуазии, стараются разъединить рабочих, усилить национальную рознь и вражду, чтобы обессилить рабочих, чтобы укрепить власть капитала.

Капитал есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их.

Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному объ-

единению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику.

Во-вторых, трудящиеся не должны забывать, что капитализм разделил нации на небольшое число угнетающих, великодержавных (империалистских), полноправных, привилегированных наций и громадное большинство угнетенных, зависимых и полузависимых, неравноправных наций. Преступнейшая и реакционнейшая война 1914—1918 годов еще больше усилила это деление, обострила злобу и ненависть на этой почве. Веками накопилось возмущение и недоверие наций неполноправных и зависимых к нациям великодержавным и угнетающим, — таких наций, как украинская, к таким, как великорусская.

Мы хотим *добровольного* союза наций, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов.

Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия. Неуступчивы, непримиримы мы должны быть ко всему тому, что касается основных интересов труда в борьбе за его освобождение от ига капитала. А вопрос о том, как определить государственные границы теперь, на время — ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ — есть вопрос не основной, не важный, второстепенный. С этим вопросом можно подождать и должно подождать, ибо национальное недоверие у широкой массы крестьян и мелких хозяйчиков держится часто крайне прочно, и торопливостью можно его усилить, то есть повредить делу полного и окончательного единства.

Опыт рабоче-крестьянской революции в России, Октябрьско-Ноябрьской революции 1917 года, опыт ее

двухлетней победоносной борьбы против нашествия международных и русских капиталистов показал яснее ясного, что капиталистам удалось на время сыграть на национальном недоверии польских, латышских, эстляндских, финских крестьян и мелких хозяйчиков к великороссам, удалось на время посеять рознь между ними и нами на почве этого недоверия. Опыт показал, что это недоверие пзживается и проходит только очень медленно и, чем больше осторожности и терпения проявляют великороссы, долго бывшие угнетательской нацией, тем вернее проходит это недоверие. Именно признанием независимости государств польского, латышского, литовского, эстляндского, финского мы медленно, но неуклонно завоевываем доверие самых отсталых, всего более обманутых и забитых капиталистами, трудящихся масс соседних маленьких государств. Именно таким путем мы всего вернее отрываем их из-под влияния «их» национальных капиталистов, всего вернее ведем их к полному доверию, к будущей единой международной Советской республике.

Пока Украина не освобождена полностью от Деникина, ее правительством, до Всеукраинского съезда Советов, является Всеукраинский революционный комитет, Всеукраинский ревком. В этом Ревкоме наряду с украинскими коммунистами-большевиками работают, как члены правительства, украинские коммунисты-боротьбисты. Боротьбисты отличаются от большевиков между прочим тем, что отстаивают безусловную независимость Украины. Большевики *из-за этого* не делают предмета расхождения и разъединения, *в этом* не видят никакой помехи дружной пролетарской работе. Было бы единство в борьбе против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а *из-за* вопроса о национальных границах, о федеративной или иной связи между государствами коммунисты расходиться не должны. Среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более или менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией.

Из-за этих вопросов расхождение недопустимо. Эти вопросы будет решать Всеукраинский съезд Советов.

Если великорусский коммунист настаивает на слиянии Украины с Россией, его легко заподозрят украинцы в том, что он защищает такую политику не по соображениям

единства пролетариев в борьбе с капиталом, а по предрассудкам старого великорусского национализма, империализма. Такое недоверие естественно, до известной степени неизбежно и закономерно, ибо веками великороссы впитывали в себя, под гнетом помещиков и капиталистов, позорные и поганые предрассудки великорусского шовинизма.

Если украинский коммунист настаивает на безусловной государственной независимости Украины, его можно заподозрить в том, что он защищает такую политику не с точки зрения временных интересов украинских рабочих и крестьян в их борьбе против ига капитала, а в силу мелкобуржуазных, мелкохозяйских национальных предрассудков. Ибо опыт показывал нам сотни раз, как мелкобуржуазные «социалисты» разных стран — всякие якобы социалисты польские, латышские, литовские, грузинские меньшевики, эсеры и прочие — перекрашивались в сторонников пролетариата с единственной целью протащить обманом политику соглашательства с «своей» национальной буржуазией против революционных рабочих. Это мы видели на примере керенщины в России в феврале — октябре 1917 года, это мы видели и видим во всех и всяческих странах.

Взаимное недоверие между великорусскими и украинскими коммунистами возникает таким образом очень легко. Как же бороться с этим недоверием? Как преодолеть его и завоевать взаимное доверие?

Лучшее средство к тому — совместная работа по отстаиванию диктатуры пролетариата и Советской власти в борьбе против помещиков и капиталистов всех стран, против их попыток восстановить свое всевластие. Такая совместная борьба ясно покажет на практике, что при каком угодно решении вопроса о государственной независимости или о государственных границах великорусским и украинским рабочим обязательно нужен тесный военный и хозяйственный союз, ибо иначе капиталисты «Антанты», «Согласия», то есть союза богатейших капиталистических стран, Англии, Франции, Америки, Японии, Италии, задавят и задушат нас поодиночке. Пример борьбы нашей против Колчака и Деникина, которых снабжали деньгами и оружием эти капиталисты, ясно показал эту опасность.

Кто нарушает единство и теснейший союз великорусских и украинских рабочих и крестьян, тот помогает

Колчакам, Деникиным, капиталистам-хищникам всех стран.

Поэтому мы, великорусские коммунисты, должны с величайшей строгостью преследовать в своей среде малейшее проявление великорусского национализма, ибо эти проявления, будучи вообще изменой коммунизму, приносят величайший вред, разъединяя нас с украинскими товарищами и тем играя наруку Деникину и деникинщине.

Поэтому мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форме ее союза с Россией, вообще национального вопроса. Неуступчивы и непримиримы мы все, и великорусские, и украинские, и какой угодно другой нации коммунисты, должны быть по отношению к основным, коренным, одинаковым для всех наций вопросам пролетарской борьбы, вопросам пролетарской диктатуры, недопущения соглашения с буржуазией, недопущения раздробления сил, защищающих нас от Деникина.

Победить Деникина, уничтожить его, сделать невозможным повторение подобного нашествия — таков коренной интерес и великорусских и украинских рабочих и крестьян. Борьба долгая и трудная, ибо капиталисты всего мира помогают Деникину и будут помогать разного рода Деникиным.

В этой долгой и трудной борьбе мы, великорусские и украинские рабочие, должны идти теснейшим союзом, ибо поодиночке нам, наверное, не справиться. Каковы бы ни были границы Украины и России, каковы бы ни были формы их государственных взаимоотношений, это не так важно, в этом можно и должно идти на уступки, в этом можно перепробовать и то, и другое, и третье, — от этого дело рабочих и крестьян, дело победы над капитализмом не погибнет.

А вот если мы не сумеем сохранить теснейшего союза между собой, союза против Деникина, союза против капиталистов и кулаков наших стран и всех стран, тогда дело труда наверное погибнет на долгие годы в том смысле, что и Советскую Украину и Советскую Россию тогда *смогут* задавить и задушить капиталисты.

И буржуазия всех стран и всяческие мелкобуржуазные партии, «соглашательские» партии, допускающие союз с буржуазией против рабочих, больше всего старались разъединить рабочих разных национальностей, разжечь недоверие, нарушить тесный международный союз и международное братство рабочих. Когда буржуазии удастся это, дело рабочих проиграно. Пусть же коммунистам России и Украины удастся терпеливой, настойчивой, упорной совместной работой победить националистские происки всякой буржуазии, националистские предрассудки всякого рода и показать трудящимся всего мира пример действительно прочного союза рабочих и крестьян разных наций в борьбе за Советскую власть, за уничтожение гнета помещиков и капиталистов, за всемирную Федеративную Советскую Республику.

Н. Ленин

28. XII. 1919.

«Правда» № 3, 4 января 1920 г.

*Печатается по тексту газеты
«Правда», сверенному с рукописью*

ОБ ОЧИСТКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ДОСУГЕ, Т. Е. ПРИ СЛУШАНИИ
РЕЧЕЙ НА СОБРАНИЯХ) 89

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас однако тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормозить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?

В БЮРО ЖЕНСКОГО СЪЕЗДА ПЕТРОГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Товарищи! Не имея возможности быть на Вашем съезде, я хотел бы письменно передать Вам мое приветствие и пожелание наилучших успехов.

Теперь мы счастливо кончаем гражданскую войну. Советская республика укрепляется своими победами над эксплуататорами. Советская республика может и должна сосредоточить отныне свои силы на более важной, более близкой и родственной всем нам, всем трудящимся, задаче: на войне бескровной, на войне за победу над голодом, холодом, разрухой. И в этой бескровной войне работницы и крестьянки призваны сыграть особенно крупную роль.

Пусть женский съезд Петроградской губернии поможет основать, сплотить, организовать женскую армию трудящихся в этой бескровной войне, которая должна принести и принесет Советской власти еще более великие победы.

С коммунистическим приветом
В. Ульянов (Ленин)

10/1 1920

И. В. СТАЛИНУ

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

На основании директивы, данной Центральным Комитетом⁶⁰, следует, по-моему, переработать все 3 проекта в один.

Добавить, по-моему:

1) «Отдел» Рабоче-крестьянской инспекции при Госконе должен быть временный с задачей внедрить Рабоче-крестьянскую инспекцию *во все* отделы Госкона и тогда, как особый отдел, исчезнуть.

2) Цель: *всю* трудящуюся массу, и мужчин и *женщин особенно*, провести через участие в Рабоче-крестьянской инспекции.

3) Для сего на местах составлять списки (по Конституции), исключать служащих, и т. д.,

— остальных *по очереди* всех проводить чрез участие в Рабоче-крестьянской инспекции.

4) Участие это сделать различным, смотря по степени развития участников: начиная с роли «послуха» или свидетеля или понятого или учащегося для неграмотных и совершенно неразвитых рабочих и крестьян, — кончая всеми правами (или почти всеми) для грамотных, развитых, *испытанных* так или иначе.

5) Особое внимание обратить (и сугубо точными правилами обставить) — равно *шире* ввести надо контроль Рабоче-крестьянской инспекции за учетом продуктов, товаров, складов, орудий, материалов, топлива и т. д. и т. п. (столовых и проч. особенно).

К сему *обязательно* привлекать *женщин* и при том *поголовно*.

6) Дабы не вышло путаницы из привлечения массы участников, надо установить постепенность привлечения, очереди, и т. д. Необходимо также тщательно обдумать формы участия (по 2—3, редко и в особых случаях больше участников, дабы не отвлекали они служащих зря от работы).

7) Должна быть выработана детальная инструкция.

8) Чиновники Госкона должны быть обязаны (по особой инструкции) во-1-х, привлекать ко всем своим операциям представителей (или группы) Рабоче-крестьянской инспекции, а во-2-х, читать лекции *беспартийным* конференциям рабочих и крестьян (лекции по особо утвержденной программе, популярные, об основах Госкона и приемах его: может быть, заменить лекции прочтением брошюры, кою мы издадим (т. е. Госкон, Сталин и Аванесов, издаст при особом участии партии), и комментарием к этой брошюре).

9) *Постепенно* вызывать крестьян с мест (обязательно беспартийных крестьян) для участия в Госконе в центре: начать хотя бы (если нельзя больше) с 1—2 от губернии, а потом, в зависимости от транспорта и других условий *расширять*. Тоже для беспартийных рабочих.

10) Постепенно ввести проверку участия в Госконе со стороны трудящихся через партию и через профсоюзы, т. е. через них проверять, участвуют ли все и каковы результаты участия с точки зрения обучения участников делу государственного управления.

Ленин

24/I 1920

РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙЦЕВ ПРЕСНЕНСКОГО РАЙОНА 24 ЯНВАРЯ 1920 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

В связи с последними победами Красной Армии сильно изменилось наше международное положение, и нужно искать новые пути к решению наших интернациональных задач.

Как только создалась Советская власть, все силы международного капитала обрушились на нее, а эти силы гораздо больше сил Советской власти, и поэтому колеблющиеся могли усомниться в победе Советской власти. Но все же она победила. И стоит вдуматься в то, каким образом Советская власть победила, чтобы понять, что нужно сделать, чтобы побеждать и дальше.

Товарищ Ленин указывает, как велика победа над силами капитала, как велик разгром Колчака, заставивший союзников снять блокаду и отказаться от плана удушить Россию.

Эта наша победа над гораздо более сильным врагом показывает, что правы были большевики, а не те, которые утверждали, что мы начинаем безнадежное дело, выступая против мировой буржуазии. Хотя снятие блокады и дает нам некоторое облегчение, все же буржуазия Запада, наверное, попытается с нами еще бороться. Уже теперь, сняв блокаду, она натравливает на нас польских белогвардейцев, поэтому еще раз необходимо быть начеку, готовиться к новым нападениям и воспользоваться уроками двухлетней борьбы, воспользоваться теми средствами, которыми мы до сих пор побеждали.

Меньшевики часто указывали: пролетарии Запада не поддерживают нас, они дают нас душить, они дали задушить Венгрию. Как будто и верно. А почему же ушли

антантовские войска с Севера и из Одессы? Да потому, что их солдаты, сами рабочие, чем дальше углубляются в Советскую Россию, тем более решительно отказываются воевать против нас. Значит, одна из причин нашей победы — это то, что воевать против нас можно лишь с большой силой, а большую армию можно собрать лишь из рабочих и крестьян, но эти рабочие Запада не хотят воевать с нами. Значит, мы победили не потому, что были сильнее, а потому, что трудящиеся стран Антанты оказались ближе к нам, чем к своему собственному правительству.

Вторая причина победы — неудача «похода 14-ти государств». Это значит, что маленькие государства не могут объединиться для борьбы с большевиками, так как они боятся, что в случае их собственной победы и одновременной победы деникинщины восстановится Русская империя, которая снова не будет давать жить мелким народам. И мы заключаем мир с Эстонией, что уже дает нам фактический прорыв блокады, даже если формальное снятие блокады — один лишь обман.

Большие державы Антанты не могут объединиться для борьбы с Советской властью, так как слишком враждуют друг с другом. Германия таит мысль о мести Франции за грабительский Версальский мир, Франция натравливает Польшу на нас, а Англия разрешает Эстонии мириться, лишь бы эта Эстония торговала с Англией. Япония, имеющая в Сибири более сильную, чем наша, армию, не может с нами бороться, боясь вападения Америки, с которой враждует из-за колониальных интересов империализма в Китае. Значит, вторая причина нашей победы — это то, что рабочие солидарны, а буржуа, поскольку они остаются буржуями, не могут не грызться и не воевать друг с другом из-за лишнего куска прибыли.

И таким образом, мы вышли победителями из первых двух лет гражданской войны, которые были самыми трудными годами, так как мы были разорены империалистической войной, от нас были отрезаны хлеб и уголь. Но теперь у нас хлеба и топлива в избытке. В Сибири по одной разверстке — хлеба 21 миллион пудов. Правда, мы не можем его сразу вывезти, но ведь транспорт разрушен во всей Европе, а у нас сознательно разрушали белогвардейцы. Они взорвали все мосты через Днепр, кроме киевского, а этим объясняется как задержка военных операций, так

и задержка подвоза хлеба. У нас есть гурьевская нефть, мы ее подвезем, когда оттают берега Каспийского моря. Мы все это учитываем и готовимся ее подвезти. Ради восстановления транспорта мы создаем трудовые армии, одна из которых уже приступила к постройке дороги Александров-Гай — Гурьев для подвоза нефти. Мы не можем демобилизовать армию, потому что у нас есть еще враги, как Польша. Демобилизации мешает и разруха транспорта. Поэтому мы употребим армию для восстановления транспорта.

Во всех своих листовках белогвардейцы пишут, что у большевиков прекрасная агитация, что они не жалуют денег на агитацию. Но ведь народ слышал всякую агитацию — и белогвардейскую, и учредилковскую. Смешно думать, что он пошел за большевиками, потому что их агитация была более искусна. Нет, дело в том, что агитация их была правдива.

Самые действия Деникина и Колчака агитировали против них, агитировали за Советскую власть. Поэтому-то мы и победили. Мы легко сбросили царя в несколько часов. Помещиков и капиталистов мы сбросили в несколько недель. И это только полработы. Нужно научиться работать по-новому. Прежде организовывал труд эксплуататор, прежде объединял труд голод, теперь труд должно объединять сознание рабочих и крестьян, что нужно трудиться ради выхода из тяжелого положения.

Но это сознание есть еще не у всех. И мы начинаем новую бескровную борьбу за эту сознательность. До сих пор все революции кончались выгодой для кучки капиталистов и эксплуататоров. Это потому, что у восставших трудящихся не было сознания солидарности. Каждый думал лишь о себе, все боролись друг с другом, и выплывали наверх мошенники и спекулянты.

Вот есть крестьянин, который имеет хлеб, а рядом голодный, и он предпочитает продать хлеб голодному за 1 000 руб., чем дать этот хлеб в долг рабочей власти. Тут даже кто-то говорит: «Правильно!». Вот и Деникин и Колчак пробовали свободную торговлю, но лучшие, сознательные рабочие и крестьяне увидели на деле, что это такое, и отвернулись от них.

Прежде говорили: «Каждый за себя, а бог за всех», и сколько горя из этого вышло.

Мы скажем: «Каждый за всех, а без бога мы как-нибудь обойдемся». И мы будем бороться за братский союз рабочих и крестьян, сдающих хлеб в долг государству, — в долг потому, что взамен пока ничего не можем дать, и цветные бумаги — не деньги. До сих пор нам приходилось бороться лишь за то, чтобы враг нас не задушил, теперь же, когда гораздо более сильный враг разбит, руки у нас свободны, и мы должны взяться за дело строительства новой жизни и, в первую очередь, восстановить транспорт.

У нас на юге есть завоеванные Красной Армией мастерские в местах, где близок хлеб, так пустим же эти мастерские полным ходом, в три смены, а не как работают голодные люди.

На восстановление транспорта мы должны обратить всю силу нашей коммунистической агитации, с помощью которой мы победили внешнего врага.

Когда-то мы делали «блестящую» внешнюю торговлю, вывозили 700 миллионов пудов хлеба. На этом наживались русские и заграничные миллионеры, а русские рабочие и крестьяне голодали. Теперь же мы должны убедить всех, что единственное спасение: «все за всех!». Мы должны, чего бы это ни стоило, уничтожить свободную торговлю и спекуляцию, которые дают хлеб лишь кучке, а остальным голод. Мы должны убедить крестьян, — и они нам поверят, так как «блага» свободной спекуляции им продемонстрировал Деникин, — они поймут, что единственное спасение — дать хлеб в долг рабочему и ремесленнику, и те им отдадут этот долг не цветными бумажками, а изделиями и мануфактурой.

Мы начали великую войну, которую мы нес скоро окончим: это — бескровная борьба трудовых армий против голода, холода и сыпняка, — за просвещенную, светлую, сытую и здоровую Россию, но мы кончим эту войну такой же решительной победой, какой окончили и борьбу против белогвардейцев.

На вопрос об условиях мира с Эстонией товарищ Лепия ответил, что мы сделали много уступок, главной из которых является уступка спорной территории, заселенной смешанным — русским и эстонским — населением. Но мы не хотим проливать крови рабочих и красноармейцев ради куска земли, тем более, что уступка эта делается

не навеки: Эстония переживает период керенщины, рабочие начинают узнавать подлость своих учредилловских вождей, разграбивших профессиональные союзы и убивших 20 коммунистов, они скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир.

«Правда» № 18, 28 января 1920 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

ПРОЕКТЫ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И ДИРЕКТИВЫ О КООПЕРАЦИИ⁶¹

Внести завтра в СНК проект декрета не о слиянии коопераций, а о завершении объединения всех видов коопераций, переработав предложенный О. Ю. Шмидтом проект таким образом, чтобы отношение к местной непотребительской кооперации производственного типа было наиболее осторожно, а Совет кооперативных съездов был уничтожен в кратчайший срок.

Директивы:

а) Больше заботы об интересах трудящихся, а не только зажиточной и кулацкой части. Изменить в этом духе формулировку вводной части декрета.

б) Содействие производственным кооперациям более широкое, при особом развитии местной инициативы и поощрении высших форм земледелия и промыслов.

в) Конкретные шаги нового Всекооперативного центра к объединению производственных коопераций проводить с одобрения СНК-а.

а) Поручить Цюрупе и Лежаве внести в СНК проект постановления (не предпринимая, публиковать ли его), в каком постановлении должны быть указаны более точные, систематические и определенные правила об участии кооперативов в заготовке разных продуктов, о видах, формах, условиях и способе осуществления этого участия.

б) Поручить Центральному статистическому управлению в... срок, по соглашению с Центросоюзом, Наркомпродом и Высовнархозом, составить программу выборочного обследования приемов и результатов заготовок

продовольственных продуктов на местах при участии кооперации и без нее.

Программу внести в СНК для утверждения и назначения самого обследования.

Обдумать, нельзя ли применить также анкету и, если можно, дать в СНК краткий план ее?

Цель обследования: детальное изучение хотя бы немногочисленных, но типичных и точно установленных фактов о том, как именно, каких продуктов и сколько собрано, свезено, охранено, перевезено, на какое расстояние и т. д.? число случаев принуждения и какого именно? выдача товаров в обмен, сколько и каких? сколько %%% разверстки и излишков взято и в какой срок? участие в доставке хлеба (и в получении товаров, если они получались) разных групп крестьянства?

*Написано 26 января 1920 г.
Печатается впервые*

Печатается по рукописи

**РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ⁶²
27 ЯНВАРЯ 1920 г.**

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Товарищ Ленин говорит, что он лишь бегло коснется тех вопросов, с которыми ему приходилось в последнее время больше сталкиваться. Один из таких вопросов — организация управления, вопрос о коллегиальности и единоначалии. В тех спорах, которые по этому вопросу ведутся, вопрос ставится на почву абстрактных рассуждений, в которых и доказывается предпочтительность коллегиальности перед единоначалием. Но это далеко отводит нас от практических задач настоящего времени. Такие рассуждения переносят нас к тому этапу первоначального строительства Советской власти, который мы уже изжили. Пора переходить к постановке более деловой.

Коллегиальность, как основной тип организации советского управления, представляет из себя нечто зачаточное, необходимое на первой стадии, когда приходится строить вновь. Но при установившихся более или менее устойчивых формах переход к практической работе связан с единоначалием, как с той системой, которая больше всего обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную, а не словесную проверку работы.

Опыт, который проделала Советская власть в деле военного строительства, не может быть рассматриваем, как опыт изолированный. Война включает в себя все виды всех областей строительства. Строительство нашей армии только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства, на основе классовых соотношений, которые сказываются в области любого строительства. Здесь мы видим ту же тонкую прослойку руководящего класса пролетариата и

массу крестьянства. И если в других областях суть этого соотношения не сказалась с полной ясностью, то оно получило настоящее испытание в армии, которая стоит перед неприятелем и дорого расплачивается за каждую свою ошибку. В этот опыт надо вдуматься. Он прошел, закономерно развиваясь, от случайной, расплывчатой коллегиальности через коллегиальность, возведенную в систему организации, проникающей все учреждения армии, и теперь, как общая тенденция, подошел к единоначалию, как к единственно правильной постановке работы. В любой советской работе вы встретите небольшое количество сознательных пролетариев, массу менее развитых и, как подпочву всего этого, огромную массу крестьянства со всеми привычками к единоличному хозяйству, а следовательно, к свободе торговли и спекуляции, которую меньшевики, эсеры и беспартийные называют свободой, а мы — наследием капитализма. Это — та обстановка, при которой приходится действовать, и она требует соответственных методов действия. И опыт армии показал нам на закономерное развитие организации управления от первоначальных форм коллегиальности к единоначалию, которое теперь проводится там не менее, чем на пять десятых.

Коллегиальность в лучшем случае дает громадную растрату сил и не удовлетворяет быстроте и отчетливости работы, требуемой обстановкой централизованной крупной промышленности. Если вы возьмете защитников коллегиальности, то увидите в их резолюциях в непомерной абстрактности формулировку, что каждый член коллегии должен нести единоличную ответственность за выполнение заданий. Это стало для нас азбукой. Но каждый из вас, кто имеет практический опыт, знает, что из 100 случаев бывает один, чтобы это применялось на деле. В гигантском большинстве случаев это остается только на бумаге. Никто из членов коллегии точных заданий не получает и они не выполняются под личной ответственностью. У нас, вообще, нет никакой проверки работы. Представьте себе, что ЦК профсоюза выдвигает кандидатом Василия Васильевича Васильева, и вы попросите, чтобы вам дали список заданий, выполненный им и проверенный деловыми людьми. Ничего подобного вы не получите. Все мы едва только начинаем приступать к настоящей деловитости.

Наша вина в том, что мы мечтаем все выполнить нашими силами. У нас самый острый недостаток — отсутствие работников, а мы не умеем их взять из рядовых рабочих и крестьян, среди которых таится масса талантов — и административных, и организаторских. Будет гораздо лучше, если мы поскорее перейдем от общих и в большинстве совершенно бесплодных споров к деловой постановке. Тогда мы фактически исполним обязанности организаторов передового класса и будем извлекать сотни и тысячи новых организаторских талантов. Мы должны их выдвигать, испытывать, давать им задания, усложнять эти задания. Я надеюсь, что мы добьемся того, что после съезда совнархозов, после подытоживания работы, мы станем на эту дорогу, расширим, умножим число организаторов, чтобы тот непомерно узкий слой, который истрепался за эти два года, чтобы он был пополнен и увеличен, ибо для тех задач, которые мы ставим, которые должны Россию вывести из нищеты, голода и холода, нам в десять раз нужно больше организаторов, которые были бы ответственны перед десятками миллионов.

Второй вопрос, который больше всего нас интересует, — это вопрос о трудовых армиях.

Здесь перед нами задача, касающаяся смены двух плоскостей нашей деятельности. Та полоса, которая целиком была занята войной, еще не кончилась. Целый ряд признаков говорит, что продолжать войну русские капиталисты не смогут. Но что они будут делать попытки нашествия на Россию, — это не подлежит сомнению. И мы должны быть начеку. Но в общем и целом та война, которую они обрушили на нас два года тому назад, кончена победоносно, и мы переходим к мирным задачам.

Надо понять оригинальность этого перехода. Страна, до последней степени разоренная, страна голодная и холодная, где нищета достигла самой отчаянной степени, и в ней — народ, поднявшийся в своей силе и получивший уверенность в себе, когда он убедился в том, что способен справиться со всем миром, без преувеличения — со всем миром, ибо ведь весь капиталистический мир потерпел поражение, и вот в этой своеобразной обстановке для решения неотложных задач мы выдвигаем трудовую армию.

Нам надо сосредоточиться на главном — собрать хлеб и подвезти его к центру. Всякое отклонение от этого,

малейшее разбрасывание будут величайшей опасностью, гибелью для нашего дела. А для того, чтобы со всей возможной быстротой использовать наш аппарат, мы должны создать трудовую армию. Об этом вы уже имеете тезисы ЦК и доклады, и я не буду входить в конкретные стороны этого вопроса. Я хотел бы только указать, что в момент перехода от гражданской войны к новым задачам мы должны все бросить на фронт труда и сосредоточить здесь все силы при максимальном напряжении, с военной решимостью, с беспощадной решимостью. Сейчас никаких уклонений мы не допустим. Выбрасывая этот лозунг, мы заявляем, что мы до последней степени должны напрячь все живые силы рабочих и крестьян и требовать, чтобы они целиком нам в этом помогли. И тогда, путем создания трудовой армии, путем напряжения всех сил рабочих и крестьян, мы выполним нашу основную задачу. Нам удастся собрать сотни миллионов пудов хлеба. Они у нас есть. Но нужны невероятно дьявольские усилия, напряжение всех сил страны, военная решимость и энергия, чтобы собрать эти сотни миллионов пудов хлеба и подвезти их к центру. Здесь, в центре, мы будем главным образом заниматься построением плана для этого и будем главным образом говорить об этом, а все остальные вопросы, вопросы финансирования, строительства промышленности и все вопросы относительно широких программ — на это не надо сейчас отвлекаться. Перед нами стоит эта основная задача — восстать сейчас против опасной попытки увлекаться широкими планами и задачами. Нам надо сосредоточиться на самом главном и основном, не допуская никаких отвлечений от главной задачи, поставленной нами, а именно — собрать хлеб и продукты, собрать их государственным путем, по твердым ценам, социалистическим путем рабочего государства, а не капиталистическим путем спекуляции, и провезти их в центр, сломив разруху транспорта. Преступлением будет, если кто об этой задаче забудет.

Чтобы поставить выполнение нашей основной задачи более или менее правильно, руководители всех государственных органов, в частности совнархозов, должны возбудить для этого деятельность в десятках миллионов рабочих и крестьян. Для этого будет дан широкий план перестройки России. Для этого у нас достаточно средств,

материалов, технических возможностей, сырья, достаточно всего, чтобы начать эту работу по перестройке со всех концов, привлекая всех рабочих и крестьян. Мы разовьем упорную борьбу, товарищи, борьбу, которая потребует тяжелых жертв в этот период на фронте труда, но которую мы неизбежно должны провести, так как у нас голод, холод, разруха транспорта, сыпняк. Со всеми этими бедствиями мы должны бороться и со всех сторон начать строить наше государство на почве крупной машинной промышленности, чтобы сделать нашу страну культурной и путем правильной социалистической борьбы выбраться из того болота, в котором потонули в настоящее время страны мирового капитализма и империализма.

«Правда» № 19, 29 января 1920 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

ЧЛЕНАМ СОВЕТА ОБОРОНЫ

1/II

Положение с железнодорожным транспортом совсем катастрофично. *Хлеб перестал подвозиться*. Чтобы спастись, нужны меры действительно экстренные. На два месяца (февраль — март) такого рода меры надо провести (и соответственные еще другие меры подобного рода изыскать):

I. Наличный хлебный паек *уменьшить* для неработающих по транспорту; *увеличить* для работающих.

Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена.

II. Три четверти ответственных работников из всех ведомств, кроме Комиссариата продовольствия и Военного, взять на два эти месяца на железнодорожный транспорт и ремонт. Соответственно закрыть (или в 10 раз уменьшить) на два месяца работу других комиссариатов.

III. В 30—50-верстной полосе по обе стороны *железнодорожных линий ввести военное положение* для трудовой мобилизации на чистку путей и в волости *этого района* перевести три четверти ответственных работников из вол- и у-исполкомов *всей* соответствующей губернии.

Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по рукописи

**ДОКЛАД О РАБОТЕ ВЦИК И СОВНАРКОМА
НА ПЕРВОЙ СЕССИИ ВЦИК VII СОЗЫВА⁶³
2 ФЕВРАЛЯ 1920 г.**

Товарищи, мой отчет о деятельности Совнаркома и ВЦИК, функции которого в промежутке между заседаниями исполнял Президиум ВЦИК, естественно распадается на два основных подотдела: во-первых, — о политике международной, о международном положении Советской республики и, во-вторых, — о внутреннем строительстве и основных хозяйственных задачах. Позвольте мне в этом порядке и изложить главные факты нашей работы за отчетное время, т. е. за последние два месяца.

Что касается международного положения Советской республики, то основным фактом, определяющим это положение, явились успехи Красной Армии. Вы знаете о том, что последние остатки армии Колчака почти уничтожены на Дальнем Востоке, причем между Японией и Америкой, формально находящимися между собою в союзе державами, все яснее обнаруживается соперничество, вражда, которая не дает им возможности развернуть все силы их натиска против Советской республики. После уничтожения войск Юденича, после взятия на юге в начале января Новочеркасска и Ростова-на-Дону, был нанесен такой решительный удар главной части их войск, что военное положение Советской республики изменилось самым радикальным образом, и хотя война не была закончена, тем не менее для всякого государства стало ясным, что их прежние надежды на возможность раздавить военные силы Советской республики потерпели крах.

Сознание этой радикальной перемены международного положения Советской республики проявилось в передаче нам по радио (не сообщенного официально) решения Верховного совета союзников. Это решение было принято ими 16-го января и состояло в том, что блокада с Советской республики снимается. Верховный совет принял решение, основная часть которого гласит: (читает)⁶⁴.

Мне нет надобности критиковать дипломатию, которая в этой формулировке заключается, она слишком бьет в глаза, чтобы стоило останавливаться на том, что отношения союзников к России не изменились. Если союзники так понимают свою политику, что снятие блокады не есть изменение прежней политики, то тем самым они показывают беспочвенность их политики. Но для нас важна не политическая, но экономическая сторона этого решения. Факт снятия блокады является крупным фактом международного значения и показывает, что наступила новая полоса социалистической революции. Ибо блокада была в самом деле главным, действительно прочным, оружием в руках империалистов всего мира для задушения Советской России.

На последнем съезде Советов мне уже приходилось указывать и развивать мысль, что борьба против Советской России привела не только к тому, что рабочие и крестьяне Франции, Англии и других передовых стран заставили отказаться от борьбы, но что эта борьба привела к тому, что внутри самих стран мелкобуржуазные массы населения начали развивать оппозицию против блокады. И конечно, такая оппозиция средних слоев населения внутри таких стран, как Англия и Франция, не могла не оказать влияния на политику международных империалистов. Зная их дипломатичность, мы не можем ожидать, чтобы они поступили прямо, безо всяких оговорок, без желания вернуть старое, просунуть какой-нибудь хитростью свою прежнюю политику, ту, которую они теперь открыто вести не могут. Но нужно сказать, что в основном мы одержали громаднейшие победы, и оружие, которое было только в руках союзников — флот, даже это оружие мы выбили из их рук; мы выбили, несмотря на то, что нас пугали колеблющиеся элементы, говорившие, что флот непобедим. Тем не менее, развитие политических отношений показало, что и этот непобедимый флот оказался не в состоянии

идти против нас. Мы, не имея возможности оказать военное сопротивление на море, заставили империалистические державы от этого оружия отказаться.

Конечно, эта перемена политики в международном масштабе сказывается не сразу, но факт тот, что мы оказались в сфере всемирных междугосударственных отношений, что дает возможность получить поддержку от более передовых стран. Конечно, экономическое и финансовое положение этих стран очень печально, они все идут под гору, и на многое рассчитывать мы не можем, но имея возможность развивать промышленность у себя, мы можем рассчитывать на получение машин для производства, машин для восстановления нашей промышленности. И самое главное то, что нас совершенно отрезывало, отрезывало путем блокады от передовых стран — сломано.

После того, как Союзный совет вынужден был отказаться от этого оружия, наши победы в области международной политики продолжались, и самой крупной из этих побед было то, что мы добились заключения мира с Эстонией. Сегодня мы получили сообщение от Иоффе и Гуковского, в котором говорится: «Сегодня 2 февраля в 2 ч. почти по московскому времени подписан мир между Россией и Эстонией. К подписанию прибыл из Ревеля министр иностранных дел Эстонии Бирк».

Товарищи, текст этого мирного документа, который обсуждался очень много и представляет собой документ огромнейшей важности, послан с курьером, который должен прибыть завтра утром, но мы теперь получили точный текст по телеграфу, и завтра он будет уже роздан. Он будет рассмотрен и ратифицирован. Этот документ имеет для нас огромнейшее значение. Мирный договор России с Эстонией имеет громадное всемирно-историческое значение, и поэтому, добившись мирного договора с правительством, которое тоже становится демократическим и которое теперь будет иметь прочные отношения с нами, по которое до сих пор поддерживалось всем империалистическим миром, — мы должны смотреть на это, как на акт громадной исторической важности.

Мы знаем, что люди, которые стоят между империализмом и демократией, обыкновенно всегда переходят на ту

или другую сторону. Мы, как вы видите, таким образом, несомненно одерживаем победу, потому что мир подписан, и теперь это государство должно выступить против нашего врага. Принципиальное значение этого факта таково, что в империалистическую эпоху весь мир распадается на громадное количество больших и мелких государств, причем мелкие государства являются совершенно беспомощными, они являются ничтожной кучкой против богатейших держав, которые целиком подчиняют себе ряд мелких слабых государств. Империализм создал эпоху, во время которой происходит раздел всего мира, всего населения земли на меньшинство стран эксплуататоров — стран давящих и большинство стран с маленьким слабым населением, находящимся у них в колониальной зависимости.

Когда мы завоевали мир с Эстляндией, мы доказали, что мы умеем идти вперед, как государство пролетарское и коммунистическое. Чем? Всем воюющим державам Антанты, бывшим против мира, доказано, что симпатии, которые мы умеем внушать нашим противникам и буржуазным правительствам, что симпатии маленькой страны сильнее, чем весь тот военный гнет и вся та финансовая помощь и все те экономические нити, которые связывают эту маленькую страну со всемирно-могущественными державами. Антанта увидела, что мы можем побеждать не только тогда, когда применяем насилие, — мы в состоянии опровергнуть ту ложь и ту клевету, которую распространяют против нас буржуазные правительства всего мира, говоря, что большевики держатся только насилием. Чем мы взяли верх над соединенными силами мирового империализма в отношении к Эстляндии, которая всегда видела насилие со стороны царской помещичьей России? Тем, что мы доказали наше умение своевременно и добросовестно отказаться от насилия для перехода к мирной политике, завоевав симпатии буржуазного правительства маленького государства, вопреки всей поддержке международного капитала. Это факт, имеющий историческое значение. Эстляндия — маленькая страна, маленькая республика, но она настолько задавлена тысячами способов и экономических и военных всемирным империалистическим капиталом, что все ее население находится под этим давлением. И вот этот мир доказывает, что мы умеем, несмотря на всю

усталость, слабость и разрозненность, одерживать победы над белогвардейской армией, которой они оказывали поддержку. Могушественная Антанта умеет на насилие ответить более победоносным насилием, а этот мир доказывает, что не насилием мы умеем приобретать на свою сторону сочувствие и поддержку буржуазии.

Тут стояла труднейшая международная задача. Развитие капитализма в разных странах идет разным темпом, в разной обстановке и разными способами и методами. Социалистическая республика одной страны оказывается рядом с капиталистическими странами всего мира и заставляет колебаться их буржуазию. Отсюда делали выводы: «Значит ваше положение безнадежно; если вы насилием победили белогвардейцев, а весь остальной мир, что вы с ним сделаете?» — Мы его тоже победим. Что это не фраза, доказательство — мир с Эстляндией. Все давление международного капитала было побеждено на том пространстве, где наш отказ от насилия был признан добросовестным. Международный капитал говорил: «Не заключайте мира с большевиками, иначе мы вас завоюем голодом, не дадим ни финансовой, ни экономической помощи». И Эстляндия оказалась одной из тех маленьких, формально независимых стран, которая сказала себе: «Мы больше полагаемся на то, что большевики способны жить в мире с другими народами, более слабыми, даже с буржуазным правительством, чем вся всемирно-могушественная демократия Антанты».

Самое крупное проявление демократии — это в основном вопросе о войне и мире. Все державы находятся в таком состоянии, когда они готовят новую империалистическую войну. Каждый день рабочие всего мира все это видят. Не сегодня-завтра Америка и Япония бросятся друг на друга; Англия захватила столько колоний после победы над Германией, что никогда другие империалистические державы с этим не помирятся. Готовится новая бешеная война, и массы это сознают. А вот здесь выступает демократический мир Эстонии с Россией с ее громадными силами, которую обвиняют в том, что покончив с Юденичем, Колчаком и Деникиным, она бросит все силы на маленькое государство. Причем мир заключен на таких условиях, когда мы сделали ряд территориальных уступок, таких уступок, которые не вполне соответствовали строгому

соблюдению принципа самоопределения наций, когда мы делом доказали, что вопрос о границах для вас вопрос второстепенный, а вопрос мирных отношений, вопрос умения выждать развитие условий жизни внутри каждого народа, не только принципиально важнейший вопрос, но и такой, в котором мы доверие враждебных нам наций сумели завоевать. Если мы это сумели по отношению к Эстляндии, тут не было ничего случайного, тут было проявление того, что отдельно существующая и, казалось бы, беспомощная, слабая пролетарская республика начала отвоёвывать на свою сторону те страны, которые находятся в зависимости от империалистических стран, а таких стран — громадное большинство. Вот почему наш мир с Эстонией имеет всемирно-историческое значение. Как бы ни напрягала Антанта свои силы, чтобы начать войну, — даже если ей удастся сменить этот мир еще раз войной, — во всяком случае, остается незабываемым в истории тот факт, что, вопреки всему давлению всемирного капитала, мы сумели внушить малевькой стране, управляемой буржуазией, большее доверие, чем якобы демократическая, а на деле хищническая империалистическая буржуазия.

По вопросу о том, какой здесь оказалась наша политика в сравнении с политикой якобы демократических, а на деле хищнических держав всего мира, мы имеем, случайно, особенно интересные документы, которые позвольте мне сообщить вам. Эти документы доставлены одним из белогвардейских офицеров или служащих по фамилии Олейников, имевшим поручение от одного белогвардейского правительства доставить важнейшие документы другому, а он доставил эти документы нам⁶⁵. (А плоды сменты.) Эти документы удалось переправить в Россию, и я их вам прочту, хотя они займут довольно много времени. Тем не менее они очень интересны, потому что они очень ясно показывают подоплеку политики. Первый документ — это телеграмма Гулькевичу от Сазонова:

Париж, 14 октября 1919 г., № 668.

С. Д. Сазонов, свидетельствуя совершенное свое почтение Константину Николаевичу, имеет честь препроводить при сем для осведомления копии телеграмм Б. А. Бахметева, № 1050 и И. И. Сулина, № 23, по вопросу о положении в прибалтийских провинциях.

Далее более интересный документ — это телеграмма от 11 октября из Вашингтона:

Получ. 12 октября 1919 г. Вх. № 3346.

Бахметев — Министру.

Вашингтон, 11 октября 1919 г., № 1050.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1045.

(шифр) Государственный департамент устно ознакомил меня с данной Геду инструкцией. Он называется комиссаром американского правительства в прибалтийских провинциях России. Он не аккредитован при каком-либо из русских правительств. Его миссия — наблюдать и осведомлять. Его поведение не должно внушать местному населению надежды, что американское правительство могло бы согласиться поддержать сепаратистские течения, идущие далее автономии. Напротив, американское правительство надеется, что население Прибалтики поможет своим русским братьям в их общегосударственной работе. В основу инструкции положена интерпретация соглашения союзных правительств с верховным правителем, как она изложена в моем меморандуме правительству 17 июня. Геду дают выдержки из последних речей президента, в которых он громил большевизм.

Итак, американское правительство сообщило, что его представитель может давать какие угодно предписания, но не поддерживать независимости, т. е. не гарантировать ее по отношению к этим государствам. Вот что прямо или косвенно просвечивало и не могло скрыться от Эстонии, что великие державы ее обманывают. Догадываться, конечно, все об этом могли, но мы имеем документы, и они будут опубликованы:

Получ. 12 октября 1919 г. Вх. № 3347.

Сукин — Министру.

Омск, 9 октября 1919 г., № 28.

(шифр) Нокс передал верховному правителю сообщение британского военного министерства, в коем последнее предупреждает о склонности балтийских государств к заключению мира с большевиками, гарантирующими им немедленное признание независимости. При этом британское военное министерство ставит вопрос, не следовало ли бы правительству парализовать эти обещания, в свою очередь, удовлетворив пожелания указанных государств. Мы ответили Ноксу ссылкой на принципы, изложенные в ноте верховного правителя державам от 4 июня, и, вместе с тем, мы указали, что заключение мира балтийскими государствами с большевиками представляет несомненную опасность, так как позволит освободить часть советских войск и раскроет барьер, препятствующий проникновению большевизма на Запад. Самый факт готовности говорить о мире свидетельствует, по нашему мнению, о крайней деморализации партий этих самоуправляющихся единиц, которые сами не могут защищаться от проникновения агрессивного большевизма.

Выражая уверенность, что державы не могут сочувствовать дальнейшему распространению большевизма, мы указали на необходимость прекращения дальнейшей помощи балтийским государствам, что является действительным способом воздействия в руках держав и притом более целесообразным, нежели соревнование в обещаниях с большевиками, которым уже нечего терять.

Передавая об изложенном, прошу вас сделать соответствующее представление в Париже и Лондоне; к Бахметеву обращаемся особо.

Получ. 9 октября 1919 г. Вх. № 3286.

Саблин — Министру.

Лондон, 7 октября 1919 г., № 677.

(шифр) В письме к Гучкову начальник оперативного отделения военного министерства, к которому Г. обратился с предложением нашего тоннажа, чтобы облегчить англичанам доставку снабжения Юденичу, сообщает, что, по мнению военного министерства, Ю. обладает ныне всем, и что Англия затрудняется в дальнейшем его снабжении. Он добавляет, однако, что рав у нас есть суда, то мы могли бы организовать снабжение Ю. на коммерческих началах, при условии, что мы найдем кредиты. Генерал Радклиф призывает в то же время, что армия Ю. должна быть соответственным образом оборудована, так как она является «единственной силой среди балтийских государств, которая способна предпринять активные операции против большевиков».

Министр — Бахметеву в Вашингтон.

Париж, 30 сентября 1919 г., № 2442.

(шифр) Из весьма доверительного шведского источника узнаю, что американский посланник в Стокгольме Моррис говорит о растущем в Америке сочувствии большевикам и намерении прекратить помощь Колчаку, чтобы войти в сношения с Москвой в интересах американской торговли. Подобные заявления официального представителя производят странное впечатление.

Получ. 5 октября 1919 г. Вх. № 3244.

Бахметев — Министру.

Вашингтон, 4 октября 1919 г., № 1021.

Ссылаюсь на Вашу телеграмму № 2442.

(шифр) В государственном департаменте мне доверительно сообщили, что действительно посланник Моррис в Стокгольме и особенно Хенгут в Копенгагене известны своими личными левыми симпатиями, но что они никаким влиянием и авторитетом здесь не пользуются и что правительство принуждено им делать периодические наставления, указывая категорически, что американская политика неизменно направлена к поддержке нашего правительства в борьбе с большевиками.

Вот все документы, которые мы опубликуем и которые наглядно показывают, как шла борьба вокруг и около Эстляндии, как Антанта вместе с Колчаком, Америкой,

Англия и Франция оказывали все давление на Эстонию, лишь бы не был заключен мир с большевиками, и как большевики, обещающие территориальные уступки и гарантирующие независимость, в этом состязании одержали победу. Я говорю, что эта победа имеет гигантское историческое значение, потому что она одержана без применения насилия, эта победа одержана над всемирным империализмом, победа, благодаря которой большевики приобретают сочувствие всего мира. Эта победа вовсе не показывает, что сейчас же будет заключен всеобщий мир, но зато эта победа показывает, что мы представляем мирные интересы по отношению к большинству населения земли против военно-империалистических хищников. И такая оценка привела к тому, что буржуазная Эстляндия, являющаяся противником коммунизма, заключила мир с нами. Если мы, будучи пролетарской организацией, Советской республикой, заключаем мир, действуем в мирном духе по отношению к буржуазным правительствам, которые находятся в угнетенном положении в отношении великих магнатов империализма, то отсюда нужно заключить, как должна сложиться наша международная политика.

Мы ставим себе сейчас главной задачей: победить эксплуататоров и привлечь на свою сторону колеблющихся, — это всемирная задача. Колеблющимися оказываются и целый ряд буржуазных государств, которые, как буржуазные государства, ненавидят нас, а с другой стороны, как угнетаемые — предпочитают мир с нами. Из этого вытекает объяснение того мира, который заключен с Эстонией. Конечно, этот мир является только первым шагом и скажется только в будущем, но что он скажется — это факт. С Латвией у нас до сих пор были только краснокрестские переговоры⁶⁶, так же как и с польским правительством. Повторяю, мир с Эстонией должен будет непременно сказаться, потому что основания те же — Латвию и Польшу так же стараются втравить в войну с Россией, как и Эстонию. И это может быть удастся, и мы должны быть бдительны, ввиду того, что война с Польшей возможна, но мы уверены, — основные завоевания это доказали, что мы можем заключать мир и делать уступки, которые дают возможность развития всякой демократии. И теперь это приобретает особенное значение, потому

что с Польшей вопрос стоит очень остро. Мы имеем целый ряд сообщений, что помимо буржуазной, консервативной, помещичьей Польши, помимо воздействия всех польских капиталистических партий, все государства Антанты из кожи лезут, чтобы втравить Польшу в войну с нами.

Вы знаете, что Совнарком выпустил воззвание к трудовому народу Польши⁸⁷. Это воззвание мы будем просить вас утвердить, чтобы восстать против той травли, которую ведут помещичьи круги Польши. Мы предложим дополнительный текст польским трудящимся массам. Это воззвание будет ударом для империалистических держав, которые стараются натравить Польшу против нас, а для нас интересы трудящегося большинства стоят на первом месте.

Я сейчас позволю себе огласить телеграмму, которую мы перехватили вчера и которая представляет нам, как американский капитал работает, чтобы выставить нас в определенном свете и втравить в войну с Польшей. Эта телеграмма говорит (читает). Ничего подобного я не говорил и не слышал, но врать они могут, потому что недаром они отдают свой капитал с определенной целью распространять лживые слухи. Это им обеспечивает их буржуазное правительство. (Продолжает читать телеграмму.) Вот эта телеграмма идет из Европы в Америку, она обслуживается на средства капиталистов и совершает дело, посредством которого должны будут самым беззащитным образом втравить в войну с Польшей. Американский капитал всеми силами старается произвести это давление на Польшу и совершает это беззащитно, представляя дело в таком виде, что большевики хотят покончить с Колчаком и Деникиным, чтобы бросить все свои «железные войска» на Польшу.

Важно, чтобы мы сейчас же, здесь, утвердили постановление Совнаркома, а затем мы должны сделать то, что мы и делали раньше по отношению к другим государствам, а также то, что мы предпринимали в отношении войск Колчака и Деникина. Мы должны сделать то, чтобы сейчас же обратиться к демократии Польши и объяснить настоящее положение вещей. Мы прекрасно знаем это наше средство, которое действует самым положительным образом в смысле их разложения. А в конечном счете этот способ

приводит на тот путь, который нам нужен, на который он привел трудящееся население всех стран. Эта политика, как бы это ни было трудно, должна установить определенное начало, и мы, начав, доведем ее до полного конца.

Должен отметить, что по отношению к остальным государствам мы вели такую же политику. Мы предлагали Грузии и Азербайджану заключить соглашение против Деникина. Они отказались, ссылаясь на то, что они не вмешиваются в дела других государств. Мы посмотрим, как будут смотреть на это рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана.

Эта политика по отношению к западным народам была еще более осторожна, чем когда дело касалось народов России. Она соприкасалась с такими государствами как Латвия, Эстония, Польша, а с другой стороны, с целым рядом восточных государств, уровень развития которых — уровень развития громадного большинства колониальных стран, составляющих большинство населения земли. Они задавлены Англией, которая до сих пор держит колониальных рабов в своих руках. Если наша политика по отношению к западноевропейским государствам отличается такой осторожностью, она требует промежутка времени, чтобы дать им возможность изжить свою керенщину, то на Востоке, где мы имеем гораздо более отсталые страны, находившиеся под гнетом религиозного фанатизма, пропитанные большим недоверием к русскому народу, десятилетия и столетия находившиеся под гнетом царской капиталистической политики и империализма, которую вела великодержавная Россия по отношению к ним, — здесь наша политика должна быть более осторожной и терпеливой.

Мы дали автономию Башкирской республике⁶⁸. Мы должны создать автономную Татарскую республику⁶⁹ и ту же политику продолжаем по отношению ко всем восточным народам и говорим себе: стоя против огромного фронта империалистических держав, мы, борющиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесного военного сплочения, и всякие попытки нарушить это сплочение рассматриваем, как совершенно недопустимое явление, как измену интересам борьбы против международного империализма. Но, проводя эту политику, мы должны

быть еще более осторожными. Если европейским странам придется переживать период керенщины, то страны, находящиеся на более низкой ступени развития, еще более заключают в себе элементы недоверия. На них приходится действовать более длительным способом. Мы поддерживаем независимость и самостоятельность этих государств. Мы апеллируем к их трудящимся массам. Мы говорим: необходимо единство военных сил, отступление от этого единства недопустимо.

Мы уверены, что, систематически продолжая нашу политику тесного союза, мы достигнем по отношению к народам Востока большего успеха, чем до сих пор. А эти успехи велики. Среди всех восточных народов Советская республика пользуется громадной популярностью по той же причине, по которой нам удалось заключить мир с маленьким западным государством, именно потому, что в нас видят непреклонного борца против империализма, потому что мы — единственная республика, которая ведет войну против империализма и которая умеет использовать всякое положение, действуя не насилем, а умеет также побеждать отказом от применения насилия.

Само собой понятно, что та же самая политика в гораздо более оформленном виде проводится и по отношению к Украинской республике. Здесь вопрос упрощен заключенным еще раньше договором, состоявшимся между ВЦИК и ЦИК Украинской Советской Республики. На базе этого договора, который означает тесную федерацию двух республик в борьбе против империалистических стран, мы строим все более и более тесный союз. И масса украинских крестьян и рабочих горьким опытом денкинского владычества убеждается в том, что только теснейший союз с Российской республикой будет действительно непобедимым для международного империализма и что государственное отделение не может быть выгодным в обстановке борьбы против империализма, так как он использует всякое разделение для того, чтобы подавить Советскую власть; такое разделение является преступлением. Наша политика пускает глубокие корни на Украине, и мы уверены, что предстоящий Всеукраинский съезд Советов рабочих и крестьян подтвердит эту политику торжественным образом. Вот те небольшие замечания, которыми я должен ограничиться по вопросу о международном положении, а те практиче-

ские предложения, которые я должен адресовать от имени Совнаркома и ВЦИК, я перечислил их, и все эти проекты буду просить утвердить в этой сессии.

Переходя к работе внутреннего строительства, я должен сначала остановиться на некоторых отдельных мероприятиях нашего правительства, а затем перейти к самому главному — переходу на новые рельсы, переходу от военных задач к задачам государственного строительства.

Что касается основных мероприятий нашей внутренней политики, которые за отчетные два месяца более или менее выделяются из ряда текущих работ, то особенно важно следующее постановление, которое нуждается в утверждении ВЦИК. Это постановление об отмене смертной казни. Вы знаете, что тотчас же после главной победы над Деникиным, после взятия Ростова, тов. Дзержинский, руководящий ВЧК и Наркомвнудел, внес предложение в Совнарком и провел его у себя в ведомстве, чтобы всякое зависящее от ЧК применение смертной казни было отменено. Если в Европе буржуазная демократия из всех сил распространяет ложь против Советской России, что она является террористической по преимуществу, если распространяет это и буржуазная демократия и социалсты II Интернационала, если Каутский мог писать специальную книгу под названием «Терроризм и коммунизм», в которой заявляет, что коммунистическая власть опирается на терроризм, то можете себе представить, какая ложь распространяется на этот счет, и чтобы опровергнуть эту ложь мы пришли к тому шагу, который сделан тов. Дзержинским и который Советом Народных Комиссаров был одобрен, и этот шаг нуждается в подтверждении ВЦИК.

Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей

собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле. И я думаю, надеюсь и уверен, что ВЦИК единогласно подтвердит это мероприятие Совнаркома и разрешит его таким образом, чтобы применение смертной казни в России стало невозможным. Само собой понятно, что всякая попытка Антанты возобновить приемы войны заставит нас возобновить прежний террор; мы знаем, что мы живем во время хищничества, когда не действуют добрым словом; вот что мы имели в виду и как только решительная борьба была закончена, мы сейчас же стали отменять меры, которые во всех других державах применяются бессрочно.

Дальше я хотел отметить обсуждение вопроса о Рабочей инспекции. По этому вопросу вы будете иметь специальный доклад, и я был бы неправ, если бы стал долго на нем останавливаться. Здесь перед нами становится на первый план задача привлечь широкие массы к управлению, и она стоит более остро, чем задачи широкого строительства. Вы будете иметь детальные проекты, обсудив, исправив которые, вы поймете, что это строительство должно продолжаться при более широком участии широких рабочих масс. Это основная наша задача, к ней очень трудно подойти при той разрухе, которая сейчас наблюдается, но мы идем к ней неуклонно.

Перед нами стоит еще один вопрос — о кооперации. Мы поставили себе задачей объединить все население в кооперативы, которые отличались бы от старой кооперации, включавшей в лучшем случае одни верхушки.

Социализм был бы невозможен, если бы он не научился пользоваться той техникой, той культурой, тем аппаратом, который создала культура буржуазная, культура капитализма. К числу этих аппаратов принадлежит кооперация, которая тем больше развивается, чем выше стоит страна на уровне капиталистического развития. Нашей кооперации мы поставили задачу охватить всю страну. Кооперация до сих пор охватывала верхушки, давала преимущества тому, кто имеет средства вносить паевые взносы, не давала возможности пользоваться ее услугами трудящимся

массам. С этой кооперацией мы решительно порвали, но не так, чтобы свести насмарку кооперацию вообще, а мы дали в марте и апреле 1918 года кооперации задачу охватить все население. Если есть кооператоры, которые ценят заветы основоположников кооперативного движения (старые задачи кооперации — удовлетворение интересов трудящихся), — они должны этому сочувствовать. И мы уверены, что имеем на своей стороне сочувствие большинства участников кооперативных организаций, хотя несколько не делаем себе иллюзий насчет того, что мы привлекли на свою сторону сочувствие большинства вождей кооперации, стоящих на буржуазной и мелкобуржуазной точке зрения, понимающих под кооперацией только новый вид капиталистического хозяйничанья и пресловутой свободы торговли, которая означает наживу для немногих, разорение — для большинства. Мы вместо этого объявили государственной задачей переход кооперации к действительному обслуживанию трудящихся масс с тем, чтобы кооперация охватывала все население. Это нельзя было сделать сразу. Дав такую задачу, мы систематически работали и теперь еще будем работать, чтобы довести до конца это дело, чтобы все население было объединено кооперативами, и мы можем сказать с уверенностью, что вся Советская республика, может быть, через несколько недель, а может быть, через небольшое число месяцев превратится в один великий кооператив трудящихся. После этого развитие самостоятельности трудящихся, привлечение их к строительству, будет идти в более широких рамках.

Довершая это, мы постановили, чтобы все виды кооперативов не только потребительских, но и кредитных, производственных и т. д. были объединены с надлежащей постепенностью и осторожностью в Центросоюз. В этом отношении предпринятые нами шаги, мы уверены, встретят поддержку Центрального Исполнительного Комитета и работников на местах, которые, после формального завершения объединения кооперативов, своей работой хозяйственного строительства и привлечения к ней большинства рабочих и крестьян добьются того, — это мы ставили одной из важнейших задач, — чтобы кооперация оказалась, между прочим, важнейшим фактором в борьбе против бюрократизма, который унаследован от старого

капиталистического государства, борьбе, которую мы и в программе нашей объявили важнейшей задачей. И борьбу эту мы будем вести во всех ведомствах, всеми путями и, между прочим, путем кооперативного объединения и апелляции от буржуазных кооперативных верхушек к настоящим трудящимся массам, которые все должны пойти на самостоятельную работу по кооперативному строительству.

Затем мне хочется из вопросов внутреннего строительства отметить то, что было сделано в области земледелия. В целях упорядочения землепользования, Народный комиссар земледелия в июле 1919 года издал циркуляр о мерах борьбы с частыми переделами наделной земли. Этот циркуляр был опубликован 1 июля в «Известиях ВЦИК» и вошел в «Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства». Этот циркуляр важен потому, что отвечает на многочисленные указания и заявления крестьян, указывающих на то, что частые переделы мешали в обстановке мелкого хозяйства повышению трудовой дисциплины, повышению производительности труда. На этой точке зрения стоит и Совнарком, который дал Комиссариату земледелия задание внести проект положения о порядке переделов. Этот проект будет в близком времени рассмотрен. Равным образом Народный комиссариат земледелия ставит своей задачей ряд срочных мероприятий по восстановлению живого и мертвого хозяйственного инвентаря. В этом отношении большое значение имеет систематическая работа именно местных работников, и мы надеемся, что члены Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета окажут соответственное давление на власти и содействие, чтобы эти мероприятия Народного комиссариата земледелия были проведены в жизнь в возможно более короткий срок.

Я теперь перехожу к последнему вопросу нашего строительства и в сущности к самому главному вопросу — к вопросу о трудовых армиях и трудовой мобилизации. Самая трудная задача при крутых переходах и изменениях общественной жизни — это задача учесть своеобразие всякого перехода. Как бороться социалистам внутри капиталистического общества — это задача не трудная и она давно решена. Как себе представить развитое социа-

листоческое общество — это тоже не трудно. Эта задача тоже решена. Но как практически осуществить переход от старого, привычного и всем знакомого капитализма к новому, еще не родившемуся, не имеющему устойчивой базы, социализму — вот самая трудная задача. Этот переход займет много лет в лучшем случае. Внутри этого периода наша политика распадается на ряд еще более мелких переходов. И вся трудность задачи, которая ложится на нас, вся трудность политики и все искусство политики состоит в том, чтобы учесть своеобразные задачи каждого такого перехода.

Мы только что решили в главных и основных чертах, хотя еще и не до конца, задачу войны. Мы ставили своей задачей во что бы то ни стало отразить натиск белогвардейцев. Мы говорили: все должно быть у нас для войны. Это была правильная политика. Мы прекрасно знаем, что эта политика выражалась в неслыханных тяжестях в тылу, холоде, голоде, разорении, но именно то обстоятельство, что Красная Армия, встречающая, между прочим, такую оценку, образцы которой я прочитал, эту задачу решила в самой отсталой стране, — доказывает, что новые силы в этой стране есть, иначе было бы немислимым создание этой образцовой армии и победа над армиями материально более сильными. Но после того, как мы весь государственный аппарат заострили на этом и сумели решить своеобразие этой задачи — целиком все подчинить интересам войны, — обстановка требует быстрого и крутого перехода. Войны мы еще не окончили. Надо всю военную готовность сохранить, надо войска Деникина уничтожить, надо показать помещикам и капиталистам любой страны, что, если они пожелают еще войной считаться с Россией, они потерпят такую же судьбу, как Колчак и Денкин. Поэтому нам нельзя делать ни единого шага для ослабления наших военных сил. И в то же время надо перевести всю страну на другие рельсы, перестроить весь механизм. Невозможно дальше и не нужно заострять — все на войну, потому что в основном задача войны решена.

Появляется задача перехода от войны к мирному строительству в условиях настолько своеобразных, что мы не можем распустить армию, так как мы должны считаться хотя бы с возможностью наступления той же самой Польши или любой державы, которых продолжает на нас

натравливать Антанта. Это своеобразие задачи, когда мы не можем ослабить своих военных сил, но должны всю машину Советской власти, заостренную на войне, переводить на новые рельсы мирного хозяйственного строительства, — требует чрезвычайного внимания и показывает образец того, что мы здесь не можем сладить при помощи общих формул, общих положений программы, общих принципов коммунизма, а должны учесть своеобразие этих условий перехода от капитализма к коммунизму, перехода от положения страны, все внимание которой было уделено войне, к положению страны, которая завоевала себе решительную победу в области военной и должна перейти к военному решению задач хозяйственных, решению военному потому, что положение, как вам всем известно, чрезвычайно тяжелое. Конец зимы приносит и принес трудящимся массам неслыханные тяжести — голод, холод, разорение. Нам нужно во что бы то ни стало все это преодолеть. Мы знаем, что сделать это мы можем. Это нам доказала энергия Красной Армии.

Если мы до сих пор могли бороться, будучи окружены со всех сторон и отрезаны от самых хлебных и угольных районов, то теперь, когда мы все это получили, когда мы имеем возможность совместно с Украиной решать задачи хозяйственного строительства, — мы можем решить основную задачу: собрать большое количество хлеба и продовольственных продуктов, подвезти их в промышленные центры, чтобы начать промышленное строительство. На этой задаче нам надо сосредоточить все свои силы. Отвлечение от нее к каким бы то ни было другим практическим задачам недопустимо; ее надо решить военными средствами, с полной беспощадностью, с полным подавлением всех остальных интересов. Мы знаем, что целый ряд законнейших требований и интересов потерпит ущерб, но если бы мы не шли на этот ущерб — в войне мы победы не одержали бы. Теперь требуется совершить крутой и быстрый переход к тому, чтобы создать себе базу мирного хозяйственного строительства. Этой базой должно быть создание больших запасов продовольствия и подвоз их в центральный район; задача транспорта — задача подвоза сырья и продуктов. Если с августа 1917 года по август 1918 года мы собрали 30 миллионов пудов хлеба, за второй год — 110 миллионов, теперь в 5 месяцев — 90 миллионов,

собрали аппаратом нашего Компрода, собрали социалистическим, а не капиталистическим способом, по твердым ценам, разверсткой между крестьянами, а не продажей на вольном рынке, — значит мы дорогу себе нашли. Мы уверены, что она верна и даст возможность нам добиться таких результатов, которые обеспечили бы нам громадное хозяйственное строительство.

Все силы должны быть посвящены этой задаче, все военные силы, которые себя проявили в строительстве военном, должны быть брошены на эти новые рельсы. Вот та своеобразная обстановка, тот своеобразный переход, который породил идею трудовых армий, вызвал закон о создании первой трудовой армии на Урале и Украинской трудовой армии, затем закон об обращении сил запасной армии на трудовые задачи, затем постановление, которое издала Советская власть о комитетах по трудовой повинности⁷⁰. Все эти законы будут изложены вам членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в подробном обстоятельном докладе. Я, разумеется, не могу входить в эту область, потому что это может быть освещено достаточно ярко в особом докладе. Я только подчеркиваю значение этого в нашей общей политике, значение этого перехода, который ставит перед нами своеобразные задачи — напрячь все силы по-военному, организовать их, чтобы собрать большие запасы продовольственных продуктов и подвезти в центры промышленного строительства. Ради этого — во что бы то ни стало создать трудовые армии, по-военному организовать, целый ряд учреждений сжать, сузить, даже закрыть, чтобы в течение ближайших месяцев во что бы то ни стало побороть разруху транспорта, выйти из этого отчаянного положения, когда конец зимы приносит такой холод, голод и обнищание. Из этого надо выйти. Это сделать мы можем. И когда ВЦИК подтвердит все мероприятия по трудовой повинности и трудовым армиям, когда он в широкие массы населения еще более внедрит эту мысль и потребует от всех местных работников осуществления ее, — мы совершенно уверены, что с этой труднейшей задачей мы справимся, ип на капельку не ослабив нашей военной готовности.

Мы должны, не ослабляя нашей военной готовности, во что бы то ни стало перевести Советскую республику на

новые рельсы хозяйственного строительства. В ближайшие недели, быть может в ближайшие месяцы, эта задача должна быть исполнена. Каждая советская или партийная организация должна напрячь все силы, чтобы покончить с разрухой транспорта, увеличить запасы хлеба.

Тогда и только тогда мы будем иметь базу, прочную основу для широкого промышленного строительства, для электрификации России. И чтобы показать населению и в особенности крестьянству, что мы имеем в этом отношении широкие планы не из фантазии взятые, а подкрепленные техникой, подготовленные наукой, — для этого, я думаю, мы должны провести, — я надеюсь, что ЦИК одобрит это, — резолюцию, предлагающую ВСНХ и Комиссариату земледелия в соглашении между собой выработать проект по вопросу об электрификации России.

Мне удалось, благодаря помощи Государственного издательства и энергии рабочих типографии бывшей Кушнерева, теперь 17-й государственной типографии, добиться того, чтобы в очень краткий срок была издана брошюра Кржижановского «Основные задачи электрификации России». Завтра эта брошюра будет роздана всем членам ВЦИК. Эта брошюра тов. Кржижановского, работающего в электротехническом подотделе ВСНХ, подводит итоги тому, что уже сделано и ставит вопросы, пропаганда которых, — не практическое применение, а пропаганда, — составит теперь одну из наиболее важных задач.

Я надеюсь, что ЦИК примет ту резолюцию, которая ставит от имени ЦИК задачу ВСНХ и Народному комиссариату земледелия разработать в течение нескольких месяцев, — наши практические задачи в это время будут иные, — разработать при содействии представителей науки и техники широкий и полный план электрификации России. Автор брошюры совершенно прав, когда эпиграфом для нее избрал изречение: «Век пара — век буржуазии, век электричества — век социализма». Мы должны иметь новую техническую базу для нового экономического строительства. Этой новой технической базой является электричество. Мы должны будем на этой базе строить все. Это стоит долгих лет. Мы не побоямся работать в течение 10 и 20 лет, но мы должны показать крестьянству,

что вместо старого обособления промышленности и земледелия, этого самого глубокого противоречия, которое питало капитализм, сеяло рознь между рабочими промышленными и рабочими земледелия, — мы ставим своей задачей возратить крестьянству то, что мы получили в ссуду от него в виде хлеба, ибо мы знаем, что бумажные деньги это, конечно, не есть эквивалент хлеба. Эту ссуду мы должны вернуть посредством организации промышленности и снабжения крестьян ее продуктами. Мы должны показать крестьянам, что организация промышленности на современной высшей технической базе, на базе электрификации, которая свяжет город и деревню, покончит с рознью между городом и деревней, даст возможность культурно поднять деревню, победить даже в самых глухих углах отсталость, темноту, нищету, болезни и одиачие. К этому мы приступим сейчас же как справимся с нашей очередной, основной задачей. Мы для этого не отвлечемся от нашей основной практической задачи ни на минуту.

В ближайшие месяцы — все силы на подвоз продовольствия и расширение продовольственной базы. Ни малейшего отвлечения от этого быть не должно. А рядом с этим специалисты науки и техники пусть разработают рассчитанный на многие годы план электрификации всей России. Пусть та связь с внешним миром, с капиталистической Европой, которую мы осуществили, то окно, которое мы себе пробили, заключив мир с Эстонией, послужит тому, чтобы мы сейчас же получили необходимую техническую помощь. И решив основные задачи транспорта и продовольствия в ближайшие месяцы, решив задачи трудовой повинности, на которых мы целиком сосредоточим все свои силы, ни на что не отвлекаясь в течение ближайшего времени, решив их, мы покажем, что мы умеем перейти к задачам строительства на целый ряд лет, к задачам перевода всей России на высшую техническую базу, которая устранил рознь между городом и деревней и даст возможность полностью и решительно победить ту отсталость, ту раздробленность, распыленность, темноту деревенскую, которая является главной причиной всей косности, всей отсталости, всего угнетения до сих пор. И в этой области, в области этой мирной победы на бескровном фронте реорганизации промышленности,

мы, если будем оперировать всеми нашими военными навыками, со всей энергией, со всем сплочением сил на этой задаче, — мы в этой области одержим победы еще более решительные, еще более великие, чем те, которые мы одержали на поприще военном. (А п л о д и с м е н т ы.)

*Краткие отчеты опубликованы
3 февраля 1920 г. в газетах
«Правда» № 23
и «Известия ВЦИК» № 23*

Полностью печатается впервые

Печатается по стенограмме

ПРОЕКТ (ИЛИ ТЕЗИСЫ) ОТВЕТА ОТ РКП НА ПИСЬМО НЕЗАВИСИМОЙ С.-Д. ГЕРМАНСКОЙ ПАРТИИ⁷¹

Дождавшись *официального* предложения независимцев (немецких) о переговорах, мы теперь, как партия, должны ответить им вполне откровенно, без той «дипломатии», которая до известной степени обязательна для Коммунистического Интернационала.

И ответить надо так, чтобы разъяснить дело массам рабочих, сочувствующих диктатуре пролетариата в советской системе, — рабочих, коих не только в Германии, но и во Франции и в Англии и еще в ряде стран *обманывают* (сознательно и бессознательно, т. е. в силу самообмана) вожди, на словах лишь подписывающиеся под этими популярными среди рабочих лозунгами (диктатура пролетариата и Советская власть), на деле же ведущие работу, пропаганду, агитацию и пр., по-старому, не в духе этих лозунгов, в духе, противоречащем этим лозунгам.

Нижеследующее — черновой набросок тезисов такого ответа (от РКП немецкой Независимой социал-демократической партии):

(порядок пунктов *тоже* должен быть еще переделан)

1. Диктатура пролетариата означает умение, готовность, решимость привлечь на свою сторону (на сторону революционного авангарда пролетариата) всю массу трудящихся и эксплуатируемых мерами революционными, ценой экспроприации эксплуататоров.

Этого в повседневной агитации немецких независимцев (в «Freiheit»*, напр.) нет. Нет этого и у лонгетистов.

* — «Свобода». Ред.

2. В частности, особенно необходима такая агитация для деревенских пролетариев и полупролетариев, а равно мелких крестьян (крестьян, не употребляющих наемного труда даже в горячее время жатвы и т. п., крестьян, мало продающих хлеба или не продающих его). Этим слоям населения надо ежедневно, архипросто, популярно объяснять конкретнейшим образом, что пролетариат, овладев государственной властью, даст им, на счет экспроприированных помещиков, немедленное улучшение их положения. Даст им избавление от гнета крупных землевладельцев, даст им, как целому, крупные именья, избавление от долгов и так далее и тому подобное. То же и городской непролетарской или не вполне пролетарской трудящейся массе.

Такой агитации немецкие независимцы (как и лонгетисты) не ведут.

3. Советская система есть разрушение той буржуазной лжи, которая называет «свободой печати» свободу подкупа печати, свободу покупки газет богачами, капиталистами, свободу для капиталистов скупать сотни газет и тем подделывать так называемое «общественное мнение».

Этой лжи немецкие независимцы (говоря о них, всегда будем разуметь и лонгетистов, и английских независимцев и так далее и тому подобное) не сознают, не проводят ее, не агитируют ежедневно за уничтожение революционным путем того порабощения прессы капиталом, которое буржуазная демократия ложно называет свободой печати.

Не ведя такой агитации, независимцы лишь на словах признают (*Lippenbekenntniss*) Советскую власть, а на деле остаются всецело подавленными предрассудком буржуазной демократии.

Экспроприации типографий и складов, запасов бумаги, этого *главного* разъяснить не умеют, ибо сами не понимают.

4. То же относится к свободе собраний (это — ложь, пока богачи владеют лучшими зданиями или покупают общественные здания), к «вооружению народа», к свободе совести (= свободе для капитала покупать и подкупать целые церковные организации для одурманивания масс религиозным опиумом) и ко всем прочим буржуазно-демократическим свободам.

5. Диктатура пролетариата означает свержение буржуазии *одним* классом, пролетариатом, и притом именно его революционным авангардом. Требовать, чтобы *предварительно* этот авангард приобрел себе *большинство народа* путем голосования в буржуазные парламенты, в буржуазные учредилки и пр., то есть путем голосования *при существовании наемного рабства*, при существовании эксплуататоров, под их гнетом, при существовании частной собственности на средства производства, требовать этого или предполагать это — значит на деле совершенно покидать точку зрения диктатуры пролетариата и переходить фактически на точку зрения буржуазной демократии.

Именно так поступают немецкие независимцы и французские лонгетисты. Повторяя фразы мелкобуржуазных демократов о большинстве «народа» (обманутого буржуазией и придавленного капиталом), эти партии объективно стоят еще на стороне буржуазии против пролетариата.

6. Диктатура пролетариата предполагает и означает ясное сознание той истины, что пролетариат, в силу своего объективного, экономического положения во всяком капиталистическом обществе, *правильно* выражает интересы *всей* массы трудящихся и эксплуатируемых, всех полупролетариев (т. е. частично живущих продажей рабочей силы), всех мелких крестьян и тому подобное.

Эти слои населения идут за буржуазными и мелкобуржуазными (в том числе «социалистическими» партиями II Интернационала) не в силу свободного волеизъявления (как думает мелкобуржуазная демократия), а в силу прямого обмана их буржуазией, в силу гнета над ними капитала, в силу самообмана мелкобуржуазных вождей.

Эти слои населения (полупролетариев и мелких крестьян) пролетариат привлечет на свою сторону, сможет привлечь на свою сторону лишь *после* своей победы, лишь после завоевания государственной власти, то есть после того, как он свергнет буржуазию, освободит этим *всех* трудящихся от гнета капитала и *покажет* им на практике, какие блага (блага свободы от эксплуататоров) дает пролетарская государственная власть.

Этой мысли, составляющей основу и суть идеи диктатуры пролетариата, немецкие независимцы и французские лонгетисты не понимают, не внедряют ее в массы, не пропагандируют ежедневно.

7. Диктатура пролетариата означает сознание необходимости подавить насилем сопротивление эксплуататоров, готовность, умение, решимость сделать это. А так как буржуазия, даже самая республиканская и демократическая (например, в Германии, в Швейцарии, в Америке), систематически прибегает к погромам, к линчеванию, к убийству, к военному насилию, к террору против коммунистов и на деле против всяких революционных шагов пролетариата, то при этих условиях отречься от насилия, от террора — значит превращаться в плаксивого мелкого буржуа, значит сеять реакционные мещанские иллюзии о социальном мире, значит — говоря конкретно — трусить рубаки-офицера.

Ибо преступнейшая и реакционнейшая империалистская война 1914—1918 годов воспитала во всех странах и выдвинула на авансцену политики во всех, даже самых демократических республиках именно десятки и десятки тысяч реакционных офицеров, готовящих террор и осуществляющих террор в пользу буржуазии, в пользу капитала против пролетариата.

Поэтому то отношение к террору, которое проявляют на деле в парламентских речах, в газетных статьях, во всей агитации и пропаганде немецкие независимцы и французские лонгетисты, есть фактическое полное отречение от сущности диктатуры пролетариата, есть фактический переход на позицию мелкобуржуазной демократии, есть *развращение* революционного сознания рабочих.

8. То же относится к гражданской войне. После империалистской войны, перед лицом реакционных генералов и офицеров, применяющих террор против пролетариата, перед лицом того факта, что *новые* империалистские войны *уже готовятся* теперешней политикой *всех* буржуазных государств, — и не только готовятся сознательно, но и вытекают с объективной неизбежностью из всей их политики, — при таких условиях, в такой обстановке оплакивать гражданскую войну против эксплуататоров, осуждать ее, бояться ее — это значит становиться на деле реакционером.

Это значит бояться победы рабочих, которая может стоять десятков тысяч жертв, и наверняка допускать новую бойню империалистов, которая стоила вчера и будет стоить завтра миллионы жертв.

Это значит *поощрять* фактически реакционные и насильнические замашки, замыслы и приготовления буржуазных генералов и буржуазных офицеров.

Именно так реакционна на деле слащавая, мелкобуржуазная, сентиментальная позиция немецких независимцев и французских лонгетистов в вопросе о гражданской войне. Закрывают глаза на происки белой гвардии, подготовку ее буржуазией, создание ее буржуазией и лицемерно, фарисейски (или трусливо) отворачиваются от работы по созданию красной гвардии, красной армии пролетариев, способной подавить сопротивление эксплуататоров.

9. Диктатура пролетариата и Советская власть означают ясное сознание необходимости *разбить*, сломать вдребезги, буржуазный (хотя бы и республикански-демократический) государственный аппарат, суды, бюрократию, гражданскую и военную, и т. д.

Ни сознания этой истины, ни повседневной агитации в ее пользу немецкие независимцы и французские лонгетисты не обнаруживают. Хуже того: они ведут *всю* агитацию в *противоположном* духе.

10. Всякая революция (в отличие от реформы) означает кризис и весьма глубокий кризис, как политический, так и экономический, сама по себе. Это — независимо от кризиса, созданного войной.

Задача революционной партии пролетариата — разъяснить рабочим и крестьянам, что надо иметь мужество смело встретить этот кризис и найти в революционных мерах *источник силы* для преодоления этого кризиса. Только преодолевая величайшие кризисы с революционным энтузиазмом, с революционной энергией, с революционной готовностью на самые тяжелые жертвы, пролетариат может победить эксплуататоров и окончательно избавить человечество от войн, от гнета капитала, от паевого рабства.

Иного выхода нет, ибо реформистское отношение к капитализму породило вчера (и неизбежно породит завтра) империалистскую бойню миллионов людей и всякие кризисы без конца.

Этой основной мысли, без которой диктатура пролетариата есть пустая фраза, независимцы и лонгетисты не понимают, в своей пропаганде и агитации ее не обнаруживают, не разъясняют массам.

11. Независимцы и лонгетисты не углубляют, не развивают в массах сознания гнилости и гибельности того реформизма, который фактически преобладал во II Интернационале (1889—1914) и погубил его, а затемняют это сознание, затушевывают болезнь, не вскрывают, не разоблачают ее.

12. Выйдя из II Интернационала, осуждая его на словах (напр., в брошюре Криспина), независимцы на деле протягивают руку Фридриху Адлеру, члену австрийской партии господ Носке и Шейдеманов.

Независимцы терпят в своей среде литераторов, сплошь отрицающих все основные понятия диктатуры пролетариата.

Это расхождение слова с делом характеризует всю политику *возсдей* партий независимцев в Германии, лонгетистов во Франции. Именно вожди разделяют предрассудки мелкобуржуазной демократии и реформистски развращенных верхушек пролетариата вопреки революционным симпатиям рабочих *масс*, тяготеющих к советской системе.

13. Независимцы и лонгетисты не понимают и не разъясняют массам, что империалистские сверхприбыли передовых стран позволили им (и позволяют теперь) *подкупать* верхушки пролетариата, бросать ему крохи сверхприбыли (получаемой от колоний и от финансовой эксплуатации слабых стран), создавать привилегированный слой обученных рабочих и т. п.

Без разоблачения этого зла, без борьбы не только с тред-юнионистской бюрократией, но и со всеми проявлениями цехового мещанства, рабочей аристократии, привилегий верхнего слоя рабочих, без беспощадного изгнания представителей этого духа из революционной партии, без апелляции к *низам*, к более и более широким *массам*, к настоящему *большинству* эксплуатируемых не может быть и речи о диктатуре пролетариата.

14. Нежелание или неумение порвать с верхушечками рабочих, зараженными империализмом, обнаруживается у независимцев и лонгетистов также тем, что они не ведут агитации за прямую и безусловную поддержку *всех* восстаний и революционных движений *колониальных* народов.

При таких условиях осуждение колониальной политики и империализма становится лицемерием или пустым вздоханием тупого мещанина.

15. Независимцы и лонгетисты не ведут агитации в войске (за вступление в войско *в целях* подготовки его перехода на сторону рабочих *против* буржуазии). Они не создают организаций для этого.

Они не отвечают на насилия буржуазии, на бесконечные нарушения *ею* «законности» (как во время империалистской войны, так и *после* ее окончания) систематической пропагандой *нелегальных организаций и созданием* их.

Без соединения легальной работы с нелегальной, легальных организаций с нелегальными не может быть и речи о действительно революционной партии пролетариата ни в Германии, ни в Швейцарии, ни в Англии, ни во Франции, ни в Америке.

16. В общем и целом вся пропаганда, вся агитация, вся организация независимцев и лонгетистов более мещански-демократическая, чем революционно-пролетарская; — пацифистская, а не социально-революционная.

В силу этого «признание» диктатуры пролетариата и Советской власти остается словесным.

Итог: при таком положении дела РКП находит единственно правильным не соединяться с независимцами и лонгетистами в один Интернационал, а *выждать*, пока революционные массы французских и немецких рабочих *исправят* слабость, ошибки, предрассудки, непоследовательность таких партий, как независимцы и лонгетисты.

В Коммунистическом Интернационале таким партиям, по мнению РКП, не место.

РКП не отказывается, однако, от *совещаний* со всеми партиями, желающими совещаться с нею, звать ее мнение.

РЕЧЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ МОСКОВСКОГО УЗЛА 5 ФЕВРАЛЯ 1920 г.

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

С большой речью выступил В. И. Ленин, встреченный бурными аплодисментами.

В международном положении, сказал товарищ Ленин, самым ярким фактом является мир с Эстонией. Этот мир — окно в Европу. Им открывается для нас возможность начать товарообмен со странами Запада. Наши противники утверждали, что революция на Западе далека и что без нее мы не удержимся. Но мы не только удержались, но и победили.

Победили, не получая ниоткуда ни единого патрона, победили только потому, что рабочие и красноармейцы знали, за что они воюют.

Если малые народности, являющиеся игрушками в руках Антанты, начинают тяготеть к миру с Советской Россией, то это объясняется тем, что мы доказали на деле, как обманули их империалисты и как радушно протягивает им руку мира русский пролетариат. За Эстонией следует Польша. Получено известие о том, что Польша будет обсуждать мирное предложение Советской России. Эта бескровная победа имеет громадное значение.

Перейдя к вопросу о внутреннем положении, В. И. Ленин указал, что положение это сводится к борьбе с транспортной разрухой. Сейчас железнодорожный транспорт висит на волоске. Если поезда станут — это явится гибелью пролетарских центров. Необходимы героические усилия рабочих масс, чтобы поддержать транспорт и облегчить борьбу с голодом и холодом. Если в гражданской войне, унесшей столько жертв, были возможны невиданные героизма, решившие дело в нашу пользу, то эти героизма и

жертвы необходимы и теперь, когда война перешла на другой фронт — промышленный. Теперь необходимы победы на этом бескровном фронте.

Надо понять, что и здесь нужны жертвы. Ценой жертв нужно поднять хозяйство страны. «Смерть или победа» — должно стать лозунгом на промышленном фронте. Нужно, чтобы рабочие сознавали необходимость самой напряженной борьбы для победы на этом фронте. Борьба предстоит очень трудная, и вести ее придется усталым, голодным рабочим; но если они поймут, что от исхода этой борьбы зависит судьба рабочего класса — они добьются своего.

Вопрос о транспорте в Совете Обороны в настоящее время обсуждается. Но сами рабочие должны сплотиться для борьбы с разрухой транспорта и спекуляцией, способствующей этой разрухе. Те, кто не дает излишка хлеба государству, превращают железные дороги в орудие спекуляции, — те против нас, и сознательные рабочие должны сплоченно бороться с ними.

Красную Армию мы вели к победе не только агитацией, но и строгой железной дисциплиной. То, что было устроено в Красной Армии, необходимо создать на всех фронтах труда. Весь опыт создания Красной Армии надо перенести в среду железнодорожной армии трудящихся, чтобы ее поставить на ту же высоту, на какую поднялась Красная Армия. Без жертв, без железной дисциплины, без использования специалистов не победила бы Красная Армия, не победит и железнодорожная армия. (Аплодисменты.)

КОЛЬ ВОЙНА, ТАК ПО-ВОЕННОМУ

Помещики и капиталисты, которых свергли рабочие и крестьяне России, навязали нам двухлетнюю гражданскую войну при помощи капиталистов всего мира.

Мы кончаем эту войну победоносно.

Мы завоевали уже первый мир, показавший превосходство нашей международной политики над политикой объединенных капиталистов всех стран. Эти капиталисты из всех сил мешали заключению мира Эстонии с нами. Мы их победили. Мы заключили мир с Эстонией, — первый мир, за которым последуют другие, открывая вам возможность товарообмена с Европой и Америкой.

Войну кровавую, которую нам навязали эксплуататоры, мы кончаем победоносно. В два года мы научились побеждать и победили.

Теперь очередь за войной бескровной.

К победе на фронте бескровной войны против голода и холода, против сыпьяка и разорения, против темноты и разрухи!

Эта бескровная война навязана нам тем разорением, которое вызвано трехлетней империалистской и двухлетней гражданской войной. Чтобы победить нужду и нищету, голод и бедствия, вызванные этими войнами, нужно твердо запомнить, хорошенечко усвоить себе и во что бы то ни стало провести повсюду в жизнь правило:

Коль война, так по-военному.

Рабочие и крестьяне сумели создать Красную Армию — без помещика и капиталиста, против помещика и капиталиста, сумели победить эксплуататоров.

Рабочие и крестьяне сумеют создать Красные армии мирного труда, — сумеют завоевать себе новое счастье, восстановив земледелие и промышленность.

Первый и основной шаг к этому — немедленное, во что бы то ни стало, с революционной энергией проводимое, с военной решительностью, сплоченностью, быстротой, беззаветностью осуществляемое *восстановление транспорта*.

Все на работу, товарищи!

Докажем, что на поприще мирного труда мы сумеем проявлять еще большие чудеса героизма и победы, чем на поприще войны против эксплуататоров!

7 февраля 1920 г.

«Правда» № 28, 8 февраля 1920 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Правда»

РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ БЛАГУШЕ-ЛЕФОРТОВСКОГО РАЙОНА 9 ФЕВРАЛЯ 1920 г.

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

В речи своей товарищ Ленин касается двух жгучих вопросов советской современности: международного положения и трудового фронта.

— Наша Красная Армия, — говорит товарищ Ленин, — своими победами укрепила положение Советской России и дала нам первую победу над империалистами Антанты. Чем эта победа объясняется? Ясно, что это достигнуто было не одними победами на фронте, а тем, что мы привлекли на свою сторону солдат воюющих с нами стран. Союзники высадкой десанта сами разложили свою армию и вынуждены были вскоре убрать ее. Солдаты отказались выступить против нас. Одно только слово «Советская власть», т. е. власть трудящихся, переполняет радость сердца пролетариев всего мира.

Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска. Мы победили империалистов не только при помощи наших солдат, но и опираясь на сочувствие к нам их собственных солдат. С другой стороны, мы не на словах, а на деле доказали свою миролюбивую политику по отношению к малым соседним с нами государствам. Устами Черчилля Англия грозила нам походом 14-ти государств, но этот поход сорвался, когда рядом с нашими победами мы неизменно повторяли свои мирные предложения. Мы предложили Эстонии мир, не считаясь ни с какими границами, а считаясь только с тем, что мы не хотим проливать рабоче-крестьянской крови из-за каких бы то ни было границ.

Снятие блокады объясняется исключительно той симпатией, которую внушает Советская власть рабочим враждеб-

ных нам стран. В Италии дошло до того, что съезд социалистических партий единогласно принял резолюцию о снятии блокады с Советской России и возобновлении с нею торговых сношений. Буржуазные правительства маленьких стран, хотя не любят большевиков, но убедились, что большевики хотят добрососедских с ними отношений, в то время, как те, с которыми генерал Деникин или другой какой генерал, все бумажки о независимости мелких народностей на завтра же после победы уничтожили бы. Мы без единой пушки, без единого пулемета, без единого выстрела заключили мир и положили начало к заключению мира со всеми воюющими с нами странами. Мы на деле показали, что против мирной политики Советской власти должны сложить оружие все правительства.

У нас уже прорублено окно в Европу, которое мы постараемся широко использовать. На нас пытаются натравить Польшу, но эти попытки провалятся, и недалеко то время, когда мы заключим мир со всеми, хотя они говорят, что они нас не признают. Они боятся, как огня, распространения у себя дома большевистской заразы, но хотя они китайской стеной окружили себя, все же в каждой из этих стран большевистская зараза уже есть, она сидит внутри них самих. Эту заразу принесли французские и английские солдаты, которые побывали в Советской России и подышали ее воздухом. Таким образом, мы одержали две победы. Мы разбили на всех фронтах белогвардейские банды, мы завоевываем мир в международном масштабе и завоевываем не пушками, а симпатиями, которые сумели внушить не только рабочим, но даже буржуазным правительствам мелких народностей.

Затем товарищ Ленин вкратце касается трудового фронта.

— Товарищи, — говорит он, — мы подходим к весне, пережив небывало трудную зиму холода, голода, сыпняка и железнодорожной разрухи. Мы должны победить и этот фронт. Если мы сумели во время войны все принести в жертву, отдать все лучшие силы, — передовые рабочие, коммунисты и курсанты впереди всех погибали, поднимая этим настроение всей армии, — то и теперь мы говорим: нам надо выдержать этот фронт хозяйственной разрухи; как и тогда, коммунисты и передовые рабочие, самые добросовестные, самые честные, самые хорошие,

самые твердые, вперед! За каждый поезд, за каждый паровоз надо воевать, надо бороться. К этому я призываю беспартийную конференцию.

Товарищи, прежде чем окончить свой доклад, еще несколько слов о мерах, принятых последней сессией Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Сессия приняла ряд мер, которые будут на-днях опубликованы в газетах, которые надо читать и разбирать на всех рабочих собраниях, клубах, на фабриках, заводах и красноармейских частях. Одно из важных постановлений ВЦИК, на которое, по моему мнению, надо было бы обратить серьезное внимание, это — о борьбе с бюрократизмом в наших учреждениях. Как одна из мер, есть постановление ВЦИК о пересоздании нашего аппарата Государственного контроля в аппарат рабоче-крестьянского контроля или рабочей инспекции⁷². Не разгоняя старых чиновников, точно так же, как и из армии мы не изгоняли специалистов, а приставили к ним рабочих комиссаров, мы должны к этим буржуазным специалистам приставить группы рабочих, которые сами бы присмотрелись, научились и взяли бы эту работу в свои руки. Надо, чтобы рабочие вошли во все государственные учреждения, чтобы они контролировали весь государственный аппарат, и это должны сделать беспартийные рабочие, которые должны выбирать своих представителей на беспартийных рабоче-крестьянских конференциях. Надо придти на помощь коммунистам, которые устают под непосильным бременем. Мы должны влить в этот аппарат возможно больше рабочих и крестьян. Мы за это возьмемся, это сделаем и этим изгоним из наших учреждений бюрократизм. Необходимо, чтобы широкие беспартийные массы проверяли все государственные дела и научились сами управлять.

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

I

Гражданин Жан Лонге прислал мне письмо, основное содержание которого состоит в тех же жалобах, что и в статье Лонге: «Как обманывают русских?» («Populaire»⁷³ от 10. I. 1920). Этот номер своей газеты Лонге тоже прислал мне вместе с листком «Комитета по восстановлению Интернационала» («Comité pour la Reconstruction de l'Internationale»)⁷⁴. В листке напечатаны два проекта резолюций к предстоящему в Страсбурге съезду Французской социалистической партии. Подписан листок от имени «Комитета по восстановлению Интернационала» 24-мя лицами: Амедей Дюнуа, гражданка Фанни Клар, Косси, Делепин, Поль Фор, Л.-О. Фроссар, Эжень Фро, Гурдо, гражданка Лейсиань, Ле Троке, Поль Луи, Жан Лонге, Морис Морен, Майера, Муре, Моранж, Палико, Пешер, гражданка Марианна Роз, Даниэль Рену, Сервантье, Сикст-Кевен, Томази, Верфейль.

Отвечать на жалобы и нападки Жана Лонге мне кажется излишним: достаточными ответами являются статья Ф. Лорю в «Vie Ouvrière»⁷⁵ от 16. I. 1920 под заглавием: «Потише, Лонге!» («Tout doux, Longuet!») и статья Троцкого в № 7—8 «Коммунистического Интернационала»⁷⁶ «Жан Лонге». Добавить к этому остается совсем мало; разве вот следовало бы собрать материал по истории провала стачки 21. VII. 1919. Но из Москвы я сделать этого не в состоянии. Я видел только в одной коммунистической австрийской газете выдержку из «Avanti!»⁷⁷ с разоблачением гнусной роли в этом деле одного из гнуснейших социал-предателей (или анархо-предателей?), бывшего спидкалистского и антипарламентаристского крикуна Жюо (Jouhaux).

Почему бы Лонге не поручить кому-либо работы, которую в Париже сделать легко, которая собрала бы все документы, все заметки и статьи европейских коммунистических газет, все специальные интервью по вопросу о провале стачки 21. VII. 1919 со всеми заинтересованными вождями и участниками? Эту работу мы бы издали с восторгом. Под «социалистическим воспитанием», о котором «центровики» всего мира (независимцы в Германии, лонгетисты во Франции, I.L.P.* в Англии и т. п.) так много и охотно говорят, следует понимать не педантски-доктринерское повторение общих мест социализма, всем надоевших, никому, после 1914—1918 годов, не внушающих доверия, а неуклонное *разоблачение ошибок* вождей и ошибок движения.

Например. Все вожди, все выдающиеся представители соц. партий, проф. союзов, рабочих кооперативов, которые в войне 1914—1918 годов были за «защиту отечества», поступали как предатели социализма. Разоблачать их ошибку неуклонно, разъяснять систематически, что эта война была с *обеих* сторон войной разбойников за дележ награбленной добычи, что *неизбежно* повторение подобной же войны без революционного свержения буржуазии пролетариатом, вот это значит вести на деле работу «социалистического воспитания».

Именно названные мною резолюции о таком воспитании говорят, а на деле делают работу социалистического развращения, ибо прикрывают и замалчивают те измены, предательства, рутину, косность, шкурничество, мещанство, те ошибки, в преодолении которых, в сознательном избавлении от которых настоящее воспитание и состоит.

II

Резолюции лонгетистов обе никуда не годны. Впрочем, они очень годны для одной особой цели: для иллюстрации самого, пожалуй, опасного зла для рабочего движения на Западе в данный момент. Это зло состоит в том, что старые вожди, видя неудержимое влечение масс к большевизму и к Советской власти, ищут (*и часто находят!*) выход в *словесном* признании диктатуры проле-

* — Independent Labour Party — Независимая рабочая партия. Ред.

тариата и Советской власти, на деле оставаясь либо врагами диктатуры пролетариата, либо людьми не способными или не желающими понять ее значение и проводить ее в жизнь.

Как громадна, как необъятно велика опасность от такого рода зла, это особенно наглядно показала гибель первой Советской республики в Венгрии⁷⁸ (за первой погибшей последует победоносная вторая). Ряд статей в «Красном Знамени» («Die Rote Fahne», Вена⁷⁹), Центральном органе австрийской коммунистической партии, вскрыл одну из главных причин этой гибели: измену «социалистов», которые на словах перешли на сторону Бела Куна и объявили себя коммунистами, на деле же не проводили в жизнь политики, соответствующей диктатуре пролетариата, а колебались, малодушничили, забегали к буржуазии, частью прямо саботировали пролетарскую революцию и предавали ее. Окружающие венгерскую Советскую республику всемирно-могущественные разбойники империализма (т. е. буржуазные правительства Англии, Франции и т. д.) сумели, конечно, использовать эти колебания *внутри* правительства венгерской Советской власти и зверски задушили ее руками румынских палачей.

Нет сомнения, что часть венгерских социалистов *искренно* перешли на сторону Бела Куна и объявили себя *искренно* коммунистами. Но суть дела от этого несколько не меняется: «искренно» объявивший себя коммунистом человек, который на деле вместо беспощадно твердой, неуклонно решительной, беззаветно смелой и героической политики (— только такая политика соответствует признанию диктатуры пролетариата) — колеблется и малодушничит, — подобный человек своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью совершает такую же измену, как и непосредственный предатель. В личном смысле разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы *нет*, ибо политика — это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти.

Какая часть лонгетистов, подписавших рассматриваемые нами резолюции, окажется людьми первой или

второй из названных категорий или какой-нибудь третьей категории, этого знать сейчас нельзя и пытаться решить такой вопрос было бы пустым занятием. Важно то, что эти лонгетисты, как *политическое направление*, ведут сейчас именно политику венгерских «социалистов» и «социал-демократов», погубивших Советскую власть в Венгрии. Лонгетисты ведут именно эту политику, ибо на словах они объявляют себя сторонниками диктатуры пролетариата и Советской власти, а на деле продолжают вести себя по-старому, продолжают и в резолюциях своих защищать и в жизни осуществлять старую политику мелких уступочек социал-шовинизму, оппортунизму, буржуазной демократии, колебаний, нерешительности, уклончивости, уверток, умолчаний и тому подобное. Эти мелкие уступочки, колебания, нерешительность, уклончивость, увертки и умолчания в сумме неизбежно дают *измену* диктатуре пролетариата.

Диктатура слово большое, жесткое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох.

Таких слов на ветер бросать нельзя.

Ставить на очередь дня осуществление диктатуры пролетариата и в то же время «бояться обидеть» Альберов Тома, господ Бракков, Самба, других рыцарей подлейшего французского социал-шовинизма, героев предательской газеты «L'Humanité»*, «La Bataille»⁸⁰ и т. п., это значит осуществлять предательство рабочего класса, — по легкомыслию, по недостатку сознательности, по бесхарактерности или по другим причинам, но во всяком случае это значит осуществлять предательство рабочего класса.

Расхождение между словом и делом погубило второй Интернационал. Третьему от роду нет еще и году, а он уже становится модой и приманкой для политиканов, которые идут туда, куда идет масса. Третьему Интернационалу уже начинает грозить расхождение между словом и делом. Во что бы то ни стало, всюду и везде, надо эту опасность разоблачать, всякое проявление этого зла вырывать с корнем.

* — «Человечество». Ред.

Резолюции лонгетистов (как и резолюции последнего съезда немецких независимцев, этих германских лонгетистов) превращают «диктатуру пролетариата» в такую же икону, какой бывали для вождей, для чиновников проф. союзов, для парламентариев, для должностных лиц кооперативов резолюции второго Интернационала: на икону надо помолиться, перед иконой можно перекреститься, иконе надо поклониться, но икона несколько не меняет практической жизни, практической политики.

Нет, господа, мы не допустим превращения лозунга «диктатура пролетариата» в икону, мы не помиримся с тем, чтобы III Интернационал терпел расхождение между словом и делом.

Если вы за диктатуру пролетариата, тогда не ведите той уклончивой, половинчатой соглашательской политики по отношению к социал-шовинизму, которую вы ведете и которая выражена в первых же строках первой вашей резолюции: война, извольте видеть, «разорвала» (a déchiré) II Интернационал, оторвала его от дела «социалистического воспитания» (éducation socialiste), а «некоторые части этого Интернационала» (certaines de ses fractions) «ослабили себя» тем, что разделили власть с буржуазией, и так далее и тому подобное.

Это не язык людей, сознательно и искренно разделяющих идею диктатуры пролетариата. Это язык либо людей, которые делают шаг вперед, два назад, либо политиканов. Если вы хотите говорить таким языком, — вернее сказать, пока вы говорите таким языком, пока такова ваша политика, оставайтесь во II Интернационале, ваше место там. Или пусть рабочие, которые своим массовым давлением толкают вас к III Интернационалу, оставят вас во II Интернационале, а сами, *без вас*, переходят в III Интернационал. Таким рабочим, и Французской социалистической партии, и Независимой с.-д. партии Германии, и Английской независимой рабочей партии мы скажем, и на том же условии: милости просим!

Если признавать диктатуру пролетариата, если рядом с этим говорить о войне 1914—1918 годов, то надо говорить иначе: война эта была войной разбойников англо-франко-русского империализма с разбойниками германо-австрийского империализма из-за дележа добычи, колоний, «сфер» финансового влияния. Проповедь «защиты отечества»

в такой войне была изменой социализму. Если не разъяснить этой истины до конца, если не искоренить из голов, из сердец, из политики рабочих этой измены, *нельзя* спастись от бедствий капитализма, *нельзя* спастись от новых войн, которые *неизбежны*, пока держится капитализм.

Вы не хотите, вы не можете говорить таким языком, пестит *такой* пропаганда? Вы хотите «щадить» себя или своих друзей, которые проповедывали «защиту отечества» вчера в Германии при Вильгельме или при Носке, в Англии и во Франции при власти буржуазии? Тогда *пощадите* III Интернационал! осчастливьте его своим отсутствием!

III

Я говорил до сих пор о первой из двух резолюций. Вторая не лучше. «Торжественное» («solemnelle») осуждение «конфузионизма» и даже «всякого компромисса» («toute compromission» — это пустая революционная фраза, ибо нельзя быть против *всякого* компромисса), а наряду с этим уклончивое, половинчатое, не разъясняющее понятие «диктатуры пролетариата», а затемняющее его, повторение общих фраз, нападки на «политику г-на Клемансо» (обычный прием буржуазных политиканов во Франции, изображающих смену клик сменой режима), изложение программы, в основах своих *реформистской* — налоги, «национализация капиталистических монополий» и т. п.

Лонгетисты не поняли и *не желают* понять (частью: *неспособны* понять), что реформизм, прикрытый революционной фразой, был главным злом II Интернационала, главной причиной его позорного краха, поддержки «социалистами» той войны, в которой перебили десять миллионов человек для решения великого вопроса, англо-русско-французская или германская группа хищников-капиталистов должна грабить весь мир.

Лонгетисты остались на деле прежними реформистами, прикрывающими свой реформизм революционной фразой и только в качестве революционной фразы употребляющими новое словечко «диктатура пролетариата». Таких вождей, как и вождей Независимой соц.-дем. партии Германии, как и вождей Независимой рабочей партии Англии,

пролетариату не надо. С такими вождями пролетариат осуществить своей диктатуры не может.

Признать диктатуру пролетариата, это не значит: во что бы то ни стало в *любой* момент идти на штурм, на восстание. Это вздор. Для успешного восстания нужна длительная, умелая, упорная, великих жертв стоящая подготовка.

Признать диктатуру пролетариата, это значит: решительный, беспощадный и главное — вполне сознательный, вполне последовательно проведенный в жизнь разрыв с оппортунизмом, реформизмом, половинчатостью, уклончивостью II Интернационала; — разрыв с вождями, которые *не могут не* продолжать старой традиции, со старыми (не по возрасту, а по приемам) парламентариями, чиновниками проф. союзов, кооперативов и т. п.

С ними надо рвать. Их преступно жалеть: это значит предавать из-за мизерных интересов десяти или ста тысяч коренные интересы десятков миллионов рабочих и мелких крестьян.

Признать диктатуру пролетариата, это значит: коренным образом переделать повседневную работу партии, спуститься вниз, к тем миллионам рабочих, *батраков* и мелких крестьян, которых нельзя спасти от бедствий капитализма и войн без *Советов*, без свержения буржуазии. Разъяснять это конкретно, просто, ясно, для массы, для десятков миллионов, им говорить, что *их* Советы должны взять *всю* власть, их авангард, партия революционного пролетариата должна *руководить* борьбой, — вот что такое диктатура пролетариата.

У лонгетистов нет и следа понимания этой истины, нет ни капли желания и способности проводить ее ежедневно в жизнь.

IV

В Австрии коммунизм пережил тяжелейший перипет, кажется, не вполне еще конченный: болезни роста, иллюзию, будто, объявив себя коммунистами, группа может стать силой без глубокой борьбы за влияние среди масс, ошибки в выборе лиц (ошибки, *неизбежные* вначале для каждой революции; у нас таких ошибок был *целый ряд*).

Ежедневная газета коммунистов «Красное Знамя», под редакцией Коричонера и Томана, показывает, что движение выходит на серьезный путь.

А до какой тупости, низости и подлости доходят австрийские социал-демократы, это слишком очевидно показывает вся политика Реннера и тому подобных австрийских Шейдеманов, которым — частью по крайней глупости и бесхарактерности — помогают Отто Бауэры и Фридрихи Адлеры, ставшие дюжинными изменниками.

Вот один пример: брошюра Отто Бауэра «Путь к социализму». Передо мной лежит берлинское издание издательства «Freiheit»*, видимо, независимой партии, вполне стоящей на том же убогом, пошлом и подлом уровне, как эта брошюра.

Достаточно взглянуть на пару мест из § 9 («Экспроприация экспроприаторов»):

...«Экспроприация не может и не должна произойти в форме грубой (brutaler, зверской) конфискации капиталистической и помещичьей собственности; ибо в этой форме она не могла бы произойти иначе, как ценой громадного разрушения производительных сил, которое разорило бы сами народные массы, востопорило бы источники народного дохода. Экспроприация экспроприаторов, наоборот, должна произойти в упорядоченной, урегулированной форме»... посредством налогов.

И ученый муж примерно разъясняет, как налогами можно бы взять от имущих классов «четыре девятых» их дохода...

Кажется, довольно? Что до меня, я после этих слов (а я и начал брошюру читать с § 9) ничего больше не читал и без особой надобности не собираюсь читать в брошюре господина Отто Бауэра. Ибо ясно, что этот лучший из социал-предателей — в лучшем случае ученый дурак, который совершенно безнадежен.

Это — образец педанта, насквозь мелкого буржуа в душе. Он писал полезные ученые книги и статьи до войны, «теоретически» допуская, что классовая борьба может обостриться до гражданской войны. Он даже принимал участие (если я верно информирован) в составлении Базельского манифеста 1912 г., каковой манифест прямо предвидит *пролетарскую революцию* в связи как раз с той войной, которая и разразилась в 1914 году.

* — «Свобода». Ред.

Но когда дошло на деле до этой пролетарской революции, то верх взяла натура педанта, филистера, который испугался и стал поливать бушующую революцию маслицем реформистских фраз.

Он твердо заучил (педанты не умеют думать, они умеют запоминать, могут затвердить), что теоретически возможна экспроприация экспроприаторов без конфискации. Он всегда это повторял. Он это заучил. Он знал это наизусть в 1912-ом году. Он по памяти повторил это в 1919 году.

Он не умеет думать. После империалистской войны и притом такой войны, которая даже победителей довела до края гибели, — после начала гражданской войны в ряде стран, — после того, как фактами в международном масштабе доказана неизбежность превращения империалистской войны в войну гражданскую, проповедывать, в лето от рождества Христова 1919-ое, в городе Вене, «упорядоченное» и «урегулированное» отнятие у капиталистов «четырех девятых» их дохода, — для этого надо быть либо душевнобольным, либо тем старым героем старой великой германской поэзии, который с восторгом переходит «от книжицы к книжице»⁸¹...

Милейший добряк, который, вероятно, представляет из себя добродетельнейшего отца семейства, честнейшего гражданина, добросовестнейшего читателя и писателя ученых книг, забыл совсем маленькую мелочь: он забыл, что подобный «упорядоченный» и «урегулированный» переход к социализму (переход, несомненно, самый выгодный для «народа», говоря абстрактно) предполагает абсолютную прочность победы пролетариата, абсолютную безнадёжность положения капиталистов, абсолютную для них необходимость и их готовность оказать добросовестнейшее подчинение.

Возможно ли такое стечение обстоятельств?

Теоретически, т. е. в данном случае вполне абстрактно, говоря: конечно, да. Например: допустим, что в девяти странах, в том числе во всех великих державах, Вильсоны, Ллойд-Джорджи, Мильераны и прочие герои капитализма находятся уже в таком положении, как у нас Юденич, Колчак и Деникин с их министрами. Допустим, в десятой маленькой стране после этого капиталисты предлагают рабочим: давайте, мы вам добросовестно поможем, подчиняясь вашим решениям, провести «упорядоченную»

и мирную (без разрушений!) «экспроприацию экспроприаторов», получая за это первый год $\frac{5}{9}$ прежнего дохода, второй год $\frac{4}{9}$.

Вполне мыслимо, что в указанных мною условиях капиталисты десятой страны такое предложение в одной из наиболее маленьких и «мирных» стран сделают, и ровно ничего худого со стороны рабочих этой страны не будет, если они это предложение деловым образом обсудят и (поторговавшись: купец без запроса не может) примут.

Может быть, теперь, после этого популярного объяснения даже ученый Отто Бауэр и философ (столь же удачный, как и политик) Фридрих Адлер поймут, в чем дело?

Нет еще? Не понятно?

Подумайте, милейший Отто Бауэр, милейший Фридрих Адлер, похоже ли положение всемирного капитализма и его вождей в данную минуту на положение Юденича, Колчака и Деникина в России?

Нет, не похоже. В России капиталисты разбиты после отчаянного их сопротивления. Во всем мире они еще у власти. Они — господа.

Если вы, милейшие Отто Бауэр и Фридрих Адлер, и теперь еще не поняли, в чем дело, то я вам добавлю еще популярнее:

представьте себе, что в то время, когда Юденич стоял под Питером, Колчак владел Уралом, Деникин всей Украиной, когда в кармане всех этих трех героев лежали пачки телеграмм от Вильсона, Ллойд-Джорджа, Мильерана и К^о о посылке денег, пушек, офицеров, солдат, представьте себе, что в такое время к Юденичу, Колчаку или Деникину приходит представитель русских рабочих и говорит: нас, рабочих, большинство, мы вам дадим $\frac{5}{9}$ ваших доходов, а потом и остальное отберем «упорядоченно» и мирно. По рукам, «без разрушения», идет?

Если бы этот представитель рабочих был просто одет и принимал его только русский генерал вроде Деникина, он, вероятно, отправил бы рабочего в сумасшедший дом, или просто выгнал.

Но если бы представитель рабочих был интеллигент в приличном костюме, к тому же сын почтенного папаши (вроде как добрый и милый Фридрих Адлер), если бы притом Деникин был не один, а принимал вместе с фран-

цузским или английским «советником», то этот советник, несомненно, сказал бы Дениквну:

«Слушайте, генерал, а ведь этот представитель рабочих так умен, что он как раз подходит для того, чтобы быть у нас министром, вроде Гендерсона в Англии, Альбера Тома во Франции, Отто Бауэра и Фридриха Адлера в Австрии».

14. II. 1920.

Напечатано в 1920 г.

Печатается по рукописи

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ

Харьков Реввоенсовет Югозап Сталину

По прямому проводу вне очереди

16. II. 1920 г.

Сегодня я слышал Вас и всех великолепно, каждое слово. Пригрозите расстрелом тому неряхе, который заведя связь, не умеет дать Вам хорошего усилителя и добиться полной исправности телефонной связи со мной. Я одобряю уменьшенную разверстку и обязательную выдачу бедноте в первую голову части собранного хлеба. Надо бедноту прежде всего заинтересовать.

*Ленин**Впервые напечатано в 1938 г.**Печатается по рукописи*

Первая страница
рукописи В. И. Ленин
«Телеграмма
И. В. Сталину». —
18 февраля 1920 г.

Харьков
Укробтурдария
Смалку коню Харьковому.

Очень рад что вы так умеренно
развертываете 158 и десерт
процентов осваиваете бедноте
и это уже выделит три полка
и 4 эскадрона Укробтурдарии
совершить 1) охранять горный урочище
и пропускать специально подкрепле-
нную кавалерию это самое са-
мое главное 2) охранять себя
и фамилию по одной волюн-
тару доблестно полками и эскад-
ронами осваивать развертку
полностью капризней бедноте
кислот и соев 3) мобилизовать
Точка газет харьковских и до-

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ

Харьков Укрсовтрударм
Сталину копия Укрревкому

Очень рад, что взяли умеренную разверстку — 158 [млн. пудов] и 10 процентов оставляете бедноте и что уже выделили три полка и 4 эскадрона Укрсовтрударму.

Советую: 1) охранить готовый уголь и протащить спешно подкрепления Кавказскому фронту. Это самое, самое главное; 2) охранить соль и, занимая по одной волости вокруг Донбасса полками и эскадронами, осуществлять разверстку полностью, награждая бедноту хлебом и солью; 3) мобилизовать тотчас часть харьковских и донецких рабочих для работы как продармии вместе с полками и эскадронами; 4) измерять работу Укрсовтрударма ежедневно количеством подвезенного хлеба, угля, ремонтом паровозов.

Ленин

Написано 18 февраля 1920 г.

Впервые напечатано в 1942 г.

Печатается по рукописи

**ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ
КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ
«NEW YORK EVENING JOURNAL»⁸²**

1. «Собираемся ли мы нападать на Польшу и Румынию?»

Нет. Мы самым торжественным и официальным образом и от имени СНК и от имени ВЦИКа заявили о наших мирных намерениях. К сожалению, французское капиталистическое правительство подстрекает Польшу напасть на нас (вероятно, и Румынию). Об этом говорит даже ряд американских радио из Лиона.

2. «Наши планы в Азии?»

Те же что в Европе: мирное сожительство с народами, с рабочими и крестьянами всех наций, просыпающимся к новой жизни, к жизни без эксплуатации, без помещиков, без капиталистов, без купцов. Империалистская война 1914—1918, война капиталистов англо-французской (и русской) группы против капиталистов германо-австрийской группы из-за дележа мира разбудила Азию и усилила там, как и везде, стремление к свободе, к мирному труду, к недопущению войн впредь.

3. «Основы мира с Америкой?»

Пусть американские капиталисты не трогают нас. Мы их не тронем. Мы готовы даже заплатить им золотом за полезные для транспорта и производства машины, орудия и проч. И не только золотом, но и сырьем.

4. «Препятствия для такого мира?»

Никаких с нашей стороны. Империализм со стороны американских (как и любых иных) капиталистов.

5. «Наши взгляды на депортацию русских революционеров из Америки?»

Мы их приняли. Мы у себя революционеров не боимся. Мы вообще не боимся никого и, если Америка боится еще каких-либо сотен или тысяч своих граждан, мы готовы начать переговоры о принятии нами всех и всяких страшных для Америки граждан (кроме уголовных, конечно).

6. «Возможность экономического союза между Россией и Германией?»

Возможность не велика, к сожалению. Ибо Шейдеманы плохие союзники. Мы за союз со всеми странами, никого не исключая.

7. «Наш взгляд на требование союзников выдать виновников войны?»

Если об этом говорить серьезно, то виновники войны капиталисты всех стран. Выдайте нам всех помещиков (имеющих более 100 га земли) и капиталистов (имеющих капитал более 100 000 франков), — мы их воспитаем к полезному труду, мы их отучим от позорной, гнусной, кровавой роли эксплуататоров и виновников войны из-за дележа колоний. Войны будут тогда очень скоро абсолютно невозможны.

8. «Влияние мира с нами на экономическое положение Европы?»

Обмен машин на хлеб, лен, на другое сырье — может ли он быть неблагоприятным для Европы? Явно не может не быть благоприятным.

9. «Наш взгляд на будущее развитие Советов как мировой силы?»

Будущее принадлежит советскому строю во всем мире. Это доказали факты: стоит подсчитать, скажем по четвертям года, рост числа брошюр, книг, листовок, газет в любой стране, стоящих за Советы и сочувствующих Советам. Иначе быть не может: раз рабочие в городах, рабочие, батраки и поденщики, в деревнях, затем мелкие крестьяне, т. е. не прибегающие к эксплуатации наемных

рабочих, раз это огромное большинство трудящихся поняло, что Советы дают им в руки всю власть, освобождая их от ига помещиков и капиталистов, то как можно помешать победе советского строя во всем мире? Я такого средства, по крайней мере, не знаю.

10. «Должна ли Россия еще бояться контрреволюционного вмешательства извне?»

Должна, к сожалению. Ибо капиталисты люди глупые и жадные. Они делали ряд таких глупых и жадных попыток вмешательства, что надо бояться повторений, пока рабочие и крестьяне каждой страны не *перевоспитают* своих капиталистов.

11. «Готова ли Россия вступить в деловые сношения с Америкой?»

Конечно, готова, как и со всеми странами. Мир с Эстонией, которой мы сделали громадные уступки, доказал нашу готовность идти ради этого, при известных условиях, даже на концессии.

18/II 1920.

В. Ульянов (Н. Ленин)

Напечатано на английском языке
21 февраля 1920 г. в газете
«New York Evening Journal»
№ 12671

На русском языке впервые
напечатано 22 апреля 1950 г.
в газете «Правда» № 112

Печатается по рукописи

ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АНГЛИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ «DAILY EXPRESS»⁸³

1) «Наше отношение к снятию блокады?»

Мы относимся к этому как к большому шагу вперед. Открывается возможность для нас от войны, которую нам навязали капиталистические правительства Антанты, переходить к мирному строительству. А это для нас самое главное. Напрягая все силы для восстановления хозяйственной жизни страны, разоренной сначала войной между капиталистами из-за Дарданелл, из-за колоний, затем войной капиталистов Антанты и России против рабочих России, мы, между прочим, разрабатываем теперь при помощи ряда ученых и техников план электрификации всей России. План этот рассчитан на много лет. Электрификация переродит Россию. Электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без купцов.

Снятие блокады должно помочь осуществлению плана электрификации.

2) «Влияние решения союзников отказаться от наступления на наступательные действия Советской власти?»

На нас наступала Антанта и ее союзники и слуги: Колчак, Деникин, капиталисты окружающих нас государств. Мы ни на кого не наступали. Мы заключили мир с Эстонией, пойдя даже на материальные жертвы.

Мы ждем с нетерпением, чтобы «решение» союзников подтвердилось *делами* их. К сожалению, история Версальского мира и последствий его показывают, что у

союзников большей частью слова расходятся с делами, решения остаются на бумаге.

3) «Считаем ли мы нынешнее status quo* удовлетворительным для советской политики?»

Да, ибо всякое status quo в политике есть переход от старого к новому. Теперешнее status quo есть, во многих отношениях, переход от войны к миру. Такой переход для нас желателен. Поэтому и постольку мы считаем status quo удовлетворительным.

4) «Наши цели в связи с прекращением военных действий со стороны союзников?»

Наши цели, как уже сказано, мирное экономическое строительство. Подробный план его, на основе электрификации, выработывается теперь комиссией ученых и техников (вернее: несколькими комиссиями) согласно резолюции февральской (1920) сессии Всецика.

Написано 18 февраля 1920 г.

*Напечатано на английском языке
23 февраля 1920 г. в газете
«Daily Express» № 6198*

*На русском языке впервые
напечатано 22 апреля 1950 г.
в газете «Правда» № 112*

Печатается по рукописи

* — существующее положение. Ред.

ОБМЕН ТЕЛЕГРАММАМИ С И. В. СТАЛИНЫМ

1

ЧЛЕНУ РЕВВОЕНСОВЕТА ЮГОЗАПФРОНТА

товарищу СТАЛИНУ

по прямому проводу

Москва, 20 февраля

Положение на Кавказском фронте приобретает все более серьезный характер. По сегодняшней обстановке не исключена возможность потери Ростова и Новочеркасска, а также попытки противника развить успех далее на север с угрозой Донецкому району. Примите исключительные меры для ускорения перевозок сорок второй и латышской дивизий и по усилению их боеспособности. Рассчитываю, что, оценивая общую обстановку, Вы разовьете всю Вашу энергию и достигнете серьезных результатов.

Ленин

2

ОТВЕТ И. В. СТАЛИНА

Можете быть уверены, что будет сделано все возможное.

Впервые напечатано
21 января 1935 г.
в газете «Правда» № 21

Печатается: телеграмма В. И. Ленина
по тексту телеграфного бланка;
ответ И. В. Сталина по рукописи

К ЖЕНЩИНАМ-РАБОТНИЦАМ

Товарищи! Выборы в Московский Совет показывают укрепление партии коммунистов среди рабочего класса.

Надо, чтобы женщины-работницы приняли большее участие в выборах. Советская власть первая и единственная в мире уничтожила полностью все старые, буржуазные, подлые законы, ставящие женщину в неравноправное положение с мужчиной, дающие привилегии мужчине, например, в области брачного права или в области отношений к детям. Советская власть первая и единственная в мире, как власть трудящихся, отменила все, связанные с собственностью, преимущества, которые сохранились в семейном праве за мужчиной во всех, даже самых демократических, буржуазных республиках.

Где есть помещики, капиталисты, купцы, там не может быть равенства женщины с мужчиной даже по закону.

Где нет помещиков, капиталистов, купцов, где власть трудящихся без этих эксплуататоров строит новую жизнь, там есть равенство женщины с мужчиной по закону.

Но этого мало.

Равенство по закону не есть еще равенство в жизни.

Нам надо, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником. Для этого надо, чтобы женщины-работницы все больше и больше участия принимали в управлении общественными предприятиями и в управлении государством.

Управляя, женщины научатся быстро и догонят мужчин.

Выбирайте же больше женщин-работниц в Совет, как коммунисток, так и беспартийных. Лишь бы была честная

работница, умеющая вести толковую добросовестную работу, пусть она беспартийная, — выберите ее в Московский Совет!

Больше женщин-работниц в Московском Совете! Пусть московский пролетариат докажет, что он готов делать и делает все для борьбы до победы, для борьбы против старой неправомерности, против старого, буржуазного принижения женщины!

Пролетариат не может добиться полной свободы, не завоевывая полной свободы для женщин.

Н. Ленин

21-го февраля 1920 года.

«Правда» № 40, 22 февраля 1920 г.

*Печатается по тексту
газеты «Правда»*

ТЕЛЕГРАММА И. В. СТАЛИНУ

Харьков

Сталину

22/II

Необходимо немедленно завести переводчиков во всех штабах и военных учреждениях, обязав безусловно всех принимать заявления и бумаги на украинском языке. Это безусловно необходимо — насчет языка все уступки и максимум равноправия. Насчет жалованья для железнодорожников сейчас скажу. Я вас слышу хорошо, если говорите отдельно, а потому ответьте мне по телефону на обе мои телеграммы.

*Ленин**Впервые напечатана в 1942 г.**Печатается по машинописной
копии*

**РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ
ЗАВЕДУЮЩИХ ВНЕШКОЛЬНЫМИ ПОДОТДЕЛАМИ
ГУБЕРНСКИХ ОТДЕЛОВ НАРОДНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
25 ФЕВРАЛЯ 1920 г.**

Позвольте мне от имени Совнаркома приветствовать ваше совещание и высказать вам по этому поводу несколько мыслей.

Что касается нашего международного положения, я могу рассказать о радио, которое сегодня получено из Англии и которое лучше всего характеризует это международное положение. Радио сообщает, что вчера, 24-го числа, Верховный совет союзных держав пришел к выводу, что если пограничные с Россией государства спросят совета о политике, он скажет, что не может советовать им войны, которая, пожалуй, повредит их интересам, и что еще меньше может советовать им наступательную войну против России; но что если Российская Советская Республика нападет на их законные границы, Союзный совет окажет им поддержку. Затем господа союзники желают послать в Россию комиссию, принадлежащую к комиссии труда в Вашингтоне. Устроители конференции, социал-предатели с Альбером Тома условились о некоторых социальных реформах и желают эту публику, которая представляет часть Лиги наций, послать в Россию, чтобы исследовать, насколько условия России соответствуют обычным требованиям «цивилизованных» государств.

Это сообщение о вчерашнем решении союзников ясно показывает, как эти господа запутались и какую пользу мы можем извлечь из их путаницы. Они сотни миллионов выкинули на поддержку войны (со стороны английского государства) и заявили, что поддерживать войну дальше не могут. Этим наступательный пыл их окончен, хотя

подвоз военного снаряжения в Польшу продолжает идти: они продолжают подвозить оружие, у нас есть точные сведения, что Польша совершает перегруппировки войск, рассчитанные на наступление, так что положиться с уверенностью на их заявление мы не можем. Хотя теперь на девять десятых отпала угроза внешней опасности со стороны союзников, но во всяком случае известная угроза остается; после окончания войны против Деникина военную готовность придется сохранять. На полную демобилизацию рассчитывать мы не можем.

Итак, на девять десятых опасность нашествия международного капитализма на Россию исчезла; они провалились достойным образом настолько, что выносят который уже раз предложение о посылке комиссии в Россию. Если эта комиссия будет содержать господ вроде Альбера Тома, который посещал Россию во время войны, то ничего, кроме скандала для них и прекрасного повода для агитации для нас, не выйдет. Мы их встретим так, что они как можно скорее из России уберутся, и ничего, кроме агитации для рабочих других стран, у них не выйдет. Они желают попугать, а когда мы скажем, что мы дорогих гостей встретим, — они спрячут свою попытку. Это показывает, до какой степени они растерялись. Теперь мы имеем окошко в Европу благодаря миру с Эстонией и в состоянии получать оттуда основные продукты. Наше международное положение представляет действительно огромный прогресс и улучшение: на девять десятых всякая внешняя опасность для Советской республики устранена.

Чем больше она устраняется, тем больше мы можем заняться работой мирного строительства, и на вашу деятельность, на вас, занятых во внешкольной области, мы рассчитываем. Чтобы школьное образование поставить более солидно, для этого нужен целый ряд материальных изменений: постройка школ, подбор учителей, внутренние реформы по организации и подбору преподавательского персонала. Это все вещи, которые требуют длительной подготовки. По отношению к внешкольному образованию вы этой длительной подготовкой не очень стеснены. Потребность населения получить образование вне установленной школьной системы и нужда в работниках в этой области чрезвычайно сильно возрастают. Мы уверены, что с общей по-

мощью и общими усилиями будет сделано больше, чем до сих пор.

Я в заключение скажу о характере внешкольного образования, которое связано с пропагандой и агитацией. Одним из коренных недостатков постановки образования и просвещения в капиталистическом обществе было то, что оно было оторвано от основной задачи организации труда постольку, поскольку капиталисту нужно было натаскать и адресировать покорных и дрессированных рабочих. Связи между действительными задачами организации народного труда и между преподаванием в капиталистическом обществе не было. Получался мертвенный, схоластический, казенный, загаженный поповскими влияниями характер преподавания, который везде, в самых демократических республиках, делал то, что все свежее, здоровое должно было устраняться. Непосредственная живая работа была затруднена, потому что без аппарата государственной власти, без материальной и финансовой помощи широко поставить образование нельзя. Поскольку мы можем и должны готовиться к переходу всей нашей советской жизни с рельс военной подготовки и военного отпора на рельсы мирного строительства, — постольку нужно и необходимо вам, работникам внешкольного образования, эту перемену учесть и в своей пропагандистской деятельности, в ее задачах и программе сообразоваться с этой переменной.

Чтобы показать, как я понимаю задачи и весь характер образования, преподавания, воспитания и обучения в соответствии с изменившимися задачами Советской республики, напомню ту резолюцию об электрификации, которая принята последней сессией ВЦИК; вероятно, всем она знакома. На днях в печати появилось сообщение о том, что в двухмесячный срок (в официально напечатанном сообщении было сказано: в двухнедельный срок — это ошибка), — что в двухмесячный срок будет разработан план электрификации страны, рассчитанный на 2—3 года по программе-минимум и максимум — на 10 лет. Характер всей нашей пропаганды и чисто партийной, и школьного преподавания и образования, и характер внешкольного преподавания должен измениться не в том смысле, чтобы изменились самые основы и направление преподавания, а в том, чтобы приспособить характер деятельности к

переходу на мирное строительство с широким планом промышленного и экономического преобразования страны, потому что общая экономическая трудность и общая задача — это задача восстановления экономических сил страны таким образом, чтобы рядом с мелким крестьянским хозяйством пролетарская революция могла создать новые основы экономической жизни. До сих пор крестьянину приходилось давать хлеб в ссуду рабочему государству: цветные бумажки — деньги крестьянина удовлетворить за хлеб не могут. Крестьянин, не будучи удовлетворен ими, требует законного права: в обмен на даваемый им хлеб — продуктов промышленности, которых мы не можем дать, пока не восстановим хозяйства. Восстановить — это основная задача, но мы не можем восстановить на старом экономическом и техническом основании. Это невозможно и технически, и было бы дико; нужно найти новое основание. Таким новым основанием является план электрификации.

Мы выступаем перед крестьянством, перед массой наименее развитой, с указанием, как новый переход к более высокой ступени культуры и технического образования необходим для успеха всего советского строительства. Итак, необходимо восстановить хозяйство. Самый темный крестьянин понимает, что оно разорено войной, что без восстановления его он не может справиться с нищетой — получить необходимые продукты в обмен на хлеб. Именно к этой-то самой непосредственной, насущной нужде крестьянства должна примыкать и зацепляться вся работа пропаганды, образования, просвещения и внешкольного образования, чтобы она не была оторвана от самых насущных нужд повседневной жизни, а именно исходила бы из их развития и разумения для крестьянина, подчеркивая, что выход из положения только в восстановлении промышленности. Но восстановление промышленности не может быть на старой почве: ее нужно восстановить на почве современной техники. Это значит — электрификация промышленности и подъем культуры. Электрические станции требуют до 10 лет работы, но работы более культурной и сознательной.

Мы развернем широкий план работы, который должен быть связан в представлении широких масс крестьянства с ясной, практически поставленной целью. Этого нельзя

сделать в несколько месяцев. Дать программу-минимум можно не меньше чем на 3 года. Но, не задаваясь утопиями, можно сказать, что в течение 10 лет мы в состоянии покрыть всю Россию сетью электрических станций и перейти на такое состояние электрической промышленности, которое удовлетворяло бы современным требованиям техники и покончило бы со старым крестьянским земледелием. Оно требует более высокой культуры и образования.

Не скрывая от себя, что теперь непосредственная практическая задача есть восстановление транспорта и подвоз продовольствия, что при теперешнем состоянии производительности широкими задачами заниматься нельзя, вы в области пропаганды и просвещения эту задачу полной перестройки на почве, соответствующей культурно-техническим потребностям, должны все же иметь в виду и выполнить ее. Мы от старых методов пропаганды, которые грешили устарелостью, которые до сих пор подходили к крестьянину с общими фразами о классовой борьбе, на почве которых выдумывали всякие глупости о пролетарской культуре⁸⁴ и т. д., от этого хлама, который очень похож на детские болванки ребяческого возраста, мы с большой быстротой будем исцеляться. В пропаганде, агитации, деятельности образовательной и просветительной будем переходить к постановке вопроса более трезвой и деловитой, достойной людей Советской власти, которые за два года научились кое-чему и которые идут к мужику с практическим, деловым и ясным планом перестройки всей промышленности и изложением того, что теперь мужик и рабочий, при теперешнем состоянии образования, этой задачи не выполнит и из грязи, нищеты, сыпняка и болезней не вылезет. Эта практическая задача, ясно связанная с подъемом культуры и образования, должна послужить узлом, вокруг которого весь характер нашей партийной пропаганды и деятельности, нашего преподавания и обучения должен группироваться. Тогда он так глубоко зацепит за насущнейшие интересы крестьянской массы, так свяжет общий подъем культуры и знания с наболевшими экономическими нуждами, что мы еще во сто раз усилим потребность образования со стороны рабочих масс. Мы абсолютно уверены в том, что если мы в два года решили труднейшую

военную задачу, то мы решим в 5—10 лет задачу еще более трудную: культурно-образовательную и просветительную.

Вот то пожелание, с которым я хотел к вам обратиться.
(А п л о д и с м е н т ы.)

*Краткий отчет опубликован
в марта 1920 г. в газете «Вечерние
Известия Московского Совета
Рабочих и Красноармейских
Депутатов» № 481*

*Впервые полностью напечатано
в 1930 г.*

Печатается по стенограмме

ДОКЛАД НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ТРУДОВЫХ КАЗАКОВ 1 МАРТА 1920 г.

Товарищи! Позвольте мне прежде всего приветствовать съезд от имени Совета Народных Комиссаров. Я очень сожалею, что мне не пришлось присутствовать на вашем собрании в первый день открытия съезда и не удалось слышать доклада тов. Калининна. Но из того, что он мне рассказал, и заключаю, что очень многое, касающееся ближайших и непосредственных задач советского строительства и специально казаков, было освещено в его речи. Поэтому позвольте в моем докладе больше всего внимания посвятить международному положению Советской республики и тем задачам, которые в связи с этим международным положением становятся перед всей трудящейся массой, а в том числе и перед казачеством.

Международное положение Советской республики никогда не было таким благоприятным и победоносным, как теперь. Если вдуматься в условия того, как сложилось за два года неслыханных трудностей и невероятного количества жертв наше международное положение, если вдуматься в причины этого явления, то перед каждым рассуждающим человеком откроются основные силы и пружины и основное соотношение сил во всей начавшейся всемирной революции.

Когда мы, больше чем два года назад, еще в начале русской революции, говорили об этой надвигающейся международной всемирной революции, — это было предвидение и до известной степени предсказание, и громадное большинство не живущих в крупных городах, не прошедших партийной школы трудящихся масс к этим речам о международной надвигающейся революции относилось либо недоверчиво,

либо равнодушно и во всяком случае с недостаточным пониманием. Да и нельзя было и противоестественно было бы ждать, чтобы громадные массы трудящегося населения, особенно крестьянского, земледельческого, разбросанные на необъятно далеких расстояниях, могли бы заранее составить сколько-нибудь правильное представление о том, почему международная революция надвигается, и о том, что она действительно международная. То, что мы за эти два неслыханно тяжелых года пережили, тот опыт, который проделывается трудящимися массами далеких окраин, опыт этот заслуживает того, чтобы над ним подумать, а не только отмахнуться, сказав, что время было тяжелое, а теперь наступило более легкое. Нет, надо вдуматься, почему же вышло так, как вышло, и что это значит, и какие мы из этого должны извлечь уроки, и взгляды каких партий подтвердили то, что нам наша собственная и всемирная история показала за эти два года. Об этом вопросе мне, прежде всего, и хотелось бы поговорить.

С точки зрения международного положения этот вопрос особенно ясен, потому что, когда взять дело в громадном масштабе, ве с точки зрения одной партии или одной страны, а с точки зрения всех стран вместе, когда взять дело в громадном масштабе, то частности и мелочи отпадают, и основные движущие силы, которые определяют всемирную историю, становятся очевидными.

Когда мы начинали Октябрьскую революцию, свергая власть помещиков и капиталистов, объявляя призыв кончить войну, и с этим призывом обратились к нашим врагам, когда мы после этого подпали под иго германских империалистов, когда затем в октябре — ноябре 1918 года Германия была раздавлена, и Англия, Франция, Америка и другие страны Антанты стали господами над всей землей, — каково было наше положение? Громаднейшее большинство говорило так: разве не ясно теперь, что дело большевиков безнадежно? А многие прибавляли: мало того что безнадежно, но большевики оказались обманщиками, они обещали мир, а вместо этого, после немецкого ига, когда Германия была побеждена, они оказались врагами всей Антанты, т. е. Англии, Франции, Америки и Японии — могущественнейших государств всего мира, и Россия, разоренная, ослабленная, измученная после империа-

листической войны еще и гражданской войной, должна выдержать борьбу против самых передовых стран мира. Легко было поверить этому, и неудивительное дело, что на почве недоверия равнодушие и очень часто самая реальная враждебность против Советской власти распространялись все шире и шире. Это неудивительно. Удивительнее то, что мы из борьбы против Юденича, Колчака и Деникина, которых поддерживали все богатейшие державы мира всем, чем могли, такие державы, против которых ни одной военной силы, даже приблизительно равной им, на земле нет, — что мы из этой борьбы вышли победоносно. А что это так, это видят все люди, даже слепые, видят и те, которые хуже слепых, которые не хотят ни за что видеть, и все же они видят, что мы вышли победоносно из этой борьбы.

Как же произошло такое чудо? На этом вопросе я больше всего хотел пригласить вас сосредоточить свое внимание, потому что в этом вопросе вскрываются основные движущие силы всей международной революции с самой большой ясностью. Разбирая деловым образом этот вопрос, мы можем дать на него ответ, потому что перед нами уже пережитое: мы можем сказать о том, что было, задним числом.

Мы одержали победу потому, что мы были и могли быть едиными, потому, что мы могли присоединять союзников из лагеря наших врагов. А наши враги, бесконечно более могущественные, потерпели поражение потому, что между ними не было, не могло быть и не будет единства, и каждый месяц борьбы с нами для них означал распад внутри их лагеря.

Я перейду к факту, который эти положения доказывает.

Вы знаете, что после победы над Германией у Англии, Франции и Америки не было противников на земле. Они ограбили колонии Германии, не было ни одного куска земли, ни единого государства, где бы не господствовали военные силы Антанты. Казалось бы, при таком положении, когда они были врагами Советской России, они ясно понимали, что большевизм преследует цели международной революции. А мы никогда не скрывали, что наша революция только начало, что она приведет к победоносному концу только тогда, когда мы весь свет зажжем таким же огнем революции, и мы вполне ясно понимали, что капиталисты были бешеными врагами Советской власти. Надо

отметить, что они вышли из европейской борьбы с миллионной армией, с могущественным флотом, против которых мы не могли поставить и подобия флота и сколько-нибудь сильной армии. И достаточно было бы, чтобы несколько сот тысяч солдат из этой миллионной армии были употреблены на войну с нами так же, как они были употреблены на войну с Германией, чтобы Антанта задавила нас военным путем. В этом нет ни малейшего сомнения для тех, кто теоретически рассуждал об этом вопросе, и особенно для тех, кто проделывал эту войну, кто знает это из собственного опыта и наблюдения.

И Англия и Франция попробовали таким путем взять Россию. Они заключили договор с Японией, которая в империалистической войне почти не принимала участия и которая дала сотню тысяч солдат, чтобы задушить Советскую республику с Дальнего Востока, Англия высадила тогда солдат на Мурмане и в Архангельске, не говоря о движении на Кавказе, а Франция высадила своих солдат и матросов на юге. Это была первая историческая полоса той борьбы, которую мы выдержали.

Антанта тогда имела миллионную армию, имела солдат, которые были, конечно, не чета тем белогвардейским войскам, подбиравшимся в то время в России, которые не имели ни организаторов, ни вооружения. И она повела на нас этих солдат. Но вышло то, что предсказывали большевики. Они говорили, что дело идет не только о русской, но и о международной революции, что у нас есть союзники — рабочие любой цивилизованной страны. Эти предсказания в прямой форме не осуществились тогда, когда мы предложили мир всем странам⁸⁵. Наш призыв не был встречен всеобщим откликом. Но стачка в январе 1918 г. в Германии показала нам, что мы там имеем не только Либкнехта, который умел с высоты трибуны еще во время царизма называть правительство и буржуазию Германии разбойниками, но что мы имели за себя довольно значительные силы рабочих. Стачка эта кончилась кровопролитием и подавлением рабочих, а в странах Антанты рабочих буржуазия, конечно, обманывала; она про наше обращение или нагала или совсем его не опубликовала, и потому наше обращение в ноябре 1917 г. ко всем народам не получило прямого исполнения, и те, кто думал, что революция будет вызвана одним этим обращением, конечно, должны были

глубоко разочароваться. Но мы не рассчитывали на одно воззвание, мы рассчитывали на более глубокие движущие силы, мы говорили, что революция в разных странах пойдет иным путем, и, конечно, дело не в том только, чтобы сдвинуть ставленника Распутина или оголтелого помещика, во что дело идет о борьбе с более развитой, просвещенной буржуазией.

И вот, когда Англия высадила войска на севере, Франция на юге, то тут наступила решительная проба и окончательная развязка. Тут выяснялся вопрос, кто был прав? Правы ли большевики, которые говорили, что, чтобы выйти из этой борьбы, надо рассчитывать на рабочих, или правы меньшевики, когда они говорили, что попытка сделать революцию в одной стране будет безумием и авантюрой, потому что ее раздавят другие страны. Эти речи вы слышали не только от партийных людей, но и от всех, только что начинающих рассуждать о политике. И вот наступила решительная проба. Мы долгое время не знали, каков будет результат. Долгое время мы этого результата учесть не могли, но теперь, задним числом, мы этот результат знаем; уже и в английских газетах, несмотря на бешеную ложь, которая сыпалась на большевиков во всех буржуазных газетах, уже и там стали появляться письма английских солдат из-под Архангельска, в которых говорится, что они встречали на русской земле листки на английском языке, в которых объяснялось, что их обманули, что их ведут воевать против рабочих и крестьян, которые основали свое государство. Эти солдаты писали, что они воевать не согласны. Мы знаем относительно Франции, что там было восстание матросов, за которое теперь еще десятки, сотни, а может быть, и тысячи французов сидят на каторге. Эти матросы заявили, что они не пойдут против Советской республики. Теперь мы видим, почему в настоящее время ни войска Франции, ни войска Англии не идут на нас, почему английские солдаты уведены из-под Архангельска, и английское правительство не смеет вести их на нашу почву.

Один из наших политических писателей, т. Радек, писал, что русская почва окажется такой почвой, на которой каждый солдат другой страны, вступивши на нее, воевать не сможет. Это казалось слишком громким обещанием, это казалось посулом. Но оказалось, что так и вышло. Почва,

где совершилась советская революция, оказалась очень опасной для всех стран. Оказалось, что правы были русские большевики, которые успели во время паризма создать единение среди рабочих, а рабочие успели создать маленькие ячейки, которые всех верящих им людей, и французских рабочих, и английских солдат, встречали агитацией на их родном языке. Правда, у нас были только ничтожные листки, в то время, как в печати английской и французской агитацию вели тысячи газет, и каждая фраза опубликовывалась в десятках тысяч столбцов, у нас выпускалось всего 2—3 листка формата четвертушки в месяц, в лучшем случае приходилось по одному листку на десять тысяч французских солдат⁸⁸. Я не уверен, что и столько попадало. Почему же все-таки и французские и английские солдаты доверяли этим листкам? Потому, что мы говорили правду и потому, что, когда они приходили в Россию, то видели, что они обмануты. Им говорили, что они должны защищать свое отечество, а когда они приходили в Россию, то оказывалось, что они должны защищать власть помещиков и капиталистов, должны душить революцию. Если в течение двух лет мы успели завоевать этих людей, то это потому, что, несмотря на то, что они уже забыли, как они казнили своих королей, — с тех пор, как они вступили на русскую почву, русская революция и победы русских рабочих и крестьян напомнили солдатам Франции и Англии об их революциях, и благодаря событиям в России в них всплыли воспоминания о том, что было когда-то и у них.

Здесь и подтвердилось, что большевики были правы, что наши надежды оказались более солидными, чем надежды капиталистов, несмотря на то, что у нас не было ни средств, ни оружия, а у Антанты были и оружие, и непобедимая армия. Вот эти непобедимые армии мы отвоевали себе. Мы добились того, что ни английских, ни французских солдат к нам повести не смеют, потому что по опыту знают, что подобная попытка оборачивается против них. Вот это — одно из тех чудес, которые совершились в Советской России.

Теперь, после четырех лет войны, когда 10 млн. человек убито и 20 млн. искалечено, теперь, когда империалисты спрашивают себя: из-за чего была война? — подобные вопросы приводят к очень интересным разоблачениям.

Недавно во Франции были опубликованы переговоры, которые велись в 1916 году. Еще в 1916 году австрийский монарх вачал с Фравцией переговоры о мире, и Франция это скрыла. Альбер Тома, который называл себя социалистом и сидел в то время в министерстве, приезжал в то время в Россию для того, чтобы обещать Николаю II Константинополь, Дарданеллы и Галицию. Вот теперь все эти разоблачения выплыли на свет божий. Они напечатаны во французской газете. И сейчас французские рабочие спрашивают Альбера Тома: «Ты говорил, что ты пошел в министерство, чтобы защищать французское отечество и интересы французских рабочих, а в 1916 году, когда австрийский монарх предлагал мир, ты, Альбер Тома, скрыл это, и из-за этого погибли миллионы людей для того, чтобы французские капиталисты нажились». Эти разоблачения еще не кончились. Мы их начали тем, что напечатали тайные договоры, и весь мир увидел, из-за чего погибли миллионы жизней, миллионы жертв. Из-за того, чтобы Николай II получил Дарданеллы и Галицию. Это знали все империалисты. Знали также меньшевики и эсеры, а если не знали, то они были круглыми идиотами, если до тех пор не изучили настолько политики и дипломатии, что не знали того, что теперь напечатано во французских газетах. Эти разоблачения идут теперь глубже, и им не будет конца. Благодаря этому рабочие и крестьяне каждой страны все больше и больше чувствуют правду и уже разбираются, из-за чего была империалистическая война. И потому все больше и больше начинают нам верить, что мы говорили правду, а что империалисты, ведя их на защиту отечества, говорили им ложь.

Вот почему свершилось наше чудо, что мы, бессильные и слабые в военном отношении, отвоевали солдат Англии и Франции. Теперь это уже не предвидение, а факт. Правда, эту победу мы заслужили неслыханными тяготами, мы привнесли невероятные жертвы. Последние два года мы испытываем неслыханные мучения голода. Эти мучения обрушились на нас, особенно, когда хлебные восток и юг были отрезаны от нас. И тем не менее мы одержали победу, которая является завоеванием не только нашей страны, но всех стран, всего человечества. Такого положения в истории еще никогда не было, чтобы военные могущественнейшие государства не смогли идти против бессильной

в военном отношении Советской республики. Почему же это чудо свершилось? Потому, что мы, большевики, ведя русский народ на революцию, прекрасно знали, что эта революция будет мучительной, знали, что мы понесем миллионы жертв, но мы знали, что трудящиеся массы всех стран будут за нас и что наша правда, разоблачив всю ложь, будет все больше и больше побеждать.

После того, как державы провалились с походом против России, они испробовали другое оружие: там буржуазия имеет сотни лет опыта и она смогла переменить собственное ненадежное оружие. Прежде давили, душили Россию ее солдаты. Теперь она пробует душить Россию при помощи окраинных государств.

Царизм, помещики, капиталисты душили целый ряд окраинных народов — Латвию, Финляндию и т. д. Они вызвали здесь ненависть вековым угнетением. Слово «великоросс» стало самым ненавистным словом для всех этих народов, залитых кровью. И вот, провалившись на борьбе против большевиков собственными солдатами, Антанта ставит ставку на маленькие государства: попробуем ими задушить Советскую Россию!

Черчилль, который ведет такую же политику, как Николай Романов, хочет воевать и воюет, не обращая никакого внимания на парламент. Он хвастал, что поведет на Россию 14 государств — это было в 1919 г. — и что в сентябре будет взят Петроград, а в декабре — Москва. Немножко чересчур расхвастался. Он ставил ставку на то, что в этих маленьких государствах везде — ненависть к России, но забыл, что в этих маленьких государствах ясно представляют себе, что такое Юденич, Колчак, Деникин. Было время, когда они стояли в нескольких неделях от полной победы. Во время похода Юденича, когда он был недалеко от Петрограда, в газете «Таймс»*, самой богатой английской газете, была помещена статья, — я сам читал эту передовицу, — которая умоляла, приказывала Финляндии, требовала: помогите Юденичу, на вас смотрит весь мир, вы спасете свободу, цивилизацию, культуру во всем мире — идите против большевиков. Это говорила Англия Финляндии, Англия, у которой вся Финляндия в кармане, которая в долгу, как в шелку, которая

* — «Времена». Ред.

не смеет пикнуть, потому что она не имеет без Авглии на неделю хлеба.

Вот какие настояния были, чтобы все эти маленькие государства боролись против большевиков. И это провалилось два раза, провалилось потому, что мирная политика большевиков оказалась серьезной, оказалась одевиваемой ее врагами, как более добросовестная, чем мирвая политика всех остальных стран, потому, что целый ряд стран говорили себе: как мы пи неавидим Великобританию, которая нас душила, но мы знаем, что душили нас Юденич, Колчак, Деникин, а не большевики. Бывший глава белогвардейского финского правительства не забыл, как в ноябре 1917 г. он лично у меня из рук брал документ, в котором мы, ничуть не колеблясь, писали, что безусловно признаем независимость Финляндии⁸⁷.

Тогда это казалось простым жестом. Думали, что восстание рабочих Финляндии заставит забыть это. Нет, такие вещи не забываются, когда их подтверждает вся политика определенной партии. И финляндское буржуазное правительство, и оно даже говорило: «Давайте рассуждать: мы кой-чему научились все-таки за 150 лет гнета русских царей. Если мы выступим против большевиков, значит, мы поможем посадить Юевича, Колчака и Деникина. А что они такое? Разве мы ве знаем? Разве это не те же царские гевралы, которые задушили Финляндию, Латвию, Польшу и целый ряд других народностей? И мы этим нашим врагам будем помогать против большевиков? Нет, мы подождем».

Они не смели прямо отказать: они — в зависимости от Антанты. Они не пошли на прямую помощь нам, они выжидали, оттягивали, писали ноты, посылали делегации, устраивали комиссии, сидели на конференциях и просидели до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин оказались раздавленными, и Антанта оказалась бита и во второй кампании. Мы оказались победителями.

Если бы все эти маленькие государства пошли против нас, — а им были даны сотни миллионов долларов, были даны лучшие пушки, вооружение, у них были английские инструктора, проделавшие опыт войны, — если бы они пошли против нас, нет ни малейшего сомнения, что мы потерпели бы поражение. Это прекрасно каждый понимает. Но они не пошли, потому что признали, что большевики

более добросовестны. Когда большевики говорят, что признают независимость любого народа, что царская Россия была построена на угнетении других народов, и что большевики за эту политику никогда не стояли, не стоят и не будут стоять, что войну из-за того, чтобы угнетать, большевики никогда не предпримут, — когда они говорят это, им верят. Об этом мы знаем не от большевиков латышских или польских, а от буржуазии польской, латышской, украинской и т. д.

В этом сказалось международное значение большевистской политики. Это была проверка не на русской почве, а на международной. Это была проверка огнем и мечом, а не словами. Это была проверка в последней решительной борьбе. Импералисты понимали, что у них солдат своих нет, что задушить большевизм можно, только собрав международные силы, и вот все международные силы были побиты.

Что такое империализм? Это — когда кучка богатейших держав душит весь мир, когда они знают, что у них есть полторы тысячи миллионов человек всего мира, и душат их, и эти полторы тысячи миллионов чувствуют, что такое английская культура, французская культура и американская цивилизация. Это значит: грабить, кто во что горазд. Ныне три четверти Финляндии уже закуплены американскими миллиардерами. Офицеры, которые приезжали из Англии и Франции в наши окраинные государства инструктировать их войска, вели себя, как русские дворянчики-наглецы в побежденной стране. Они все направо и налево спекулировали. И чем больше голодают финляндские, польские и латышские рабочие, тем больше нажимает на них кучка английских, американских и французских миллиардеров и их приказчиков. И это происходит во всем свете.

Только Российская Социалистическая Республика подняла знамя войны за действительное освобождение, и во всем свете сочувствие поворачивается в ее пользу. Мы завоевали себе через маленькие страны сочувствие всех народов земли, а это сотни и сотни миллионов. Они сейчас угнетены и забиты, это самая неразвитая часть населения, но их просветила война. В империалистическую войну втягивались колоссальные массы народов. Англия тащила полки из Индии, чтобы сражаться против немцев.

Франция призвала под ружье миллионы негров, чтобы сражаться против немцев. Из них составлялись ударные группы, их бросали в самые опасные места, где пулеметы косили их, как траву. И они кое-чему научились. Как при царе русские солдаты сказали: если уж погибать, так пойдем против помещиков, — так сказали и они: если погибать, так не для того, чтобы помогать французским разбойникам грабить немецкого разбойника-капиталиста, а для того, чтобы освободиться от капиталистов немецких и французских. Во всех странах мира, в той же самой Индии, где задавлено триста миллионов человек английских батраков, пробуждается сознание и с каждым днем растет революционное движение. Все они смотрят на одну звезду, на звезду Советской республики, потому что знают, что она пошла на величайшие жертвы ради борьбы с империалистами и устояла против отчаянных испытаний.

Вот что значит вторая побитая карта Антанты. Это значит — победа в международном масштабе. Это значит, что нашу мирную политику одобряет громаднейшее большинство населения земли. Это значит, что число наших союзников во всех странах растет, правда, гораздо медленнее, чем мы хотели бы, но все же растет.

Та победа, которую мы одержали против наступления, подготовленного Черчиллем против нас, показывает, что наша политика верна. И после этого мы одержали третью победу — победу над буржуазной интеллигенцией, над эсерами и меньшевиками, которые во всех странах были бешено настроены против нас. Но и они все повернули против войны с Советской Россией. Во всех странах буржуазная интеллигенция, эсеры и меньшевики — эта порода, к несчастью, имеется во всех странах (а плоды — с менты) — осудили вмешательство в дела России. Они во всех странах заявили, что это позор.

Когда Англия предложила немцам блокировать Советскую Россию, а Германия ответила отказом, это взорвало терпение английских и других эсеров и меньшевиков. Они сказали: «Мы — противники большевиков и считаем их насильниками и грабителями, но поддерживать предложение немцам, чтобы они вместе с нами душили голодной блокадой Россию, мы не можем». Таким образом, внутри неприятельского лагеря, в собственных их странах, в Париже, Лондоне и т. д., где травят большевиков

и обращаются с ними так же, как при царе обращались с революционерами, — во всех городах буржуазная интеллигенция выступила с воззванием: «Руки прочь от Советской России». В Англии это — лозунг, под которым буржуазная интеллигенция собирает митинги и пишет воззвания.

Вот почему пришлось снять блокаду. Они не могли удержать Эстонию, и мы с нею подписали мир и можем открыть торговые сношения. Мы пробили окно в цивилизованный мир. На нашей стороне сочувствие большинства трудящихся, а буржуазия озабочена, как бы скорее начать торговлю с Россией.

Теперь империалисты нас боятся, и им есть чего бояться, потому что Советская Россия вышла из этой войны крепче, чем когда-нибудь. Английские писатели писали, что армия во всем мире разлагается, что если есть во всем мире страна, где армия крепнет, то это Советская Россия. Они пытались оклеветать т. Троцкого и говорили, что это потому, что русскую армию держат в железной дисциплине, которая проводится беспощадными мерами, а также искусовой широкой агитацией.

Мы никогда от этого не отрекались. Война есть война, она требует железной дисциплины. Разве вы, господа капиталисты, не применяли таких средств? А разве вы, господа капиталисты, не развили агитации? Разве у вас не во сто раз больше бумаги и типографий? Если сравнить наше количество литературы с вашим, разве не получится горюшка на нашей и горы на вашей стороне? Однако ваша агитация провалилась, а наша одержала победу.

Эсеры и меньшевики проделали опыт, нельзя ли обойтись с капиталистами по-мирному и перейти от них к социальной реформе. Они по-добру хотели перейти в России к социальной реформе, только чтобы не обижать капиталистов. Они забыли, что господа капиталисты есть капиталисты и что их можно только победить. Они говорят, что большевики залили страну кровью в гражданской войне. Но разве вы, господа эсеры и меньшевики, не имели 8 месяцев для вашего опыта? Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете

хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали? Потому что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием. Потому, что нельзя сговориться с капиталистами и мирно их себе подчинить, особенно после четырехлетней империалистической войны. Что же вы думаете, — в Англии, Франции, Германии нет умных людей, которые понимают, что они шли на эту войну из-за дележа колоний? Что убито 10 миллионов и искалечено 20 млн. из-за дележа добычи? Вот что представляет из себя этот капитализм. Как же его можно уговорить, как можно согласиться с этим капитализмом, который 20 миллионов людей перекалечил и 10 миллионов убил? И мы меньшевикам и эсерам говорим: «Вы имели возможность сделать опыт, почему же у вас не вышло? Потому, что ваша программа была простой утопией, утопией не только в России, но даже и в Германии, в той Германии, где сейчас у власти стоят немецкие меньшевики и эсеры, которых никто не слушается, в той Германии, в которой немецкий Корнилов, вооруженный с ног до головы, готовит реакцию⁸⁸, в той германской республике, где на улицах городов перебито 15 000 рабочих. И это называется демократической республикой!». И немецкие меньшевики и эсеры могут еще говорить, что большевики худые, что они привели страну к гражданской войне, а что у них-де социальный мир, что у них только 15 000 рабочих убито на улицах!

Они говорят, что у нас гражданская война и кровопролитие происходит потому, что мы отсталая страна. Но скажите, почему то же самое происходит и в таких неотсталых странах, как Финляндия? Почему в Венгрии происходит такой белый террор, которым возмущается весь мир? Почему в германской республике, в которой после свержения кайзера у власти стоят меньшевики и эсеры, почему там убиты Люксембург и Либкнехт? И почему там силен не меньшевик, а Корнилов, а еще сильны там большевики, которые хотя и забиты, но сильны своими убеждениями в правоте своего дела и своим влиянием на массы? -

Вот та международная революция, о которой говорили, что ею большевики обманывают народ, а на самом деле вышло, что все надежды на соглашение оказались пустым вздором.

Между самими буржуазными странами разгорается большая грызня. Америка и Япония накануне того, чтобы броситься друг на друга, потому что Япония отсиделась во время империалистической войны и забрала себе почти весь Китай, а там 400 миллионов человек. Господа империалисты говорят: «Мы за республику, мы за демократизм, но почему же японцы воровали из-под нашего носа больше, чем следует?». Япония и Америка накануне войны, и удержать эту войну, в которой еще будет убито 10 миллионов и 20 искалечено, нет никакой возможности. Франция тоже говорит: «Кому достались колонии? — Англии». Франция победила, но она в долгу, как в шелку, у нее безвыходное положение, между тем как Англия обогатилась. Там снова уже начинаются новые комбинации и союзы, там снова хотят броситься друг на друга из-за дележки колоний, и империалистическая война снова нарастает и удержать ее нельзя — нельзя не потому, что капиталист в отдельности злой человек, — каждый из них в отдельности человек, как человек, — но потому что они не в состоянии иначе вырваться из финансовых пут, потому что весь мир в долгу, в кабале, потому что частная собственность привела и будет приводить всегда к войне.

Все это порождает глубже и глубже международную революцию. Благодаря этому мы отвоевали на свою сторону французских и английских солдат, благодаря этому мы завоевали доверие маленьких государств, и наше международное положение теперь так хорошо, как никогда. На основании простого расчета мы говорим, что пред нами много еще тяжелого впереди, но самые большие трудности мы уже одолели. Всемирно-могущественная Антанта нам уже не страшна: в решающих сражениях мы ее победили. (Аплодисменты.)

Правда, они могут натравить на нас еще Польшу. Польские помещики и капиталисты бурлят, бросают угрозы, что они хотят себе территории 1772 г., что они желают себе подчинить Украину. Мы знаем, что Франция поджигает Польшу, бросая туда миллионы, потому что она все равно обанкротилась и ставит теперь последнюю ставку на Польшу. И мы говорим товарищам в Польше, что мы ее свободу бережем, как свободу всякого другого народа, что русский рабочий и крестьянин, испытавший гнет царизма, хорошо знает, чем был этот гнет. Мы знаем, что величай-

шим преступлением было то, что Польша была разделена между немецким, австрийским и русским капиталом, что этот раздел осудил польский народ на долгие годы угнетения, когда пользование родным языком считалось преступлением, когда весь польский народ воспитывался на одной мысли — освободиться от этого тройного гнета. И поэтому мы понимаем ту ненависть, которой проникнута душа поляка, и мы им говорим, что никогда ту границу, на которой стоят теперь наши войска, — а они стоят гораздо дальше, чем живет польское население, — мы не перейдем. И мы предлагаем на этой основе мир, потому что мы знаем, что это будет громадное приобретение для Польши. Мы не хотим войны из-за территориальной границы, потому что мы хотим вытравить то проклятое прошлое, когда всякий великоросс считался угнетателем.

Но если Польша отвечает на наше мирное предложение молчанием, если она продолжает давать свободу французскому империализму, который натравливает ее на войну против России, если в Польшу каждый день прибывают новые поезда с военным снаряжением, если польские империалисты нам грозят, что пойдут войной на Россию, то мы говорим: «Попробуйте! Вы получите такой урок, что не забудете его никогда». (Аплодисменты.)

Когда во время империалистической войны солдаты умирали из-за обогащения царя и помещиков, то мы прямо и открыто говорили, что защита отечества в империалистическую войну есть предательство, есть защита русского царя, который должен получить Дарданеллы, Константинополь и т. д. Но когда мы тайные договоры опубликовали, когда мы пошли на революцию против империалистической войны, когда ради этой революции мы выдержали неслыханные мучения, когда мы доказали, что капиталисты в России подавлены, что они даже не смеют думать о том, чтобы вернуться к старому строю, тогда мы говорим, что мы защищаем не право грабить чужие народы, а мы защищаем свою пролетарскую революцию и будем ее защищать до конца. Ту Россию, которая освободилась, которая за два года выстрадала свою советскую революцию, эту Россию мы будем защищать до последней капли крови! (Аплодисменты.)

Мы знаем, что мы вышли из того времени, когда нас стеснили со всех сторон армии империалистов и когда

грудящиеся в России еще несознательно относились к нашим задачам. Царила партизанщина, когда всякий старался захватить оружие себе, не считаясь с целым, когда на местах царил бесчинства и грабежи. За эти два года мы создали единую дисциплинированную армию. Эта задача была очень трудной. Вы знаете, что научиться военному делу сразу нельзя. Вы также знаете, что военные науки знает только офицерство — полковники и генералы, которые остались от царской армии. Вы слышали, конечно, что благодаря этим старым полковникам и генералам было много измен, которые стоили десятков тысяч жизней. Всех таких изменников надо было удалять, и в то же время нужно было набирать командный состав из бывших офицеров, чтобы рабочие и крестьяне могли у них учиться, ибо без науки современную армию построить нельзя, и приходится отдавать ее в руки военспецов. Это задача трудная, но мы и ее одолели.

Мы создали единую армию, которой теперь руководит передовая часть опытных коммунистов, которые везде сумели поставить агитацию и пропаганду. Правда, и империалисты ведут свою агитацию, но сейчас уже крестьяне начинают понимать, что агитация агитации рознь. Они своим инстинктом начинают чувствовать, где правда и где ложь. Во всяком случае та агитация, которую предпринимают меньшевики, которая была со стороны Колчака и Деникина, сейчас уже не имеет того успеха. Возьмите их плакаты и брошюры. Там говорится об Учредительном собрании, там говорится о свободе и республике, но рабочие и крестьяне, добывшие свободу ценою крови, уже понимают, что под словом «учредилровка» прячется капиталист. И если что решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу, несмотря на то что Колчака и Деникина поддерживали великие державы, так это то, что в конце концов и крестьяне и трудовое казачество, которые долгое время оставались потусторонниками, теперь перешли на сторону рабочих и крестьян, и только это в последнем счете решило войну и дало нам победу.

Опираясь на эту победу, мы всеми силами должны ее закрепить теперь уже на другом фронте, на фронте бескровном, на фронте войны против разрухи, к которой нас привела война с помещиками, капиталистами, Колчаком и Деникиным. Вы знаете, что стояла нам эта победа, вы

знаете, какую ужасную борьбу нам пришлось выдержать, когда мы были отрезаны от хлебных районов, от Урала и Сибири. В это время московские и петроградские рабочие должны были переносить невыносимые муки голода. Вас пугали словом «диктатура пролетариата». Этим пугали крестьян и трудовое казачество, стараясь им втолковать, что диктатура это значит нахальничество рабочего. На самом же деле в то время, когда Англия и Америка старались поддерживать Колчака и Деникина, рабочие центральных городов, осуществляя свою диктатуру, старались всем показать своим примером, как нужно оторваться от помещиков и капиталистов и идти вместе с трудящимися, так как труд соединяет, а собственность разъединяет. Вот этот урок, который мы выдержали в течение двух лет, и привел нас к победе. Нас соединил именно труд, тогда как Антанта все время разлагается, потому что собственность сделала из империалистов диких зверей, которые в первую и в последнюю очередь грызутся из-за добычи. Труд же сделал из нас ту силу, которая объединяет всех трудящихся. И теперь уже слово «диктатура» может испугать людей только совсем темных, если такие еще остались в России.

Не знаю, остался ли хоть один человек, которого не научили Колчак и Деникин и который не понимал бы, что диктатура пролетариата — это значит, что пролетариат столичных городов и промышленных центров никогда еще не был в таком тяжелом положении, как эти два года. Сейчас крестьяне в производящих губерниях находятся в таком положении, что они, владея землей, берут весь продукт для себя. В первый раз за тысячи лет, после революции большевиков, русские крестьяне работают на себя и могут улучшить свое питание. И в то же время в эти два года борьбы рабочий пролетариат, осуществляя свою диктатуру, претерпевает неслыханные муки голода. Теперь вам понятно, что диктатура — это значит руководство, это значит объединение распыленных, разбросанных трудящихся масс, сплоченное единое целое против капиталистов, чтобы победить капиталистов, чтобы больше не повторялась кровавая бойня, которая уже принесла 10 миллионов убитых и 20 миллионов калек. Чтобы победить такую силу, которая опирается на могущественные армии, на современную культуру, для этого нужна сплоченность всех трудящихся, нужна единая железная воля. И эту единую

железную волю могут дать только трудящиеся массы, только рабочий пролетариат, только те сознательные рабочие, которые десятками лет воспитывались в борьбе путем стачек, демонстраций, которые сумели свергнуть царизм, те рабочие, которые за два года неслыханной гражданской войны вынесли все на своих плечах, сражались в первых рядах, создавши единую Красную Армию, в которую вошли десятки тысяч лучших рабочих, крестьян и курсантов, которые гибли в первую очередь, которые в Москве, Петрограде и Иваново-Вознесенске, Твери, Ярославле, во всех промышленных центрах переживали неслыханные муки голода. И вот эти муки сплотили рабочих и заставили крестьян и трудовое казачество производящих губерний поверить в правду большевиков, потому что они этим дали им возможность продержаться в борьбе с белогвардейцами.

Вот почему рабочий класс имеет право сказать, что этими двухлетними жертвами и войной он доказал всем трудовым крестьянам, всякому трудовому казаку, что нам нужно объединиться, необходимо сплотиться. Нам нужно бороться против тех, кто спекулирует на голоде, потому что выгодно продавать хлеб по тысяче рублей за пуд, а не по твердой цене. На этом можно нажиться, но это ведет назад, к старым временам, и мы опять попадем в проклятую яму, когда господствовал царизм и когда капиталисты ради своей прибыли бросали человечество на империалистскую бойню. Это поведет назад, это недопустимо. И трудящиеся крестьянам, и казакам после борьбы против Колчака и Деникина стала ясна та правда, что необходимо сплочение, и они становятся вместе с рабочими, и в рабочем классе видят своих руководителей. Трудящиеся крестьяне в рабочей власти не видели никакой обиды и не могут видеть; обиду видели только помещики, капиталисты, кулаки, а это худшие враги трудящихся, это союзники тех империалистов, которые вызвали все бедствия населения и кровавую войну. Необходимо, чтобы все рабочие, все трудящиеся массы сплотились, и только тогда мы одержим победу.

Война кровавая закончена, теперь мы ведем войну бескровную против разрухи, против разорения, нищеты и болезней, в которые нас повергла четырехлетняя империалистская война и двухлетняя гражданская. Вы знаете,

что это разорение ужасно. Сейчас на окраинах России, в Сибири, на юге имеются десятки миллионов пудов хлеба, уже собраны и подвезены миллионы пудов, а в Москве мучительный голод. Люди умирают от голода потому, что не могут хлеба подвезти, а не могут подвезти потому, что гражданская война разорила страну до конца, разрушила транспорт, разрушила десятки мостов. Испорчены паровозы, и мы не имеем возможности быстро починить их. Мы с трудом добиваемся теперь помощи от заграницы. Но мы знаем, что теперь есть возможность перейти к полному восстановлению промышленности.

Как нам быть, чтобы восстановить промышленность, когда мы не можем дать за хлеб товары, потому что их нет?

Мы знаем, что когда Советская власть берет хлеб у крестьян по твердой цене, то она вознаграждает их лишь бумажкам. Какая цена этим бумажкам? Это не есть цена за хлеб, а мы можем давать только бумажные деньги. Но мы говорим, что это необходимо, что крестьяне должны давать хлеб в ссуду. И разве хотя бы один сытый крестьянин откажет дать хлеб голодному рабочему, если знает, что этот рабочий, когда подкормится, вернет ему продукты? Ни один честный, сознательный крестьянин не откажется дать хлеб в ссуду. Крестьяне, имеющие излишек хлеба, должны дать хлеб государству за бумажные деньги — это и значит ссуда. Этого не понимает, не сознает только сторонник капитализма и эксплуатации, тот, кто хочет, чтобы сытый нажился еще больше на счет голодного. Для рабочей власти это недопустимо, и в борьбе против этого мы не остановимся ни перед какими жертвами. (Аплодисменты.)

На восстановление промышленности мы теперь направили все силы и идем неуклонно в этой новой войне, в которой мы одержим такую же победу, какие одерживали до сих пор. Мы поручили комиссии ученых и техников разработать план электрификации России. Этот план через два месяца будет готов и даст полную возможность ясно представить себе, как в течение нескольких лет вся Россия будет покрыта сетью электрических проводов и будет восстановлена не по-старому, а по-новому, как она достигнет той культуры, которую наши пленные видели в Германии.

Так мы должны восстановить нашу промышленность, так мы вернем сторицей ту ссуду хлебом, которую берем у крестьян. Мы знаем, что это дело нельзя сделать в год или в два; минимальная программа электрификации рассчитана не меньше, чем на три года, а полная победа этой культурной промышленности потребует не менее десяти лет. Но если мы сумели продержаться два года в такой кровавой войне, мы сумеем через все трудности продержаться и десять и больше лет. Мы завоевали себе тот опыт руководства трудящимися массами через рабочих, который проведет нас через все трудности на этом бескровном фронте борьбы против разрухи и приведет к большим победам, чем наши победы на войне против международного империализма. (Аплодисменты.)

*«Правда» № № 47, 48 и 49;
2, 3 и 4 марта 1920 г.*

*Печатается по тексту газеты
«Правда», сверяемому с текстом
брошюры: В. И. Ленин. «Речь
на первом Всероссийском съезде
трудящихся казаков», Москва, 1920*

РЕЧЬ НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОТНИКОВ МЕДИКО-САНИТАРНОГО ТРУДА 1 МАРТА 1920 г.

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

(Встреченный долго не смолкаемыми аплодисментами и пением «Интернационала» товарищ Ленин произносит краткую приветственную речь.) Товарищи, позвольте мне приветствовать ваш съезд от имени Совета Народных Комиссаров. Здесь не приходится много говорить о задачах съезда и понесенных вами трудах. Быть может, после военного фронта, никакая другая работа не давала столько жертв, как ваша. Последствия четырехлетней империалистической войны привели к тому, что человечество имеет несколько миллионов калек и ряд эпидемий.

На нашу долю выпала огромная, тяжелая, ответственная задача. Борьба на военном фронте доказала, что попытки империалистов ни к чему не привели. Самые большие трудности военного дела остались позади, но сейчас нужно осуществить задачу мирного строительства. Тот опыт, который мы приобрели на кровавом фронте, мы перенесем и на бескровный фронт, где мы встретим гораздо больше сочувствия.

Мы сумели привлечь на службу тысячи специалистов, громадное число офицеров, генералов, которые наравне с рабочими коммунистами стоят на ответственных постах. Всю решительность, весь опыт гражданской войны мы должны обратить на борьбу с эпидемиями.

Когда-то представители медицинской профессии были также пропитаны недоверием к рабочему классу, когда-то и они мечтали о возврате буржуазного строя. Теперь и они убедились, что только вместе с пролетариатом можно

привести Россию к культурному расцвету. Сотрудничество представителей науки и рабочих, — только такое сотрудничество будет в состоянии уничтожить весь гнет нищеты, болезней, грязи. И это будет сделано.

Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила.

*Краткий отчет опубликован
6 марта 1920 г. в газете
«Известия ВЦИК» № 51*

*Печатается по тексту брошюры:
«Второй Всероссийский съезд
работников лечебно-санитарного
дела съюза «Всемирный труд».
Протоколы и резолюции».
Москва, 1920*

ПИСЬМО К ОРГАНИЗАЦИЯМ РКП О ПОДГОТОВКЕ К ПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ

Уважаемые товарищи!

Партийный съезд назначен на 27 марта. Порядок дня съезда опубликован⁸⁹, и несомненно работа подготовки к съезду начата уже всеми организациями партии. ЦК партии считает своим долгом высказать ряд соображений в связи с этой работой.

Наша партия, доказавшая упорной борьбой в течение 15 лет (1903—1917) свою связь с рабочим классом России, свою способность бороться с буржуазными влияниями внутри него и руководить революционной борьбой пролетариата при самых разнообразных и самых трудных условиях, естественно, должна была взять на себя и непосредственное осуществление задач диктатуры пролетариата со времени Октябрьской революции. Съезд нашей партии имеет поэтому в высшей степени важное значение не только во всем рабочем движении, но и во всем строительстве Советской власти, во всем руководстве российским — а до известной степени и международным коммунистическим движением.

Это значение нашего партийного съезда еще более возрастает в связи с особенностями данного момента, когда Советской власти приходится осуществлять труднейший переход от поглощавших ее всецело военных задач к задачам мирного хозяйственного строительства.

Наша партия сильно возросла в числе своих членов благодаря главным образом громадному притоку рабочих и крестьян в течение партийных недель, которые были организованы в самый трудный период нашей революции, когда Юденич и Деникин стояли всего ближе к Петрограду и

Москве. Рабочие и крестьяне, пришедшие к партии в такой тяжелый момент, составляют лучшие и надежнейшие кадры руководителей революционного пролетариата и неэксплуататорской части крестьянства. Перед нами задача — наиболее быстро, успешно, деловито помочь довоспитанию этих молодых членов партии, помочь выработке из них кадров строителей коммунизма, наиболее сознательных, способных выполнять наиболее ответственные должности, а вместе с тем теснейше связанных с массами, т. е. с большинством рабочих и неэксплуатирующих чужого труда крестьян.

Центральным пунктом порядка дня на предстоящем съезде является, сообразно особенностям переживаемого исторического момента, вопрос о хозяйственном строительстве и в частности о мерах, приемах, способах, результатах орабочивания главков, центров, аппаратов Советской власти вообще.

Этот вопрос должен стать главным вопросом партийного съезда, ибо главным вопросом всего советского строительства в России (а поскольку ей пришлось стать очагом всемирной революции — в значительной степени и вопросом международного коммунизма) является переход от борьбы на фронте кровавом к борьбе на фронте бескровном, на фронте труда, на фронте войны против разрухи, за восстановление, улучшение, переорганизацию, развитие всего народного хозяйства России.

Сбор и подвоз большого государственного запаса продовольствия, восстановление разрушенного транспорта, осуществление этих мер с военной быстротой, с военной энергией, с военной дисциплиной; наряду с этим и в неразрывной связи с этим «орабочение» аппарата Советской власти, изгнание из него саботажа и бюрократизма, достижение максимума производительности труда, напряжение всех сил страны, в наибольшем размере, для восстановления ее хозяйства, — такова повелительно диктуемая обстоятельствами задача, неотложная, требующая решения приемами беззаветной революционной энергии миллионов и миллионов рабочих и крестьян.

Съезд партии должен учесть опыт трудовых армий, этого молодого и нового учреждения, учесть опыт более чем двухлетней работы всех аппаратов Советской власти и дать ряд таких решений, которые позволили бы всей нашей социали-

стической республике с удвоенной твердостью, решительностью, энергией, деловитостью бросить все силы трудящихся масс на наилучшее решение неотложной задачи быстро и до конца победить разруху.

Мы приглашаем всех членов партии, все организации партии на этой задаче сосредоточить максимум сил как практической работы во всех советских учреждениях, так и работы по подготовке съезда. Ибо эти задачи сливаются в единое неразрывное целое.

Прошло, к счастью, время чисто теоретических рассуждений, споров по общим вопросам, вынесения принципиальных резолюций. Это уже пройденная ступень, это решенная вчера и позавчера задача. Надо идти вперед, надо уметь понять, что теперь перед нами стоит *практическая* задача, что всеми силами, с энергией истинно революционной, с той же беззаветностью, с которой побеждали Колчака, Юденича, Деникина наши лучшие товарищи, рабочие и крестьяне красноармейцы, надо решить *деловую* задачу быстрой победы над разрухой.

Надо идти вперед, надо смотреть вперед, надо принести на съезд продуманный и внимательно, общим трудом, общими усилиями всех членов партии *переработанный практический опыт* хозяйственного строительства.

Мы кое-чему научились, и, чтобы идти вперед, чтобы победить разруху, надо не начинать сызнова, не перестраивать направо и налево, а суметь в наибольшей степени *использовать* уже созданное. Как можно меньше общих перестроек, как можно больше деловых, практически испробованных, проверенных достигнутыми уже результатами, мер, приемов, способов, указаний для достижения нашей главной цели: еще дальше, еще шире, еще быстрее, еще лучше «оработать» наши аппараты, — привлечь еще больше рабочих и трудящихся крестьян к управлению промышленностью и народным хозяйством вообще, — привлечь не только отдельных, наилучше испытавших себя на работе крестьян и рабочих, привлечь обязательно в большей степени *профессиональные союзы*, привлечь затем беспартийные рабочие и крестьянские конференции, — привлечь всех до последнего (ибо их у нас невероятно мало) буржуазных, т. е. воспитавшихся в буржуазной

обстановке и усвоивших плоды буржуазной культуры, специалистов, — сделать так, чтобы наши трудящиеся массы действительно, согласно требованию нашей партийной программы, *учились у них* и в то же время осуществляли «товарищеский общий труд буржуазных специалистов рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами» (как говорит наша партийная программа), — вот каковы наши главные практические задачи.

Товарищи! Мы умели побеждать до сих пор неслыханные трудности, которые история поставила на пути первой социалистической республике, ибо пролетариат правильно понимал свои задачи диктатора, т. е. руководителя, организатора, воспитателя всех трудящихся. Мы умели побеждать, ибо правильно определяли самую неотложную, самую насущную, самую злободневную задачу и на ней сосредоточивали действительно все силы всех трудящихся, всего народа.

Военные победы легче, чем победа хозяйственная. Победить Колчака, Юденича, Деникина было много легче, чем победить старые мелкобуржуазные привычки, отношения, навыки, хозяйственные условия, отстаиваемые и воспроизводимые миллионами и миллионами мелких хозяев рядом с рабочими, вместе с ними, среди них.

Чтобы победить здесь, нужно больше выдержки, больше терпения, больше настойчивости, больше упорства, больше систематичности в труде, больше организаторского и администраторского искусства в большом масштабе. Этого нам, нации отсталой, больше всего недостает.

Пусть же все члены партии напрягут силы, чтобы принести на съезд партии проверенный, переработанный, подытоженный *практический* опыт. Если мы напряжем все силы и сумеем внимательно, вдумчиво, деловым образом собрать, проверить, переработать именно *практический* опыт, именно то, что каждый из нас делал, доделывал, видел, как рядом с ним делали и доделывали, тогда и только тогда наш партийный съезд, а за ним и все наши советские учреждения решат *практическую* задачу: как быстрее всего, вернее всего победить разруху.

От съездов и собраний, обсуждавших общие вопросы, к съездам и собраниям, подводящим итоги *практическому*

опыту, таков лозунг нашего времени. Учесть практический опыт, чтобы отбросить вредное, объединить все ценное, чтобы точно определить ряд ближайших практических мер и осуществить их во что бы то ни стало, ни перед какими жертвами не останавливаясь, — вот как мы понимаем задачи момента и задачи партийного съезда.

«Известия ЦК РКП(б)» № 13,
2 марта 1920 г.

Печатается по рукописи

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ РАБОТНИЦ

Капитализм соединяет формальное равенство с экономическим и, следовательно, социальным неравенством. В этом одна из основных особенностей капитализма, облыжно прикрываемая сторонниками буржуазии, либералами, непонятая мелкобуржуазными демократами. Из этой особенности капитализма вытекает между прочим необходимость при решительной борьбе за экономическое равенство открыто признать капиталистическое неравенство и даже, при известных условиях, положить это открытое признание неравенства в основу пролетарской государственности (Советская конституция).

Но даже и с формальным равенством (равенством по закону, «равенством» сытого и голодного, собственника и неимущего) капитализм *не может* быть последователен. И одним из вопиющих проявлений этой непоследовательности является *неравноправие* женщины с мужчиной. Полного равноправия не дало ни одно, даже самое прогрессивное республиканское, демократическое, буржуазное государство.

А Советская республика России сразу смела *все без изъятия* законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону.

Говорят, уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины. И с этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень.

Новый, невиданно-могучий толчок женскому рабочему движению неизбежно связан поэтому с основанием

(и упрочением) первой Советской республики, — а рядом с этим и в связи с этим с Коммунистическим Интернационалом.

Раз речь идет о тех, кто капитализмом был угнетен прямо или косвенно, сплошь или отчасти, то именно советский строй и только советский строй обеспечивает демократию. Это ясно на положении рабочего класса и беднейших крестьян. Это ясно видно на положении женщины.

Но советский строй есть последний решительный бой за уничтожение классов, за экономическое и социальное равенство. Демократии, даже демократии для угнетенных капитализмом, в том числе для угнетенного пола, — *нам мало*.

Женское рабочее движение главной своей задачей ставит борьбу за экономическое и социальное равенство женщины, а не только формальное. Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего рабства», освободить ее от подчинения — отупляющего и принижающего — вечной и исключительной обстановки кухни, детской — вот главная задача.

Это — борьба длительная, требующая коренной переделки и общественной техники и нравов. Но эта борьба кончится полной победой коммунизма.

4 марта 1920 г.

«Правда», 8 марта 1920 г.
(специальный выпуск)
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Правда»

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ 6 МАРТА 1920 г.

Товарищи, я очень сожалею, что мне, по всей вероятности, не удастся выполнить те обязанности, на которые сейчас намекнул товарищ председатель, сославшись на мое членство в Московском Совете⁹⁰, но во всяком случае, я очень рад возможности приветствовать новый состав Московского Совета. Позвольте мне сказать несколько слов о тех задачах, которые в связи с общим положением страны ложатся в особенности на московских рабочих и больше всего и прежде всего на Московский Совет.

Товарищи, войну, которую нам навязали помещики и капиталисты, в союзе с капиталистами всего мира, мы, по всей видимости, в ближайшем будущем имеем сильнейшую надежду закончить полным успехом. Я сегодня только что получил телеграмму от члена реввоенсовета Кавказского фронта, последнего серьезного фронта из всех еще оставшихся. В этой телеграмме сообщается, что упорство противника во всех направлениях сломлено (а плоды сменены), так что теперь, после ликвидации фронта Колчака и Архангельского фронта, мы, видимо, недалеко от того дня, когда и деникинский фронт будет окончательно уничтожен. Но, товарищи, как ни благоприятно сложились для нас результаты гражданской войны и международное положение, хотя империалистические державы явным образом находятся на кахуне того, чтобы быть окончательно сломленными, хотя все их попытки соединить кого бы то ни было для войны против нас кончились крахом, — как бы ни было благоприятно это положение, надо сказать, что опасность, даже внешняя, еще не исчерпана. Делаются еще попытки, особенно со стороны империали-

стической Франции, чтобы втравить Польшу в войну против России. Вы все знаете, конечно, из прессы, из решений ЦИК, из всех заявлений, которые были сделаны на казначьем и на многих других съездах, что Советская республика сделала со своей стороны все возможное для того, чтобы предотвратить эту войну, что мы не только официально, но и самым дружеским образом предложили польскому народу мир, признали самым торжественным образом независимость польского государства, сделав с этой стороны самые определенные заявления. Мы в военном отношении сделали все, чтобы помешать возможности польским помещикам и капиталистам осуществить свои намерения — может быть, не столько свои, сколько намерения империалистической Франции, которая у них сидит за спиной и у которой они в долгу, как в шелку. Мы сделали все, чтобы помешать осуществить намерения этих капиталистов и помещиков втравить польский народ в войну против России. Но хотя мы сделали все возможное, дальнейшее зависит не от нас. Польские помещики и капиталисты не знают даже самп, что они сделают завтра. Внутреннее положение Польши настолько тяжелое, что именно из очевидной опасности классового положения, только чувствуя свою гибель, они могут пойти на подобную авантюру. Поэтому, даже с точки зрения внешней безопасности, хотя нами уже одержано много побед, мы не имеем никаких гарантий и должны быть настороже, должны сохранить, развить и усилить свою военную готовность, чтобы осуществить ту задачу, которая стоит перед рабочим классом. Если, вопреки всем усилиям, империалисты Польши, поддержанные Францией, пойдут против России войной и осуществят свою военную авантюру, то они должны будут получить и получают такой отпор, от которого весь их хрупкий капитализм и империализм рассыплется окончательно.

Мы несколько не скрываем от себя и в первую голову от московских и других русских рабочих, что теперь требуется новое напряжение сил, новые гигантские жертвы, еще более тяжелые оттого, что теперь как раз конец зимы — февраль — март, принесшие новое обострение нужды, голода и мучений, связанных с разрухой нашего транспорта. И я должен вам сказать, что если война на фронте кровавом, война гражданская, направленная

против империалистов, по всей видимости кончается, и, во всяком случае, серьезно враг нам угрожать не может, потому что Антанта потерпела решительное поражение в своих попытках повести против нас общую войну, — то, во всяком случае, продолжается и на долгое время продолжится война на фронте бескровном, ибо чем дальше мы ушли от опасности военной, тем более надвигаются на нас задачи внутреннего строительства, и они не могут быть разрешены рабочим классом, который взял на себя миссию руководить трудящимися массами. Эти задачи — восстановление разрушенной страны, разрушенного хозяйства, организация социалистического общества — без войны на фронте бескровном осуществлены быть не могут. Вот что передовые рабочие, которые сейчас создают новый Московский Совет, должны тверже всего заложить в своем сознании, потому что московские рабочие всегда были и неизбежно в некоторое время останутся образцом, за которым будут следовать рабочие других городов.

Нам надо помнить, что мы осуществляем задачу социалистической революции в стране, где большую часть населения составляет крестьянство. Теперь к нам присоединились массы крестьянства Сибири, где крестьяне имеют излишки хлеба, где они развращены капитализмом, держатся за старинную свободу торговли и считают своим священным правом, в этом отношении их сбивают меньшевики и эсеры, — это уж их печальная участь, да больше им и делать нечего, — считают своим священным правом осуществлять свободную торговлю хлебными излишками, думая, что это право за ними может быть оставлено. Они не считаются с тем, что это якобы гражданское равенство означает эксплуатацию сытым голодного, ибо крестьяне, имеющие излишки хлеба и не желающие давать их голодным, осуществляют основы капиталистических отношений. Они представляют собой людей, которые, после сотен лет их эксплуатации, в первый раз хозяйничают на себя и своими излишками хлеба могут обратить в рабство рабочих, в силу разрухи промышленности, не имеющих возможности дать эквивалент за хлеб. Поэтому нашей задачей в отношении к этим мелкобуржуазным собственникам, к мелким спекулянтам, число которых миллион и которые, владея излишками хлеба, думают, что чем дальше мы пойдем, тем больше они наживутся, и чем сильнее голод, тем выгоднее это дер-

жателям хлеба, — наше отношение к ним есть отношение войны. Это мы заявляем прямо, и это лежит в основе диктатуры пролетариата, который открыто говорит всем рабочим и крестьянским массам: «Крестьянин-труженик — наш союзник, наш друг и брат, но когда крестьянин выступает собственником, имеющим излишки хлеба, не необходимые ему для хозяйства, и поступает с нами, как собственник, как сытый против голодного, такой крестьянин — наш враг, и мы с ним будем бороться со всей решимостью, со всей беспощадностью». Победа над мелким собственником, над мелким спекулянтom — трудна. Они не могут быть уничтожены в один год, для их уничтожения нужен длительный ряд лет, нужно организованное упорство, применение в течение долгого времени упорной, неуклонной шаг за шагом работы, непрестанной повседневной борьбы, которая особенно тяжела и сплошь и рядом дает победу спекулянту-крестьянину над рабочим. Но мы будем бороться на фронте бескровном, чтобы голодный получил от сытого те излишки, которые последний имеет, несмотря ни на что, несмотря на желание эсеров и меньшевиков провести свободную торговлю и оставить у сытого эти излишки.

Мы в течение этих двух лет провели громадную работу. Мы привлекли к этой работе массу крестьян и рабочих, мы сумели отовсюду взять то, что нам было нужно. В то время, как белые офицеры, бывшие царские офицеры, сражались против нас на стороне наших врагов, десятки и сотни этих специалистов были нами привлечены и переварены в нашей работе. Они помогали нам работать вместе с нашими комиссарами. Они сами учились у нас работе и давали нам взамен свои технические познания. И только при помощи их Красная Армия могла одержать те победы, которые она одержала. Сейчас мы должны перевести всю эту работу в другое русло. Эта работа должна быть работой мирного характера, мы должны все перевести к работе на фронте труда. Мы должны руководить нашими бывшими собственниками, которые были нашими врагами. Мы должны мобилизовать всех способных трудиться и заставить их работать вместе с нами. Мы должны во что бы то ни стало стереть с лица земли следы политики меньшевиков и эсеров, которая говорит о свободе личной и т. д., потому что эта политика обрекает нас на голод. Это

отношение должно быть проведено во всей нашей работе. Передовая часть пролетариата берет на себя руководство остальным населением и говорит: «Мы вас должны довести до полного понимания и проведения в жизнь наших идей, как мы довели вас до того, что вы все больше и больше становитесь на нашу сторону».

Прежде всего здесь у нас стоит на очереди задача очистить Москву от той грязи и запущенности, в которую она попала. Мы должны провести это, чтобы стать примером для всей страны, в которую все сильнее и сильнее внедряется эта грязь, несущая с собой эпидемии и болезни. Мы должны дать этот пример здесь, в Москве, пример, какие Москва уже не раз давала.

Мы должны помнить, что перед нами стоит задача восстановления транспорта. С весны мы должны осуществить контроль рабочих масс. Мы должны провести это относительно тех огородников, которые расселены вокруг Москвы и которые, пользуясь тем, что рядом живет голодный брат, кладут себе в карман миллионы. Благодаря тому, что всякий богатый огородник может наживать на своем бедном соседе невероятные деньги, получается безобразная несправедливость, допустить которую мы не можем.

Что мы должны сделать? Нужно, чтобы специалисты отдали нам свои знания для проведения в жизнь наших идей. Нужно, чтобы класс, обновивший сейчас Московский Совет, бросился на эту работу. Нужно, чтобы эта работа осуществлялась более реально и более детально, чем прежде.

Мы знаем, что число пролетариата не так велико, но мы также знаем, что петроградские рабочие, которые шли в первые ряды Красной Армии, отдавали нам лучшие свои силы в те моменты, когда нам это нужно было, отдавали их на борьбу с врагом, больше, чем мы предполагали, сколько они могут дать. Мы говорили, что Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск дали нам огромное количество людей, но это еще не все: они должны нам дать столько, сколько нам нужно. Сейчас нам нужно использовать всех тех буржуазных специалистов, которые, накопив свои знания в прошлом, должны расплачиваться этими знаниями теперь. Вот с помощью этих специалистов мы и должны провести вашу работу, с их помощью мы должны победить все, что

вам нужно, победить и создать наши боевые рабочие ряды, которые бы у них учились и их направляли, которые всегда обращались бы к широкой рабочей среде для разъяснения этого опыта. Вот это Московскому Совету, как одному из первых по значению, как одному из самых крупных пролетарских Советов, и придется во что бы то ни стало осуществлять. Полторы тысячи членов Московского Совета, плюс кандидаты к ним, — вот тот аппарат, которым вы можете черпать из широкой массы и привлекать неустанно ее, еще неопытную, к управлению государством.

Рабочие и крестьянские массы, которые должны создать все наше государство, теперь должны создать государственный контроль. Вы получите этот аппарат посредством рабочих и крестьянских масс, посредством рабоче-крестьянской молодежи, в которой пробудилось в невиданной степени самостоятельное желание, готовность и решимость самим взяться за дело государственного управления. Получив понимание из опытов войны, мы выдвинем тысячи прошедших советскую школу людей, способных управлять государством. В рабочую инспекцию вы должны привлечь самых боязливых и неразвитых, самых робких рабочих и должны двинуть их вверх. Пусть они поднимаются в этой работе. Посмотрев, как рабочая инспекция участвует в государственных делах, пусть они от простейших занятий, на которые способны, — сначала только в виде понятых, — далее постепенно переходят к более важным ролям в государственных делах. Вы получите из широких источников помощников, которые возьмут на себя государственное бремя, придут на помощь и на работу. Нужны десятки тысяч новых передовых рабочих. Опирайтесь на беспартийных рабочих и крестьян, опирайтесь на них, потому что наша партия должна оставаться узкой, будучи окружена врагами со всех сторон. В тот период, когда всеми средствами борьбы, обмана и провокации враждебные элементы стараются присосаться и использовать то положение, что правительственная партия дает известные льготы, нужно действовать в связи с беспартийными. Законы о рабоче-крестьянской инспекции дают право привлекать представителей беспартийных рабочих и крестьян и их конференции к делу государственного управления. В этом аппарате вы имеете одно из средств, которое даст возможность увеличить количество рабочих и крестьян, чтобы

нам в течение ряда лет завоевать победу на внутреннем фронте. Эта победа так просто, так решительно и ясно, как на фронте военном, еще долго не скажется. Эта победа требует бдительности и усилий, и ее вы сможете обеспечить тем, что будете исполнять задачи строительства Москвы и окрестностей и помогать общей работе по воссозданию транспорта, по воссозданию той общей хозяйственной организации, которая поможет избавиться от прямого и косвенного воздействия спекулянтов и победить старые традиции капитализма. На это не жаль потратить несколько лет. Даже и при таких условиях подобные общественные преобразования явятся еще невиданными, и здесь ставить задачи, рассчитанные на краткое время, было бы большой ошибкой.

Позвольте закончить выражением надежды и уверенности, что обновленный Московский Совет, учитывая весь опыт, который в процессе гражданской войны приобретен предыдущим составом, почерпнет новые силы из молодежи и возьмется за дело хозяйственного строительства так энергично и твердо, с таким упорством, с каким мы брались за военное дело, чтобы одержать не блистательные, но зато более солидные и существенные победы.

*Напечатано в 1921 г. в книге:
«Стенографические отчеты
заседаний пленума Московского
Совета рабочих, крестьянских
и красноармейских депутатов».
Москва*

Печатается по тексту книги

**РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННОМ
ГОДОВЩИНЕ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА,
6 МАРТА 1920 г.**

Товарищи, со времени основания Коммунистического Интернационала прошел год. В течение этого года Коммунистический Интернационал достиг таких побед, которых нельзя было ожидать, и можно смело сказать, что никто не ожидал таких громадных успехов при его основании.

В первое время революции у многих была надежда, что в Западной Европе начнется социалистическая революция с момента, непосредственно связанного с окончанием империалистической войны, ибо в тот момент, когда массы были вооружены, революция могла пройти с наибольшим успехом и в некоторых странах Запада. Это могло бы произойти, если бы не оказалось, что в Западной Европе более глубокий раскол среди пролетариата, больше предательства бывших социалистических вождей.

Мы до сих пор точно не знаем, как прошла демобилизация и как происходит ликвидация войны. Мы не знаем, напр., что было в Голландии, и только из одной статьи, в которой рассказывалось о речи голландского коммуниста, — из одной статьи, случайно, — много статей таких было, — мне довелось узнать, что в Голландии, стране нейтральной, которая была меньше замешана в империалистической войне, революционное движение приняло такие размеры, что уже было приступлено к образованию Советов, и Трульстра, одна из важнейших фигур оппортунистической голландской социал-демократии, признал, что рабочие могли бы взять власть в свои руки.

Если бы Интернационал не был в руках предателей, которые спасали буржуазию в критический момент, то много шансов было бы за то, что во многих воюющих странах

непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным.

Оказалось, что это не удалось, революция в таком скором темпе не удалась, и приходится проделывать весь путь развития, который нам пришлось начать еще до первой революции, до 1905 года, и только благодаря тому, что более десяти лет прошло до 1917 года, мы оказались способными руководить пролетариатом.

В 1905 году была, так сказать, репетиция революции, и отчасти благодаря этому в России удалось использовать момент краха империалистической войны, который дал власть пролетариату. В силу исторических событий, в силу полной гнилости самодержавия нам удалось легко начать революцию, но чем легче удалось начать ее, тем тяжелее этой одинокой стране пришлось ее продолжать, и за этот пережитый год мы можем себе сказать, что в других странах, где рабочие более развиты, где более промышленности, где рабочие гораздо более многочисленны, развитие революции пошло путем более медленным. Оно пошло по нашему пути, но пошло гораздо медленнее.

Этот медленный путь рабочие продолжают, прокладывая дорогу победе пролетариата, которая надвигается с несомненно большею скоростью, чем это довелось нам, ибо когда посмотришь на III Интернационал, то удивляешься быстроте, с которой распространялся III Интернационал, идя от победы к победе.

Посмотрите, как распространяются во всем мире наши уродливые слова, вроде слова «большевизм». Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что название «коммунист» является научным, общеевропейским, оно в Европе и других странах меньше распространено, чем слово «большевик». Наше русское слово «Совет» — одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски.

Несмотря на ложь буржуазной прессы, несмотря на бешеное сопротивление, которое оказала вся буржуазия, несмотря на это, симпатии рабочих масс оказались на стороне Советов, Советской власти и большевизма. Чем больше буржуазия лгала, тем больше помогала она на весь мир распространить опыт, который мы проделали с Керенским.

Часть большевиков, приехавших из Германии, была встречена у нас нападками и травлей, организованной в «демократической республике» чисто на американский манер, и этой травле Керенский, эсеры и меньшевики всемерно помогали. Таким образом, они всколыхнули слои пролетариата и заставили их думать, что если так травят большевиков, значит, это что-нибудь хорошее. (Аплодисменты.)

И когда время от времени получаешь отрывочные сведения из-за границы, когда, не имея возможности следить за всей прессой, прочитаешь, например, номер самой богатой английской газеты «Таймс», когда читаешь, как там приводят большевистские слова, чтобы доказать, что большевики уже во время войны проповедывали гражданскую войну, то приходишь к заключению, что даже умнейшие представители буржуазии совершенно потеряли голову. Если английская газета отмечает книгу «Против течения», рекомендует ее английским читателям и приводит цитаты, чтобы показать, что большевики худшие из худших людей, которые говорят о преступности империалистической войны и проповедуют гражданскую войну, то убеждаешься, что вся ненавидящая нас буржуазия нам помогает, — кланяемся и благодарим! (Аплодисменты.)

У нас нет ежедневной прессы ни в Европе, ни в Америке, информация о нашей работе очень скудна, наших товарищей преследуют ожесточеннейшим образом. Но когда видишь, что богатейшая империалистическая пресса союзников, из которой почерпают свои сведения сотни тысяч других газет, потеряла до такой степени чувство меры, что она, желая поразить большевиков, приводит обильные цитаты из сочинений большевиков, выкапывая их из печатавшихся во время войны изданий, чтобы доказать, что мы говорили о преступности войны и стремились превратить ее в гражданскую войну, — это значит, что они станут, эти умнейшие господа, такими же глупыми, как наш Керенский и его товарищи. Поэтому, мы можем ручаться, что эти люди, руководители английского империализма, сделают свое дело помощи коммунистической революции чисто и прочно. (Аплодисменты.)

Товарищи, до войны казалось, что главное деление в рабочем движении — это деление на социалистов и анархистов. Это не только казалось, но и было так.

В продолжительную эпоху до империалистической войны и революции — объективно революционного положения в громадном большинстве европейских стран не было. Задача состояла в том, чтобы использовать эту медленную работу для революционной подготовки. Социалисты начали это дело, анархисты не понимали этой задачи. Война создала революционное положение, и это старое деление оказалось пассивным себя. С одной стороны, верхушки анархизма и социализма сделались шовинистами, они показали, что значит защищать своих буржуазных грабителей против других грабителей буржуазии, из-за которых война погубила миллионы людей. С другой стороны, в низах старых партий зародились новые течения — против войны, против империализма, за социальную революцию. Таким образом, глубочайший кризис создан из-за войны, и анархисты и социалисты раскололись, потому что верхушки парламентских вождей социалистов оказались на фланге шовинистов, а в низах все растущее меньшинство отходило от них и стало переходить на сторону революции.

Таким образом, рабочее движение всех стран пошло по новой линии, не по линии анархистов и социалистов, а по линии, способной привести к диктатуре пролетариата. Этот раскол во всем мире наметился и начался до существования III Интернационала.

Если мы имели успех, то потому, что мы пришли — тогда, когда положение было революционным и когда рабочее движение было уже во всех странах, и поэтому мы видим теперь, что внутри социализма и анархизма произошел раскол. Это приводит во всем мире к участию коммунистических рабочих в создании новых организаций и к их объединению в III Интернационале. Такой подход является наиболее правильным.

Если снова поднимаются разногласия, напр., об использовании парламентаризма, то после опыта русской революции и гражданской войны, после того как пред всем миром встала фигура Либкнехта и выяснились его роль и значение между представителями парламентаризма, нелепо отрицать революционное использование парламентаризма. Представителям старого толка ясно стало, что по-старому ставить вопрос о государстве нельзя, вместо старой, книжной постановки этого вопроса явилась на свет в силу революционного движения постановка новая, практическая.

Всей объединенной и централизованной силе буржуазии необходимо противопоставить объединенную и централизованную силу пролетариата. Теперь, таким образом, вопрос о государстве встал на другие рельсы, старое разногласие стало терять смысл. Вместо старого деления рабочего движения возникли новые, во главу угла встало отношение к Советской власти и диктатуре пролетариата.

Советская конституция показала наглядно, что выработала русская революция. На нашем опыте, на изучении его получилось, что все группировки старых задач сводятся к одной: за Советскую власть или против, — либо за буржуазную власть, за демократию, за те формы демократии, которые, обещая равенство сытых и голодных, равенство капиталиста и рабочего в подаче избирательных бюллетеней, эксплуататоров и эксплуатируемых, скрывали капиталистическое рабство, либо — за власть пролетарскую, за беспощадное подавление эксплуататоров, за советское государство.

За буржуазную демократию могут стоять только сторонники капиталистического рабства. Мы видим это на белогвардейской литературе Колчака и Деникина. После очистки многих русских городов от этой нечисти, собрана их литература и перевозится в Москву. Можно просмотреть писания русских интеллигентов вроде Чприкова или буржуазных мыслителей вроде Е. Трубецкого, и любопытно посмотреть, как они, помогая Деникину, рассуждают об Учредительном собрании, о равенстве и т. д. Эти суждения об учредилровке оказывают нам помощь; когда они такую агитацию проводили в белогвардейских массах, они помогали нам вместе со всем ходом гражданской войны, ходом событий. Своими аргументами они сами доказывали, что за Советскую власть стоят искренние революционеры, сочувствующие борьбе против капиталистов. Это в ходе гражданской войны получает полную отчеканенность.

Возражать против необходимости центральной власти, диктатуры и единства воли для того, чтобы пролетариат в его передовой части спланировался, развивал и ставил государство на новую ногу, держа твердо власть в руках, и писать рассуждения на эту тему — становится невозможным после проделанного опыта, после того, что было в России, в Финляндии и в Венгрии, после годичного опыта в демократических республиках, в Германии. Демократии

сама разоблачила себя окончательно; вот почему во всех странах в самых различных формах многочисленные признаки усиления коммунистического движения за Советскую власть, за диктатуру пролетариата выросли неудержимо.

Этот рост дошел до того, что такие партии, как немецкие независимцы и французская социалистическая партия, в которых господствуют вожди старого типа, не понявшие ни новой агитации, ни новых условий, которые парламентской деятельности несколько не изменили, а превращают ее в средство отболтаться от важных задач и парламентскими прениями занять рабочих, — даже эти вожди вынуждены признать диктатуру пролетариата и власть Советов. Это потому, что масса рабочих, которая дает себя знать, заставила их это сделать.

Вы знаете из речей других товарищей, что это отпадение немецкой партии независимцев, это признание диктатуры пролетариата и Советской власти было последним решительным ударом, нанесенным II Интернационалу. Учитывая положение дел, можно сказать, что II Интернационал убит, и массы рабочих в Германии, Англии и Франции переходят на сторону коммунистов. В Англии мы также имеем партию независимцев, которая продолжает стоять на точке зрения легальности и осуждать насилия большевиков. Недавно в их газете появился отдел дискуссии. Дискуссия — это значит обсуждение. И вот там обсуждается вопрос о Советах, и рядом со статьей, которая в английских рабочих газетах напечатана, мы видим статью англичанина, который не желает считаться с теорией социализма, а сохраняет прежнее глупое пренебрежение к теории, но, учитывая условия английской жизни, приходят к определенному выводу и говорит: мы не можем осуждать Советы, а должны быть за них.

Это признак того, что даже в отсталых слоях рабочих в таких странах, как Англия, начался сдвиг, и можно сказать, что старые формы социализма убиты навсегда.

Европа идет к революции не так, как мы пришли, но Европа, по существу, проделывает то же самое. Каждая страна по-своему должна проделывать и начала проделывать внутреннюю борьбу и против своих меньшевиков и против своего оппортунизма и эсерства, которое существует под другим названием и в большей или меньшей степени во всех странах.

И именно потому, что они самостоятельно переживают этот опыт, можно ручаться, что победа коммунистической революции во всех странах неминуема, и чем больше колебаний в рядах врагов и неуверенности, выражающейся в том, что они заявляют, что большевики это преступники и что они никогда не заключат с нами мира, — тем лучше для нас.

Теперь они говорят: если торговать, то не признавая большевиков. Мы ничего против не имеем: пожалуй, попробуйте, господа. Что касается того, что вы не признаете нас, мы это понимаем. Мы считали бы ошпбкой с вашей стороны, если бы вы нас признали. Но если вы так запутались, что сначала объявляете большевиков нарушителями всех законов божеских и человеческих, объявляете, что не будете с ними разговаривать и мириться, и потом говорите, что будете приступать к обмену, не признавая нашей политики, — это такая победа для нас, которая в народных массах каждой страны подтолкнет коммунистическое движение и углубит его. Оно так глубоко, что кроме тех, кто примыкает официально к III Интернационалу, намечился целый ряд движений в передовых странах, которые, не примыкая ни к социализму, ни к коммунизму, продолжая осуждать большевизм, вместе с тем подходят к нему силою событий.

Война в XX веке в цивилизованной стране заставляет правительства разоблачать самих себя. Во французской газете опубликовывались документы бывшего австрийского императора Карла, который в 1916 году предлагал Франции заключить мир. Теперь его письмо опубликовано, и рабочие обращаются к лидеру социалистов, к Альберу Тома, и спрашивают: вы были тогда в правительстве, и вашему правительству предлагали мир. Что вы тогда делали? Когда спросили об этом Альбера Тома, он промолчал.

Эти разоблачения только теперь начались. Народные массы грамотны и относиться к войне по-старому они в Европе и в Америке не могут. Они спрашивают: из-за чего 10 миллионов людей было убито и 20 миллионов искалечено? Поставить этот вопрос, значит заставить народные массы повернуть к диктатуре пролетариата. Поставить этот вопрос, значит ответить на него: из-за того перебили 10 млн. человек и сделали 20 млн. калеками, чтобы решить вопрос, кто больше наживется — немецкие ли капиталисты

или английские? Это правда, и как ее ни скрывали, она пробивает себе дорогу.

Крах капиталистических правительств неминуем. Ибо все видят, что новая такая же война неизбежна, если у власти останутся империалисты и буржуазия. Между Японией и Америкой вырастают новые споры и конфликты. Они подготовлены десятилетиями дипломатической истории обеих стран. Войны неизбежны на почве частной собственности. Война между Англией, которая награбила колоний, и Францией, которая считает себя обойденной, неизбежна. Никто не знает того, где и как она прорвется, но все видят и знают и говорят о том, что война неизбежна и готовится снова.

Это положение в XX веке в странах поголовной грамотности обеспечивает нам то, что о старом реформизме и анархизме не может быть речи. Они убиты войной. Говорить о том, чтобы реформами переделать капиталистическое общество, которое сотни миллиардов рублей отдало на войну, говорить о том, чтобы переделать это общество без революционной власти и насилий, без величайших потрясений, — так говорить нельзя. Тот, кто говорит и думает так, теряет всякое значение.

Коммунистический Интернационал силен тем, что опирается на уроки всемирной империалистической бойни. В каждой стране из опытов миллионов людей подтверждается правильность его позиции все больше и больше, и движение к Коммунистическому Интернационалу теперь в сто раз шире и глубже, чем было до сих пор. Оно дало в срок одного года полный крах II Интернационала.

Нет ни одной страны в мире — даже самой неразвитой, где бы все мыслящие рабочие не присоединялись к Коммунистическому Интернационалу, не примыкали к нему идейно. В этом полная гарантия того, что победа Коммунистического Интернационала во всем мире в срок не чрезмерно далекий — эта победа обеспечена. (А плоды и моменты.)

**РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
РАБОЧИХ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА
15 МАРТА 1920 г.**

Работа водного транспорта представляет сейчас для Советской России совершенно исключительную важность и значение, и потому можно быть уверенным, что к задачам, которые ложатся на работников водного транспорта, съезд отнесется с самым большим вниманием и заботливостью. Позвольте мне остановиться на вопросе, который сейчас больше всего интересует партию коммунистов, профсоюзы и, несомненно, дебатруется оживленно вами, — на вопросе об управлении промышленностью. Вопрос этот специально поставлен в порядок дня партийного съезда. По этому вопросу публикуются тезисы. Необходимо его обсудить и товарищам водникам.

Вы знаете, что одним из спорных пунктов, который вызывает и в печати и на собраниях оживленные споры, является вопрос об единоличности и коллегиальности управления. Я думаю, что нередко в этом вопросе то предпочтение, которое отдается коллегиальности, свидетельствует о недостаточном понимании задач, стоящих перед республикой, даже более того, — часто свидетельствует о недостаточном уровне классового сознания. Когда я размышляю об этом вопросе, то мне всегда хочется сказать: не довольно еще рабочие учились у буржуазии. Это сказывается наглядно на тех странах, где господствуют демократические социалисты или социал-демократы, которые теперь в Европе и Америке под разными соусами, в тех или иных формах союза с буржуазией, принимают участие в управлении. Им бог велел разделять старые предрассудки, но у нас, после двух лет господства пролетариата, нужно не только желать, но и добиваться, чтобы

классовое сознание пролетариата от классового сознания буржуазии не отставало. А посмотрите: как управляет государством буржуазия? Как она организовала класс буржуазии? Мог ли найтись в прежнее время хоть один человек, который, стоя на точке зрения буржуазии и будучи верным защитником ее, рассуждал бы так, что какое же это управление в государстве, когда существует единоличная власть? Если бы такой глупец из буржуазии яшелся, его бы товарищи из собственного класса подняли насмех, и он ни говорить, ни рассуждать не мог бы ни на одном ответственном собрании господ капиталистов и буржуев. Ему бы сказали: разве вопрос о том, управлять ли через одно лицо или через коллегню, разве этот вопрос связан с вопросом класса?

Самая умная и богатая буржуазия английская и американская; английская — более опытная во многих отношениях и лучше умеющая управлять, чем американская. И разве она нам не дает образцов того, как она проявляет максимум единоличной диктатуры, максимум быстроты управления и власть целиком и полностью сохраняет в руках своего класса? Вот этот урок, товарищи, мне кажется, если вы над ним подумаете, если вы припомните не очень далекое время, когда в России господствовали господа Рябушинские, Морозовы и другие капиталисты, если припомните, как они после свержения самодержавия в течение 8 месяцев власти Керенского, меньшевиков и эсеров сумели великолепно, с замечательной быстротой перекраситься, кем угодно себя назвать, какую угодно внешнюю формальную уступку сделать и целиком и полностью сохранить власть в руках своего класса, — я думаю, что размышление над английским уроком и над этим конкретным примером даст больше для понимания вопроса единоличного управления, чем многие отвлеченные резолюции, сочиненные теорией и наперед выписанные.

Коллегиальность будто бы означает управление рабочих, а единоличие будто бы — нерабочее управление. Одна постановка этого вопроса, одна аргументация такого рода доказывают, что нет еще у нас достаточно ясного классового сознания, и не только достаточно ясного сознания, но и что у нас менее ясное классовое сознание, чем у господ буржуев. Это и понятно. Они учились управлять не два года, а двести лет, а если взять европейскую бур-

жуазию, то много больше, чем 200 лет. Нам не следует впадать в отчаяние от того, что мы не смогли всему научиться в два года, но важно, — этого требуют события, — чтобы мы научились скорее, чем наши враги. Они могли учиться сотни лет, у них есть возможность переучиваться и исправлять свои ошибки, потому что они в мировом масштабе бесконечно сильнее нас. У нас учиться нет времени, мы должны ставить вопрос о коллегиальности управления с положительными конкретными данными. Я уверен, что вы придете к линии, намеченной в данном вопросе ЦК партии, которая опубликована⁹¹ и которую в любом партийном собрании обсуждают, и для деловых людей, для работников водного транспорта, проработавших два года, является бесспорной. И я надеюсь, что громадное большинство присутствующих, на практике знакомое с управлением, поймет, что мы не должны ограничиваться общей постановкой вопроса, а должны превратиться в деловых серьезных людей, которые устраняют коллегия и управляют без них.

Всякая работа управления требует особых свойств. Можно быть самым сильнейшим революционером и агитатором и совершенно непригодным администратором. Но тот, кто присматривается к практической жизни и имеет житейский опыт, знает, что, чтобы управлять, нужно быть компетентным, пужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте, нужно иметь известное научное образование. Вот те условия, которым мы должны удовлетворять во что бы то ни стало. И вот, когда мы ставим общие резолюции, толкующие с важным видом знатоков о коллегиальности и единоличности управления, мы постепенно убеждаемся, что мы почти ничего не знаем в области управления, но начинаем кое-чему учиться на основании опыта, взвешивать каждый шаг, выдвигать каждого более или менее способного администратора.

Вы знаете из дебатов ЦК, что мы не против того, чтобы ставить рабочих во главе; но мы говорим, что решение вопроса должно быть подчинено интересам производства. Нам ждать нельзя. Страна так разорена, бедствия достигли теперь такой громадной силы — голод, холод и общая нужда, — что так дальше продолжаться не может. Никакая преданность, никакое самопожертвование не спасут

нас, если мы не спасем физического существования рабочих, если мы не предоставим им хлеба, если не сумеем заготовить в громадном количестве соли, чтобы вознаграждать крестьян не цветными бумажками, на которых долго держаться нельзя, а правильно организовав товарообмен. Тут вопрос самого существования всей власти рабочих и крестьян, самого существования Советской России стоит на карте. Когда некомпетентные люди стоят во главе управления, когда не подвезено топливо во-время, когда не починены паровозы, пароходы и баржи, самое существование Советской России стоит на карте.

Наш железнодорожный транспорт разорен несравненно больше водного. Он разорен гражданской войной, которая больше всего шла на сухопутных путях; больше всего с обеих сторон разоряли мосты, а это сказалось на разрушении всего железнодорожного транспорта в отчаянных размерах. Мы его восстановим. Почти каждый день мы видим, как мы его восстанавливаем по мелочам. Но мы восстановим его нескоро. Если передовые и культурные страны испытывают разорение транспорта, то как восстановить его в России? А поправить его надо быстро, потому что такой зимы, какой была эта зима, вынести больше население не сможет. Несмотря ни на какой героизм рабочих, несмотря ни на какое самоотвержение, рабочие не смогут вынести всех страданий от голода, холода, сыняка и т. д. Поэтому ставьте вопрос управления, как деловые люди. Добивайтесь, чтобы управление шло с наименьшей затратой сил, чтобы администраторы были способны, будь то спецы или рабочие, чтобы они шли работать и управлять, чтобы считалось преступлением, если они не участвуют в управлении. Учитесь на собственном практическом опыте. Учитесь также у буржуазии. Она умела держать свое классовое господство, она имела опыт, без которого мы не можем обойтись; отмахнуться от него было бы величайшим самомнением и величайшей опасностью для революции.

Прежние революции гибли именно потому, что рабочие не могли удержаться твердой диктатурой и не понимали, что одной диктатурой, одним насилием, принуждением удержаться нельзя; удержаться можно только взявши весь опыт культурного, технического, прогрессивного капитализма, взявши всех этих людей на службу. Когда

рабочие принимаются в первый раз за дело управления и относятся недружелюбно к спецу, к буржую, к капиталисту, который вчера еще был директором, наживал миллионы, угнетал рабочих, — мы говорим, — и, вероятно, большинство из вас говорит то же самое, — что эти рабочие только начали подходить к коммунизму. Если бы можно было строить коммунизм из спецов, не проникнутых буржуазными взглядами, это было бы очень легко, но только коммунизм этот был бы фантастическим. Мы знаем, что с неба ничего не сваливается, мы знаем, что коммунизм вырастает из капитализма, что только из его остатков можно построить коммунизм, из плохих, правда, остатков, но других нет. И того, кто мечтает о таком фантастическом коммунизме, надо гнать из всякого делового собрания и надо оставить в этом собрании людей, которые из остатков капитализма умеют дело делать. Трудности этого дела громадны, но это плодотворная работа, и всякого специалиста надо ценить как единственное достояние техники и культуры, без которого ничего, никакого коммунизма не может быть.

Если наша Красная Армия в другой отрасли одержала победы, то это потому, что мы эту задачу сумели решить по отношению к Красной Армии. Тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии нам изменяли, нас предавали, и от этого гибли тысячи лучших красноармейцев, — вы знаете это, но десятки тысяч нам служат, оставаясь сторонниками буржуазии, и без них Красной Армии не было бы. И вы знаете, когда без них мы пробовали создать два года тому назад Красную Армию, то получилась партизанщина, разброд, получилось то, что мы имели 10—12 миллионов штыков, но ни одной дивизии; ни одной годной к войне дивизии не было, и мы неспособны были миллионами штыков бороться с ничтожной регулярной армией белых. Этот опыт дался нам кровавым путем, и этот опыт надо перенести в промышленность.

Тут опыт говорит, что всякого представителя буржуазной культуры, буржуазного знания, буржуазной техники надо ценить. Без них мы не сумеем построить коммунизма. Рабочий класс, как класс, управляет, и когда он создал Советскую власть, эта власть находится в его руках, как класса, и он всякого представителя буржуазных интересов

может взять за шиворот и выкинуть воп. В этом состоит власть пролетариата. Но, чтобы построить коммунистическое общество, давайте сознайтесь откровенно в нашем громадном неумении вести дела, быть организаторами и администраторами, мы должны подходить к делу с величайшей осторожностью, помня, что только тот пролетарий является сознательным, который умеет подготовить к делу предстоящей кампании буржуазного спеца и ни одной лишней минуты не тратит на расходование человеческой силы, какая всегда тратится излишне на коллегиальность.

Я повторяю, что от предстоящей кампании водного транспорта наша судьба, может быть, больше зависит, чем от предстоящей войны с Польшей, если нам ее навяжут. Ведь и война уперлась в разрушенный транспорт. У нас войска много, но мы не можем его подвезти, не можем снабдить его продовольствием, не можем подвезти соли, которой у нас масса, а без этого товарообмена никакие правильные сношения с крестьянами немислимы. Вот почему на теперешнюю водную кампанию вся республика, вся Советская власть, все существование рабоче-крестьянской власти возлагают задачи исключительной, величайшей важности. Нельзя терять ни одной недели, ни одного дня, ни одной минуты, надо остановить эту разруху и устроить и учетверить возможности.

Все зависит, может быть, от топлива, но положение с топливом теперь лучше, чем в прошлом году. Мы дров можем сплавить больше, если не допустим беспорядка. У нас во много раз дело обстоит лучше с нефтью, не говоря уже о том, что Грозный, наверное, в близком будущем будет в наших руках, и если это все-таки еще вопрос, то Эмбенская промышленность в наших руках, а там от 10 до 14 млн. пудов нефти сейчас уже имеются. И если водный транспорт во-время и быстро поможет сплавить к Саратову громадное количество строительного материала, то мы сладим с железной дорогой к Эмбе. А вы знаете, что значит иметь нефть для водного транспорта. За короткое время поставить железные дороги на высоту мы не сможем. Дай бог, — т. е., конечно, не бог, а умение преодолеть старые предрассудки рабочих, — если мы немного улучшим железные дороги в 4—5 месяцев. И вот водный транспорт должен сделать в водную кампанию дело героическое.

Одним налетом, подъемом, энтузиазмом ничего сделать нельзя; только организация, выдержка, только сознательность поможет, когда будет говорить сильнее не тот, кто боится буржуазного специалиста, кто угощает общими фразами, а тот, кто умеет утвердить, осуществить твердую власть, хотя бы единоличную, но осуществить ее во имя интересов пролетариата, понимая, что все зависит от водного транспорта.

Чтобы двигать вперед, надо установить лестницу; чтобы неверующего продвинуть по лестнице, нужно наладить дело, нужно выбирать и выдвигать людей, которые умеют налаживать водный транспорт. У нас есть люди, которые говорят по поводу военной дисциплины: «Вот еще! К чему это?». Такие люди не понимают положения России и не понимают, что на фронте кровавом у нас борьба кончается, а на фронте бескровном начинается, и что тут не меньше нужно напряжения, сил и жертв и ставка тут не меньше и сопротивление не меньшее, а гораздо большее. Всякий зажиточный крестьянин, всякий кулак, всякий представитель старой администрации, который не хочет действовать за рабочего, — это все враги. Не делайте себе никаких иллюзий. Чтобы победить, нужна величайшая борьба, нужна железная, военная дисциплина. Кто этого не понял, тот ничего не понял в условиях сохранения рабочей власти и приносит своими соображениями большой вред этой самой рабоче-крестьянской власти.

Вот почему, товарищи, я заканчиваю свое слово надеждой и уверенностью, что к предстоящим задачам предстоящей водной кампании вы отнесетесь с величайшим вниманием и поставите себе задачу, не останавливаясь ни перед какими жертвами, создать настоящую, железную, военную дисциплину и создать такие же чудеса в водном транспорте, какие за два года были сделаны нашей Красной Армией. (А п л о д и с м е н т ы.)

**РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ
ПАМЯТИ Я. М. СВЕРДЛОВА⁹²
16 МАРТА 1920 г.**

КРАТКИЙ ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Указав на то, что покойный товарищ Свердлов обладал крупнейшим организаторским талантом, товарищ Ленин отметил, что это невольно направляет мысли на значение организации и на роль организаторов в деле советского строительства. Характеризуя исключительное значение организации, Ленин указывает, что именно она является главным оружием рабочего класса в революционной борьбе. Указывая на соотношение общественных сил в различные моменты со времени Октябрьской революции, Ленин говорит, что диктатура пролетариата была бы невозможна, если бы не было сплочения трудящихся. Он приходит к выводу, что главная сила всех военных успехов на наших фронтах, а также успехов, постепенно достигаемых в деле борьбы с экономической разрухой, заключается именно в организации. Оценивая с этой точки зрения работу покойного тов. Свердлова, как организатора, Ленин указывает, что такой авангард организаторов имелся у нас благодаря тому, что они прошли тяжелую школу жизни еще тогда, когда пришлось работать в подполье. Такой же авангард организаторов особенно нужен теперь в Германии, которая переживает коридловщину. Ленин указывает, что в среде трудящихся, даже среди беспартийных рабочих и крестьян, много имеется организаторских талантов, но мы еще не научились их находить и ставить на подобающее им место. Он выражает уверенность, что в дальнейшем из этой среды будет выделяться большее и большее число организаторов, которые, памятуя о работе тов. Свердлова, твердо пойдут по его стопам.

ДВЕ РЕЧИ, ЗАПИСАННЫЕ НА ГРАММОФОННЫХ ПЛАСТИНКАХ⁹³

1

О РАБОТЕ ДЛЯ ТРАНСПОРТА

Товарищи! Великие победы Красной Армии избавили нас от нашествия Колчака, Юденича и почти покончили с Деникиным.

Разбиты войска помещиков и капиталистов, которые хотели при помощи капиталистов всего мира восстановить свое всевластие в России.

Но война империалистская, затем война против контрреволюции страшно разорили и обессилили всю страну.

Надо напрячь все усилия, чтобы победить разруху, чтобы восстановить промышленность и земледелие, чтобы давать крестьянам за хлеб необходимые для них продукты.

Теперь мы, победив помещиков, освободив Сибирь, Украину, Северный Кавказ, вполне можем восстановить хозяйство страны.

У нас много хлеба, есть теперь уголь, нефть. Все дело сейчас за транспортом. Железные дороги расстроены. Надо восстановить транспорт. Тогда мы подвезем на фабрики хлеб, уголь и нефть, тогда мы подвезем соль, тогда начнется восстановление промышленности, кончится голод фабрично-заводских и железнодорожных рабочих.

Пусть же все рабочие и крестьяне берутся за дело восстановления транспорта, за работу самую упорную и самоотверженную.

Все работы, необходимые для восстановления транспорта, должны выполняться с полным рвением, революционной энергией, беззаветной преданностью.

Мы победили на фронте кровавой войны.

Мы победим на фронте бескровном, на фронте труда.

Все за работу по восстановлению транспорта!

Произнесено в конце марта 1920 г.

*Впервые напечатано 21 января 1928 г.
в газете «Правда» № 18*

*Печатается по записи
на граммофонной пластинке*

2

О ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Почему мы победили Юденича, Колчака и Деникина, хотя им помогали капиталисты всего мира?

Почему мы уверены, что победим теперь разруху, восстановим промышленность и земледелие?

Мы победили помещиков и капиталистов потому, что красноармейцы, рабочие и крестьяне знали, что они борются за свое кровное дело.

Мы победили потому, что лучшие люди всего рабочего класса и всего крестьянства проявили невиданный героизм в этой войне с эксплуататорами, совершали чудеса храбрости, переносили неслыханные лишения, жертвовали собой, изгоняли беспощадно шкурников и трусов.

И теперь мы уверены, что победим разруху, потому что лучшие люди всего рабочего класса и всего крестьянства так же сознательно, с такой же твердостью, с таким же героизмом поднимаются на борьбу.

А когда миллионы трудящихся объединяются, как один человек, идя за лучшими людьми своего класса, — тогда победа обеспечена.

Из армии прогнали шкурников. Все мы скажем теперь: «Долой шкурников, долой тех, кто думает о своей выгоде и спекуляции, об отлынивании от работы, кто боится необходимых для победы жертв!».

Да здравствует трудовая дисциплина, рвение в труде, преданность рабочему и крестьянскому делу!

Вечная слава тем, кто погиб в первых рядах Красной Армии!

Вечная слава тем, кто ведет за собой теперь миллионы трудящихся, идя с наибольшим рвением в первых рядах армии труда!

Произнесено в конце марта 1920 г.

*Впервые напечатано 21 января 1928 г.
в газете «Правда» № 18*

*Печатается по записи
на граммофонной пластинке*

IX СЪЕЗД РКП(б)⁹⁴**29 МАРТА — 5 АПРЕЛЯ 1920 г.**

Напечатано в книге:
«Десятый съезд Российской комму-
нистической партии. Стенографи-
ческий отчет». Москва, 1930

Печатается по тексту книги,
сверенному со стенограммой

Первая страница
анкеты В. И. Лешна,
делегата IX съезда РКП(б). —
29 марта 1920 г.

Уменьшено

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Личная анкета

для делегатов 9-го Съезда Р. К. П. (большевиков).

1. Имя, отчество и фамилия. *Иванович Шварцманов (Шварц)*

2. № делегатского билета *381*

3. В какой организации числитесь (уезд, губерния).
Минск.

4. Число членов вашей организации. *35 000*

5. Как избраны (на губконференции, уездконференции, общем собрании и т. д.) и когда.
Моск. губконференция

6. Число представленных членов партии на губконференции, уездконференции, общем собрании, на которой вы были избраны на Съезд
35 000

7. Возраст. *50*

8. Образование. *Высшее*

9. Бывшая профессия (указать вполне определенно), для каких специальности знаете.
*Юрист: мал., уезд. нотар.
журналист*

10. Национальность. *Белорус*

11. Семейное положение. *Учен*

Партийная работа.

12. С какого времени состоите членом Р. К. П. (год, месяц).
с 1893 г.

13. На каких Всероссийских партийных Съездах вы участвовали.
Каждый год по всей

14. Какую партийную работу исполняли, когда и где.
Член ЦК. и ред. Ц.О.

1

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА
29 МАРТА

Позвольте мне прежде всего от имени ЦК РКП приветствовать съехавшихся делегатов на партийный съезд.

Товарищи, мы открываем очередной партийный съезд в момент в высшей степени важный. Внутреннее развитие нашей революции привело к самым большим, быстрым победам над противником в гражданской войне, а в силу международного положения эти победы оказались не чем иным, как победой советской революции в первой стране, совершившей эту революцию, в стране самой слабой и отсталой, победой над соединенными всемирным капитализмом и империализмом. И после этих побед мы можем теперь со спокойной и твердой уверенностью приступить к очередным задачам мирного хозяйственного строительства, с уверенностью, что настоящий съезд подведет итоги более чем двухлетнему опыту советской работы и сумеет воспользоваться приобретенным уроком для решения предстоящей, более трудной и сложной задачи хозяйственного строительства. А в международном отношении наше положение никогда не было еще так выгодно, как теперь, и, что особенно наполняет нас радостью и бодростью, это те вести, которые каждый день мы получаем из Германии и которые показывают, что, как ни трудно, ни тяжело рождается социалистическая революция, пролетарская советская власть в Германии растет неудержимо. Немецкая корниловщина сыграла и в Германии такую же роль, как и в России. После корниловщины начался поворот к рабочей власти не только в массах городских рабочих, но и в сельском пролетариате Германии, и этот поворот имеет всемирное историческое значение. Он дает

нам не только еще и еще раз абсолютное подтверждение правильности пути, он дает нам уверенность, что не далеко время, когда мы будем идти рука об руку с немецким советским правительством. (Аплодисменты.)

Объявляю съезд открытым и прошу приступить к выбору президиума.

2

ДОКЛАД ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
29 МАРТА

Товарищи, прежде чем начать доклад, я должен сказать, что доклад разделен, как было это и на предыдущем съезде, на две части: на политическую часть и на организационную. Это разделение прежде всего наводит на мысли о том, как сложилась работа ЦК с внешней, организационной стороны. Наша партия прожила теперь первый год без Я. М. Свердлова, и эта потеря не могла не сказаться на всей организации ЦК. Так уметь объединить в одном себе организационную и политическую работу, как умел это делать тов. Свердлов, не умел никто, и нам пришлось попытаться заменить его работу работой коллегии.

Работа ЦК за отчетный год велась в смысле текущей повседневной работы двумя выбранными на пленуме ЦК коллегиями — Организационным бюро ЦК и Политическим бюро ЦК, причем, для согласования и последовательности решений того и другого учреждения, секретарь входил в оба бюро. Дело сложилось таким образом, что главной настоящей задачей Оргбюро было распределение партийных сил, а задачей Политического бюро — политические вопросы. Само собою понятно, что это разделение до известной степени искусственно, понятно, что никакой политики нельзя провести, не выражая ее в назначении и перемещении. Следовательно, всякий организационный вопрос принимает политическое значение, и у нас установилось на практике, что достаточно заявки одного члена ЦК, чтобы любой вопрос, в силу тех или иных соображений, рассматривался как вопрос политический. Попытка иначе разграничить деятельность ЦК едва ли была целесообразна и на практике едва ли достигла бы цели.

Указанный способ ведения дела привел к результатам чрезвычайно благоприятным: у нас не было случая, чтобы между тем и другим бюро возникали трудности. Работы обоих этих органов складывались в общем дружно, и практическое применение облегчалось присутствием секретаря, причем секретарем партии всецело и исключительно исполнялась воля ЦК. Надо подчеркнуть с самого начала, чтобы устранить те или иные недоразумения, что только коллегиальные решения ЦК, принятые в Оргбюро или в Политбюро, или пленуме ЦК, исключительно только такие вопросы проводились в жизнь секретарем ЦК партии. Иначе работа ЦК не может идти правильно.

После небольших замечаний о внутреннем распорядке работы ЦК я перейду к своей задаче, к отчету ЦК. Дать отчет о политической работе ЦК — задача очень трудная, если понять ее в буквальном смысле слова. За этот год громадная часть работы Политбюро сводилась к текущему разрешению всякого возникавшего вопроса, имеющего отношение к политике, объединяющего действия всех советских и партийных учреждений, всех организаций рабочего класса, объединяющего и стремящегося направить всю работу Советской республики. Политбюро разрешало все вопросы международной и внутренней политики. Понятно, что поставить себе целью приблизительно перечислить эти вопросы представляется невозможным. В том, что напечатано ЦК к настоящему съезду, вы найдете необходимый материал для сводки. Пытаться повторить эту сводку в докладе мне было бы непосильно и, сдастся мне, было бы неинтересно для делегатов. Каждый из нас, работая в той или иной партийно-советской организации, следит ежедневно за необыкновенной сменой политических вопросов, внешних и внутренних. Самое решение этих вопросов, как оно выражалось в декретах Советской власти, в деятельности партийных организаций, в каждом повороте, было оценкою ЦК партии. Надо сказать, что вопросов было так много, что решать их приходилось сплошь и рядом в условиях чрезвычайной спешки, и только благодаря полному знакомству членов коллегии между собою, знанию оттенков мнений, доверию, можно было выполнять работу. Иначе это было бы непосильно даже для коллегии втрое большей. Часто приходилось

решать сложные вопросы, заменяя собрания телефонным разговором. Это делалось при уверенности, что некоторые, заведомо сложные, спорные вопросы не будут обойдены. Сейчас, когда мне предстоит сделать общий доклад, я позволю себе, вместо обзора хронологического и группировки предметов, остановиться на главных, наиболее существенных моментах, притом тех, которые связывают опыт вчерашнего дня, вернее, опыт пережитого года с задачами, которые перед нами стоят.

Для истории Советской власти время еще не настало. Если бы и настало, то мы, скажу за себя, — думаю, и за ЦК, — историками быть не собираемся, а интересует нас настоящее и будущее. Прошлый отчетный год мы берем, как материал, как урок, как подножку, с которой мы должны ступить дальше. С этой точки зрения работа ЦК разделяется на две крупных отрасли: на работу, которая связана была с задачами военными и определяющими международное положение республики, и на ту работу внутреннего, мирного хозяйственного строительства, которая стала выдвигаться на первый план, может быть, лишь с конца прошлого или начала текущего года, когда вполне выяснилось, что решающую победу на решающих фронтах гражданской войны мы одержали. Весной прошлого года наше военное положение было в высшей степени трудным, нам предстояло пережить, как вы помните, не мало поражений, новых, огромных, не ожидавшихся раньше наступлений представителей контрреволюции и представителей Антанты, которых не предполагали раньше. Поэтому совершенно естественно, что большая часть этого периода протекала в работах по выполнению задачи военной, задачи гражданской войны, которая всем малодушным, не говоря о партии меньшевиков, эсеров и других представителей мелкобуржуазной демократии, массе промежуточных элементов представлялась неразрешимой, которая заставила их совершенно искренно говорить, что эта задача неразрешима, что Россия отстала и ослаблена и не может победить капиталистического строя всего мира, раз революция на Западе затянулась. И нам приходилось поэтому, оставаясь на своей позиции, с полной твердостью и сохранением абсолютной уверенности говорить, что мы победим, приходилось проводить лозунг — «все для победы» и «все для войны».

Во имя этого лозунга приходилось идти совершенно сознательно и открыто на неудовлетворение целого ряда самых насущных потребностей, оставляя без помощи сплошь и рядом очень многих, в уверенности, что мы должны сосредоточить все силы на войне и победить в той войне, которую нам Антанта навязала. И только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек шли десятки, сотни, тысячи, и в конечном счете миллионы, и только потому, что неслыханные жертвы были принесены, — только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только поэтому, несмотря на двухкратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить. И, разумеется, мы не только подчеркиваем эту сторону дела, но мы должны иметь в виду, что эта сторона дела составляет урок, что без дисциплины и без централизации мы никогда не осуществили бы этой задачи. Принесенные нами неслыханные жертвы для спасения страны от контрреволюции, для победы русской революции над Деникиным, Юденичем и Колчаком есть залог всемирной социальной революции. Для того, чтобы это осуществить, надо было, чтобы была дисциплина партии, строжайшая централизация, абсолютная уверенность в том, что неслыханно тяжелые жертвы десятков и сотен тысяч людей помогут проведению в жизнь всех этих задач, что это действительно может быть сделано и обеспечено. А для этого нужно было, чтобы наша партия и тот класс, который осуществляет диктатуру, рабочий класс, чтобы они были элементами, объединяющими миллионы и миллионы трудящихся и в России и во всем мире.

Если подумать о том, что же лежало, в конце концов, в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира, то мы видим, что это — централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование. На какой почве? Миллионы трудящихся могли прийти в стране, меньше всего воспитанной, к организации, к тому, что эта дисциплина и эта централизация осуществились только на той почве, что рабочие, прошед-

шие школу капитализма, объединены капитализмом, что пролетариат во всех передовых странах, и чем больше страна передовая, тем в больших размерах, объединялся; с другой стороны, благодаря тому, что собственность, капиталистическая собственность, мелкая собственность в товарном производстве разъединяет. Собственность разъединяет, а мы объединяем и объединяем все большее и большее число миллионов трудящихся во всем свете. Теперь это видно, можно сказать, даже слепым, по крайней мере, тем из них, которые не хотели этого видеть. Чем дальше, тем больше наши враги разъединялись. Их разъединяла капиталистическая собственность, частная собственность при товарном производстве, будь это мелкие хозяйчики, которые спекулируют продажей излишков хлеба и наживаются на счет голодных рабочих, будь это капиталисты различных стран, хотя бы они обладали военной мощью, создавали «Лигу наций», «великую единую лигу» всех передовых наций мира. Такое единство — сплошная фикция, сплошной обман, сплошная ложь. И мы видели, что — величайший пример — эта пресловутая «Лига наций», которая пыталась раздавать права на управление государствами, делить мир, этот пресловутый союз оказался пуфом, который сейчас же разлетелся, потому что основывали его на капиталистической собственности. Мы видели это в величайшем историческом масштабе, это подтверждает ту основную истину, на признании которой мы строили свою правоту, свою абсолютную уверенность в победе Октябрьской революции, в том, что мы берем дело такое, к которому, несмотря на всю трудность, на все препятствия, будут присоединяться миллионы и миллионы трудящихся во всех странах. Мы знали, что у нас союзники есть, что надо уметь проявить самопожертвование в одной стране, на которую история возложила почетную, труднейшую задачу, чтобы неслыханные жертвы окупились сторицей, потому что всякий лишний месяц, который проживем мы в своей стране, нам даст миллионы и миллионы союзников во всех странах.

Если в конечном счете подумать о том, почему вышло так, что мы могли победить, что мы должны были победить, то только потому, что все наши враги, формально связанные какими угодно связями с сильнейшими в мире правительствами и представителями капитала, — как бы

они ни были объединены формально, — оказались разъединенными, их внутренняя связь по сути дела их же разъединяла, бросала их друг против друга, и капиталистическая собственность разлагала их, превращала из союзников в диких зверей, так что они не видели, что Советская Россия увеличивает число своих сторонников среди английских солдат, высадившихся в Архангельске, среди французских матросов, высадившихся в Севастополе, среди рабочих всех стран, где социал-соглашатели приняли сторону капитала во всех без изъятия передовых странах. И эта основная причина, самая глубокая причина, в последнем счете дала нам вернейшую победу, она явилась тем источником, который продолжает быть самым главным, непреодолимым, неиссякаемым источником нашей силы и который позволяет нам говорить, что, когда мы осуществим в своей стране в полной мере диктатуру пролетариата, наибольшее объединение его сил, через авангард, через передовую его партию, мы можем ждать мировой революции. И это есть на самом деле выражение воли, выражение пролетарской решимости к борьбе, выражение пролетарской решимости к союзу миллионов и десятков миллионов рабочих во всех странах.

Это господа буржуа и якобы социалисты II Интернационала объявили агитационными фразами. Нет, это есть историческая действительность, которая подтверждена кровавым и тяжелым опытом гражданской войны в России, ибо эта гражданская война была войной против всемирного капитала, и этот капитал распадался сам собою в драке, пожрал себя, тогда как мы выходили более закаленными, более сильными в стране умирающего от голода, от сыпного тифа пролетариата. В этой стране мы присоединяли к себе новых и новых трудящихся. То, что прежде соглашателям казалось агитационной фразой, над чем буржуазия привыкла смеяться, этот год нашей революции, и больше всего отчетный год, превратил окончательно в бесспорный исторический факт, который дает возможность сказать с позитивнейшей уверенностью: если мы это сделали, то этим подтверждается, что у нас есть всемирная основа, бесконечно более широкая, чем в каких бы то ни было прежних революциях. У нас есть международный союз, который нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения «госу-

дарственного права», а в действительности, в разлагающемся капиталистическом мире представляет из себя все. Каждый месяц, когда мы отвоевывали себе позиции или когда мы просто удерживались против неслыханно могущественного врага, доказывал всему миру, что мы правы, и давал нам новые миллионы людей.

Этот процесс казался трудным, сопровождался гигантскими поражениями. За неслыханным белым террором в Финляндии последовало как раз в отчетном году поражение венгерской революции, которую задушили представители Антанты, по тайному договору с Румынией, обманув свои парламенты.

Это было самое подлое предательство, заговор международной Антанты, чтобы белым террором задушить венгерскую революцию, не говоря уже о том, как они всячески шли на соглашение с германскими соглашателями, чтобы задушить германскую революцию; как эти люди, объявившие Либкнехта честным немцем, как они на этого честного немца бросились, как бешеная собака, вместе с немецкими империалистами. Они превзошли все, что можно было, и всякое такое подавление с их стороны только укрепляло, усиливало нас, подрывало у них почву.

И я думаю, что этот основной опыт, который мы проделали, должен быть больше всего учтен нами. Здесь больше всего надо подумать о том, чтобы сделать основой нашей агитации и пропаганды — анализ, объяснение того, почему мы победили, почему эти жертвы гражданской войны окупались сторицей, и как надо поступить на основании этого опыта, чтобы одержать победу в другой войне, войне на фронте бескровном, в войне, которая только переменяла форму, а ведут ее против нас все те же старые представители, слуги и вожди старого капиталистического мира, лишь еще более ретиво, бешено и рьяно. На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления. Ибо вы все прекрасно помните, — это было не так давно с точки зрения времени,

но давно с точки зрения текущих событий, — вы помните, что большевизм рассматривали в начале Октябрьской революции, как курьез; и если в России пришлось очень скоро от этого взгляда отказаться, то от этого взгляда, который являлся выражением неразвитости, слабости пролетарской революции, отказались и в Европе. Большевизм стал мировым явлением, рабочая революция подняла голову. Советская система, в которой мы, создавая ее в октябре, следовали заветам 1905 года, разрабатывая собственный опыт, эта советская система оказалась всемирно-историческим явлением.

Теперь два лагеря в полной сознательности стоят друг против друга, во всемирном масштабе, без малейшего преувеличения. Надо отметить, только за этот год они стали друг против друга в решительной и окончательной борьбе, и мы сейчас, как раз во время работы съезда, переживаем, может быть, один из самых крупнейших, резких, незаконченных, переходных моментов от войны к миру.

Вы все знаете, как пришлось вождям империалистических держав Антанты, которые кричали на весь мир: «никогда не прекратим войны с узурпаторами, разбойниками, захватчиками власти, противниками демократии, большевиками», — вы знаете, как они сначала сняли блокаду, как у них сорвалась попытка объединить мелкие державы, потому что мы сумели привлечь на свою сторону не только рабочих всех стран, но нам удалось привлечь и буржуазию мелких стран, потому что империалисты являются угнетателями не только рабочих своих стран, но и буржуазии мелких государств. Вы знаете, как мы привлекли на свою сторону колеблющуюся буржуазию внутри передовых стран, и вот теперь наступил момент, когда Антанта нарушает свои прежние обещания, заветы, нарушает свои договоры, которые она, между прочим, заключала десятки раз с разными русскими белогвардейцами, и теперь с этими договорами она сидит у разбитого корыта, потому что на эти договоры она выбросила сотни миллионов и не довела дела до конца.

Теперь, сняв блокаду, она начала фактически мирные переговоры с Советской республикой, и теперь она эти переговоры не доводит до конца, поэтому мелкие державы потеряли в нее веру, веру в ее силы. Мы видим, что поло-

жение Антанты, ее внешнее положение совершенно не подлежит определению с точки зрения обычных понятий юриспруденции. Государства Антанты с большевиками находятся ни в мире, ни в войне, у них есть и признание нас, и непризнание. И этот полный распад наших противников, которые были уверены, что они что-то из себя представляют, показывает, что они ничего из себя не представляют, кроме кучки капиталистических зверей, перессорившихся между собою и совершенно бессильных сделать что-либо нам.

Теперь положение таково, что нам официально сделаны мирные предложения Латвией; Финляндия прислала телеграмму, в которой официально говорится о демаркационной линии, но по существу это — переход к мирной политике. Наконец, Польша, та Польша, представители которой особенно сильно бряцали оружием и продолжают бряцать, та Польша, которая больше всего получила и получает поездов с артиллерией и обещаний помогать всем, лишь бы Польша продолжала борьбу с Россией, даже эта Польша, неустойчивое положение правительства которой вынуждает идти на какую угодно авантюру с войной, эта Польша прислала приглашение открыть мирные переговоры. Надо быть в высшей степени осторожным. Наша политика требует больше всего внимательного отношения. Тут труднее всего найти правильную линию, потому что тех рельс, на которых поезд стоит, тоже никто не знает еще, — сам враг не знает, что он будет делать дальше. Господа представители французской политики, которые больше всего науськивают Польшу, и вожди помещичье-буржуазной Польши не знают, что будет дальше, не знают, что они хотят. Они сегодня говорят: «Господа, несколько поездов с пушками, несколько сот миллионов, и мы готовы воевать с большевиками». Они скрывают вести о забастовках, которые в Польше разрастаются, пажимают на цепзур, чтобы скрыть правду. А революционное движение там возрастает. Революционный рост в Германии, в его новом фазисе, в его новой ступени, когда рабочие, после германской корниловщины, создают красные армии, говорит прямо (последние телеграммы оттуда), что рабочие загораются все больше и больше. В сознание самих представителей буржуазно-помещичьей Польши начинает проникать мысль: «Не поздно ли, не будет ли раньше

Советская республика в Польше, чем учинение государственного акта, мирного или военного?». Они не знают, что делать. Они не знают, что несет им завтрашний день.

Мы знаем, что каждый месяц дает нам гигантское усиление наших сил и будет давать больше. Поэтому мы стоим теперь в международном отношении прочнее, чем когда бы то ни было. Но мы к международному кризису должны относиться с чрезвычайной внимательностью и готовностью претерпеть какие бы то ни было неожиданности. У нас есть формальное предложение мира от Польши. Эти господа находятся в отчаянном положении, настолько отчаянном, что их друзья, немецкие монархисты, люди более воспитанные, с большим политическим опытом и знанием, метнулись на авантюру, на корниловщину. Польская буржуазия бросает мирное предложение, зная, что авантюра может быть польской корниловщиной. Зная, что наш противник находится в отчаянно трудном положении, — противник, который не знает, что он хочет делать, что будет делать завтра, — мы с полной твердостью должны сказать себе, что, несмотря на то, что мирное предложение было, война возможна. Дальнейшее поведение их предвидеть невозможно. Мы этих людей видели, мы этих Керенских, меньшевиков и эсеров знаем. За эти два года мы видели, как их толкало сегодня к Колчаку, завтра почти к большевикам, затем к Деникину, и все это покрывалось фразами о свободе и демократии. Мы этих господ знаем, поэтому мы обеими руками цепляемся за мирное предложение, идя на максимальные уступки, уверенные, что мир с маленькими державами двинет дело вперед в бесконечное количество раз лучше, чем война, потому что войной империалисты обманывали трудящиеся массы, под этим скрывали правду о Советской России, поэтому всякий мир откроет во сто раз больше и шире дорогу нашему влиянию. Оно и так велико за эти годы. III, Коммунистический Интернационал одержал неслыханные победы. Но мы знаем вместе с тем, что войну нам могут навязать каждый день. Наши противники сами еще не знают, на что они способны в этом отношении.

Что военные приготовления ведутся, в этом нет никакого сомнения. К этому государственному вооружению прибегают сейчас многие соседи с Россией и, может быть, многие из несоседних государств. Вот почему приходится

больше всего маневрировать в нашей международной политике и тверже всего держаться того курса, который мы взяли, и быть готовыми ко всему. Войну за мир мы выполняли с чрезвычайной энергией. Война эта дает великолепные результаты. На этом поприще борьбы мы лучше всего себя проявили, во всяком случае не хуже, чем на поприще деятельности Красной Армии, на кровавом фронте. Но не от воли маленьких государств, даже если бы они захотели мира, не от их воли зависит заключение с нами мира. Они целиком в долгу, как в шелку, странам Антанты, а там идет отчаянная грызня и соревнование между собою. Нам нужно поэтому помнить, что мир, с точки зрения всемирно-исторического масштаба, обоснованного гражданской войной и войной против Антанты, конечно, возможен.

Но наши шаги к миру мы должны сопровождать напряжением всей нашей военной готовности, безусловно не разоружая нашей армии. Наша армия является реальной гарантией того, что ни малейших попыток, ни малейших посягательств империалистические державы делать не будут, ибо хотя бы они могли рассчитывать на некоторые эфемерные успехи вначале, но ни одна из них не останется без разгрома со стороны Советской России. Это мы должны знать, это должно быть основой нашей агитации и пропаганды, и к этому мы должны суметь подготовиться и решить ту задачу, которая при растущей усталости заставляет то и другое соединить.

Перехожу к важнейшим принципиальным соображениям, которые заставляли нас с решительностью направлять трудящиеся массы на путь использования армии для решения основных и очередных задач. Старый источник дисциплины, капитал, ослаблен, старый источник объединения — исчез. Мы должны создать дисциплину новую, иной источник дисциплины и объединения. То, что является принуждением, вызывает возмущение и крики, и шум, и вопли буржуазной демократии, которая носится со словами «свобода» и «равенство», не понимая, что свобода для капитала есть преступление против рабочих, что равенство сытого и голодного есть преступление против трудящихся. Мы, во имя борьбы против лжи, стали на том, что мы трудовую повинность и объединение трудящихся осуществляем, несколько не боясь принуждения, ибо

нигде революция не производилась без принуждения, и пролетариат имеет право осуществлять принуждение, чтобы во что бы то ни стало удержать свое. Когда господа буржуа, господа соглашатели, господа немецкие независимцы, австрийские независимцы и французские лонгетисты спорили об историческом факторе, они всегда забывали такой фактор, как революционная решимость, твердость и непреклонность пролетариата. А это и есть непреклонность и закаленность пролетариата нашей страны, говорившего себе и другим и доказавшего на деле, что мы погибнем скорее все до одного, чем отдадим свою территорию, чем сдадим свой принцип, принцип дисциплины и твердой политики, для которой мы все должны принести в жертву. В момент распада капиталистических стран, капиталистического класса, в момент его отчаяния и кризиса, решает только этот политический фактор. Фразы о меньшинстве и большинстве, о демократии и свободе ничего не решают, как бы ни указывали на них герои прошлого исторического периода. Тут решают сознательность и твердость рабочего класса. Если он готов к самопожертвованию, если он доказал, что он умеет напрячь все свои силы, то это решает задачу. Все для решения этой задачи. Решимость рабочего класса, его непреклонность осуществить свой лозунг — «мы скорее погибнем, чем сдадимся» — является не только историческим фактором, но и фактором решающим, побеждающим.

От этой победы, от этой уверенности мы переходим и мы пришли к тем задачам мирного хозяйственного строительства, решение которых составляет главную функцию нашего съезда. В этом отношении нельзя говорить, по моему, об отчете Политбюро ЦК или, вернее, о политическом отчете ЦК; надо сказать прямо и открыто: да, товарищи, это вопрос, который вы решите, который вы должны взвесить авторитетом высшей партийной инстанции. Мы этот вопрос с ясностью набросали перед вами. Мы заняли определенную позицию. Ваша обязанность окончательно утвердить, исправить или изменить наше решение. Но ЦК в своем отчете должен сказать, что он в этом основном, наиболее важном вопросе занял совершенно определенную позицию. Да, теперь задача состоит в том, чтобы к мирным задачам хозяйственного строительства, задачам восстановления разрушенного производства,

приложить все то, что может сосредоточить пролетариат, его абсолютное единство. Тут нужна железная дисциплина, железный строй, без которого мы не продержались бы не только два с лишком года, — даже и двух месяцев. Нужно уметь применить нашу победу. С другой стороны, нужно понять, что этот переход требует многих жертв, которых и без того много понесла страна.

Принципиальная сторона дела для ЦК была ясна. Вся наша деятельность была подчинена этой политике, направлена в этом духе. Такой вопрос, например, который кажется частностью, который сам по себе, если бы его вырвать из связи, конечно, не может претендовать на коренное принципиальное значение, — вопрос о коллегиальности и единоличии, который вы будете решать, — он должен быть, но что бы то ни стало, поставлен под углом основных приобретений нашего знания, нашего опыта, нашей революционной практики. Нам, например, говорят: «Коллегиальность есть одна из форм участия широких масс в управлении». Но мы в ЦК по этому вопросу говорили, мы решали, и мы должны отчитаться перед вами: товарищи, с такой теоретической путаницей мириться нельзя. Если мы в основном вопросе нашей военной деятельности, нашей гражданской войны допускали бы одну десятую долю такой теоретической путаницы, мы были бы биты и биты поделом.

Позвольте мне, товарищи, в связи с отчетом ЦК и в связи с вопросом об участии нового класса в управлении на основе коллегиальности или единоначалия, внести немножко теории, указать, как управляет класс, в чем выражается господство класса. Ведь мы же в этом отношении не новички, и наша революция от прежних революций отличается тем, что в нашей революции нет утопизма. Если взамен старого класса пришел новый, то только в бешеной борьбе с другими классами он удержит себя, и только в том случае он победит до конца, если сумеет привести к уничтожению классов вообще. Гигантский, сложный процесс классовой борьбы ставит дело так, иначе вы погрязнете в болоте путаницы. В чем выражается господство класса? В чем выражалось господство буржуазии над феодалами? В конституции писалось о свободе, о равенстве. Это ложь. Пока есть трудящиеся, собственники способны и даже вынуждены, как собственники, спекулировать. Мы

говорим, что равенства нет, сытый не равен голодному и спекулянт — трудящемуся.

В чем выражается сейчас господство класса? Господство пролетариата выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность. Дух, основное содержание всех прежних конституций до самой республиканской, демократической, сводился к одной собственности. Наша Конституция потому имеет право и завоевала себе право на историческое существование, что не на бумаге только написано, что собственность отменяется. Победивший пролетариат отменил и разрушил до конца собственность, вот в чем господство класса. Прежде всего в вопросе о собственности. Когда практически решили вопрос о собственности, этим было обеспечено господство класса. Когда Конституция записала после этого на бумаге то, что жизнь решила — отмену собственности капиталистической, помещичьей — и прибавила: рабочий класс по Конституции имеет больше прав, чем крестьянство, а эксплуататоры не имеют никаких прав, — этим было записано то, что мы господство своего класса осуществили, чем мы связали с собою трудящихся всех слоев и мелких групп.

Мелкобуржуазные собственники раздроблены; те среди них, которые имеют большую собственность, являются врагами тех, кто имеет меньше, и пролетарии, отменяя собственность, объявляют им открытую войну. Есть еще много людей бессознательных, темных, которые целиком стоят за какую угодно свободную торговлю, но которые, когда они видят дисциплину, самопожертвование в победе над эксплуататорами, не могут воевать, они не за нас, но бессильны выступать против нас. Только господством класса определено отношение собственности и отношение того, какой класс наверху. Кто связывает вопрос, в чем выражается господство класса, с вопросом о демократическом централизме, как это мы часто наблюдаем, тот вносит такую путаницу, что никакая успешная работа на этой почве идти не может. Ясность пропаганды и агитации есть основное условие. Если наши противники говорили и признавали, что мы сделали чудеса в развитии агитации и пропаганды, то это надо понимать не внешним образом, что у нас было много агитаторов и было истрачено много бумаги, а это надо понимать внутренним образом, что та

правда, которая была в этой агитации, пробивалась в головы всех. И от этой правды отклониться нельзя.

Когда классы сменяли друг друга, то они меняли отношение к собственности. Буржуазия, сменив феодализм, изменила отношение к собственности; конституция буржуазии говорит: «Кто имеет собственность, равен тому, кто нищий». Это была свобода буржуазии. Это «равенство» давало господство в государстве капиталистическому классу. И что же — вы думаете, когда буржуазия сменила феодализм, она смешивала государство с управленцем? Нет, они такими дураками не были, они говорили, что для того, чтобы управлять, надо иметь людей, умеющих управлять, для этого мы возьмем феодалов и переделаем их. Они так и сделали. Что же, это была ошибка? Нет, товарищи, умение управлять с неба не валится и святым духом не приходит, и оттого, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению. Мы видим на примере: пока буржуазия побеждала, она для управления брала выходцев из другого, феодального класса, да иначе и взять было неоткуда. Надо смотреть трезво на вещи: буржуазия брала предыдущий класс, и сейчас у нас также задача — уметь взять, подчинить, использовать его знание, подготовку, воспользоваться всем этим для победы класса. Поэтому мы говорим, что победивший класс должен быть зрелым, а зрелость свидетельствуется не прописью или удостоверением, она удостоверяется опытом, практикой.

Буржуа победили, не умея управлять, и они обеспечили себе победу тем, что объявили новую конституцию и рекрутировали, набрали администраторов из своего класса и начали учиться, используя администраторов из предыдущего класса, и своих новых стали учить, готовить к администраторству, пуская для этого в ход весь государственный аппарат, секвестрируя феодальные учреждения, пуская в школу тех, кто богат, и таким образом через долгие годы и десятилетия они подготовили администраторов из своего класса. Ныне в государстве, устроенном по образу и подобию господствующего класса, нужно делать так, как бывало во всех государствах. Если мы не хотим стать на позицию чистейшего утопизма и пустых фраз, мы должны сказать, что мы должны учитывать опыт прежних лет, что мы должны обеспечить завоеванную

революцией Конституцию, но для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт, а таких людей нам взять неоткуда, как только из предыдущего класса.

Сплошь и рядом рассуждение о коллегиальности пропитано самым невежественным духом, духом антиспециализма. С таким духом победить нельзя. Для того, чтобы победить, надо понять всю глубочайшую историю старого буржуазного мира, и чтобы строить коммунизм, надо взять и технику, и науку и пустить ее в ход для более широких кругов, а взять ее неоткуда, кроме как от буржуазии. Этот основной вопрос надо выдвинуть выпукло, надо поставить в основные задачи хозяйственного строительства. Мы должны управлять с помощью выходцев из того класса, который мы свергли, — выходцев, которые пропитаны предрассудками своего класса и которых мы должны переучить. Вместе с этим мы должны вербовать своих управителей из рядов своего класса. Мы должны весь аппарат государственный употребить на то, чтобы учебные заведения, внешкольное образование, практическая подготовка — все это шло, под руководством коммунистов, для пролетариев, для рабочих, для трудящихся крестьян.

Только так мы можем поставить дело. После нашего двухлетнего опыта мы не можем рассуждать так, как будто бы мы в первый раз взялись за социалистическое строительство. Мы наглушили достаточно в период Смольного и около Смольного. В этом нет ничего позорного. Откуда было взять ума, когда мы в первый раз брались за новое дело! Мы пробовали так, пробовали этак. Плыли по течению, потому что нельзя было выделить элемента правильного и неправильного, — на это надо время. Теперь это — недалекое прошлое, из которого мы вышли. Это прошлое, когда царил хаос и энтузиазм, ушло. Документом этого прошлого является Брестский мир. Это исторический документ, больше — это исторический период. Брестский мир навязан был нам потому, что мы были бессильны во всех областях. Что такое был этот период? Это был период бессилия, из которого мы вышли победителями. Это был период сплошной коллегиальности. Из этого исторического факта не выскочишь, когда говорят, что коллегиальность — школа управления. Нельзя же все время сидеть

в подготовительном классе школы! (Аплодисменты.) Этот номер не пройдет. Мы теперь взрослые, и нас будут дуть и дуть во всех областях, если мы будем поступать, как школьники. Надо идти вперед. Надо с энергией, с единством воли подниматься выше. На профсоюзы ложатся гигантские трудности. Надо добиться, чтобы они эту задачу усвоили в духе борьбы против остатков пресловутого демократизма. Все эти крики о назначениях, весь этот старый, вредный хлам, который находит место в разных резолюциях, разговорах, должен быть выметен. Иначе мы победить не можем. Если мы этот урок за два года не усвоили, — мы отстаем, а отстающие будут биты.

Задача в высшей степени трудная. Наши профсоюзы оказали гигантскую помощь в строительстве пролетарского государства. Они были зпеном, которое связывало партию с миллионной темной массой. Не будем играть в прятки: профсоюзы выносили на своих плечах всю задачу борьбы с нашими бедами, когда приходилось помогать государству в работе по продовольствию. Разве это не была величайшая задача? Недавно вышел «Бюллетень Центрального Статистического Управления». Там подведены итоги статистиками, которых заподозрить в большевизме никак нельзя. Там есть две интересные цифры: в 1918 и 1919 гг. рабочие потребляющих губерний получали 7 пудов, а крестьяне производящих губерний потребляли 17 пудов в год. До войны они же потребляли 16 пудов в год. Вот две цифры, показывающие соотношение классов в продовольственной борьбе. Пролетариат продолжал приносить жертвы. Кричат о насилии! Но он оправдал и узаконил это насилие и доказал правильность этого насилия тем, что он принес наибольшие жертвы. Большинство населения, крестьяне производящих губерний нашей голодной разоренной России в первый раз ели лучше, чем за сотни лет в царской, капиталистической России. И мы скажем, что массы будут голодать до тех пор, пока не победит Красная Армия. Нужно было, чтобы авангард рабочего класса принес эту жертву. У него есть школа в этой борьбе; выходя из этой школы, мы должны идти дальше. Теперь надо сделать этот шаг во что бы то ни стало. Как у всяких профсоюзов; у старых профсоюзов есть своя история и прошлое. В этом прошлом они были органами отпора против того, кто угнетал труд, против капитализма. А когда

класс стал государственным и когда ему приходится теперь приносить большие жертвы и гибнуть и голодать, положение переменилось.

Но все эту перемену понимают и не все в нее вникают. Тут нам помогают некоторые меньшевики и эсеры, которые требуют замены единоличия коллегиальностью. Извините, товарищи, этот номер не пройдет! От этого мы отучились. Перед нами теперь очень сложная задача: победив на кровавом фронте, победить на фронте бескровном. Это война более трудная. Этот фронт самый тяжелый. Это мы открыто говорим всем сознательным рабочим. После той войны, которую мы выдержали на фронте, должна быть война бескровная. Получается такое положение, что чем больше мы побеждали, тем больше оказывалось таких областей, как Сибирь, Украина и Кубань. Там богатые крестьяне, там пролетариев нет, а если пролетариат и есть, то он развращен мелкобуржуазными привычками, и мы знаем, что там всякий, кто имеет кусочек земли, говорит: «Начхать мне на правительство. Я с голодного сдору, сколько вздумаю, и мне наплевать на правительство». Крестьянину-спекулянту, который, предоставленный Деникину, колебнулся в нашу сторону, теперь будет помогать Антанта. Война переменяла фронт и формы. Теперь она воюет торговлей, мешочничеством, она сделала его интернациональным. В тезисах т. Каменева, которые были опубликованы в «Известиях ЦК»⁹⁵, принципиальная основа этого выражена полностью. Они хотят мешочничество сделать интернациональным. Хотят мирное хозяйственное строительство превратить в мирное разложение Советской власти. Извините, господа империалисты, мы начеку. Мы говорим: мы воевали и победили и поэтому продолжаем ставить основным лозунгом тот, который помог нам победить. Мы целиком сохраняем его и переносим на трудовую область, именно лозунг твердости и единства воли пролетариата. Старые предрассудки, старые привычки, которые остались, с ними нужно покончить.

Я могу остановиться, в заключение, на брошюре тов. Гусева, которая в двух отношениях заслуживает, по-моему, внимания: она хороша не только со стороны формальной, не только тем, что написана к нашему съезду. Мы до сих пор почему-то все привыкли писать резолюции. Говорят, все виды литературы хороши, кроме скучных. Резолюции,

полагаю я, должны быть отнесены к скучному виду литературы. Было бы лучше, если бы мы, по примеру тов. Гусева, поменьше писали резолюций, а побольше брошюр, хотя бы и имеющих такую массу ошибок, которыми изобилует его брошюра. Но, несмотря на эти ошибки, это — лучшая вещь, потому что в ней в центре внимания поставлен основной хозяйственный план восстановления промышленности и производства всей страны, потому что в ней основному хозяйственному плану подчинено все. Центральный Комитет внес в свои тезисы, которые сегодня розданы, целый параграф, который он целиком взял из тезисов тов. Гусева. Мы можем, при помощи специалистов, еще детальнее разработать этот основной хозяйственный план. Мы должны помнить, что этот план рассчитан на много лет. Мы не обещаем сразу избавить страну от голода. Мы говорим, что борьба будет более трудная, чем на боевом фронте, но она нас более интересует, она составляет более близкий подход к нашим настоящим, основным задачам. Она требует максимального напряжения сил, того единства воли, которое мы проявляли раньше и которое мы должны проявить теперь. Если мы эту задачу решим, тогда мы одержим не меньшую победу на фронте бескровном, чем на фронте гражданской войны. (Аплодисменты.)

3

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
30 МАРТА

Товарищи, главные нападки вызвала та сторона политического отчета ЦК, которую т. Сапронов назвал руганью. Тов. Сапронов придал чрезвычайно определенный характер и привкус той позиции, которую он защищал, и чтобы показать вам, как обстоит дело с фактической стороны, я бы хотел начать с напоминания некоторых основных дат. Вот передо мной «Известия ЦК РКП» 2 марта; мы печатаем от имени ЦК письмо к организациям РКП по вопросу об организации съезда. И в первом письме говорим: «Прошло, к счастью, время чисто теоретических рассуждений, споров по общим вопросам, вынесения принципиальных резолюций. Это уже пройденная ступень, это решенная вчера и позавчера задача. Надо идти вперед, надо уметь понять, что теперь перед нами стоит *практическая задача*, что всеми силами, с энергией поистине революционной, с той же беззаветностью, с которой побеждали Колчака, Юденича, Деникина наши лучшие товарищи, рабочие и крестьяне красноармейцы, надо решить *деловую* задачу быстрой победы над разрухой».

Я должен сознаться, что тут оказался виноватым в оптимизме я, который думал, что время теоретических рассуждений прошло. В самом деле, в течение 15 лет до революции теоретизировали, два года управляли государством, надо теперь проявить деловитость и практичность, и вот мы обращаемся 2 марта к товарищам, имеющим деловой опыт. В ответ на это 10 марта печатаются в «Экономической Жизни»⁹⁶ тезисы Томского, 23 марта — тезисы тт. Сапронова, Осипского, Максимовского, 27 марта появляются тезисы Московского губернского комитета, т. е. уже после

нашего обращения к партии. И во всех этих тезисах вопрос поставлен теоретически неверно. Если наша точка зрения в письме была оптимистична, ошибочна, если нам казалось, что эта пора уже изжита нами, то тезисы указали, что она еще не изжита, и нечего жаловаться товарищам из профессиональных союзов, что к ним относились несправедливо, и теперь перед нами стоит вопрос: верна ли эта точка зрения или та позиция, которую после нашего обращения 2 марта защищали все эти тезисы? В каждом из них масса делового материала, и это надо принять во внимание. Если бы ЦК смотрел на это без серьезного внимания, то это было бы ни к чорту не годное учреждение.

Но послушайте, что пишет т. Томский:

«§ 7. Основным принципом в строснии органов регулирования и управления промышленностью, единственно могущим обеспечить участие широких непартийных рабочих масс через профсоюзы, является существующий ныне принцип коллегиального управления промышленностью, начиная от президиума ВСНХ до заводоуправления включительно. Лишь в особых случаях, по взаимному соглашению президиумов ВСНХ и ВЦСПС или ЦК соответствующих союзов, следует допускать единоличное управление отдельными предприятиями при непрременном условии контроля над единоличными администраторами со стороны профсоюзов и их органов.

§ 8. В обеспечение осуществления единства плана хозяйственного строительства и установления согласованности в деятельности профсоюзов и хозяйственных органов, участие союзов в деле управления промышленностью и ее регулирования должно быть установлено на основе следующих принципов: а) общие вопросы экономической политики обсуждаются ВСНХ и его органами с участием профсоюзов; б) руководящие хозяйственные коллегии формируются ВСНХ и его органами совместно с соответствующими органами профсоюзов; в) коллегии хозяйственных органов, обсуждая совместно с профсоюзами общие вопросы хозяйственной политики той или иной отрасли производства и давая им периодические отчеты о своей деятельности, являются органами лишь ВСНХ и обязаны проводить в жизнь лишь его постановления; г) все коллегии хозяйственных органов обязаны беспрекословно проводить в жизнь постановления высших органов ВСНХ персонально и коллегиально, отвечая лишь перед ВСНХ за их выполнение».

Это страшная путаница элементарных теоретических вопросов.

Верно, что управление идет через единоличного администратора, но кто именно окажется этим администратором, специалист или рабочий — это зависит от того, сколько у нас есть администраторов из старого и нового порядка. Но это — элементарные теоретические вещи.

Давайте говорить об этом. Если же вы хотите обсуждать политическую линию ЦК, то не подсовывайте нам ничего, что мы не ставили и не говорили. Когда мы 2 марта призывали товарищей дать нам практические подкрепления, что мы получили в ответ? Нам в ответ преподносят товарищи с мест заведомо неверные теоретические вещи. В тезисах тт. Осинского, Максимовского и Сапронова, которые появились 23 марта, все — сплошное теоретическое искажение. Они пишут, что коллегиальность в той или другой форме составляет необходимую основу демократизма. Я утверждаю, что за 15 лет предреволюционной истории социал-демократии ничего похожего вы не найдете. Демократический централизм значит только то, что представители с мест собираются и выбирают ответственный орган, который и должен управлять. Но как? Это зависит от того, сколько есть годных людей, от того, сколько там есть хороших администраторов. Демократический централизм заключается в том, что съезд проверяет ЦК, смещает его и назначает новый. Но если бы мы вздумали проверять те теоретические неверности, которые написаны в этих тезисах, мы бы никогда не кончили. Я, собственно, не буду больше этого и касаться и скажу лишь, что ЦК занял ту линию в этом вопросе, которую нельзя было не занять. Я прекрасно знаю, что т. Осинский и другие махновских и махаевских взглядов не разделяют, но за их аргументы махновцы не могут не цепляться. Они с ними связаны. Возьмите тезисы Московского губкома партии, которые были нам розданы. Здесь говорится, что в развитом социалистическом обществе, где исчезнет общественное разделение труда и прикрепление людей к профессиям, периодическая смена людей, выполняющих по очереди функцию управления, возможна только на основе широкой коллегиальности и т. д. и т. д. Все это сплошная путаница!

Мы обратились к местным практикам: помогите нам деловыми указаниями. Вместо этого нам говорят, что ЦК не считается с местами. С чем не считается? С рассуждениями о социалистическом обществе? Тут нет ни тени практицизма, ни деловитости. Конечно, у нас есть прекрасные рабочие, которые много заимствуют у интеллигенции, но иногда не лучшее, а худшее. Тогда нужно бороться с этим. Но если вы в ответ на призыв ЦК дать практиче-

ские указания выдвинули вопросы принципиальные, тогда мы должны о них говорить. Тогда мы должны сказать, что бороться с принципиальными неверностями необходимо. Те тезисы, которые после 2 марта вынесены, содержат чудовищные принципиальные неверности.

Это я утверждаю. Давайте об этом говорить и спорить. Нечего от этого отделяться! Тут нечего ссылаться на то, что мы не теоретики. Извините, т. Сапронов, ваши тезисы есть тезисы теоретика. Вы увидите, что если их внести в практику, то необходимо вернуться назад и решать вопросы в неделовой постановке. Те, кто в тезисах тт. Максимовского, Сапронова, Томского стали бы искать практические указания, глубоко ошиблись бы, они в основе своей неверны. Отношение класса к устройству государства я считаю в корне неверным и тащим нас назад. За это, понятно, стоят все те элементы, которые остаются назади, которые еще не пережили всего этого. И надо винить авторов этих тезисов не в том, что они сознательно шли за разгильдяйство, но в том, что они своей теоретической ошибкой в вопросе, который ЦК им предложил поставить, дают некоторое звание, некоторое оправдание худшим элементам. И почему все это делалось? По недомыслию. Это устанавливается по подлинным документам с полной бесспорностью.

Я перейду к обвинению, которое делалось т. Юреневым насчет т. Шляпникова. Если бы ЦК удалял т. Шляпникова, как представителя оппозиции, перед самым съездом, такой ЦК несомненно сделал бы гнусность. Когда мы установили, что т. Шляпников едет, то мы в Политбюро сказали, что мы не даем ему директив перед отъездом, и т. Шляпников накануне отъезда приходил ко мне и заявил, что он едет не по директивам ЦК. Таким образом до т. Юренева дошел просто-напросто слух, и он его распространяет. (Ю р е н е в: «Шляпников говорил мне это лично...»)

Я не знаю, как он мог вам говорить это лично, когда он перед отъездом был у меня и говорил, что он едет не по директивам ЦК. Да, конечно, если бы ЦК ссылал оппозицию перед съездом, это недопустимо. Но когда вообще говорят о ссылке, то я говорю: потрудитесь тогда выбрать ЦК, который бы мог правильно распределять силы, но который отнял бы возможность жаловаться. Как можно

так распределять, чтобы каждый был доволен? Если не будет этого распределения, то тогда зачем говорить о централизме? А если было искажение принципов, то давайте говорить о них на примерах. Если мы ссылали представителей оппозиции, то давайте пример, который рассмотрим; может быть, и есть ошибки. Может быть, был сослан т. Юренев, который подавал жалобу в Политбюро, что он неправильно взят с Запфронта? Но Политбюро, рассмотрев вопрос, нашло, что это было сделано правильно. И какой бы ЦК вы ни выбрали, он не может отказаться от распределения сил.

Дальше, относительно распределения дел между Оргбюро и Политбюро. Тов. Максимовский опытнее меня в организационных вопросах, и он говорит, что Ленин вносит путаницу в вопросах Оргбюро и Политбюро. Ну, что же, давайте разбираться. По-нашему, Оргбюро распределяет силы, а Политбюро ведает политикой. Если такое разделение неверно, то как разграничить деятельность этих двух органов? Конституцию, что ли, написать? Точно разделить Политбюро и Оргбюро, разграничить их деятельность трудно. Всякий вопрос может стать политическим, даже назначение коменданта. Если кто предлагает другое решение, так пожалуйста; тт. Сапронов, Максимовский, Юренев, давайте ваши предложения, попробуйте разделить, разграничить Оргбюро и Политбюро. У нас достаточно одного протеста члена ЦК, чтобы вопрос был признан политическим. И у нас за все время не было ни одного протеста. Самодеятельность менее всего ограничена: любой член ЦК может объявить вопрос политическим. И сколько-нибудь опытный практик в организационном вопросе, разбирающийся не как т. Максимовский, а работник, который в этой области проработал хотя бы полгода, должен вносить не такую критику, как т. Максимовский. Пусть критики дадут определенные указания, мы их примем и посоветуем выбрать новый ЦК, который и проведет эти пожелания. А мы получили только беспредметную критику, фальшивые утверждения.

Предположим, что Оргбюро вы отделите от политического руководства. Я спрашиваю, в чем же будет состоять тогда политическое руководство? Кто же руководит, как не люди, и как же руководить, как не распределять? Разве можно заставить человека, если он неспособен, проводить

известные директивы? Ему дают известные указания, его работа проверяется, наконец, его ставят на другую работу. И как же еще научить гг. Максимовского, Сапронова и Осинского, которые в тезисах намечают теоретическую поправку, которая давно была отвергнута? Они на практике проводят еще худшую вещь и доказывают, что никакого материала для деловой критики нет.

Я слышал один деловой пункт в речи т. Сапронова и впилился в этот пункт. Тов. Сапронов говорит: VII съезд Советов предписал, а мы нарушаем его предписание, что декрет о сборе льна является нарушением постановления ВЦИК. Я не могу помнить и одной десятой доли декретов, которые мы проводим. Но я навел справку в секретариате Совнаркома о правилах сбора льна. Декрет прошел 10 февраля. Что было обнаружено? Ни в Политбюро, ни в ВЦИК нет товарищей, которые были бы построены не в пользу защиты самодеятельности. Мы видели их здесь на этой трибуне. Товарищи знают, что язык подвешен у них очень хорошо. Почему же они не обжаловали это постановление? Давайте ваши жалобы! Этой жалобы не было после 10 февраля. Мы, по предложению т. Рыкова и по соглашению с тов. Середой и Наркомпродом, после долгой борьбы принимаем это постановление. Нам говорят: «Вы ошиблись!». Может быть. Поправляйте нас. Передавайте этот вопрос в Политбюро. Это будет формальное решение. Давайте протокол. Если он докажет, что мы нарушили постановление съезда, — нас нужно под суд. Где это обвинение? С одной стороны, упреки из-за Шляпникова, а с другой стороны, говорится, что решение со льном нарушили. Потрудитесь привести данные о том, что мы нарушили постановление. Но вы не приводите фактов. Все ваши слова остаются словечками: самодеятельность, назначенчество и т. д. Зачем же тогда централизм? Могли ли бы мы продержаться два месяца, если бы мы не назначали в течение двух лет, когда мы в разных местах переходили от полного истощения и разрушения опять к победе? Из-за того, что вам не нравится отозвание т. Шляпникова или т. Юренева, вы бросаете эти словечки в толпу, в бессознательную массу. Тов. Лутовинов говорит: «Вопрос не решен». Приходится решать. Если два наркома разошлись в оценке Ивана Ивановича и один утверждает, что тут есть политика, — как же быть,

укажите способ! Вы думаете, что скучные вопросы только в президиуме ВЦИК? Я говорю, что нет учреждения, где нет скучных вопросов, и всем приходится разбирать вопрос о Марии Ивововне и Сидоре Ивановиче. Но говорить, что политики нет, нельзя потому, что политика проходит через каждую голову. Тов. Лутовинов имел... — я не знаю, как сказать, я боюсь оскорбить нежность слуха т. Сапронова и боюсь употребить полемическое выражение, — но он сказал, что т. Крестинский грозил расколом. На этот счет было заседание бюро. Есть протокол бюро, и я прошу всех членов съезда взять этот протокол и прочесть. Мы пришли к выводу, что у т. Крестинского была горячность, а у вас, т. Лутовинов и т. Томский, была весьма дурно пахнущая склока. Может быть, мы неправы, — исправьте наше решение, но говорить таким образом, не читая документов, не ссылаясь на то, что было специальное заседание, что дело разбиралось в присутствии Томского, Лутовинова, этого нельзя.

Мне осталось еще коснуться двух пунктов, прежде всего назначения гг. Бухарина и Радека. Говорят, что мы их послали политкомами в ВЦСПС, и тут думают разыгрывать на той канве, что нарушается самодеятельность, проводится бюрократизм. Может быть, вы знаете лучших теоретиков, чем Радек и Бухарин, так дайте нам, может, вы знаете лучших людей, знакомых с профессиональным движением, дайте их нам. Как, ЦК не имеет права прибавить к профессиональному союзу людей, которые лучше всего теоретически знакомы с профессиональным движением и знакомы с немецким опытом и могут иметь воздействие на неправильную линию? ЦК, который бы этой задачи не выполнил, не мог бы управлять! Чем больше нас окружают крестьяне и кубанские казаки, тем труднее наше положение с пролетарской диктатурой! Поэтому нужно выпрямить линию и сделать ее стальной во что бы то ни стало, и мы эту линию партийному съезду рекомендуем.

Тов. Бубнов сказал здесь, что он тесно связан с Украиной, и этим выдал истинный характер своих возражений. Он сказал, что ЦК виноват в усилении боротьбистов. Это — вопрос самый сложный и крупнейший, и я думаю, что в этом крупнейшем вопросе, где требовалось маневрирование, и очень сложное, мы вышли победителями. Когда

мы говорили в ЦК о максимальных уступках боротьбистам, над этим смеялись, говорили, что мы не идем прямо; но прямо можно сражаться тогда, когда у неприятеля есть прямая линия. Раз неприятель двигается зигзагами, а не по прямой линии, то мы должны следовать за ним и ловить его на всех зигзагах. Мы обещали боротьбистам максимум уступок, но с тем, что они будут вести коммунистическую политику. Таким путем мы доказали, что у нас ни малейшей нетерпимости нет. И что эти уступки сделаны вполне правильно, доказывается тем, что все лучшие элементы боротьбистов вошли теперь в нашу партию. Мы эту партию перерегистрировали и вместо восстания боротьбистов, которое было неизбежно, мы получили, благодаря правильной линии ЦК, великолепно проведенной т. Раковским, то, что все лучшее, что было в среде боротьбистов, вошло в нашу партию под нашим контролем, с нашего признания, а остальное исчезло с политической сцены. Эта победа стоит пары хороших сражений. Говорить поэтому, что ЦК виноват в усилении боротьбистов, значит не понимать политической линии в национальном вопросе.

Я коснусь еще речи последнего товарища, который сказал, что надо выкинуть из программы то, что говорится о профессиональных союзах. Вот образец торопливости. Мы так легко не делаем. Мы утверждаем, что ничего выкидывать не нужно, надо обсуждать в брошюрах, статьях, в печати и т. д. Профессиональные союзы идут к тому, чтобы взять в руки хозяйственную жизнь, именно промышленность. Разговоры о том, чтобы не включать специалистов в профессиональные союзы, есть предрассудок. Профессиональные союзы являются воспитателями, и с них спрашивается строго. Плохого воспитателя ЦК не потеряет. Воспитание есть длинное и трудное дело. Здесь нельзя отделаться декретом, надо терпеливо и умело подходить, и мы идем к этому и будем идти. Дело требует быть очень осторожными, но твердыми.

4

РЕЧЬ О ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ
31 МАРТА

Товарищи, прежде всего два небольших замечания. Тов. Сапронов продолжал упрекать меня в забывчивости, но вопрос, который был им поднят, он так и не объяснил. Он продолжал уверять, что декрет о заготовке льна является нарушением постановления ВЦИК. Я заявляю, что нельзя так бросаться на партийном съезде голословными обвинениями, да притом очень серьезными. Конечно, если бы Совнарком нарушил постановление ВЦИК, то он подлежал бы привлечению к суду. Но почему с 10 февраля и по сей день никакой жалобы не поступило на то, что этот декрет есть нарушение? Мы получаем совершенно голословное обвинение, которыми бросаться очень легко, но эти способы борьбы совершенно не серьезны.

Тов. Милютин говорит, что у нас разногласий почти нет, и что поэтому выходит что-то вроде того, что Ленин против драчки и сам развивает эту драчку. Но т. Милютин несколько искажает, чего не следует делать. У нас был первый проект резолюции, набросанный т. Троцким, потом переделывавшийся коллегиально в ЦК. Мы этот проект послали гг. Милютину и Рыкову. Они нам вернули, говоря, что они с этим будут сражаться. Вот как было на деле. После того, как мы развили агитацию и получили союзников, они учинили на съезде всестороннюю оппозицию, но, увидав, что ничего не вышло, тогда только стали говорить, что они почти согласны. Конечно, это так, но надо довести дело до конца и установить, что ваше согласие означает полную вашу неудачу, после того, как оппозиция здесь выступала и пробовала сплотиться на коллегиальности. Когда время т. Милютина истекло, после

15 минут, он только вспомнил, что хорошо бы дать предмету деловую постановку. Совершенно правильно. Но я боюсь, что поздно; хотя и осталось еще заключительное слово т. Рыкова, но оппозицию спасти нельзя. Если бы защитники коллегиальности за два последних месяца сделали то, к чему они призывают, дали бы нам хоть один пример, не вроде того, что есть один директор и есть один помощник, но дали бы анкету с точным обследованием вопроса, со сравнением коллегиальности с единоличием, как было постановлено на съезде Совнархозов и в ЦК, тогда бы мы стали много умнее, тогда бы на съезде мы получили не принципиальные разговоры, которые малосуразны, тогда бы сторонники коллегиальности могли дать делу движение. Позиция их была бы сильна, если бы, в самом деле, они могли привести хоть 10 фабрик, поставленных в одинаковые условия и управляемых по принципу коллегиальности, и сравнили бы их деловым образом с постановкой дела на фабриках, управляемых единолично. На такой доклад любому докладчику можно было бы дать час, и этот докладчик двинул бы нас далеко вперед; мы, может быть, установили бы практические градации на этой почве коллегиальности. Но все дело в том, что любой из них, который должен был бы иметь практический материал, как совнархозники, так и профессионалисты, они ничего не дали, потому что ничего не имели. У них нет ничего-ничегошеньки!

Здесь т. Рыков возражал, что я хочу переделать французскую революцию, что я отрицаю, что буржуазия встала в феодальный строй. Я говорил не это. Я говорил, что при смене буржуазией феодального строя буржуазия брала феодалов и училась у них управлению, а это совершенно не противоречит вращанию буржуазии в феодальный строй. А те мои положения, что рабочий класс после захвата власти начинает осуществлять свои принципы, абсолютно никем не были опровергнуты. После захвата власти рабочий класс держит, сохраняет власть и укрепляет ее, как всякий класс, изменением отношения к собственности и новой конституцией. Это — первое мое основное положение, которое бесспорно! Второе положение, что всякий новый класс учится у предыдущего класса и берет представителей управления у старого класса — тоже абсолютная истина. Наконец, мое третье положение, что

рабочий класс должен увеличивать число администраторов из своей среды, создавать школы, готовить в государственном масштабе кадры работников. Эти три положения неоспоримы и в корне идут против тезисов профсоюзов.

Я говорил т. Томскому во фракции, когда мы разбирали их тезисы, когда мы с т. Бухариным были биты, я говорил, что в ваших тезисах пункт 7-й останется следом полной теоретической путаницы. В нем говорится:

«Основным принципом в строении органов регулирования и управления промышленностью, единственно могущим обеспечить участие широких непартийных рабочих масс через профсоюзы, является существующий ныне принцип коллегияльного управления промышленностью, начиная от президиума ВСНХ до заводоуправления включительно. Лишь в особых случаях, по взаимному соглашению президиумов ВСНХ и ВЦСПС или ЦК соответствующих союзов, следует допускать единоличное управление отдельными предприятиями при неперемennom условии контроля над единоличными администраторами со стороны профсоюзов и их органов».

Это — сплошная чепуха, потому что роль рабочего класса в завоевании государственной власти, отношение способно, — все спутано! Мириться с такими вещами нельзя! Такие вещи теоретически тащат нас назад. То же самое можно сказать и про демократический централизм тт. Сапронова, Максимовского и Осинского. Тов. Осинский это забывает, выдвигая мысль, что я называю демократический централизм глупостью. Нельзя так исказить! При чем тут вопрос о назначении, о проведении через местные организации? Можно проводить через коллегии и можно назначать также коллегии. Вопрос, преподнесенный ни к селу ни к городу! Говорят, что демократический централизм состоит не только в том, что управляет ВЦИК, но что ВЦИК управляет через местные организации. При чем тут коллегияльность или единоличие?

Тов. Троцкий вспомнил о своем докладе 1918 года и, читая произнесенную им тогда речь, указал, что тогда мы не только спорили по основным вопросам, но что было принято определенное решение ВЦИК. Откопавши свою старую брошюру «Очередные задачи Советской власти», о которой я совершенно забыл, я вижу, что вопрос о единоличии не только был поставлен, но и получил одобрение в тезисах ВЦИК. Мы так работаем, что забываем не только

то, что пишем, но и то, что поставлено ВЦИК, и потом ссылаемся на постановление. Вот выдержки из брошюры:

«Сознательные (а большей частью, вероятно, бессознательные) представители мелкобуржуазной распущенности хотели видеть отступление от начала коллегиальности и от демократизма и от принципов Советской власти в предоставлении отдельным лицам «неограниченных» (т. е. диктаторских) полномочий. Среди левых эсеров кое-где развивалась прямо хулиганская, т. е. апеллирующая к дурным инстинктам и к мелкобуржуазному стремлению «урвать», агитация против декрета о диктаторстве»⁹⁷... «всякая крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми, думавшими о социализме, всегда признавалась как его условие», — только так и «может быть обеспечено строжайшее единство воли»...

«Но, так или иначе, *беспрекословное подчинение* единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втройне»...

«И вся наша задача, задача партии коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выразителем стремления эксплуатируемых к освобождению, — осознать этот перелом, понять его необходимость, встать во главе истинной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования *об* условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора, *во время* работы»...

«Нужна была именно октябрьская победа трудящихся над эксплуататорами, нужна была целая историческая полоса первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач, чтобы стал возможным прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, к сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата, к беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей Советской власти *во время* работы»...

«Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной дисциплиной* во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя, во время труда».

29-го апреля 1918 года ВЦИК принял резолюцию, в которой высказывается полное одобрение изложенным в этом докладе основным положениям, и поручил своему Президиуму редактировать основные положения в виде тезисов, как основные задачи Советской власти. Таким образом, мы повторяем то, что два года тому назад в официальной резолюции ВЦИК одобрено! И теперь нас тащат назад по вопросу давно решенному, вопросу, который ВЦИК утвержден и разъяснен, а именно, что советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре несколько не противоречит, что волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим. Во всяком случае, принципиальное отношение к коллегиальности, к единоличию не только разъяснялось давно, но и утверждено ВЦИК. В этом отношении наш съезд доказывает печальную истину, что вместо того, чтобы двигаться вперед от разъяснения принципиальных вопросов к конкретным, мы двигаемся вперед подобно раку. Если мы от этой ошибки не отделаемся, то не решим хозяйственной задачи.

Я еще хотел сказать два слова по поводу некоторых замечаний т. Рыкова. Он утверждает, что Совнарком препятствует объединению экономических комиссариатов, и когда говорят, что т. Рыков желает скушать тов. Цюрупу, он отвечает: «Я не прочь, чтобы Цюрупа меня скушал, но чтобы только были объединены экономические комиссариаты». Я знаю, к чему это ведет, и должен сказать, что попытка Высовнархоза устроиться в каком-то отдельном блоке экономических комиссариатов вне Совета Обороны и Совнаркома не была не замечена ЦК и вызвала отрицательное отношение. Теперь Совет Обороны переименован в Совет Труда и Обороны. Вы хотите отделиться от военного комиссариата, который лучшие силы отдает на войну, который является таким учреждением, без которого вы и трудовой повинности провести не можете, а мы провести не можем трудовой повинности без Народного комисса-

риата внутренних дел. Если же возьмем почту, мы не можем посылать письма без Комиссариата почт и телеграфов. Возьмите Наркомздрав. Как вы будете экономику проводить, когда 70% в сыпняке? Получается, что для нас всякое дело нужно согласовать и выделить в экономический комиссариат. Это ведь совершенно ни с чем не сообразный план! У т. Рыкова не было серьезного основания! Поэтому против этого боролись, и ЦК не поддерживал.

Дальше т. Рыков шутил насчет блока с т. Гольцманом, который намечается у т. Троцкого. Я хотел сказать несколько слов, что всегда нужен блок между партийными группами, которые правы. Это должно быть всегда обязательным условием для правильной политики. Если т. Гольцман, которого я, к сожалению, мало знаю, но о котором слышал, как о представителе течения среди металлистов, особенно настаивающего на применении разумных методов, — что и в моих тезисах подчеркнуто, — если с этой точки зрения он настаивает на единоличии, то это, конечно, может быть только крайне полезно. Блок с этим течением был бы архиполезен. Если в ЦК будет усилено представительство профессиональных союзов, то будет полезно иметь в нем и представителей этого течения, пусть в чем-нибудь неверного, зато оригинального, имеющего известный оттенок, наряду с крайними представителями коллегальности, которые сражаются во имя демократизма и ошибаются. Пусть те и другие будут представлены в ЦК — и будет блок. Пусть будет так составлен ЦК, что путем блока можно будет найти поприще для оперирования круглый год, а не только в течение недели партийного съезда. Мы постоянно отказывались от принципа областного представительства, так как в этом много областного кумовства. Когда надо с профессиональными союзами слиться крепче, за каждым оттенком профессиональных союзов нужно следить, нужно иметь связь, — неизбежно, чтобы ЦК был составлен так, чтобы с широкими массами профессиональных союзов (у нас 600 000 членов партии и 3 000 000 членов профессиональных союзов) был бы ремень, который связывал бы ЦК одновременно с единой волей 600 000 членов партии и 3 000 000 членов профессиональных союзов. Без этого ремня нам управлять нельзя. Чем мы больше завоевывали Сибирь, Кубань и Украину с их крестьянским населением, тем труднее становилась задача, тем тяжелее

идет машина, потому что пролетариата в Сибири мало, а на Украине он слабее. Но мы знаем, что донецкие и николаевские рабочие дали прямой отпор защите полудемагогической коллегияльности, в которую впадал т. Сапронов. Нет сомнения, что пролетарский элемент на Украине иной, чем в Петрограде, Москве и Иваново-Вознесенске, и не оттого, что он плох, а от чисто исторических событий. Ему не приходилось так закаляться в голоде, холоде и борьбе, как это было с московскими и питерскими пролетарями. Поэтому нужна такая связь с профессиональными союзами, такая организация ЦК, чтобы он знал оттенки не только 600 000 членов партии, но и 3 000 000 членов профессиональных союзов, чтобы он мог вести в любой момент всех как одного человека! Такая организация необходима! Это интерес основной, политический, без которого диктатура пролетариата не будет диктатурой. Блок, так блок! Не пугаться его, а приветствовать и осуществлять крепче и шире в самых центральных учреждениях партии!

5

РЕЧЬ О КООПЕРАЦИИ⁹⁸
3 АПРЕЛЯ

Только вчера вечером и сегодня мне удалось отчасти ознакомиться с обеими резолюциями. Я думаю, что резолюция меньшинства комиссии более правильна. Тов. Милютин напал на нее с большим запасом страшных слов, открыл в ней и половинчатость и даже полуполовинчатость, обвинял ее в оппортунизме. Но мне кажется, не так страшен чорт, как его малюют. Если рассмотреть по существу, то именно доводы Милютина, который пытался поставить дело на принципиальную позицию, обнаруживают неправильность и непригодность как раз с точки зрения практической, деловой и марксистской той резолюции, которую защищал т. Милютин. Эта неправильность сводится к следующему: Милютин указывал, что в его резолюции, резолюции большинства комиссии, говорится о слиянии с волисполкомом, о подчинении волисполкому, и в этом он усматривает прямоту и решительность его резолюции по сравнению с недостаточной революционностью резолюции меньшинства. Мы уже видели за долгое время нашей революционной кампании, что когда наши революционные действия были подготовлены, они увенчивались успехом; когда они были только проникнуты революционным жаром, они кончались крахом.

Что говорит резолюция меньшинства комиссии? Резолюция меньшинства говорит: направь внимание на то, чтобы в потребительских обществах усилить коммунистическую работу и приобрести в них большинство, подготовь те органы, которым ты хочешь передать и будешь потом передавать. Сравните с этим ту линию, которую ведет Милютин. Он говорит: кооперация плоха, поэтому передавайте

ее волисполкомам. А есть ли у вас коммунистическая база в этой кооперации, которую хотите передать? Суть дела — подготовка — обходится, дается только последний лозунг. Если эта коммунистическая работа подготовлена и созданы те органы, которые смогут взять и вести ее, тогда передача попятна, тогда нечего провозглашать это на съезде партии. Но мало ли вы замахивались по отношению крестьян! Мало ли тот же ВСНХ замахивался на крестьянство и на кооперацию в деле сбора льна! Если вы вспомните деловой опыт нашей местной и совнаркомской работы, то вы скажете, что это неправильный подход к делу, и правильна та резолюция, которая говорит, что необходима работа коммунистического воспитания и подготовка кадра работников, без чего передача невозможна.

Второй основной вопрос — это связь с потребительской кооперацией. Здесь т. Мплютин выказывает чрезвычайную непоследовательность. Если потребительская кооперация не выполняет все задания, т. е. то, о чем говорилось два года в целом ряде декретов, направленных против кулака, то нужно вспомнить, что те средства власти, которые у нас имеются против кулака, даны и против потребительской кооперации. Это и проводится в полной мере. Сейчас самое главное — повысить производство и количество продуктов. Если кооперация потребительская не успеет этого выполнить, тогда она за это будет караться. Если же она, будучи связана с кооперацией производственной, даст хотя бы небольшое увеличение продуктов, нужно ей поклониться и развить ее инициативу. Если потребительская кооперация, несмотря на более тесную местную живую связь с производством, не сумеет дать увеличения, — значит, она не выполнила прямой задачи Советской власти. Если есть хотя бы два-три энергичных товарища в уезде, готовых бороться с кулаками и буржуазией, то дело выиграно. Где же была оттеснена инициатива т. Чучина? Он не привел ни одного примера. Но мысль о том, что нужно связать производственную кооперацию с потребительской и пойти на всяческие уступки, лишь бы увеличить количество продуктов в ближайшем будущем, эта мысль вытекает из нашего двухлетнего опыта. Она несколько не стесняет ни коммунистических, ни советских работников в борьбе против кулацкого, буржуазного типа кооперации. Она не только не стесняет, но она дает новое оружие

в руки. Если ты умеешь что-нибудь организовать, мы тебе дадим премию, но если это задание ты не выполнишь, то мы тебя будем бить не только за то, что ты контрреволюционна, на это есть ЧК, как здесь правильно было заявлено: нет, мы тебя будем бить за то, что ты не выполняешь задания государственной власти, Советской власти, и пролетариата.

Против объединения потребительских коопераций т. Милютиным не было приведено ни одного делового довода, — было только указано, что ему это кажется оппортунизмом или половинчатостью. Это странно слышать от т. Милютина, который вместе с т. Рыковым собирался сделать большие шаги и убедился, что и одной десятой шага сделать не может. С этой стороны связь с потребительской кооперацией — плюс, она дает возможность сейчас же взяться за производство. Против вмешательства в политическую работу все средства даются, а подчинение в производственном и хозяйственном отношении зависит целиком от Наркомзема, от ВСНХ. Все эти средства у вас есть в той мере, в которой вы можете контролировать кооперацию.

Теперь мы подходим к третьему вопросу, об огосударствлении, которое Милютин так защищал, что странно было слушать. Была создана комиссия, и т. Крестинский в комиссии остался в меньшинстве, а т. Милютин вышел победителем, но теперь он говорит: «Насчет огосударствления я согласен не спорить». Зачем же тогда комиссия спорила? Если вы смотрите так, как смотрит т. Чучин, то вы неправы, отказываясь от огосударствления. Здесь говорили: если капиталистов национализировали, то почему нельзя национализировать кулаков? Но этот довод недаром встретил здесь веселость. В самом деле, как ни считать зажиточных крестьян, не обходящихся без эксплуатации чужого труда, все же их не менее полумиллиона, а, может быть, даже около миллиона, как же мы сможем их национализировать? Это фантазия. Для этого у нас сейчас сил нет.

Тов. Чучин совершенно прав, когда говорит, что в кооперации сидит целый ряд контрреволюционеров, но это не из той оперы. Тут справедливо сказали о ЧК. Если благодаря своей близорукости вы не можете изобличить отдельных вожakov кооперации, то посадите туда одного коммуниста, чтобы он указал эту контрреволюцию, и

если это хороший коммунист, а хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист, то поставленный в потребительское общество, он должен притащить, по крайней мере, двух кооператоров — контрреволюционеров.

Вот почему т. Чучин неправ, когда проповедует немедленное огосударствление. Это было бы хорошо, но невозможно в силу того, что мы имеем дело с классом, менее доступным нам и ни в коем случае не поддающимся национализации. Мы и из промышленных предприятий не все национализировали. Пока приказ от имени главков и центров доходит до места, он оказывается совершенно бессильным: он совершенно тонет в море не то бумаг, не то бевдорожья, бестелеграфья и т. д. Поэтому сейчас говорить о национализации кооперации не представляется возможным. Тов. Милютин неправ и принципиально: он чувствует, что слаб, и думает, что можно просто снять этот пункт. Но тогда вы, т. Милютин, подрезываете свою резолюцию, тогда вы выдаете свидетельство, что права резолюция меньшинства, ибо дух вашей резолюции — подчинить волисполкому (в первом пункте так и говорится — «принять меры») — есть дух чекистский, неправильно внесенный в хозяйственный вопрос. Другая резолюция говорит, что в первую очередь надо увеличить число коммунистов, усилить коммунистическую пропаганду и агитацию, что надо создать базис. Тут нет ничего особенно громкого, не обещаются сразу молочные реки и кисельные берега. Но если на местах есть коммунисты, то они знают, что делать, и т. Чучину не потребуется освещать, куда тащить контрреволюционеров. Второе, надо подготовить орган. Подготовь орган и проверь его на деле, проверь, увеличивается ли производство, — вот что говорит резолюция меньшинства! Прежде всего создай базу, а дальше, — дальше мы посмотрим. Что надо, из этого сделается само собой. Декретов о том, что контрреволюционеров надо направлять в ЧК, а если нет ЧК, то в Ревком, выдвигается в достаточном изобилии. Надо поменьше этого махания. Надо принять резолюцию меньшинства, которая дает основную линию.

6

РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА
5 АПРЕЛЯ

Товарищи, подводя краткий итог работе нашего съезда, мы должны, на мой взгляд, прежде всего остановиться на задачах нашей партии. Съезд принял обстоятельную резолюцию по организационному вопросу, и важнейшее место в этой резолюции, как и следовало ожидать, занимает вопрос о воспитании, об обучении, об организационном использовании членов нашей партии. Мандатной комиссией было доложено, что на настоящем съезде представлено свыше 600 тысяч членов нашей партии. Мы все хорошо знаем, какие громадные трудности приходилось переживать партии в эти боевые времена, как наши, когда приходилось бороться против того, чтобы к правительственной партии, — естественно открытой, потому что она есть правительственная партия, и открывающей дорогу к власти, — не могли присосаться и примазаться худшие элементы, отбросы старого капитализма. И одним из средств борьбы было назначение партийных недель. Лишь при таких условиях, лишь в такие моменты, когда партия и движение переживали особенно трудное положение, когда Деникин стоял к северу от Орла, а Юденич — в 50 верстах от Петрограда, в партию могли вступать только люди, искренне преданные делу освобождения трудящихся.

Эти условия теперь, по крайней мере, в ближайшем будущем, не повторятся, и нужно сказать, что то громадное число членов нашей партии, по сравнению с предыдущими съездами, которое достигнуто и осуществлено, порождает некоторые опасения, и имеется совершенно реальная опасность, состоящая в том, что быстрый рост нашей

партии не всегда шел в уровень тому, насколько мы воспитали эту массу для ее настоящих задач. Нам приходится постоянно иметь в виду, что эта армия в 600 тысяч человек должна быть авангардом рабочего класса, что иначе, как без железной дисциплины, осуществить свои задачи в течение двух лет едва ли было возможно. Основным условием применения и сохранения нашей строжайшей дисциплины является преданность: все старые средства и источники применения дисциплины разрушены, в основу своей деятельности мы клали только высокую степень продуманности и сознательности. Это давало нам возможность осуществления такой дисциплины, которая стоит выше дисциплины другого государства и которая покоится на базисе, не похожем на ту дисциплину, которая продолжает держаться кое-как, если еще может держаться, в капиталистическом обществе. Поэтому мы должны помнить, что наша задача на ближайший год, после блестящих успехов на войне, состоит не столько в расширении партии, сколько во внутренней работе, в смысле развития состава нашей партии. Наши резолюции по организационному вопросу недаром уделяют этому максимум места.

Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы этот авангард пролетариата, эта армия в 600 000 членов была на высоте тех задач, которые на нее ложатся, а ложатся на нее задачи гигантской важности, международные и внутренние! Что касается международных задач, наше международное положение никогда не было так превосходно, как в настоящее время. Как ни редко попадают к нам известия из-за границы о жизни тамошних рабочих, но всякий раз, как получаешь пару писем или несколько номеров европейских и американских рабочих социалистических газет, испытываешь самое высокое наслаждение, потому что видишь, как в массах, совершенно не затронутых пропагандой раньше, или прозябавших в жалком оппортунизме, чисто парламентском социализме, везде и повсюду, гораздо более, чем мы знаем, в любом конце земли, везде наблюдается громадный рост интереса к Советской власти, к новым задачам, везде идет глубокое революционное движение, брожение, постановка революционного вопроса.

Мне вчера пришлось ознакомиться с номером газеты английской социалистической рабочей партии. Английские рабочие, которые имели интеллигентских вождей, которые

десятками лет отличались презрением к теории, говорят с полной определенностью, и газета свидетельствует, что теперь среди английских рабочих есть интерес к вопросу о революции, возник и усилился интерес к борьбе с ревизионизмом, с оппортунизмом, с парламентским социализмом, с этим социал-предательством, которое мы так хорошо изучили. Эта борьба становится на очередь дня! Мы с определенностью можем сказать, что оказался вполне прав американский товарищ Р., который издал толстую книгу, содержащую ряд статей Троцкого и моих и дающую таким образом сводку истории русской революции. Этот товарищ говорит, что французская революция оказалась победоносной во всемирно-историческом масштабе, и если она могла быть непосредственно задавленной, то потому, что она была окружена странами на континенте Европы более отсталыми, в которых не могли тотчас же возникнуть движения подражания, сочувствия и поддержки. Русская революция, которой пришлось в силу гнета царизма и целого ряда других условий (связь с 1905 годом и т. д.) возникнуть раньше других, окружена странами, стоящими на более высокой ступени капиталистического развития, которые медленнее подходят к революции, зато солиднее, прочнее, тверже! Мы видим, что каждый год и даже каждый месяц число сторонников и друзей Советской республики внутри каждой капиталистической страны растет в 10, в 100, в 1000 раз, и надо сказать, что у нас друзей и союзников больше, чем мы это знаем!

Попытка всемирного империализма задавить нас военным путем потерпела полное крушение! Теперь нам международное положение дало гораздо более длительную и прочную передышку, чем ту, которую мы имели в начале революции. Но надо помнить, что это не больше, чем передышка. Надо помнить, что весь капиталистический мир вооружен с ног до головы и выжидает момента, выбирая лучшие стратегические условия, обследуя способы нападения. Нельзя ни в коем случае забывать, что сейчас вся экономическая сила и вся военная сила еще на его стороне! В мировом масштабе еще слабые, мы быстро растем, усиливаемся, вырываем из рук неприятеля одно оружие за другим, но неприятель подкарауливает Советскую республику на каждом шагу! Теперь международный капитал идет с определенным намерением, с рассчитанным

планом, чтобы при снятии блокады международное мешочничество, международную свободную торговлю соединить, слить, сплотить с нашим внутренним мешочничеством и приготовить на почве этого мешочничества нам новую войну, приготовить новый ряд ловушек, западней.

Здесь мы подходим к той основной задаче, которая стояла главным вопросом, главным предметом внимания нашего съезда. Это задача строительства. В этом отношении съезд дал очень много, именно, единогласно была принята резолюция по главному вопросу о хозяйственном строительстве и транспорте. И мы теперь, благодаря партийному воспитанию, добьемся, что эта резолюция будет проводиться всеми тремя миллионами рабочих, находящихся в профсоюзах, как одним человеком. Мы добьемся, чтобы эта резолюция послужила тому, чтобы мы всю свою силу, дисциплинированность, энергию направили на восстановление хозяйства страны, в первую очередь — восстановление транспорта, и во вторую очередь — на восстановление продовольственного положения.

Для пропаганды мы имеем сейчас целый ряд вопросов, и в этом отношении каждое сведение из-за границы и каждые новые 10 членов партии дают нам новый материал для пропаганды. Пропаганда должна идти своим чередом, не разбрасывая, не разбивая сил. Мы должны твердо помнить, что источником успехов, чудес, которые мы проявили в военном деле, было то, что мы всегда сосредоточивались на главном, на основном, мы разрешили дело так, как не умело разрешать его капиталистическое общество! Дело в том, что капиталистическое общество все, что особенно интересует граждан — их экономические условия существования, война и мир, — все это капиталистическое общество решает тайком от самого общества; самые важные вопросы: война, мир, дипломатические вопросы решаются ничтожной горсткой капиталистов, которые обманывают не только массы, но даже часто обманывают и парламент. Нет в мире парламента, который бы сказал когда-либо что-либо серьезное по вопросу о войне и мире! В капиталистическом обществе главные вопросы экономической жизни трудящихся, их положение голодного или хорошего существования — решает капиталист, как господин, как бог! Во всех капиталистических странах, в демо-

кратических республиках, внимание народа во время таких периодов отвлекается той продажной буржуазной прессой, которая называется свободой слова, которая сочиняет и пускает в ход все, чтобы надуть, обмануть эту массу! Наоборот, у нас весь аппарат государственной власти, все внимание сознательного рабочего сосредоточивались целиком и исключительно на главном, ответственном моменте, на главной задаче! В военной области мы сделали гигантский успех в этом отношении, и этот опыт мы должны перенести теперь в область хозяйственную.

Мы совершаем переход к социализму, и самый существенный вопрос — о хлебе, о работе — не является вопросом частным, частным делом предпринимателя, а вопросом всего общества, когда каждый сколько-нибудь думающий крестьянин должен определенно сознавать и понимать, что если государство во всей своей прессе, в каждой статье, в каждом номере газеты ставит вопрос о транспорте, то это является общим делом! Это строительство является переходом для крестьянина от той слепоты и темноты, которая осуждала его на рабство, к настоящей свободе, к тому, когда трудящиеся знают все трудности, которые перед ними стоят впереди, и все силы общественной организации, все силы государственного аппарата, все силы агитации направляют на самое простое и самое существенное, отбрасывая блестящие, побрякушки и игру во всякие резолюции и умнейшие обещания, которыми заняты газетные агитаторы любой буржуазной страны! Надо сосредоточить все силы, все внимание на этих простейших хозяйственных задачах, которые каждому крестьянину понятны, против которых ни один сколько-нибудь честный средний крестьянин, даже зажиточный, возражать не может, и при постановке которых на любом собрании мы оказываемся всегда абсолютно правы. Самая несознательная рабочая и крестьянская масса подтвердит, что главное — это восстановить сейчас хозяйство так, чтобы оно не могло попасть снова в руки эксплуататоров, чтобы не получил ни малейшей побрякушки человек, который в голодной стране, имея излишки хлеба, использует их для того, чтобы обогатиться и заставить голодать бедноту. Вы не найдете самого темного, самого несознательного человека, у которого не было бы сознания, что это несправедливо, у которого не мелькала бы туманная, неясная,

по все же мелькала бы мысль, что доводы, приводимые сторонниками Советской власти, вполне соответствуют интересам трудящихся.

На этих простых задачах, которые в больших капиталистических обществах отодвигаются на задворки и считаются частным делом хозяев, на этих вопросах мы должны сосредоточить все внимание всей армии из 600 000 членов партии, среди которых мы не должны терпеть ни одного не выполняющего своей задачи, во имя этого заставить рабочих всей массой с величайшими самоотверженностью и преданностью вполне присоединиться к нам! Это трудно организовать, но это имеет громадный моральный авторитет и гигантскую силу убеждения, — это справедливо с точки зрения трудящихся! И вот в уверенности, что эта задача, благодаря работам съезда, сумеет быть теперь так же блестяще разрешена, хотя так же ценой ряда поражений и ряда ошибок, как мы решили задачу военную, в этой уверенности мы можем сказать, что на нас теперь смотрят рабочие всех европейских и американских стран, смотрят с ожиданием: решим ли мы эту более трудную задачу, которая лежит на нас, ибо эта задача труднее, чем задача военной победы! Ее нельзя решить простым энтузиазмом и простым самопожертвованием и героическим подъемом! В этой работе организации, в которой мы, русские, были слабее других, в этой работе самодисциплины, в этой работе умения отбрасывать постороннее и добиваться главного, ничего быстро не сделаешь, и в этой области сбора хлеба, ремонта транспорта, восстановления хозяйства, которое двигается только вершок за вершком, где подготавливается почва и делается малое, но прочное, — в этой работе на нас смотрят рабочие всех стран, ожидая наших новых побед! Я уверен, что, опираясь на решения нашего съезда, добившись того, чтобы 600 000 членов партии работали, как один человек, установив более тесную связь с органами хозяйственными и органами профсоюзов, — мы эту задачу сумеем решить так же победоносно, как мы решили задачу военную, и пойдем быстро и твердо к победе Всемирной Социалистической Советской Республики! (Аплодисменты.)

О КОМПРОМИССАХ⁹⁹

Тов. Ленсбери в беседе со мной особенно подчеркивал следующий довод английских оппортунистических вожakov рабочего движения:

большевики заключают компромиссы с капиталистами, хотя бы, например, и в мирном договоре с Эстонией соглашаясь на лесные концессии; раз так, то не менее законны компромиссы с капиталистами, заключаемые умеренными вожаками английского рабочего движения.

Тов. Ленсбери считает этот довод очень распространенным в Англии, имеющим значение для рабочих и настоятельно требующим разбора.

Попытаюсь исполнить это пожелание.

I

Может ли сторонник пролетарской революции заключать компромиссы с капиталистами или с классом капиталистов?

Этот вопрос, видимо, лежит в основе приведенного мною рассуждения. Но в такой общей постановке вопрос этот свидетельствует либо о крайней политической неопытности и политической малосознательности вопрошающего, либо о его мошенническом намерении прикрыть посредством софизма оправдание разбоя, грабежа, всякого капиталистического насилия.

В самом деле, отрицательный ответ на этот общий вопрос был бы явной нелепостью. Конечно, сторонник пролетарской революции может заключать компромиссы

или соглашения с капиталистами. Все зависит от того, *какое* соглашение и *при каких обстоятельствах* заключается. В этом и только в этом можно и должно искать разницы между соглашением, законным с точки зрения пролетарской революции, и соглашением предательским, изменническим (с той же точки зрения).

Чтобы пояснить это, напомним сначала рассуждение основоположников марксизма, а потом приведу самые простые и наглядные примеры.

Маркс и Энгельс недаром считаются основателями научного социализма. Они были беспощадными врагами всякой фразы. Они учили ставить вопросы социализма (и в том числе вопросы социалистической тактики) научно. И в 70-х годах прошлого века, когда Энгельсу пришлось разбирать революционный манифест французских бланкистов, беглецов Коммуны, Энгельс без обиняков сказал им, что их хвастливое заявление «никаких компромиссов» есть пустая фраза¹⁰⁰. Нельзя зарекаться от компромиссов. Дело в том, чтобы уметь через все компромиссы, которые с необходимостью навязываются иногда в силу обстоятельств даже самой революционной партии даже самого революционного класса, через все компромиссы уметь сохранить, укрепить, закалить, развить революционную тактику и организацию, революционное сознание, решимость, подготовленность рабочего класса и его организованного авангарда, коммунистической партии.

Для того, кто знаком с основами учения Маркса, такой взгляд вытекает неизбежно из всего этого учения. А так как в Англии, в силу ряда исторических причин, марксизм со времени чартизма (который во многих отношениях был подготовкой марксизма, «предпоследним словом» к марксизму) отодвинут на задний план оппортунистическими, полубуржуазными вождями тред-юнионов и кооперативов, то я попытаюсь пояснить правильность изложенного взгляда посредством типичных примеров из области всем знакомых явлений обывательской, политической и экономической жизни.

Начну с примера, который я приводил уже однажды в одной своей речи. Допустим, на автомобиль, в котором вы едете, нападают вооруженные бандиты. Допустим, вы, когда вам приставили револьвер к виску, отдаете бандитам автомобиль, деньги, ваш револьвер, и бандиты пу-

скают в ход этот автомобиль и т. д. для совершения дальнейших грабежей.

Налицо, несомненно, ваш компромисс с разбойниками, ваше соглашение с разбойниками. Неподписанное и молчаливо заключенное соглашение все же остается, несомненно, совершенно определенным и точным соглашением: «я тебе, разбойнику, даю автомобиль, оружие, деньги, ты меня избавляешь от приятного соседства с тобой».

Спрашивается, назовете вы человека, который заключил такое соглашение с разбойниками, участником бандитизма, участником разбойного нападения на третьих лиц, ограбленных бандитами при помощи полученных ими от заключившего это соглашение лица автомобиля, денег и оружия?

Нет, не назовете.

Дело тут совершенно ясное и простое до тривиальности.

И так же ясно, что при других условиях молчаливая передача разбойникам автомобиля, денег и оружия будет признана всяким здравомыслящим человеком за участие в бандитизме.

Вывод ясен: так же нелепо зарекаться от каких бы то ни было соглашений или компромиссов с разбойниками, как и выводить оправдание соучастий в бандитизме из абстрактного положения о том, что, говоря вообще, соглашения с разбойниками иногда допустимы и необходимы.

Возьмем теперь пример политический...

Написано в марте — апреле 1920 г.

Впервые напечатано в 1936 г.

Печатается по рукописи

ТЕЛЕГРАММА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

2/IV 1920 г.

Реввоенсовет Кавказского фронта Орджоникидзе

Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан. Всячески демонстрируйте и притом самым торжественным образом симпатии к мусульманам, их автономию, независимость и прочее. О ходе дела сообщайте точнее и чаще¹⁰¹.

Ленин

Впервые напечатано в 1942 г.

Печатается по машинописной
копии

РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ ГОРНОРАБОЧИХ ¹⁹²

Товарищи! Позвольте, во-первых, передать приветствие от имени Совета Народных Комиссаров первому съезду рабочих горной и угольной промышленности.

Товарищи, значение этого съезда и всей этой отрасли промышленности для Советской республики исключительно важно. Вы, конечно, все знаете, что без угольной промышленности никакая современная промышленность, никакие фабрики и заводы немыслимы. Уголь — это настоящий хлеб промышленности, без этого хлеба промышленность бездействует, без этого хлеба железнодорожный транспорт осужден на самое жалкое положение и никоим образом не может быть восстановлен; без этого хлеба крупная промышленность всех стран распадается, разлагается, поворачивает назад к первобытному варварству, и теперь, даже в странах, гораздо более передовых, чем Россия, гораздо менее потерпевших от войны, чем Россия, даже в странах-победительницах, угольный голод и кризис сказываются самым мучительным образом. Тем более для нас необходимо, чтобы товарищи, которые съехались теперь для создания прочного, сильного, могущественного и сознательного союза горнорабочих, — чтобы они со всей ясностью себе представили, какие громадные задачи вся Советская республика, вся рабоче-крестьянская власть возлагает на этот съезд, возлагает на горнорабочих, ибо теперь, после двухлетней отчаянной борьбы с белогвардейцами и капиталистами, которых поддерживали капиталисты всего мира, теперь, после всех побед, которые одержаны нами, предстает снова тяжелая борьба, не менее трудная, чем прежняя, хотя и более

благодарная, именно борьба на фронте бескровном, на фронте труда.

Когда на кровавом фронте помещики и капиталисты пытались сломить Советскую власть в России, казалось, что дело Советской республики безнадежно, что Советская Россия, самая слабая, самая отсталая, самая разоренная страна, не сможет устоять против капиталистов всего мира. Богатейшие державы мира оказывали в этой борьбе русским белогвардейцам помощь, они сотни миллионов рублей выкинули на эту помощь, давали снаряжение, устраивали за границей специальные лагеря для обучения офицеров, и до сих пор еще существуют за границей эти вербовочные бюро, где при помощи богатейших капиталистов мира вербуют русских пленных и добровольцев для войны против Советской России. Естественно, казалось, что это безнадежное предприятие, что Россия не устоит против военных держав мира, которые сильнее нас. Но однако, такое чудо оказалось возможным, и за эти два года Советская Россия чудо это сделала.

В войне против всех богатейших держав мира Советская Россия оказалась победительницей. Почему? Не потому, конечно, что в военном отношении мы были сильнее. Это не так. Но потому, что в цивилизованных государствах были солдаты, которых уже нельзя было обмануть, несмотря на то, что им старались на целых ворохах листов доказать, что большевики — немецкие агенты, узурпаторы, изменники, террористы. В результате такой работы мы видим, что солдаты возвращались из Одессы либо убежденными большевиками, либо людьми, которые заявляли, что «они воевать против рабоче-крестьянского правительства не будут». Основной причиной нашей победы было то, что рабочие западноевропейских передовых стран оказались настолько понимающими и сочувствующими рабочему классу во всемирном масштабе, что, вопреки лжи буржуазной печати, которая в миллионах экземпляров своих изданий поливала большевиков отвратительными клеветами, несмотря на это, рабочие оказались на нашей стороне, и это обстоятельство решило нашу войну. Всем было ясно, что, если бы сотни тысяч солдат воевали против нас так, как они воевали против Германии, мы бы не смогли удержаться. Это было очевидно всякому, кто знает, что такое война. Тем не менее, совершилось такое чудо, что мы одер-

жали над ними победу, что они развалились в грызене друг против друга, что вместо пресловутой Лиги наций у них оказалась лига бешеных собак, которые друг у друга рвут кости и не могут согласиться ни по одному вопросу, а сторонники большевиков, прямые и косвенные, сознательные и малосознательные, в каждой стране растут не по дням, а по часам.

Все, кто сочувствует социализму, знают о II Интернационале, который 25 лет, с 1889 г. по 1914 г., руководил движением социализма во всех странах, а когда началась империалистическая война, социалисты II Интернационала перешли на сторону своих правительств, каждый защищал свое правительство; все, кто считался республиканцами, эсерами и меньшевиками, в каждой стране становились на сторону своих правительств, защищали свое отечество, скрывали тайные договоры, не опубликовывали их; те социалисты, которые считались вождями рабочего класса, переходили на сторону капиталистов, шли против русского рабочего класса. Во главе правительства в Германии стоят шейдемановцы, которые до сих пор называют себя социал-демократами и, однако, являются самыми гнусными палачами, в союзе с помещиками и капиталистами убившими вождей германского рабочего класса, Розу Люксембург и Карла Либкнехта, и перебившими 15 тысяч германских пролетариев. За это время как создался III, Коммунистический Интернационал, за этот год он победил полностью. II Интернационал развалился окончательно.

Вот какое сильное влияние на рабочих всего мира оказала русская Советская власть, вопреки всякой лжи, вопреки всем клеветам против Советской власти. Солдаты и рабочие считают, что власть должна принадлежать тем, кто работает, кто не работает — тот не ест, кто работает — тот имеет право голоса в государстве, имеет влияние на решение дел государства. Это — простая истина, и миллионы рабочего класса поняли это.

Теперь перед вами стоит трудная задача — после наших военных побед одержать победу еще более трудную. Эта победа тем более трудная, что тут нельзя удовлетвориться одним героизмом, тут можно достигнуть результатов только упорным трудом, тут нужны годы напряженной работы.

Капиталисты во всем мире собирают рабочую силу и увеличивают производство, но рабочие отвечают им: сначала накормите рабочих, сначала прекратите грызню за счет жизни рабочих, сначала прекратите войны, ибо вчера в них погибли миллионы людей из-за того, чтобы господствовать английским хищникам или кому-нибудь другому. Пока власть у капиталистов, мы думаем не о поднятии производства, а о том, чтобы сбросить капиталиста.

Но с того момента, когда капиталист сброшен, докажите, что вы можете поднять производительность без капиталистов, опровергните ту ложь, которую капиталисты распространяют против сознательных рабочих, говоря, что это не революция, это не новый порядок, это просто погром, это просто месть капиталистам, организовать и вывести страну из состояния разрухи сами рабочие никогда не сумеют, они создадут только анархию. Вот та ложь, которая миллионами способов распространяется капиталистами всех стран, которая через непартийных людей, через противников большевиков просачивается тысячами способов и в русскую рабочую среду, в особенности в ту, которая наименее воспитана, наиболее развращена капитализмом, или наиболее темна. А мы видели, что если за 2 года Советской власти мы победили весь мир, то только благодаря больше всего героизму рабочих.

Нас упрекают за диктатуру пролетариата, за железную, беспощадную, твердую власть рабочих, которая ни перед чем не останавливается и которая говорит: кто не с нами — тот против нас, и малейшее сопротивление против этой власти будет сломлено. А мы этим гордимся и говорим, что не будь этой железной власти рабочих, этого передового рабочего отряда, нам не только 2-х лет не продержаться бы, но и 2-х месяцев. Эта диктатура нам давала то, что всякий раз, когда наступал трудный момент в войне, партия мобилизовала коммунистов, и в первую голову они гибли в первых рядах, тысячами они погибли на фронте Юденича и Колчака; гибли лучшие люди рабочего класса, которые жертвовали собой, понимая, что они погибнут, но они спасут поколения, спасут тысячи и тысячи рабочих и крестьян. Они беспощадно позорили и травили шкурников, тех, кто на войне заботился о своей персоне, и беспощадно расстреливали их. Мы гордимся этой диктатурой, этой железной властью рабочих, которая

сказала: мы свергли капиталистов и мы ляжем все костями при малейшей попытке их снова восстановить свою власть. Никто не голодал так за эти два года, как рабочие Питера, Москвы и Иваново-Вознесенска. Теперь подсчитано, что за эти два года они получали хлеба не больше 7 пудов в год, тогда как крестьяне хлебных губерний ели не менее 17 пудов. Рабочие пошли на большие жертвы, переносили болезни, в их рядах увеличилась смертность, и они докажут, что рабочие восставали против капиталистов не из чувства мести, а из непреклонного решения создать социальный порядок, в котором помещиков и капиталистов не будет. Вот ради чего принесены были эти жертвы, только этими песляханскими жертвами, причем сознательными, добровольными, подкрепленными дисциплиной Красной Армии, не прибегающей к средствам старой дисциплины, только этими величайшими жертвами передовые рабочие свою диктатуру удержали и завоевали себе право на уважение рабочих всего мира. Не надо забывать тем, кто особенно клеветает на большевиков, что диктатура означала больше всего жертв, больше всего голода для самих рабочих, которые ее осуществляли. Иваново-вознесенские, питерские и московские рабочие перенесли за эти два года столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах.

Это надо больше всего и прежде всего иметь в виду, и тверже всего запомнить товарищам, занятым в угольной промышленности. Вы — передовой отряд. Мы войну продолжаем — не войну крови — мы ее кончили, к счастью, теперь никто не посмеет броситься на Советскую Россию, потому что они знают, что они будут побиты, ибо сознательных рабочих на нас вести нельзя: они так же взорвут порты, как взорвали в Архангельске у англичан, как взорвали в Одессе. Это доказано, это мы себе отвоевали, но мы войну продолжаем, все-таки продолжаем, войну экономическую. Мешочники, небольшое число рабочих, которые развращены старым капитализмом, которые думают, что «мне должна быть плата повышена, а на остальных наплевать», вот с кем мы сейчас боремся. «Давай мне плату вдвое, давай мне 2-3 фунта хлеба в день», а о том, что они работают для защиты рабочих и крестьян, о том, что они идут на завоевания капиталистов, они

этого не думают. С ними нужно бороться товарищеским воспитанием, товарищеским воздействием, и тут, кроме профессиональных союзов, этого никто не может сделать. Таким рабочим нужно разъяснить, что если они пойдут на сторону мешочников и спекулянтов, на сторону тех богатых крестьян, которые говорят, что «чем больше хлеба у меня, тем я больше наживусь», что «каждый за себя, один бог за всех», — что так рассуждают господа капиталисты и все, кто старые капиталистические привычки хранит, а тех, кто по-старому рассуждает, мы считаем изменниками, предателями, которых рабочий класс должен клеймить и позорить. Нас окружает большинство капиталистических стран, они соединяются во всем мире против нас, они соединяются с нашими мешочниками, они хотят нас силою свергнуть, они думают, что они сильнее нас. Мы продолжаем быть осажденной крепостью, на которую смотрят рабочие всего мира, зная, что отсюда им идет свобода, и в этой осажденной крепости мы должны действовать с военной беспощадностью, с военной дисциплиной и самопожертвованием. Шкурников, которые не хотят сочетать интересы своей группы с интересами всех рабочих и крестьян, нам терпеть в рабочей среде нельзя.

Надо создать посредством профессионального союза такую товарищескую дисциплину, которая была у нас в Красной Армии, которая вырабатывается у нас каждым лучшим профессиональным союзом, которую, я убежден, и вы, создав теперь профессиональный союз горнорабочих, создадите.

Ваш союз будет одним из самых передовых союзов, получив на это всю помощь государственной власти, которую мы только сможем дать. И я уверен, что такие же жертвы внесете и вы в дело создания прочной трудовой дисциплины, в дело поднятия производительности труда и самопожертвования рабочих угольной промышленности, занятых трудом, может быть, самым тяжелым, самым грязным, самым убийственным, который человеческая техника стремится вообще уничтожить.

Но чтобы спасти Советскую власть сейчас, необходимо дать хлеб для промышленности, т. е. уголь. Без этого нельзя восстановить хозяйство, нельзя пустить железные дороги, без этого нельзя пустить фабрики и дать предметы

для обмена на хлеб крестьянам, которые, конечно, не могут удовлетворяться одними цветными бумажками, которые дают нам ссуду, ибо они обязаны дать ссуду голодным рабочим. Но мы обязаны вернуть эту ссуду, и поэтому надо удешевить производство и пустить в ход все фабрики.

Вот, товарищи, та гигантская задача, которая лежит на всех сознательных рабочих, которая ложится на рабочих, понимающих, что дело идет об удержании и укреплении Советской власти и социализма, чтобы все дальнейшие поколения спасти навсегда от гнета помещиков и капиталистов. Тот, кто не хочет понять этого, тот должен быть изгнан из рабочей среды, а тот, кто недостаточно это понимает, на того окажут свое воздействие профессиональные союзы своим обучением, своим влиянием и пропагандой, своей величайшей заботой о производстве и дисциплине. На этом пути ждет нас укрепление рабоче-крестьянской власти, и посредством этой, хотя и медленной, но самой важной работы, вы одержите и должны одерживать победы более важные, чем победы нашей Красной Армии на фронте.

*Напечатано в 1920 г. в Бресте:
«Резолюции и постановления
I Всероссийского учредительного
съезда горнорабочих». Москва*

Печатается по тексту брошюры

РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ¹⁰³ 7 АПРЕЛЯ 1920 г.

(Бурные, длительные аплодисменты, переходящие в овацию.) Товарищи, позвольте мне прежде всего приветствовать Третий Всероссийский съезд от имени Совета Народных Комиссаров. (Аплодисменты.) Товарищи, Советской власти приходится как раз теперь переживать особенно важный момент, во многих отношениях ставший перед нами очень сложные и очень интересные задачи переломного периода. И как раз особенность этого момента возлагает на профсоюзы и особые задачи и особую ответственность в деле строительства социализма.

Вот почему мне хотелось бы сейчас остановиться не столько на отдельных решениях только что закончившегося партийного съезда (об этом вы будете иметь более обстоятельный доклад). Мне бы хотелось остановиться на тех изменениях в условиях советской политики, которые связывают все задачи социалистического строительства с деятельностью профессиональных союзов. Основной особенностью переживаемого нами момента является переход от военных задач, до сих пор целиком поглощавших внимание и усилия Советской власти, к задачам мирного хозяйственного строительства. И нужно прежде всего отметить, что Советской власти и Советской республике приходится здесь переживать не впервые такой момент. К решению данного вопроса мы возвращаемся второй раз, — второй раз за период диктатуры пролетариата история выдвигает на первый план задачи мирного строительства.

Первый раз это было в начале 1918 года, когда после краткого по времени, очень сильного по удару наступления немецкого империализма в условиях полного распада старой капиталистической армии, в условиях, когда армии своей мы не имели и в короткий срок создать ее не могли, хищники немецкого империализма навязали нам Брестский мир. Казалось, что военные задачи вследствие слабости реальной силы Советской власти отошли на второй план. Казалось, что мы сможем перейти к задачам мирного строительства. Мне и тогда пришлось выступать с докладом во ВЦИК 29 апреля 1918 года, почти два года тому назад, ЦК принял ряд тезисов, связанных с моим докладом и напечатанных. Я напоминаю вам об этом, ибо уже тогда в тезисах перечислялся ряд вопросов дисциплины труда и т. п., которые поставлены в порядок дня настоящего съезда. В тогдашнем моменте есть сходство с переживаемым нами теперь. Я утверждаю, что на спорах и разногласиях, которые велись в профессиональном движении два года назад, и сейчас сосредоточено наше внимание. Говорить о том, что решения IX съезда РКП явились результатом нынешних споров, — крайне ошибочно. Такое утверждение способно извратить истинный ход событий. И поэтому, для правильного понимания сущности вопроса и правильного подхода к решению, полезно сравнить и подумать над тем, какова была обстановка в начале 1918 года и какова она теперь.

Тогда, после краткого перерыва войны с немецким империализмом, перед нами стали на первый план задачи мирного строительства. Казалось, что у нас может быть длительный период мирного строительства. Гражданская война еще не начиналась. Краснов только еще появлялся на Дону, пользуясь немецкой помощью. На Урале и на севере не было никаких выступлений. В руках Советской республики была громадная территория, за исключением того, что от нее отнял Брестский мир. Обстановка была такова, что можно было рассчитывать на продолжительный период мирной работы. И вот в этой обстановке, первое, что поставила на очередь Коммунистическая партия и что было подчеркнуто в целом ряде резолюций, в частности 29 апреля 1918 года, — необходимость широкой пропаганды, усиленное настаивание на проведении трудовой дисциплины.

Диктаторская власть и единоличие не противоречат социалистическому демократизму. Об этом нужно вспомнить теперь для того, чтобы понять решения, вынесенные состоявшимся партийным съездом. Это отнюдь не является ответом на вопросы, возбужденные только теперь, а связано с самыми условиями переживаемой эпохи. И кто в этом сомневается, пусть сравнит бывшее два года тому назад положение и поймет, что переживаемый момент все внимание переносит на вопросы трудовой дисциплины, на вопросы трудовых армий, хотя два года тому назад о трудовых армиях не было и речи. Лишь сравнив теперешнюю постановку вопроса с тогдашней, мы можем придти к правильному выводу, отбросить мелкие частности и выделить общее и основное. Все внимание партии коммунистов и Советской власти сосредоточено на вопросе мирного хозяйственного строительства, на вопросах диктатуры, на вопросах единоличия. Не только опыт, который мы проделали за два года упорной гражданской войны, приводит нас к такому решению этих вопросов.

Когда мы их только впервые ставили в 1918 году, у нас никакой гражданской войны не было и ни о каком опыте речи быть не могло.

Следовательно, не только опыт Красной Армии и победоносной гражданской войны, но нечто более глубокое, связанное с задачами диктатуры рабочего класса вообще, заставило нас теперь, как и 2 года тому назад, все внимание сосредоточить на вопросах трудовой дисциплины, которая есть гвоздь всего хозяйственного строительства социализма, есть основа нашего понимания диктатуры пролетариата. После свержения капитализма, каждый день нашей революции коренным образом отделяет нас от того понимания, о котором кричали старые интернационалисты, насквозь мелкобуржуазные, полагавшие, что решение большинства — при сохранении частной собственности на землю, средства производства и капитал — внутри демократических учреждений буржуазного парламентаризма может быть решением вопроса, когда на самом деле единственное решение есть только ожесточенная классовая борьба. Значение диктатуры пролетариата, ее действительные практические условия развертывались пред нами в ходе того, когда, решив вопрос завоевания власти, мы подошли практически к ее осуществлению; мы увидели,

что борьба классов после этого не прекращается, что победа над капиталистами, помещиками не уничтожила эти классы, она их только разбила, но окончательно не уничтожила. Достаточно сослаться на международную связь капитала, которая гораздо длительнее и прочнее закреплена, чем в данный момент связь рабочего класса.

Капитал, если взять его в международном масштабе, и сейчас остается не только в военном, но и в экономическом отношении сильнее Советской власти и советского строя. Из этого основного положения надо исходить и никогда его не надо забывать. Формы борьбы против капитала меняются, эти формы приобретают то открытый международный характер, то сосредоточиваются в одной стране. Эти формы меняются. Будь то военное, хозяйственное положение или какой-либо другой момент социального уклада, борьба продолжается, и основной закон классовой борьбы подтверждается нашей революцией. Чем больше сплачивается пролетариат, ниспровергая буржуазные классы, тем больше учится он. Революция развивается в ходе самой борьбы. И после свержения капиталистов борьба не прекращается. Только после того, как это свержение в одной стране закреплено, оно приобретает практическое значение для всего мира. Ведь в начале Октябрьского переворота капиталисты рассматривали нашу революцию, как курьез: мало ли какие на окраинах бывают чудачества.

Для того, чтобы диктатура пролетариата имела мировое значение, нужно было, чтобы она практически в какой-либо стране укрепилась. Только тогда капиталисты, не только русские, которые сразу же бросились за помощью к другим капиталистам, но и капиталисты всех других стран убедились, что отношение к этому вопросу получает международное значение. Только тогда в международном масштабе сопротивление капиталистов достигло той силы, которую оно имело. Только тогда в России развернулась гражданская война, и все победившие страны целиком пошли на то, чтобы помочь в этой гражданской войне русским капиталистам и помещикам.

Классовая борьба в России полностью оформилась к 1900 году, в то время, как победа социалистической революции осуществилась в 1917 году. Мало того, что

сопротивление свергаемого класса развивалось после его свержения, оно получило новый источник своих сил из взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Все это знают, кто сколько-нибудь изучал марксизм, кто ставил социализм на почву международного движения рабочего класса, как единственную научную основу его. Все знают, что марксизм есть теоретическое обоснование уничтожения классов. Что это значит? Для победы социализма недостаточно сбросить капиталистов, но необходимо уничтожить разницу между пролетариатом и крестьянством. Крестьянство очутилось в таком положении, что, с одной стороны, оно класс трудящихся, которых десятки лет и веками угнетали помещики, капиталисты, и поэтому надолго не будут в состоянии оторваться от воспоминаний, что их освободили от этого угнетения только рабочие. Об этом можно спорить десятилетия, по этому вопросу исписаны груды бумаг, и на этом вопросе образовалось много фракционных группировок, но теперь мы видим, как эти разногласия потускнели перед фактами жизни. Крестьяне, как труженики, долгие годы не забудут, и на деле это было так, что их освободили от помещиков только рабочие. Спорить против этого не приходится, но они остаются собственниками в обстановке товарного хозяйства. Каждый случай продажи хлеба на вольном рынке, мешочничество и спекуляция есть восстановление товарного хозяйства, а следовательно и капитализма. Когда мы свергали капиталистов, то тем самым освобождали крестьянство, класс, который в старой России, несомненно, составлял большинство населения. Крестьянство оставалось собственником в своем производстве, и оно порождало и порождает после свержения буржуазии новые капиталистические отношения. Вот основные черты нашего экономического положения. Вот откуда такие нелепые речи, которые мы слышим от непонимающих положения дела. Речь о равенстве, свободе и демократии в нынешней обстановке — чепуха. Мы ведем классовую борьбу, и наша цель уничтожить классы. Пока остаются рабочие и крестьяне, до тех пор социализм остается неосуществленным. И в практике на каждом шагу происходит непримиримая борьба. Нужно подумать, как и при каких условиях пролетариат, имеющий в своих руках такой сильный аппарат принуждения, как государственная власть, может привлечь крестьянина,

как труженика, и победить или нейтрализовать, обезвредить его сопротивление как собственника.

Тут классовая борьба продолжается, и перед нами выступает значение диктатуры пролетариата в новом свете. Здесь она выступает не только и даже не столько, как применение средств принуждения всего аппарата государственной власти для подавления сопротивления эксплуататоров. Конечно, правы, когда говорят, что мы много сделали, основываясь и на этом, но у нас, кроме того, остается и другой метод, где роль пролетариата — как организатора, как прошедшего школу труда, школу выучки, дисциплину капиталистической фабрики. Мы должны суметь организовать хозяйство на новой, более совершенной базе с утилизацией и учетом всех завоеваний капитализма. Без этого мы никакого социализма и коммунизма не в состоянии будем построить. Эта задача много труднее, чем задача военная. Задачу военную во многих отношениях мы можем решить легче. Ее можно решить подъемом энергии, самопожертвованием. Крестьянству было легче и понятнее, когда оно шло против векового врага — помещика. Ему не нужно было понимать связи между властью рабочих и необходимостью победить свободную торговлю. Русских белогвардейцев, помещиков и капиталистов, со всеми их помощниками в лице меньшевиков, легче было победить, а эта победа нам будет стоить дороже и в смысле времени и в смысле сил.

В хозяйственных задачах победить так, как в военных, — нельзя. Победить свободную торговлю энтузиазмом и самопожертвованием нельзя. Тут нужна длительная работа, тут нужно брать вершок за вершком, тут нужны организующие силы пролетариата, тут можно победить в том случае, если пролетариат свою диктатуру осуществит, как величайшую организованную, организационную и моральную силу для всех трудящихся и в том числе трудящихся непролетарских масс. Поскольку мы успешно решили и будем столь же успешно решать первую и простейшую задачу — подавление эксплуататоров, прямо пытающихся изгнать Советскую власть, постольку выдвигается более сложная вторая задача — организовать силы пролетариата, научиться быть хорошим организатором. Надо организовать труд по-новому, создать новые формы привлечения к труду, подчинения трудовой дисциплине.

Эту задачу даже капитализм решал десятилетиями. Тут сплошь и рядом делаются грубейшие ошибки. Из числа наших противников много есть таких, которые проявляют полное непонимание в этом вопросе. Они объявили нас утопистами, когда мы говорили, что власть можно взять. С другой стороны, они от нас требуют, чтобы мы совершили организацию труда в несколько месяцев с результатом нескольких лет. Это вздор. Власть можно удержать, при известных условиях политического момента, энтузиазмом рабочих, может быть, вопреки всему миру. И мы это доказали. Но создать новые формы общественной дисциплины, это — дело десятилетий. Даже капитализму понадобилось много десятилетий для того, чтобы старую организацию переделать в новую. Когда от нас ждут и когда рабочим и крестьянам внушают, что мы можем в короткий срок переделать организацию труда, то это теоретически сплошной вздор.

И не только вздор, но и величайший вред, потому что это мешает рабочим ясно понять отличие новых задач от старых. Новая задача — организация промышленности и, в первую голову, своих сил, а мы по части организации слабы, слабее всех передовых народов. Уменье к ней развивается из крупной машинной индустрии. И никакого другого материального исторического базиса нет. Производство миллионов людей по заранее имеющемуся плану со средствами машинной крупной индустрии — никакого другого базиса нет. И тут нет совпадения интересов пролетариата и крестьян. Тут наступает трудный период борьбы, — борьбы с крестьянством. С другой же стороны, мы должны доказывать крестьянству, что для него нет выхода, либо он должен идти с рабочими, помогать пролетариату, либо снова попасть под власть помещиков. Средины не существует, середина есть у меньшевиков, что является сплошной гнилью, которая разваливается везде и всюду, которая разваливается и в Германии. Крестьянские массы не могут понять этого из теории и наблюдения II и III Интернационалов. Крестьянские массы — десятки миллионов людей — могут понять это только из своей практики, из повседневной жизни. Крестьянство могло понять победу над Колчаком и Деникиным. Оно наглядно противопоставило Колчаку и Деникину диктатуру рабочего класса, вещь, которой больше всего пугали кре-

стьянство и сейчас еще пытаются пугать меньшевики и эсеры. Но крестьянство фактически теорией не могло и не может заниматься. Крестьянские массы видят, что меньшевики и эсеры все лгут, и крестьянство видит борьбу, которую мы ведем со спекуляцией. Надо признаться, что меньшевики в агитации тоже сделали кое-какие успехи, поучившись у наших политотделов армии. Крестьяне видели знамя, на котором было написано не диктатура пролетариата, а учредилка, народовластие, они слово «диктатура» не видели, слово «диктатура» они не понимали. Но они поняли на деле, что власть Советская оказалась лучшей.

И вот теперь перед нами вторая задача — моральное воздействие на крестьянство. И наши средства насилия по отношению к крестьянству делу мало помогут. Тут решается вопрос экономической розни внутри крестьянства. Рабочие в борьбе, после свержения капиталистов, двухлетней гражданской войной спаялись, они сплочены. Крестьянство же, чем дальше, тем больше раскалывается. Крестьяне забыть помещиков и капиталистов не могут, они помнят их. С другой стороны, теперешнее крестьянство не едино, интересы одной части расходятся с другой. Крестьянство не сплочено. Ведь не у каждого крестьянина в отношении продовольствия есть излишки. Тут никакого равенства нет. Это болтовня. Для того, чтобы расколоть крестьянство и некулацкие элементы привлечь на свою сторону, потребуется много времени. Это будет длительная борьба, и в ней мы будем пользоваться всеми нашими силами, всеми нашими средствами. Но не только силой можно победить, надо пользоваться и моральными средствами. Вот тут-то и вытекают все вопросы о диктаторской власти и о единоличии, которые многим, во всяком случае можно сказать с уверенностью — некоторым, кажутся выплывшими только из наших споров вчерашнего дня. Но это ошибка. Сравните с 1918 годом. Никаких споров не было.

Как только после немецкого мира перед нами встал вопрос: на чем же основать власть, мы, коммунисты, ответили: надо разъяснить, что демократизм у Советской власти диктатуре не противоречит. Это не понравилось многим вождям старого Интернационала. Меня ругал и Каутский.

Крестьяне наполовину труженики, наполовину собственники, и для того, чтобы привлечь их на свою сторону, нужна единая воля, по каждому практическому вопросу нужно, чтобы все действовали, как один. Единая воля не может быть фразой, символом. Мы требуем, чтобы это было на практике. Единство воли на войне выражалось в том, что если кто-либо свои собственные интересы, интересы своего села, группы ставил выше общих интересов, его клеймили шкурником, его расстреливали, и этот расстрел оправдывался нравственным сознанием рабочего класса, что он должен идти к победе. Про эти расстрелы мы открыто говорили, мы говорили, что мы насилие не прячем, потому что мы сознаем, что из старого общества без принуждения отсталой части пролетариата мы выйти не сможем. Вот в чем выражалось единство воли. И это единство воли на практике осуществлялось в наказании каждого дезертира, в каждом сражении, в походе, когда коммунисты шли впереди, показывая пример. Теперь задача — попробовать применить к промышленности, земледелию это единство воли. Мы имеем тысячеверстное пространство, бесконечное количество фабрик. Тут вы поймете, что мы не сможем это провести через одно насилие, здесь вы поймете, какая гигантская задача стоит перед нами, вы поймете, что значит это единство воли. Это не только лозунг. Над этим надо подумать, поразмышлять. Этот лозунг от нас требует повседневной длительной работы. Берите 1918 год, где не было этих споров и где я уже тогда указывал на необходимость единоличия, необходимость признания диктаторских полномочий одного лица с точки зрения проведения советской идеи. Все фразы о равноправии — вздор. Мы не на почве равноправия ведем классовую борьбу. Только так может побеждать пролетариат. Он может побеждать, потому что здесь сотни тысяч дисциплинированных людей, выражающих одну волю, и он может победить экономическую раздробленность крестьянства, у которого нет общей базы, сплывающей пролетариат на фабрике, заводе, в городах. Крестьянство распылено экономически. Оно является частью собственниками, а частью тружениками. Собственность тащит его к капитализму: «Чем выгоднее я продам, тем лучше». «Если голод — тем дороже продам». А крестьянин труженик знает, что от помещика он видел угнетение, от кото-

рого освободил его рабочий. Тут борьба двух душ, которая вытекает из экономического положения крестьянства. Нужно эти две души выделить. И только тогда победим, когда будем проводить твердую линию. Все трудящиеся будут для нас всегда трудящимися. А крестьяне-собственники — с ними приходится бороться. Кроме того, что они грызутся между собою, они еще и темны. Господа в «Лиге наций», слава богу, не темны, они образованнее, пожалуй, наших меньшевиков и эсеров, но что там делается? Япония прославляет «Лигу наций», а сама подставляет попку Америке и т. д.

Они все в драке, а мы едины, и потому-то рабочие всех стран переходят к нам. Если таких просвещенных господ, как руководители международной политики, таких многоопытных, богатых, имеющих в сто раз больше, чем мы, пушек и дредноутов, мы их разбили, то смешно думать, что крестьянского вопроса мы не разрешим. Здесь победит дисциплина, преданность, единство воли. Воля сотен и десятков тысяч может выразиться в одном лице. Эта сложная воля вырабатывается советским путем. Столько съездов крестьянских и рабочих, сколько было у нас, не было ни в одном государстве мира. Таким путем мы развиваем сознание. То, что дает Советская конституция, ни одно государство за 200 лет не могло дать. (А п л о д п с м е н т ы.) Взять простое число съездов, — ни одно государство за сто лет демократизма столько не созывало, а именно таким путем мы вырабатываем общие решения и выковываем общую волю.

На этой широчайшей базе понимается наша Советская конституция, наша Советская власть. Она дает то, что решения Советской власти имеют невиданную в мире силу авторитета, силу рабочих и крестьян. Но нам этого мало. Мы — материалисты, и нас силой авторитета не накормишь. Нет, потрудитесь провести это в жизнь. И мы видим, что тут старая буржуазная стихия берет верх, она сильнее нас, — это мы должны открыто признать. Старые мелкобуржуазные привычки хозяйничать в одиночку и укреплять свободную торговлю, — все это сильнее нас.

Профсоюзы возникли из капитализма, как средство развития нового класса. Класс есть понятие, которое складывается в борьбе и развитии. Стена не разделяет один класс от другого. Рабочие и крестьяне китайской стеной

не разделены. Как учился человек объединяться? Сначала через цех, потом по профессии. Когда пролетариат превратился в класс, то он настолько стал силен, что взял себе в руки всю государственную машину, объявил войну всему миру и одержал тут победу. Тогда уже цехи и профессии становятся отсталыми. Было время и при капитализме, когда объединение пролетариев шло по цехам и профессиям. Это тогда было прогрессивным явлением. Иначе пролетариат объединяться не мог. Сказать, что пролетариат мог сразу объединиться в класс, — абсурд. Такое объединение может происходить десятилетиями. Никто так не боролся против таких сектантских близоруких взглядов, как Маркс. Класс растет в обстановке капитализма, а когда наступает подходящий момент для революции, он берет в свои руки государственную власть. И тогда все цехи и профессии являются устаревшими, они играют уже роль отсталых, они тянут назад, не потому, что там сидят какие-нибудь худые люди, но худые люди и противники коммунизма находят здесь почву для своей пропаганды. Мы окружены мелкой буржуазией, которая возрождает свободную торговлю и капитализм. Карл Маркс больше всего боролся против старого утопического социализма, требуя научного взгляда, указывающего, что на почве борьбы классов класс растет и нужно помогать ему зреть. Тот же Маркс вел борьбу против вождей рабочего класса, которые впадали в ошибки. В федеральном совете в 1872 году Марксу вынесена была резолюция порицания за то, что он сказал, что английские вожди куплены буржуазией. Конечно, Маркс понимал это не в том смысле, что такие-то люди предатели. Это вздор. Он говорил о блоке с буржуазией известной части рабочих. Буржуазия поддерживает эту часть рабочих прямо и косвенно. В этом и проявляется ее взятка.

Проводить представителей в парламенты — в этом отношении английская буржуазия проявляла чудеса, она шла впереди других. Маркс и Энгельс с 1852 до 1892 года, в течение сорока лет, изблещали буржуазию, но ведь буржуазия так действует во всех странах. Везде в мире переход профсоюзов от роли рабов к роли строителей есть перелом. Мы два года существуем и с чем же это связано? В настоящее время это означает большой голод рабочего класса. В 1918 и 1919 году промышленные рабочие государства

получили только по 7 пудов хлеба, а крестьяне хлебных губерний — 17 пудов. При царе, в лучшем случае, крестьянин имел 16 пудов, а при нашей власти он имеет 17 пудов. На это есть статистические доказательства. Пролетариат два года голодал, но в этом голоде сказалось то, что рабочий может жертвовать не только своими цеховыми интересами, но и своей жизнью. В течение двух лет пролетариат сумел вынести голод, потому что он имел нравственную поддержку всех трудящихся, и он шел на эти самопожертвования ради победы рабоче-крестьянской власти. Правда, продолжается разделение рабочих на профессии, и из этих профессий есть много таких, которые были нужны капиталистам, но которые не нужны нам. И мы знаем, что рабочие этих профессий голодают тяжелее других. Иначе быть не может. Капитализм сломан, но социализм еще не построен, и строиться он будет еще долгое время. Тут мы сталкиваемся со всеми недоразумениями, которые являются не случайными, а есть результат исторической роли профсоюзов, как орудия цехового объединения при капитализме и классового объединения рабочих, которые взяли государственную власть. Такие рабочие идут на все жертвы, создают дисциплину, которая заставляет говорить и смутно чувствовать, что интересы классовые выше интересов цеховых. Тех рабочих, которые не умеют приносить таких жертв, тех мы рассматриваем, как шкурников, и выкидываем их из пролетарской семьи.

Вот тот основной вопрос о трудовой дисциплине, объединении в общей постановке, которым был занят партийный съезд. Вот сущность решений партийного съезда, которые вы все знаете и которые более подробно будут рассказаны специальными докладчиками. Смысл сводится к тому, что рабочий класс вырос и возмужал; он взял власть в свои руки и он борется против всего буржуазного мира, и борьба становится все труднее и труднее. На войне бороться было легче. В данный момент требуется дело организации, дело морального воспитания. Численность пролетариата сейчас в России не так велика. Ряды его за время войны стали реже. Благодаря нашим победам нам труднее стало управлять страной. Как профессионалисты, так и массы рабочих это должны понять. Когда мы говорим о диктатуре — это не каприз централистов. Области, нами завоеванные, значительно расширили территорию Советской России. Мы

победили Сибирь, Дон, Кубань. Там пролетариата в процентном отношении ничтожное количество, меньше, чем здесь у нас. Наша обязанность прямо идти к рабочему и открыто сказать ему об усложнении обстановки работы. Нужно больше дисциплины, больше единоличия и больше диктатуры. Без этого нельзя и мечтать о большей победе. У нас организованная армия в три миллиона человек. 600 000 коммунистов, членов партии, должны быть авангардом ее.

Но что мы не имеем другой армии для победы, кроме 600 000 коммунистов и 3 000 000 членов профсоюзов, это нужно понять. Присоединение территорий с крестьянско-кулацким населением требует нового напряжения пролетарских сил. Мы стоим перед новым соотношением пролетарских и непролетарских масс, социальных и классовых их интересов. Только насильем здесь ничего не сделаешь. Нужны исключительно организация и моральный авторитет. Из этого вытекает наше абсолютное убеждение, которое мы на партийном съезде вынесли и которое я считаю своим долгом отстаивать. Наш основной лозунг — больше и ближе к единоличию, побольше трудовой дисциплины, подтянуться, работать с военной решительностью, твердостью, самопожертвованием, откидывая интересы групп, цехов, все частные интересы принося в жертву! Без этого победить мы не можем. А если мы проведем в жизнь это решение партии, проведем его, как один человек, через три миллиона рабочих, а потом через десятки миллионов крестьян, которые будут чувствовать моральный авторитет, силу людей, жертвовавших собою за победу социализма, мы будем абсолютно и окончательно непобедимы. (Бурные аплодисменты.)

*«Бюллетень III-го Всероссийского съезда профессиональных союзов»
№ 2, 8 апреля 1920 г.*

*Печатается по тексту книги:
«Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов. Стенографический отчет», 1921, сверенному с текстом «Бюллетеня»*

ОТ РАЗРУШЕНИЯ ВЕКОВОГО УКЛАДА К ТВОРЧЕСТВУ НОВОГО

Наша газета ¹⁰⁴ посвящена вопросу о коммунистическом труде.

Это — важнейший вопрос строительства социализма. И надо прежде всего хорошенько уяснить себе, что этот вопрос *мог* быть поставлен практически только после завоевания политической власти пролетариатом, только после экспроприации помещиков и капиталистов, только после решающих побед завоевавшего государственную власть пролетариата над организованными отчаянное сопротивление, контрреволюционные восстания и гражданскую войну эксплуататорами.

В начале 1918 года казалось, что это время наступило — и оно, действительно, наступило после февральского (1918 г.) военного похода германского империализма на Россию. Но то время наступило тогда на такой короткий срок, новая и более сильная волна контрреволюционных восстаний и нашествий нахлынула так быстро, что возможности заняться сколько-нибудь пристально и упорно вопросами мирного строительства у Советской власти не оказалось.

Теперь мы пережили два года неслыханных и невероятных трудностей, голода, лишений, бедствий, а вместе с тем неслыханных побед Красной Армии над полчищами международной капиталистической реакции.

Теперь есть серьезные шансы надеяться (если французские капиталисты не втравят Польшу в войну), что мы получим мир более устойчивый, более длинный.

За два года опыт строительства на основе социализма у нас уже некоторый есть. Поэтому вопрос о коммунистическом труде можно и должно ставить вплотную, — вернее,

впрочем, будет сказать: не о коммунистическом, а о социалистическом труде, ибо речь идет не о высшей, а о низшей, о первоначальной ступени развития нового общественного уклада, вырастающего из капитализма.

Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета за вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма.

Всякому ясно, что до широкого, действительно массового применения *такого* труда нам, т. е. нашему обществу, нашему общественному укладу, еще очень и очень далеко.

Но шагом вперед по этому пути является уже и то, что этот вопрос поставлен, что он поставлен и всем передовым пролетариатом (коммунистической партией и профессиональными союзами), и государственной властью.

Чтобы прийти к большому, надо начать с маленького.

И, с другой стороны, после «большого», после государственного переворота, низвергнувшего собственность капиталистов и передавшего власть пролетариату, — строительство хозяйственной жизни на *новой* основе *можно* начать только с *малого*.

Субботники, трудовые армии, трудовая повинность — вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда.

В этом осуществлении еще масса недостатков. Отделываться смехом (или злобой) по поводу них могут только совсем не умеющие думать люди, если не говорить о защитниках капитализма.

Недостатки, ошибки, промахи в таком новом, таком трудном, таком великом деле неизбежны. Кто боится трудностей строительства социализма, кто дает себя запугать ими, кто впадает в отчаяние или малодушную растерянность, тот не социалист.

Строить новую дисциплину труда, строить новые формы общественной связи между людьми, строить но-

вые формы и приемы привлечения людей к труду, это — работа многих лет и десятилетий.

Это — благодарнейшая и благороднейшая работа.

Счастье наше, что, низвергнув буржуазию и подавив ее сопротивление, мы могли завоевать себе почву, на которой такая работа *стала возможной*.

И мы возьмемся за эту работу со всей энергией. Выдержка, настойчивость, готовность, решимость и умение сотни раз испробовать, сотни раз исправить и во что бы то ни стало добиться цели, — эти качества пролетариат вырабатывал себе 10, 15, 20 лет до Октябрьской революции, он вырабатывал их в течение двух лет после этой революции, перенося невиданные лишения, голод, разорение, бедствия. Эти качества пролетариата — порука, что пролетариат победит.

8-го апреля 1920 г.

«Коммунистический Субботник»,
11 апреля 1920 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты
«Коммунистический Субботник»

**РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
РАБОЧИХ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ¹⁰⁵
19 АПРЕЛЯ 1920 г.**

(Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.) Товарищи, позвольте мне, вместе с благодарностью за приветствие, передать и вам приветствие от имени Совета Народных Комиссаров.

Все мы теперь находимся под свежими впечатлениями закончившегося партийного съезда и вынесенных им резолюций. Всем известно также, какие важные задачи поставил партийный съезд перед рабочими, перед крестьянством, перед всеми трудящимися массами Советской республики. Эти задачи сводятся к созданию единого трудового фронта.

В настоящий момент, когда мы, к счастью и благополучию российского пролетариата, удачно закончили гражданскую войну, когда осталась лишь угроза со стороны Польши, направляемой усердием империалистов Западной Европы, теперь предстоит неизмеримо трудный переход к устроению внутренней жизни.

Для объяснения того громадного перелома, тех трудностей, которые предстоят теперь рабочему классу, я позволю себе обрисовать все те основные стадии развития, через которые прошел русский пролетариат к коммунистическому строю.

Темные, бессознательные крестьяне, попадая впервые на фабрику, хорошо оборудованную, снабженную чудесами новейшей техники, приходили в недоумение, чувствовали себя подавленными необычайной роскошью фабрики. Невежественная душа крестьянина усматривала в фабриканте своего благодетеля, кормильца, который дает работу, без которого не прожить рабочему. Беспомощный рабочий из заброшенной, захолустной деревенской жизни, попадая

в бурлящий котел фабрики, где он получал более сносные условия существования и возможность кое-как прокормиться, поддадал под гнетущее ярмо капиталистической эксплуатации. Всем хорошо известно, как рабочие России и других стран переживали это тяжелое время. Но вот мы видим, как постепенно рабочий освобождается от своей крестьянской отсталости и забитости и начинает подниматься на более высокую ступень развития, как появляются первые попытки борьбы с угнетателями — стачки, попытки распыленных пролетарских масс организоваться в профессиональные союзы, как начинает чувствоваться в рабочем другая сила, как любая стачка при всех ее ничтожных результатах давала нечто неоценимое, новое, важное, содержательное. Стачка учила рабочего сознавать, что лишь в единении с другими рабочими заключается сила, сила могучая, способная остановить машины, превратить раба в свободного человека и воспользоваться теми благами, которые по праву принадлежат производителю их. Всем известна картина развития стачечного движения за последние десятилетия, его постепенный переход от мелких, раздробленных стачек к широким организованным забастовкам. В 1905 году стачечное движение прокатилось мощной волной по всей России. Вместе с ростом организованной борьбы с капиталистами путем стачек, рабочий приобретает невиданную ранее силу. В этом одно из первых мест принадлежит профессиональным организациям. Рабочий приходит к сознанию, что все изобретения техники, все машины и орудия производства, которые используются капиталистами в своих интересах, в ущерб интересам пролетариата, все это может и должно сделаться достоянием пролетариата. Эта новая фаза, фаза организованного отпора рабочих капиталистам с помощью профессиональных союзов — новый шаг вперед в истории развития пролетарского самосознания. Рабочий уже не является безвольным, беспомощным орудием в руках угнетателей. Вся окружающая жизнь убеждает его, что необходима непрерывная, неусыпная и неотступная борьба. Рабочий добивается некоторого улучшения своего экономического положения, увеличения заработной платы, уменьшения рабочего дня. На этой ступени профессионального движения мечты, надежды устремлены на достижение мало-мальски сносной жизни.

Но наступили времена, когда и эта ступень классового самосознания пролетариата, бывшая в свое время огромным шагом вперед, оказалась недостаточной. Жизнь толкала дальше.

Обнаглевшие капиталисты всех стран, придушив рабочие массы, сжали окончательно их мировой войной, организованной и для дальнейшего угнетения освобождающегося пролетариата и для грабежей территорий друг у друга. Империалистические хищники, вооруженные до зубов, кинулись в бой. Рабочего убеждали, что война эта ведется во имя каких-то великих идей освобождения человечества. Но недолго был слеп рабочий. События Брестского, Версальского мира, захват Англией и Францией всех колоний — в достаточной степени открыли рабочему глаза на истинное положение дел. Выяснилось, что за время мировой войны 10 млн. людей погибло, 20 млн. искалечено, и все это лишь для еще большего обогащения хищников.

И прозрев, рабочий поднимается против ига капитала, вспыхивает социальная революция, начало которой положили октябрьские события. Задачи наши теперь не только в том, чтобы быть членами своих профессиональных организаций — этого недостаточно. Рабочий должен подняться еще выше, чтобы из класса угнетенного стать господствующим. На крестьянство рассчитывать пока нечего. Оно распылено, беспомощно и нескоро еще выйдет из темноты. Крестьянство может вывести из мрака невежества только тот класс, который сам вышел из крестьянства, научился понимать, в чем сила организации, и сумел добиться лучшей жизни не только при капитализме, ибо этого же добились и рабочие Западной Европы, что, однако, не избавило их от войны. Рабочий должен понять, что перед ним новая, неизмеримо более трудная задача — взять все управление государством в свои руки. Рабочий должен сказать себе: пока есть частная собственность, пока не сломлен капитализм, никто живущий на чужой счет не должен владеть властью.

Вот этого-то и добивается Советская власть, к которой сочувствие всего мирового пролетариата растет с необычайной быстротой. Создав новое пролетарское государство, рабочий класс взял на себя неслыханную ношу. Уничтожить эксплуатирующие классы и создать социализм рабочий может, лишь идя рука об руку с крестьянством.

Крестьяне же попережнему хозяйничают поодиночке, сбывая излишки на вольном рынке, тем самым еще более обогащая кучку хищников. Крестьяне это делают не сознательно, ибо живут в совершенно иных условиях, чем рабочий. Но свободная торговля есть возврат к капиталистическому рабству. Чтобы избежать этого, нужно по-новому организовать труд, а это некому сделать, кроме пролетариата.

В настоящее время рабочий не есть только член своей профессиональной организации. Эта точка зрения обозначает возврат к старому. Борьба с капиталом еще не окончена. Капитализм до сих пор тормозит начинания Советской власти, путем мешочничества, Сухаревки и т. п. Этой силе может противодействовать лишь сила рабочих организаций, построенных на новых началах, не в узких рамках своих производственных интересов, а интересов всего государства. Только, если весь рабочий класс, независимо от его профессий, сумеет объединиться в господствующий класс, создав единую армию труда, только тогда он внушит к себе уважение всего мира.

И теперь уже крестьянство, убедившись, что сплос пролетариата разбит Колчак и Деникин, почувствовало твердую руку хорошего хозяина. Но оно лишь тогда проникнется окончательно доверием к нему, когда всякая попытка восстановления капитализма будет невозможна. Тогда лишь поймет крестьянин, что нет места в пролетарской стране кулакам и паразитам. Но пока еще крестьянин не верит полностью, что пролетариат справится со своей великой задачей.

Неслыханные лишения последних двух лет, на которые сознательно шел пролетариат России в первых рядах Красной Армии, еще не исчерпаны. Предстоят новые лишения, новые задачи, тем более трудные, чем больше одержано побед на Красном фронте. Завоеваны обширные области Сибири и Украины, где нет такого пролетариата, как пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский, который доказал на деле, что никакою ценой не уступит завоевания революции. Нужно, чтобы сознательные рабочие сумели проникнуть во все поры государственной власти, сумели подойти к крестьянству, организовав его в интересах того класса, который сбросил с себя иго помещиков и строит государство без капиталистов.

Необходимо самопожертвование, железная дисциплина. Необходимо, чтобы весь пролетариат, как один человек, проявил на фронте труда такие же неслыханные чудеса, как он проявил на кровавом фронте. Многие считали вначале, что дело революции безнадежно. Полный развал армии, массовое бегство с фронта, отсутствие снарядов, вот что досталось нам в наследие от Керенского. Российский пролетариат сумел скрепить, сплотить разрозненные силы, создав единую, стойкую Красную Армию. Красная Армия проявила чудеса, разбив напор капиталистов, которым помогали капиталисты всего мира. Задачи трудового фронта еще неизмеримо труднее. Но если для Красной Армии нужны были только мужчины, то сейчас на трудовой фронт должны быть брошены все трудоспособные силы страны, и мужчины, и женщины, даже подростки. Нужна железная дисциплина — у нас, у русских, это слабая сторона. Надо проявить настойчивость, выдержанность, стойкость, единодушие. Ни перед чем не останавливаться. Все и всех для спасения рабоче-крестьянской власти и коммунизма.

Война не кончена, она продолжается на бескровном фронте. Здесь еще враги сильнее нас, надо в этом сознаться. К тем мелким хозяйчикам, которые продают на вольном рынке свой продукт, идет на помощь мировой капитал, который в одной руке несет готовность возобновить торговые сношения, а другой — готов задушить пролетариат и Советскую Россию.

Нужно, чтобы вся 4-миллионная пролетарская масса подготовилась к новым жертвам, новым лишениям и бедствиям, не меньшим, чем на войне. И лишь тогда можно надеяться окончательно разбить врага. Крестьянин, который еще выжидает, колеблется, окончательно уверует в силу пролетариата. Крестьянин еще хорошо помнит помещиков, Деникина, Колчака, но он же видит и лентяйничанье, лодырничанье и говорит: «Оно бы, пожалуй, и хорошо, да где уж нам!».

Надо, чтобы крестьянство увидело нечто другое. Пусть рабочий класс организует производство, как организовал он Красную Армию. Пусть каждый рабочий проникнется сознанием, что он правит страной. Чем меньше нас, тем больше от нас требуется. Надо, чтобы Россия превратилась в огромную армию труда с героическим сознанием само-

пожертвования всем для общего дела — освобождения трудящихся.

Всем известно, что текстильная промышленность переживает величайшую разруху, потому что хлопок, который доставлялся из-за границы, теперь нет, ибо и в Западной Европе ощущается острый недостаток в сырье. Единственный источник — Туркестан, который лишь недавно отвоеван у белогвардейцев, но транспорт не налажен.

Одно из средств спасения в настоящий момент, это — срочная добыча и разработка торфа, что даст возможность пустить полным ходом все электрические станции и освободиться от полной зависимости от отдаленных от Центральной России угольных районов.

Надеяться на древесное топливо при теперешней разрухе — не приходится. Торфяные залежи находятся, главным образом, в текстильных районах. И одна из главных задач текстильного пролетариата — организовать торфяное производство. Я хорошо знаю, что работа эта чрезвычайно тяжелая, приходится стоять по колено в воде при отсутствии обуви и жилищ — трудности необъятные. Но разве было все необходимое у Красной Армии?! Сколько жертв, сколько бедствий вынесли красноармейцы, которые по пояс в воде шли два месяца вперед, отвоевывая у англичан их тапки. Капиталисты надеются на то, что рабочие истощены, голодны и не смогут удержаться. Капиталисты подкарауливают власть рабочих, и вся их надежда сводится к тому, что пролетариат, не справившись со своей задачей единого трудового фронта, вернет их к власти.

Далеко не думаю, что предстоящая работа легка, но все трудности должны и могут быть превзойдены. Надо, чтобы каждый рабочий помог в организации труда, чтобы крестьянство видело в нем организатора, чтобы к труду относились, как к единственному средству сохранить рабоче-крестьянскую власть. Когда еще при Керенском фабриканты убедились, что им на фабриках не остаться, они портили производство, заключали с капиталистами других стран договоры к уничтожению русской промышленности, лишь бы не отдавать ее в руки рабочих, истощали пролетариат гражданской войной.

Рабочему классу предстоит самое великое испытание, когда каждому работнику, каждой работнице надо сделать еще большие чудеса, чем красноармейцы — на фронте.

Неизмеримо труднее победа на фронте труда, самопожертвование в будничной, грязной обстановке, но во сто раз ценнее, чем пожертвование жизнью.

Долой старую замкнутость! Только тот рабочий достоин быть членом профессионального союза, который проявил себя, как член Красной армии труда. Пусть будут сотни ошибок, тысячи поражений, мы их не боимся. Надо сказать себе, что лишь стойким пролетарским натиском добьемся победы.

Два года пролетариат отстаивает рабоче-крестьянскую власть. Во всем мире назревает социальная революция. Чтобы доказать, что все мы на высоте возложенной на нас задачи, мы должны со всей энергией и уверенностью, как бы ни было тяжело положение, сохранить в себе весь пролетарский энтузиазм и на мирном фронте труда добиться таких же чудес, каких добилась Красная Армия на кровавом фронте в борьбе с империалистами и их приспешниками. (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы.)

«Правда» № 33, 20 апреля 1920 г.

Печатается по тексту брошюры:
«Протоколы 3-го Всероссийского
съезда союза текстильщиков».
Москва, 1920, сверенному
со стенограммой

**РЕЧЬ НА СОБРАНИИ, ОРГАНИЗОВАННОМ
МОСКОВСКИМ КОМИТЕТОМ РКП(б)
В ЧЕСТЬ 50-ЛЕТИЯ В. И. ЛЕНИНА¹⁰⁶,
23 АПРЕЛЯ 1920 г.**

(Бурные аплодисменты.) Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушания юбилейных речей. (Аплодисменты.) Я думаю, что, может быть, таким образом мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор и который иногда создавал повод к удивительно хорошим карикатурам. Вот одна из таких карикатур, нарисованная выдающимся художником и посвященная подобному юбилею. Я ее получил сегодня вместе с чрезвычайно дружеским письмом, и так как товарищи были настолько любезны, что они от юбилейных речей избавили меня, я передаю эту карикатуру на рассмотрение всех с тем, чтобы избавили нас впредь вообще от подобных юбилейных празднеств.

Затем мне хотелось несколько слов сказать по поводу теперешнего положения большевистской партии. Меня навели на эти мысли строки одного писателя, написанные им 18 лет тому назад, в 1902 г. Этот писатель Карл Каутский, с которым мы в настоящее время чрезвычайно резко должны были разойтись и бороться, но который в борьбе с немецким оппортунизмом раньше был одним из вождей пролетарской партии, в сотрудничестве с которым мы когда-то были. Тогда большевиков не было, но все будущие большевики, сотрудничавшие с ним, его высоко ценили. Вот что писал тогда в 1902 г. этот писатель: «В настоящее же время» (в противоположность 1848 году) «можно

думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 г. и Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в *Россию*... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политикаства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставить снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно уже справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника — европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами, и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов». (*К. Каутский*. «Славяне и революция». «Искра» 1902 г., № 18, от 10 марта.)

Вот как 18 лет назад писал про революционное движение в России выдающийся социалист, с которым нам пришлось теперь порвать так решительно. Эти слова наводят меня на

мысль, что наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение, — именно, в положение человека, который зазнался. Это положение довольно глупое, позорное и смешное. Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаваться. В самом деле, те ожидания от русской революции, которые я привел словами нашего теперешнего злейшего врага, эти ожидания непомерно велики. Блестящие успехи и блестящие победы, которые до сих пор мы имели, — ведь они обставлены были условиями, при которых главные трудности еще не могли быть нами решены. Они обставлены были условиями, когда на нас лежали задачи военные, задачи борьбы самой глубокой, самой живой с помещичьей и царской, генеральской реакцией; таким образом задачи, составляющие сущность социалистического переворота, отодвигались от нас задачами организации борьбы с повседневым будничным проявлением мелкобуржуазной стихии, раздробленности, распыленности, т. е. всего, что тащит назад к капитализму. И в смысле экономическом, и в смысле политическом те задачи были от нас отодвинуты: мы к ним не имели возможности приступить надлежащим образом. Поэтому та опасность, на которую нас наводят приведенные слова, должна быть сугубо учтена всеми большевиками порознь и большевиками, как целой политической партией. Мы должны понять, что решения нашего последнего съезда партии во что бы то ни стало должны быть проведены в жизнь, а это значит, что нам предстоит громаднейшая работа и потребуются приложить труда много больше, чем требовалось до сих пор.

Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии. (А п л о д и с м е н т ы.)

Краткий отчет опубликован

*24 апреля 1920 г.
в газете «Правда» № 87*

*Напечатано полностью
в октябре 1920 г. в брошюре: «50-летие
Владимира Ильича Ульянова-Ленина
(1870 — 23 апреля — 1920)»*

Печатается по тексту брошюры

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Сибирское правительство* — контрреволюционное белогвардейское правительство, образовавшееся летом 1918 года в Омске. — 4.
- 2 Предложение представителя английской военной миссии в Эстонии о свержении эстонского буржуазного правительства имело провокационный характер. — 7.
- 3 *Бернский Интернационал* называлось объединение социалшовинистических и центристских партий, созданное на конференции в Берне в феврале 1919 года в целях восстановления II Интернационала. Критику бернского Интернационала В. И. Ленин дает в статье «О задачах III Интернационала» (см. Сочинения, 4 изд., том 29, стр. 456—473) и других произведениях. — 9.
- 4 *Коммунистическая партия Америки* образовалась в сентябре 1919 года. Основным ее ядром явилось левое крыло Социалистической партии Америки, сложившееся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. — 16.
- 5 *Комитет восстановления интернациональных связей* был образован французскими интернационалистами в январе 1916 года. В мае 1919 года Комитет восстановления интернациональных связей преобразовался в Комитет III Интернационала, который развернул агитацию за присоединение к Коммунистическому Интернационалу. В конце 1920 года он вошел в образовавшуюся Коммунистическую партию Франции.

Комитет синдикальной защиты был создан осенью 1916 года группой синдикалистов, вышедших из Комитета восстановления интернациональных связей ввиду отрицания ими парламентской деятельности. В мае 1919 года Комитет синдикальной защиты постановил присоединиться к Коммунистическому Интернационалу; наиболее революционные элементы его вошли в Комитет III Интернационала. — 16.

- 6 *«Интернационал»* («L'Internationale») — еженедельная газета французских синдикалистов, орган Комитета синдикальной защиты; выходила в Париже в 1919 году. — 16.
- 7 *Британская социалистическая партия* (British Socialist Party) была основана в 1911 году в Манчестере. Британская социалистическая партия вела пропаганду и агитацию в марксистском духе и была партией «не оппортунистической, действительно независимой от либералов» (Ленин). Малочисленность и оторванность партии от масс придавали ей некоторый сектантский характер.
- В период мировой империалистической войны (1914—1918) в партии обозначились два течения: одно — открыто социал-шовинистическое во главе с Гайндманом и другое — интернационалистское во главе с А. Инкпином и др. В апреле 1916 года в партии произошел раскол. Гайндман и его сторонники оказались в меньшинстве и вышли из партии. С этого времени во главе Британской социалистической партии встали интернационалистские элементы. Британская социалистическая партия была инициатором создания Коммунистической партии Великобритании, оформившейся в 1920 году. — 17.
- 8 *Комитеты фабричных старост* (Shop Stewards Committees) — выборные рабочие организации, существовавшие в Англии во многих производствах со времени первой мировой войны. После победы Великой Октябрьской социалистической революции, в период иностранной военной интервенции против Советской власти, комитеты фабричных старост активно выступали за поддержку Советской России. Ряд деятелей комитетов фабричных старост (В. Галлахер и другие) вошли в Коммунистическую партию Англии. — 17.
- 9 *Швейцарская социалистическая партия* образовалась в 1888 году. В партии было сильно влияние оппортунистов, которые в период первой мировой войны стали социал-шовинистами. Осенью 1916 года правые откололись от партии и образовали свою организацию. Большинство партии во главе с Р. Гриммом заняло центристскую, социал-пацифистскую позицию. Левое крыло партии стояло на интернационалистской позиции. Ленин во время своего пребывания в Швейцарии в 1914—1917 годах был связан с представителями левых из Швейцарской социалистической партии; критикуя их ошибки, Ленин в то же время помогал им занять правильную позицию. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России левое крыло социалистической партии усилилось. В декабре 1920 года левые вышли из социалистической партии и в 1921 году объединились с Коммунистической партией Швейцарии, образовавшейся в 1919 году. — 17.
- 10 *Итальянская социалистическая партия* была основана в 1892 году как «Партия итальянских рабочих»; в 1893 году она приняла название «Итальянской социалистической партии». После победы Великой Октябрьской социалистической революции

в России в рядах Итальянской социалистической партии усилилось левое крыло. В январе 1921 года на съезде партии в Ливорно левые порвали с социалистической партией, организовали свой съезд и основали Коммунистическую партию Италии.

В период фашистской диктатуры в Италии, в социалистической партии вновь образовалось влиятельное левое крыло. В 1934 году Итальянская социалистическая партия заключила с Коммунистической партией Италии соглашение о единстве действий. Это соглашение послужило базой сотрудничества обеих партий во время второй мировой войны и в послевоенный период. В январе 1947 года из рядов Итальянской социалистической партии вышла группа правых во главе с агентом американского империализма Сарагатом и образовала так называемую «Социалистическую партию итальянских трудящихся» (с 1952 года носит название социал-демократической партии). — 17.

- 11 *Спартак* — члены союза «Спартак», образовавшегося в период первой мировой войны, в январе 1916 года. В начале войны германские левые социал-демократы образовали группу «Интернационал», руководимую К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин и др.; позднее эта группа стала называться союзом «Спартак». Спартак
- овцы вели революционную пропаганду в массах против империалистической войны, разоблачали захватническую политику германского империализма и предательство вождей социал-демократии. Но спартак
- овцы не освободились от полуменьшевистских ошибок в важнейших вопросах теории и политики. Критика ошибок германских левых дана в произведениях В. И. Ленина: «О брошюре Юниуса», «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» (см. Сочинения, 4 изд., том 22, стр. 291—305, и том 23, стр. 16—64) и др., и в письме И. В. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» (см. И. В. Сталин. «Вопросы ленинизма», 11 изд., стр. 350—361). В апреле 1917 года спартак
- овцы вошли в центристскую Независимую социал-демократическую партию Германии, сохранив в ней свою организационную самостоятельность. После ноябрьской революции 1918 года в Германии спартак
- овцы порвали с «независимцами» и в декабре того же года основали Коммунистическую партию Германии. — 17.

- 12 *La Feuille* («Листок») — газета, выходившая в Женеве на французском языке с августа 1917 года. Не являясь формально органом какой-либо партии, газета фактически стояла на оппортунистических позициях II Интернационала. — 17.

- 13 Ленин имеет в виду предварительные переговоры, которые велись в марте 1919 года с Буллитом, посланным в Советскую Россию правительствами Англии и США для выяснения, на каких условиях Советское правительство согласно начать переговоры о мире. Вскоре после отъезда Буллита из Советской России Колчаку удалось добиться некоторых

успехов на Восточном фронте, и империалистические правительства Англии и США, рассчитывая на разгром Советской России, отказались от ведения с ней переговоров. После второй мировой войны Буллит выступает как злобный враг и поджигатель войны против СССР. — 32.

- 14 Ленин имеет в виду решения XVI съезда Итальянской социалистической партии, происходившего в Болонье 5—8 октября 1919 года. — 34.
- 15 «Красное Знамя» («Die Rote Fahne») — ежедневная газета, Центральный орган Коммунистической партии Германии; основана К. Либкнехтом и Р. Люксембург как Центральный орган союза «Спартак». Газета выходила с 9 ноября 1918 года в Берлине; неоднократно подвергалась репрессиям и запрещениям со стороны правительства Шейдемана — Носке; закрыта с приходом к власти фашистов в 1933 году, но продолжала издаваться нелегально. В 1935 году издание газеты было перенесено в Прагу (Чехословакия); с октября 1936 года до осени 1939 года «Die Rote Fahne» издавалась в Брюсселе (Бельгия). — 35.
- 16 «Freiheit» («Свобода») — ежедневная газета, орган центристской Независимой с.-д. партии Германии; выходила в Берлине с ноября 1918 года по октябрь 1922 года. — 36.
- 17 *Партийная неделя* проводилась на основе решения VIII съезда РКП(б) о расширении численного состава партии за счет рабочих, рабочей и крестьянской молодежи. Впервые партийная неделя была проведена в петроградской организации с 10 по 17 августа 1919 года; в московской губернской организации партийная неделя была проведена с 20 по 28 сентября; в московской городской организации партийная неделя проводилась с 8 по 15 октября. Пленум Центрального Комитета партии 26 сентября 1919 года принял решение о проведении партийной недели также в других городах, в деревнях и в армии. В партию было принято более 200 тысяч новых членов. — 45.
- 18 *Перерегистрация членов партии* была проведена на основании постановления VIII съезда РКП(б) в период с мая до конца сентября 1919 года. Перерегистрация была фактически первой чисткой рядов партии. — 45.
- 19 ППС — Польская социалистическая партия — мелкобуржуазная националистическая партия, основанная в 1892 году. Под влиянием первой революции в России ППС в 1906 году раскололась на две фракции: «левицу» ППС и «правизу» ППС. В годы первой мировой войны большая часть «левицы» встала на интернационалистскую позицию и сблизилась с польской с.-д. партией; вместе они в декабре 1918 года обрвали Коммунистическую рабочую партию Польши.
- «Правиза», возглавлявшаяся Пилсудским, продолжала политику национал-шовинизма; впоследствии из нее возникли-

лась ППС. С образованием польского буржуазного государства в 1918 году ППС, став правительственной партией, проводила антисоветскую политику. Во время второй мировой войны ППС раскололась на две группы. Реакционно-шовинистическая часть ППС встала на путь сотрудничества с фашистами. Другая часть, называвшаяся «Рабочей партией польских социалистов», под воздействием Польской рабочей партии включилась в единый фронт против гитлеровских оккупантов и вела борьбу за освобождение Польши от фашистского порабощения и за установление дружественных связей с СССР. В декабре 1948 года, после очищения ППС от правых элементов, ППР и ППС объединились на базе марксизма-ленинизма и образовали Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП). Эмигрировавшая шайка правых пенесовцев является агентурой англо-американской разведки и ведет подрывную работу против народно-демократической Польши. — 60.

- 20 Ленин имеет в виду предательское поведение французских социал-соглашателей во главе с Жаном Лонге, Мергеймом, Жуо и другими в связи с международной политической стачкой, намеченной на 21 июля 1919 года под лозунгами поддержки русской и венгерской революций и с требованием невмешательства империалистов в русские и венгерские дела. Жуо, Мергейм и другие руководители Генеральной конфедерации труда в целях обмана рабочих вначале высказались за стачку, а затем, накануне ее проведения, предложили ее отложить. В результате этого предательства международная стачка была сорвана, чем была оказана поддержка империалистическим правительствам в проводимой ими интервенции против Советской России и Венгрии. — 65.
- 21 Раскол Коммунистической партии Германии произошел на II ее съезде, состоявшемся нелегально 20—23 октября 1919 года. На съезде выступила группа «левых» с защитой анархо-синдикалистских взглядов — бойкота парламента, отрицания политической борьбы, отказа от участия в реакционных профсоюзах и т. п. «Левые» остались в меньшинстве и были исключены из рядов партии. Они создали свою организацию — так называемую Коммунистическую рабочую партию Германии (КРПГ), выродившуюся впоследствии в контрреволюционную анархо-синдикалистскую группку. — 67.
- 22 Ленин имеет в виду письмо К. Маркса И. Вейдемейеру от 5 марта 1852 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 63). — 75.
- 23 Ленин имеет в виду письмо К. Маркса Л. Кугельману от 13 декабря 1870 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 253). — 77.
- 24 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1952, стр. 18. — 77.

- 25 Ленин имеет в виду письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 293). — 78.
- 26 Ленин имеет в виду письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 296). — 79.
- 27 См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1953, стр. 100—101. — 79.
- 28 См. Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1952, стр. 304—305). — 80.
- 29 Ленин имеет в виду высказывания Маркса и Энгельса в период 1852—1892 годов по поводу процесса обуржуазивания верхушки рабочего класса. Одно из первых высказываний Энгельса по этому вопросу имеется в его письме Марксу от 24 сентября 1852 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 1931, стр. 70). К числу наиболее поздних высказываний Энгельса по рассматриваемому вопросу относятся предисловие Энгельса ко второму немецкому изданию его книги «Положение рабочего класса в Англии», написанное в 1892 году (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1952, стр. 386—400).
Значительную часть этих высказываний Ленин цитирует в своей статье «Империализм и раскол социализма» (см. Сочинения, 4 изд., том 23, стр. 100—102). — 82.
- 30 Ленин имеет в виду выступление Маркса на конгрессе I Интернационала в Гааге в сентябре 1872 года с заявлением о продажности вождей английских рабочих. Об этом выступлении Маркса сообщал Энгельс в письмах Зорге от 21 сентября и 5 октября 1872 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVI, 1935, стр. 288 и 292). — 82.
- 31 *Параграф 23 Конституции РСФСР*, разработанной комиссией ВЦИК во главе с И. В. Сталиным и Я. М. Свердловым и принятой 10 июля 1918 года V Всероссийским съездом Советов, гласит: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции». — 84.
- 32 См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1953, стр. 100—101. — 96.
- 33 Статья осталась неоконченной. — 96.
- 34 «Беднота» — ежедневная газета для крестьян; начала выходить с 27 марта 1918 года по постановлению ЦК РКП(б) вместо газет: «Деревенская Беднота», «Деревенская Правда» и «Сол-

датская Правда». «Беднота» издавалась по 31 января 1931 года, после чего слилась с газетой «Социалистическое Земледелие». — 103.

35 Ленин имеет в виду Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников (Викжель), состоявший в подавляющем большинстве из эсеров и меньшевиков. В первые дни после победы Великой Октябрьской социалистической революции Викжель, прикрываясь флагом нейтралитета, на деле был одним из центров контрреволюции. В руках Викжеля находился аппарат управления железными дорогами. По решению Всероссийского чрезвычайного съезда железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих в январе 1918 года, Викжель был ликвидирован. — 109.

36 Письмо «Товарищам коммунистам Туркестана» было написано Лениным в связи с посылкой в Туркестан в октябре 1919 года комиссии ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана. Целью комиссии являлось исправление ошибок в проведении национальной политики в Туркестане, допущенных местными работниками.

Еще до посылки комиссии Центральный Комитет РКП(б) давал указания руководящим работникам Туркестана о необходимости исправления допущенных ими ошибок. В телеграмме на имя Чрезвычайного комиссара Средней Азии за подписью И. В. Сталина, посланной в апреле 1918 года, было дано указание о предоставлении Туркестанскому краю автономии и о проведении политики сближения трудовых слоев народов Туркестана с органами Советской власти. Вопрос о привлечении местного населения к государственной деятельности был особо подчеркнут в радиопрограмме ЦК РКП(б) от 12 июля 1919 года на имя туркестанского правительства.

Письмо Ленина обсуждалось на V общепартийной красной конференции Коммунистической партии Туркестана в январе 1920 года. Конференция обратилась к Ленину с письмом, в котором обещала исправить допущенные ошибки, работая совместно с комиссией ВЦИК и СНК. — 117.

37 Совет Оборон (Совет Рабочей и Крестьянской Оборон) был образован постановлением ВЦИК от 30 ноября 1918 года для руководства обороной Советской республики. Это постановление возлагало на Совет Оборон задачу проведения в жизнь декрета ВЦИК от 2 сентября 1918 года, которым Советская республика была объявлена военным лагерем, и установления в продовольственном и транспортном деле, а также в области военной промышленности военного режима. Совету Оборон была предоставлена вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств страны в интересах обороны. Совет Оборон руководил снабжением фронта пополнениями, вооружением, продовольствием, обмундированием.

Во главе Совета Оборон стоял В. И. Ленин; фактическим его заместителем был И. В. Сталин, выделенный ВЦИК в

качестве своего представителя в Совете Обороны. Согласно постановлению Совета Обороны, решения создаваемых им комиссий, подписанные В. И. Лениным и И. В. Сталиным, имели силу решений Совета Обороны.

После ликвидации основных фронтов Совет Обороны был преобразован в начале апреля 1920 года в Совет Труда и Обороны (СТО). После окончания гражданской войны, по постановлению VIII Всероссийского съезда Советов 29 декабря 1920 года, Совет Труда и Обороны существовал на правах комиссии Совнаркома до конца 1936 года. — 117.

38 *I Всероссийское совещание по партийной работе в деревне* происходило 16—19 ноября 1919 года в Москве. На совещании присутствовало 99 делегатов от губернских, уездных и волостных комитетов партии. Ленин выступил на третий день совещания; в начале своей речи Ленин поздравил делегатов с освобождением войсками Красной Армии г. Курска. — 122.

39 *II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока* происходил в Москве 22 ноября — 3 декабря 1919 года. Накануне съезда, 21 ноября, состоялось под председательством Ленина при участии Сталина предварительное совещание членов ЦК партии с группой делегатов съезда. На съезде присутствовало около 80 делегатов — представителей мусульманских коммунистических организаций Туркестана, Азербайджана, Хивы, Бухары, Киргизии, Татарии, Чувашии, Башкирии, Кавказа и др. Съезд был открыт по поручению ЦК РКП(б) И. В. Сталиным, произнесшим вступительную речь о задачах съезда (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 4, 1954, стр. 279—280). В. И. Ленин выступил с докладом о текущем моменте в первый день съезда.

Съезд заслушал и обсудил отчет о работе Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока, избрал новое бюро и наметил задачи партийной и советской работы на Востоке. — 130.

40 «*Проект резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине*», написанный Лениным, был принят за основу на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 года и передан для окончательного редактирования в комиссию. С редакционными поправками комиссии и с добавлением пункта 2, внесенного Лениным, проект резолюции был принят пленумом ЦК РКП(б) 29 ноября 1919 года и опубликован. Резолюция ЦК была подтверждена 3 декабря 1919 года VIII Всероссийской конференцией РКП(б). — 142.

41 *Резолюция от 18 мая 1919 года об объединении военных сил* была принята на заседании Центрального Исполнительного Комитета Украинской ССР. В резолюции была поставлена задача объединения всех сил Советских республик для вооруженной борьбы с врагами Советской власти и сосредоточения

всех материальных средств, необходимых для этого, в руках единого центра; аналогичные предложения были внесены Советскими правительствами Латвии, Литвы и Белоруссии.

В соответствии с этими предложениями 1 июня 1919 года был издан декрет ВЦИК «Об объединении Советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». В декрете было указано на необходимость военного союза всех упомянутых республик для отпора врагам Советской власти. ВЦИК признал необходимым провести объединение военной организации и военного командования Советских республик, а также сосредоточить руководство основными отраслями народного хозяйства в руках единых руководящих органов. — 142.

- 42 VIII Всероссийская конференция РКП(б) состоялась в Москве 2—4 декабря 1919 года. На конференции присутствовало 45 делегатов с решающим голосом и 73 — с совещательным. Порядок дня конференции: 1. Доклад ЦК (политический и организационный); 2. Доклад о международном положении; 3. Вопросы порядка дня VII Всероссийского съезда Советов; 4. О Советской власти на Украине; 5. О партийном уставе; 6. О новых членах партии.

Конференция открылась вступительной речью В. И. Ленина. На втором заседании Ленин выступал с политическим докладом ЦК и с заключительным словом по докладу. Ленина подготовил проект резолюции по вопросу о международной политике (см. настоящий том, стр. 169—170). На третьем и четвертом заседаниях Ленин выступал с речью о Советской власти на Украине и с заключительным словом по этому вопросу. На конференции был принят, в соответствии с решением VIII съезда РКП(б), новый устав партии. — 145.

- 43 «L'Humanité» («Человечество») — ежедневная газета, основанная Ж. Жоресом в 1904 году как орган Французской социалистической партии. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета находилась в руках крайне правого крыла Французской социалистической партии и занимала социал-шовинистическую позицию. Вскоре после раскола социалистической партии на съезде в декабре 1920 года и образования Коммунистической партии Франции газета стала ее органом; выходит в Париже и в настоящее время как Центральный орган Коммунистической партии Франции. — 150.
- 44 Проект «Инструкции губернским, уездным и волостным комитетам РКП о работе в деревне» был выработан Отделом ЦК РКП(б) по работе в деревне. Проект был принят с небольшими поправками I Всероссийским совещанием по партийной работе в деревне. — 167.

- 45 Настоящий проект резолюции по вопросу о международной политике был составлен Лениным на заседании VIII Всероссийской конференции РКП(б) 2 декабря 1919 года. С незначительными поправками проект резолюции был принят

конференцией, а затем был оглашен Лениным 5 декабря в его докладе на VII Всероссийском съезде Советов (см. настоящий том, стр. 209) и принят съездом единогласно как мирное предложение странам Антанты. Революция съезда была опубликована в печати 6 декабря 1919 года.

Мирное предложение съезда было разослано представителям держав Антанты 10 декабря 1919 года. Правительства Англии, Франции, США и Италии отказались рассматривать это предложение. — 169.

- 46 *Борьбисты* — украинские левые эсеры, образовавшие в мае 1918 года самостоятельную партию. Именовались борьбистами по названию центрального органа своей партии — газеты «Борьба» («Борьба»). В марте 1920 года, в связи с ростом влияния большевиков в крестьянских массах Украины, борьбисты были вынуждены пойти на роспуск своей партии и присоединиться к Коммунистической партии (большевиков) Украины. IV конференция КП(б)У вынесла решение о принятии борьбистов в партию, причем все вновь принятые были подвергнуты перерегистрации. В последующие годы выяснилось, что многие из борьбистов были скрытыми врагами народа, двурушниками. Они возглавили антисоветскую борьбу контрреволюционных, буржуазно-националистических элементов на Украине и были разоблачены как злейшие враги народа. — 171.
- 47 *I съезд земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей* был создан Наркомземом и состоялся 3—10 декабря 1919 года в Москве. На съезде присутствовало 140 делегатов, из них 93 коммуниста. Ленин выступал на второй день работы съезда. Съезд принял устав Всероссийского союза трудовых производственных сельскохозяйственных коллективов (коммун и артелей), который был затем утвержден Наркомземом. — 173.
- 48 *Миллиардный фонд* был создан согласно декрету Совнаркома от 2 ноября 1918 года «в целях улучшения и развития сельского хозяйства и скорейшего переустройства его на социалистических началах». Пособия и ссуды из этого фонда выдавались сельскохозяйственным коммунам, трудовым товариществам и сельским обществам или группам при условии перехода последних к коллективной обработке земли. — 173.
- 49 *«Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию»* было принято ВЦИК в феврале 1919 года. Ленин принимал непосредственное участие в разработке положения и его редактировании. «Положением» намечался ряд практических мероприятий по переустройству сельского хозяйства на социалистических началах, по поднятию производительности сельского хозяйства и расширению посевных площадей. — 173.

- 50 VII Всероссийский съезд Советов происходил 5—9 декабря 1919 года в Москве. На съезде присутствовало 1366 делегатов, из них 1278 коммунистов. В порядке дня съезда стояли вопросы: 1. Доклад ВЦИК и Совнаркома; 2. Военное положение; 3. О Коммунистическом Интернационале; 4. Продовольственное положение; 5. Топливный вопрос; 6. Советское строительство в центре и на местах; 7. Выборы ВЦИК. Ленин выступил в день открытия съезда с докладом ВЦИК и Совнаркома; на следующий день — с заключительным словом по докладу; 8 декабря — с речью в организационной секции съезда и в день закрытия съезда — с заключительной речью. — 183.
- 51 Германское правительство разорвало дипломатические отношения с РСФСР 5 ноября 1918 года и выслало советское посольство из Берлина под лживым предлогом, будто официальные советские представители вели агитацию против германских государственных учреждений. Дипломатические отношения между Германией и РСФСР возобновились лишь в 1922 году. — 189.
- 52 Ленин имеет в виду крупный контрреволюционный заговор, раскрытый в ноябре 1919 года в Петрограде. Во главе заговора стояла белогвардейская организация, которая была связана с Юденичем и субсидировалась Автантой. В нее входили царские сановники, генералы и адмиралы царской армии, контрреволюционеры, пробравшиеся под видом военных специалистов в Красную Армию, члены кадетской партии и белогвардейской шпионской организации «Национальный центр», а также лица, близкие к партиям эсеров и меньшевиков. Цель этой контрреволюционной организации заключалась в подготовке восстания в Петрограде в момент приближения к нему Юденича. Заговор был раскрыт и ликвидирован. — 212.
- 53 Организационная секция, или секция по советскому строительству, была создана на VII Всероссийском съезде Советов для рассмотрения изменений, которые произошли в практике советского строительства со времени принятия Конституции РСФСР V съездом Советов в июне 1918 года. После выступления Ленина на заседании секции была взята за основу резолюция о советском строительстве, ранее принятая VIII Всероссийской конференцией РКП(б). — 220.
- 54 Ленин имеет в виду слова К. Маркса из его письма Л. Кугельману от 13 декабря 1870 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 253). — 236.
- 55 См. К. Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. 1, 1952, стр. 291—292 и 442—444). — 240.

- 56 Имеется в виду подавление финской буржуазией пролетарской революции в Финляндии, начавшейся в январе 1918 года в южной, промышленной части страны. Буржуазное правительство, которому удалось превратить север Финляндии с кулацким и зажиточным крестьянством в плацдарм контрреволюции и создать белую армию, само вызвало гражданскую войну, предприняв в разных местах страны нападения на отряды Красной гвардии. Финские рабочие и созданная ими Красная гвардия героически боролись, но предательская тактика финской социал-демократии ослабляла силу их сопротивления, а революционной пролетарской партии в Финляндии тогда еще не было. Соединенными силами финской белогвардейщины и германских войск пролетарская революция была жестоко подавлена в апреле—мае 1918 года. В Финляндии воцарился белый террор; были расстреляны десятки тысяч революционных рабочих. — 249.
- 57 Приветствие, адресованное Лениным *«Нашей смене»*, было послано молодежи Петроградской губернии в связи с проводившейся петроградской комсомольской организацией *«неделей молодежи»*. — 252.
- 58 *Московская общегородская конференция РКП(б)* происходила 20—21 декабря 1919 года. На конференции обсуждались вопросы: 1. О Всероссийской партийной конференции; 2. О топливе; 3. О субботниках; 4. Об эпидемии сыпного тифа и мерах борьбы с ней; 5. О продовольственном положении Москвы; 6. О Всеобуче (Всеобщее военное обучение) и отрядах особого назначения. По докладу Ленина о субботниках была принята резолюция, в которой подчеркивалось огромное значение субботников как первых шагов к практическому осуществлению коммунизма. — 259.
- 59 Заметка *«Об очистке русского языка»* была написана Лениным в 1919 или 1920 году. — 274.
- 60 Речь идет о директиве, принятой по предложению Ленина Политбюро ЦК РКП(б) 23 января 1920 года, по вопросу о создании Рабоче-крестьянской инспекции. На основании директивы ЦК и указаний Ленина, изложенных в настоящем письме И. В. Сталину, было выработано *«Положение о Рабоче-крестьянской инспекции»*, принятое затем первой сессией ВЦИК VII созыва 7 февраля 1920 года. — 276.
- 61 *«Проекты постановлений и директивы о кооперации»* были написаны Лениным во время совещания по вопросу о кооперации. Совещание происходило под председательством Ленина 26 января 1920 года при участии И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского и др. На основании директив Ленина совещанием было принято решение, которое легло в основу декрета Совнаркома от 27 января 1920 года об объединении всех видов кооперативных организаций и постановления Совнаркома от того же числа о ликвидации Совета кооперативных съездов. — 283.

- 62 *III Всероссийский съезд советов народного хозяйства* состоялся в Москве 23—29 января 1920 года. В порядке дня съезда стояли следующие вопросы: экономическое положение Советской России; военная промышленность и снабжение Красной Армии; организация управления хозяйственной жизнью; организация труда; всеобщая трудовая повинность; современное положение транспорта; о топливе и др. Ленин провнес свою речь на пленарном заседании съезда 27 января. — 285.
- 63 *Первая сессия ВЦИК VII созыва* происходила 2—7 февраля 1920 года. Сессией были приняты постановления: о порядке всеобщей трудовой повинности, об электрификации России, о всеобщей переписи, о Рабоче-крестьянской инспекции и другие. На сессии было вынесено постановление об образовании особой комиссии при Президиуме ВЦИК по разработке вопросов федеративного устройства РСФСР; в состав комиссии был введен И. В. Сталин, находившийся в это время на Юго-Западном фронте. Сессия ВЦИК утвердила обращение к польскому народу и приняла постановление о ратификации мирного договора с Эстонией. — 291.
- 64 Ленин прочитал сообщение, опубликованное в центральных газетах 18 января 1920 года, о решении правительств стран Антанты снять блокаду с Советской России и разрешить вести торговлю с Россией. В сообщении подчеркивалось, что это постановление «ни в коем случае не означает изменения политики союзников по отношению к Советскому правительству». — 292.
- 65 Документы, о которых говорил Ленин, были получены от белогвардейского офицера Олейникова, перешедшего на сторону Советской власти. Эти документы он вез из Парижа от С. Д. Сазонова через Швецию Юденичу.
- Упомянутые в документах: Сазонов — министр иностранных дел царского правительства и представитель Колчака и Деникина в Париже; Гулькевич — колчаковский посланник в Швеции; Бахметев — колчаковский посол в Вашингтоне; Сукин — колчаковский министр иностранных дел в Омске; Саблин — колчаковский поверенный в делах в Лондоне; Нокс — генерал, представитель английского правительства при Колчаке. — 296.
- 66 Речь идет о переговорах, которые велись Обществом Красного Креста об обмене пленными, возвращении беженцев и т. п. — 299.
- 67 Ленин имеет в виду заявление Совнаркома РСФСР, адресованное правительству Польши и польскому народу и опубликованное 30 января 1920 года в центральных газетах. В дополнении к этому 2 февраля на заседании первой сессии ВЦИК VII созыва было принято обращение ВЦИК к польскому народу. В обращении разоблачалась клевета империалистических

государств о якобы захватнических намерениях Советской России по отношению к Польше и подчеркивалось неуклонное стремление Советского правительства к миру и к установлению дружественных, добрососедских отношений с независимой Польшей. — 300.

- 68 *Автономная Башкирская Советская республика* была образована в результате соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии. Соглашение было подписано Лениным и Сталиным и опубликовано в печати 23 марта 1919 года. По этому соглашению Башкирская республика входила в состав РСФСР на федеративных началах. — 301.
- 69 *Автономная Татарская Советская республика* была образована 27 мая 1920 года. Декрет ВЦИК и Совнаркома об образовании республики был подписан Лениным и Калининным. — 301.
- 70 Ленин имеет в виду ряд правительственных постановлений, ставивших своей задачей борьбу с хозяйственной разрухой и восстановление народного хозяйства. Постановление об использовании для трудовых целей на Урале III армии, переименованной в I Революционную армию труда, было принято Советом Народных Комиссаров 13 января 1920 года. Положение об Укрсовтрударме было принято Совнаркомом РСФСР по соглашению с Всеукраинским Ревкомом 20 января 1920 года; председателем Укрсовтрударма был назначен И. В. Сталин. Постановление об использовании сил и средств Запасной армии республики для улучшения железнодорожного транспорта в районе Московско-Казанской железной дороги было принято Советом Обороны 23 января 1920 года. Постановление о порядке всеобщей трудовой повинности и положение о комитетах по всеобщей трудовой повинности было принято Совнаркомом 29 января 1920 года. — 309.
- 71 «Проект (или тезисы) ответа от РКП на письмо Независимой с.-д. германской партии» написан Лениным как ответ на предложение Независимой с.-д. партии Германии вступить в переговоры об условиях вхождения в Коммунистический Интернационал. — 313.
- 72 Ленин имеет в виду принятое первой сессией ВЦИК VII созыва положение о Рабоче-крестьянской инспекции. — 326.
- 73 «*Le Populaire*» («Народная Газета») была основана в 1916 году французскими социалистами-центристами; выходила сначала в Лиможе; с июля 1917 года — в Париже. После раскола Французской социалистической партии на Турском съезде в декабре 1920 года и образования Коммунистической партии Франции, газета «*Le Populaire*» с 1921 года стала официальным органом оппортунистической Французской социалистической партии.

- В настоящее время газета находится в руках правых социалистов — агентуры реакционных кругов французской буржуазии и империалистов США. — 327.
- 74 «Комитет по восстановлению Интернационала» был образован в конце 1919 года центристскими элементами Французской социалистической партии во главе с Ж. Лонге и П. Фором. — 327.
- 75 «*La Vie Ouvrière*» («Рабочая Жизнь») — газета, еженедельный орган революционных синдикалистов Франции; выходила в Париже с апреля 1919 года до 1939 года, после чего была закрыта. Издание газеты было возобновлено в 1944 году. В настоящее время «*La Vie Ouvrière*» является органом Всеобщей конфедерации труда, профессиональной организации французского рабочего класса. — 327.
- 76 «Коммунистический Интернационал» — журнал, орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала; выходил с 1 мая 1919 года по июнь 1943 года. — 327.
- 77 «*Avanti!*» («Вперед!») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской социалистической партии; основана в декабре 1896 года. Газета издавалась одновременно в Риме, Милане и Турине. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета «*Avanti!*» заняла непоследовательно-интернационалистскую позицию и не порывала связи с реформистами. Газета выходит в настоящее время как центральный орган Итальянской социалистической партии. — 327.
- 78 Венгерская советская республика существовала с 21 марта до августа 1919 года. — 329.
- 79 «*Die Rote Fahne*» («Красное Знамя») — газета, Центральный орган Коммунистической партии Австрии; издавалась в Вене с ноября 1918 года. Вначале — под названием «*Der Weckruf*» («Клич»); с января 1919 года — «*Die Soziale Revolution*» («Социальная Революция»); с июля 1919 года — «*Die Rote Fahne*». В 1933 году «*Die Rote Fahne*» вынуждена была перейти на нелегальное положение. С августа 1945 года — Центральный орган Коммунистической партии Австрии, выходит под названием «*Österreichische Volksstimme*» («Народный Голос Австрии»). — 329.
- 80 «*La Bataille*» («Битва») — газета, орган французских анархосиндикалистов; начала выходить в Париже с ноября 1915 года. В период первой мировой войны и в послевоенный период газета занимала шовинистическую позицию. — 330.
- 81 Ленин имеет в виду слова Вагнера из трагедии Гёте «Фауст»:
 «Ах, то ли дело поглощать
 За томом том, страницу за страницей!»
 (См. Гёте. Собрание сочинений, том V, 1947, стр. 87). — 335.

- 82 Вопросы были переданы Ленину по радио берлинским представителем американской буржуазной газеты «New York Evening Journal» («Нью-Йоркская Вечерняя Газета»). Текст ответа Ленина был сообщен радиোগраммой в Берлин, откуда был передан в Нью-Йорк 21 февраля 1920 года. В тот же вечер ответ Ленина был напечатан в газете «New York Evening Journal». Радиোগрамма Ленина была перепечатана также в немецкой коммунистической и социалистической печати. — 340.
- 83 Специальный корреспондент лондонской консервативной газеты «Daily Express» («Ежедневный Экспресс»), находившийся в Копенгагене, обратился к Ленину с просьбой ответить на четыре вопроса. Ответ Ленина был получен в Копенгагене 22 февраля и на следующий день был напечатан в газете «Daily Express». — 343.
- 84 Ленин имеет в виду антимарксистские взгляды А. Богданова и других, распространявших под видом «пролетарской культуры» реакционные буржуазные взгляды в философии (махизм) и извращенные вкусы в области искусства (футуризм). Богданов и его сторонники отрицали руководящую роль Коммунистической партии и Советского государства в культурном строительстве и отрывали развитие советской культуры от общих задач социалистического строительства; они отрицали необходимость использования пролетариатом лучших достижений культурного наследия прошлого. Ленин решительно выступал против попыток насаждения антимарксистских, буржуазных теорией Богданова в организациях «Пролеткульта»; ЦК РКП(б) в письме «О пролеткультах», опубликованном в «Правде» 1 декабря 1920 года, осудил эти вредные теориейки. С 1922 года организации «Пролеткульта» стали распадаться. — 353.
- 85 Ленин имеет в виду декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 26 октября (8 ноября) 1917 года (см. Сочинения, 4 изд., том 26, стр. 217—220). — 358.
- 86 Ленин имеет в виду газеты, издававшиеся в 1918—1919 годах иностранными группами РКП(б) на английском, немецком и французском языках для распространения в войсках интервентов и среди военнопленных. На английском языке выходила газета «The Call» («Призыв»), распространявшаяся на Северном фронте. На немецком языке выходили два издания: «Der Völkerglieder» («Мир Народов») и «Weltrevolution» («Мировая Революция»). Оба издания распространялись среди германских военнопленных и на Украине. На французском языке выходил еженедельник «La Lanterne» («Фонарь»), распространявшийся на юге России. — 360.
- 87 Ленин имеет в виду декрет Совнаркома от 18 (31) декабря 1917 года о признании независимости Финляндии. Декрет этот

был вручен Лениным лично Свинхувуду, главе финляндского буржуазного правительства. 22 декабря 1917 года (4 января 1918 года) декрет о независимости Финляндии был утвержден на заседании ВЦИК, где с докладом по этому вопросу выступал И. В. Сталин (см. И. В. Сталин. Сочинения, том 4, 1954, стр. 22—24). — 363.

- 88 Ленин имеет в виду подготовку военно-монархического переворота в Германии. Этот переворот, так называемый «капповский путч», был произведен реакционной германской военщиной во главе с Каппом. Заговорщики готовили переворот при явном попустительстве социал-демократического правительства Эберта. 13 марта 1920 года они двинули на Берлин войсковые части и, не встретив сопротивления со стороны правительства, объявили его низложенным и образовали новое правительство. Берлинские рабочие ответили на переворот всеобщей забастовкой. Под натиском рабочих правительство Каппа пало 17 марта; к власти вновь пришли социал-демократы, которые стали проводить политику репрессий против рабочих. — 367.
- 89 Порядок дня IX съезда РКП(б) был опубликован 11 февраля 1920 года в газете «Правда» № 30. — 377.
- 90 Ленин был избран в феврале 1920 года депутатом Московского Совета от двух организаций: от Государственной кондитерской фабрики № 3 (ныне фабрика «Большевик») и от рабочих и служащих станции Ховрино Николаевской железной дороги. — 384.
- 91 Ленин имеет в виду тезисы ЦК РКП(б) к IX съезду партии «Очередные задачи хозяйственного строительства». — 401.
- 92 Годовщина смерти Я. М. Свердлова была отмечена торжественно-траурным заседанием в Большом театре, на котором присутствовали члены ЦК РКП(б), ВЦИК, ВЦСПС и представители других организаций. В. И. Ленин выступил от имени Центрального Комитета РКП(б) с речью, посвященной памяти Я. М. Свердлова. — 406.
- 93 Речь Ленина «О работе для транспорта» и «О трудовой дисциплине» были произнесены в конце марта 1920 года. Запись речей Ленина на грамофонных пластинках была организована Центропечатью (Центральным агентством ВЦИК по снабжению и распространению произведений печати). В течение трех лет (1919—1921) было записано 13 речей Ленина. — 407.
- 94 IX съезд РКП(б) происходил в Москве 29 марта — 5 апреля 1920 года. На съезде присутствовало 554 делегата с решающим голосом и 162 делегата с совещательным голосом, представлявших 611 978 членов партии. Съезд был посвящен главным образом вопросам хозяйственного строительства. Был принят следующий порядок дня: 1. Отчет Центрального Комитета; 2. Очередные задачи хозяйственного строительства; 3. Профес-

сиональное движение; 4. Организационные вопросы; 5. Задачи Коммунистического Интернационала; 6. Отношение к кооперации; 7. Переход к милиционной системе; 8. Выборы Центрального Комитета.

Съезд открылся в Большом театре вступительной речью В. И. Ленина. Ленин выступал с отчетным докладом о политической деятельности Центрального Комитета партии и с заключительным словом по докладу, с речами о хозяйственном строительстве, о кооперации, с заключительной речью при закрытии съезда и с предложением по поводу списка кандидатов в члены Центрального Комитета партии. IX съезд определил очередные хозяйственные задачи в области транспорта, продовольственного, топливного дела и промышленности; съезд указал на необходимость участия профсоюзов в хозяйственном строительстве. Особое внимание было обращено на вопрос о едином хозяйственном плане; главное место в нем занимал вопрос об электрификации всего народного хозяйства страны. Съезд дал решительный отпор антипартийной группе «демократического централизма» (Сапронов, Осинский и др.), выступавшей вместе с Рыковым и Томским против единоначалия и личной ответственности руководителей предприятий и стремившейся подорвать основы управления промышленностью. В 1927 году группа «демократического централизма» была вместе с главарями троцкизма исключена из партии XV съездом ВКП(б).

На IX съезде были избраны в члены ЦК РКП(б): В. И. Ленин, И. В. Сталин, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, А. А. Андреев и другие; в кандидаты ЦК: В. М. Молотов, Е. М. Ярославский и другие.

После окончания съезда состоялось чествование В. И. Ленина в связи с приближавшейся датой пятидесятилетия со дня его рождения. С речами выступали: М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Ф. Я. Кон и др. Было принято решение об издании полного собрания Сочинений В. И. Ленина. — 409.

⁹⁵ *«Известия Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии (большевиков)»* — информационный бюллетень ЦК; был основан по решению VIII съезда РКП(б); начал выходить в мае 1919 года в Москве. В октябре 1929 года *«Известия ЦК»* были реорганизованы в журнал *«Партийное Строительство»*, выходивший по июнь 1946 года. — 430.

⁹⁶ *«Экономическая Жизнь»* — ежедневная газета; выходила с ноября 1918 года как орган Высшего совета народного хозяйства и хозяйственных наркоматов. Газета издавалась по ноябрь 1937 года; в последнее время являлась органом Наркомфина СССР, Госбанка и других финансовых учреждений СССР и ЦК союза банковских работников. — 432.

⁹⁷ *«Декретом о диктаторстве»* меньшевики и эсеры демагогически называли декрет Совнаркома «О централизации управления, охране железных дорог и повышении их провозоспособности», опубликованный в печати в марте 1918 года. — 443.

- ⁹⁸ IX съездом РКП(б) была выделена кооперативная секция, которая на заседании 2 апреля 1920 года рассматривала несколько вариантов тезисов о кооперации, представленных на обсуждение съезда. На заседании секции вначале за основу были приняты тезисы Милютина, предлагавшего огосударствление кооперации. После выступления Ленина против тезисов Милютин подавляющим большинством голосов съезд принял резолюцию, в защиту которой выступал Ленин. — 447.
- ⁹⁹ Документ «О компромиссах» представляет собой начало статьи Ленина, оставшейся незаконченной. Мысли, изложенные в этом документе, были более подробно развиты Лениным в его работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». — 457.
- ¹⁰⁰ См. Ф. Энгельс. «Программа бланкистских эмигрантов Коммуны» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 224—230). — 458.
- ¹⁰¹ Текст телеграммы составлен В. И. Лениным совместно с И. В. Сталиным. — 460.
- ¹⁰² I Всероссийский учредительный съезд горнорабочих состоялся в Москве 1—6 апреля 1920 года. На съезде присутствовало 173 делегата, представлявших около 200 000 рабочих горной промышленности. Ленин выступал на съезде между 4 и 6 апреля. — 461.
- ¹⁰³ III Всероссийский съезд профессиональных союзов состоялся в Москве 6—13 апреля 1920 года в Доме союзов. На съезде присутствовало около 1600 делегатов, представлявших свыше 4 миллионов членов союза. Коммунистов и сочувствующих им было 1180. В повестке дня съезда стояли следующие вопросы: отчет о деятельности ВЦСПС; отчет о деятельности Наркомата труда; задачи союзов; организационный вопрос; тарифная политика; материальное снабжение рабочих; профсоюзы и народное хозяйство; международное профессиональное движение; культурно-просветительная деятельность.
- Речь Ленина была произнесена на втором пленарном заседании съезда. Заслушав речь Ленина, съезд принял резолюцию: обратиться к рабочим и ко всем трудящимся Советской России с призывом взяться энергично за борьбу с хозяйственной разрухой, ввести среди членов профсоюзов твердую трудовую дисциплину и усилить вовлечение рабочих масс в коммунистическое строительство через профсоюзы под руководством коммунистической партии. — 468.
- ¹⁰⁴ Речь влет об однодневной газете «Коммунистический Субботник», подготовленной на субботнике 10 апреля 1920 года редакциями и сотрудниками московских газет и телеграфного агентства «РОСТА». — 481.

- 105 *III Всероссийский съезд рабочих текстильной промышленности* состоялся в Москве 16—20 апреля 1920 года. На съезде присутствовало 358 делегатов: из них — 199 коммунистов и сочувствующих им, 156 беспартийных и 3 меньшевика. Ленин выступил на шестом пленарном заседании съезда. Президиум поздравил Ленина от имени всего съезда с его пятидесятилетним юбилеем, делегаты приветствовали Ленина бурной овацией. — 484.
- 106 В честь пятидесятилетия В. И. Ленина Московский комитет РКП(б) организовал вечер, на котором присутствовали партийные работники Москвы. На вечере с речами о Ленине выступали: И. В. Сталин, А. М. Горький, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и другие. В. И. Ленин, горячо встреченный бурными аплодисментами, выступил с ответной речью. — 491.
-

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Сентябрь 1919 года — апрель 1920 года)

1919

- Сентябрь, 3.* Ленин выступает с речью о текущем моменте на беспартийной рабоче-красноармейской конференции Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов г. Москвы.
- Сентябрь, 5.* Ленин телеграфирует Башкирскому ревкому о необходимости срочной переброски башкирских частей для защиты Петрограда; передает привет красноармейцам-башкирам.
- Сентябрь, 12.* Ленин руководит заседанием Совета обороны, на котором обсуждаются вопросы: об итогах работ Подмосковного каменноугольного бассейна; об отпуске продовольствия для рабочих Петрограда и Кронштадта, занятых особо важными работами по обороне, и др.
В. И. Ленин пересылает И. В. Сталину заявление комитета рабочих и служащих Смольного (Петроград) о засорении чуждыми людьми аппарата Петроградского Совета и просит назначить строгую ревизию для расследования указанных в заявлении фактов.
- Сентябрь, 16.* Ленин пишет письмо С. И. Гусеву, в котором дает резкую критику руководства военными операциями со стороны Реввоенсовета Республики, критику Троцкого, развалившего работу на Южном фронте.
- Сентябрь, 18—20.* Ленин пишет статью «Как буржуазия использует ренегатов».
- Сентябрь, 23.* Ленин пишет письмо «Американским рабочим». Ленин выступает с речью на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц.

- Сентябрь, 24.* Ленин руководит заседанием Совета Оборона, на котором обсуждаются вопросы: об установлении района военного положения в связи с наступлением Деникина и о подготовке этого района для обороны; об организации всеобщего военного обучения; о снабжении продармии оружием и одеждой и др.
- Сентябрь, 26.* Ленин руководит пленумом ЦК РКП(б). На пленуме обсуждаются вопросы: о проведении партийной недели, об отношении к казачеству и др. Пленум принимает решение о направлении И. В. Сталина на Южный фронт для организации разгрома Деникина.
- Сентябрь — октябрь.* Ленин работает над планами и конспектами брошюры «О диктатуре пролетариата».
- Октябрь, 2.* Ленин посылает телеграмму петроградским рабочим, в которой приветствует их энергичную работу по проведению мобилизации для Южного фронта.
- Октябрь, 3.* Ленин пишет статью «Пример петроградских рабочих».
- Октябрь, 5.* Ленин пишет ответ на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News» («Чикаго Дейли Ньюс»).
- Октябрь, 6.* Ленин посылает приветствие II Всероссийскому съезду Российского коммунистического союза молодежи.
- Октябрь, 8.* Ленин дает директиву Оренбургскому губкому и губисполкому помочь Южному фронту боевыми пополнениями.
- Октябрь, 10.* Ленин пишет статью «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам». Ленин в телеграмме в Уфу рабочим, восстанавливавшим мост через реку Белую, выражает благодарность за досрочное окончание работы.
- Октябрь, 11.* Ленин пишет статью «Государство рабочих и партийная неделя».
- Октябрь, 13.* Ленин посылает телеграмму Реввоенсовету V армии и командующему Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе с директивой ЦК об оказании помощи Южному фронту.
- Октябрь, 14.* Ленин в телеграмме Исполнительному комитету Петроградского Совета дает директиву —

- провести мобилизацию работников советских учреждений на фронт, отбить наступление Юденича и продолжать оказывать помощь Южному фронту.
- Октябрь, 15.* Ленин отдает распоряжение Реввоенсовету Республики срочно отправить на Южный фронт, по требованию И. В. Сталина, радиостанции.
Ленин дает указание Н. А. Семашко выработать проект декрета о создании при ВЦИК Комитета помощи раненым.
- Октябрь, 16.* Ленин произносит приветственную речь с балкона Московского Совета перед отрядами рабочих-коммунистов Ярославской и Владимирской губерний, отправляющимися на денкинский фронт.
- Октябрь, 17.* Ленин пишет воззвание «К рабочим и красноармейцам Петрограда».
- Октябрь, 17—18.* Ленин запрашивает от Наркомпрода сведения о poslanном в Петроград продовольствии и сообщает эти сведения Петроградскому Совету.
- Октябрь, 18.* Ленин дает директиву Петроградскому комитету РКП(б) ускорить разгром Юденича; сообщает о посылке войск на Петроградский фронт.
- Октябрь, 19.* Ленин пишет воззвание «К товарищам-красноармейцам».
- Октябрь, 20.* Ленин дает директиву председателю Тульского губисполкома и губвоенкому сосредоточить все силы на военной и военно-снабжениеческой работе, перестроив всю работу на военный лад.
- Октябрь, 21.* Ленин пишет статью «Итоги партийной недели в Москве и наши задачи».
- Октябрь, 22.* Ленин дает указание Реввоенсовету Республики провести дополнительную мобилизацию 20 тысяч питерских рабочих для окончательного разгрома Юденича.
- Октябрь, 24.* Ленин выступает в Голубом зале Дома союзов с приветствием перед мобилизованными на фронт рабочими-коммунистами Иваново-Вознесенска.
Ленин выступает с речью перед слушателями университета им. Я. М. Свердлова, отправляющимися на фронт.

- Октябрь, 28.* Ленин выступает с речью перед слушателями курсов по внешкольному образованию, отправляющимися на фронт.
Ленин пишет письма иностранным коммунистам: французским, итальянским, членам ЦК Коммунистической партии Германии и группе коммунистов, отколовшихся от Коммунистической партии Германии.
- Октябрь, 30.* Ленин пишет статью «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата».
- Ноябрь, 1.* Ленин по прямому проводу дает указание в Петроград сосредоточить под Петроградом большие силы для разгрома Юденича.
- Ноябрь, 5.* Ленин пишет статью «Привет петроградским рабочим» в связи с двухлетней годовщиной Советской власти.
- Ноябрь, 6.* Опубликована статья Ленина «Советская власть и положение женщины», написанная к двухлетней годовщине Советской власти.
В. И. Ленин руководит заседанием Политбюро ЦК РКП(б), на котором решается вопрос о выезде Всероссийской партийной конференции и Всероссийского съезда Советов. По предложению И. В. Сталина принимается решение о пополнениях для Южного фронта.
- Ноябрь, 7.* Опубликована статья Ленина «Два года Советской власти».
Ленин выступает на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, ВЦСПС и фабрично-заводских комитетов с речью, посвященной двухлетней годовщине Октябрьской революции.
- Ноябрь, 10.* Опубликовано письмо Ленина «Товарищам коммунистам Туркестана».
- Ноябрь, 11.* Ленин телеграфирует председателю особой продовольственной комиссии Восточного фронта о необходимости наладить снабжение продовольствием уральских рабочих.
Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о создании единого лесного органа — составляет проект постановления; о мобилизации советских служащих для заготовки дров; об обеспечении топливом

- Третьяковской галереи, библиотек и других культурно-просветительных учреждений; о товарищеских дисциплинарных судах и др.
- Ноябрь, 13.* Опубликовано написанное Лениным циркулярное письмо ЦК РКП(б) к партийным организациям «На борьбу с топливным кризисом».
- Ноябрь, 18.* Ленин выступает с речью на I Всероссийском совещании по партийной работе в деревне.
- Ноябрь, 21.* В. И. Ленин проводит при участии И. В. Сталина предварительное совещание группы делегатов, приехавших на II Всероссийский съезд коммунистических организаций народов Востока.
- Ленин председательствует на заседании Политбюро, на котором обсуждается и принимается написанный им проект революции о Советской власти на Украине.
- Ноябрь, 22.* Ленин выступает с докладом на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока; съезд был открыт И. В. Сталиным.
- Ноябрь, 27.* Ленин дает директиву президиуму ВСНХ обсудить вопрос о печатании в газете «Экономическая Жизнь» периодических отчетов об итогах работ по развитию основных отраслей народного хозяйства.
- Ноябрь, 29.* Ленин руководит пленумом ЦК РКП(б), на котором обсуждаются вопросы: о подготовке Всероссийской партийной конференции и Всероссийского съезда Советов, о Советской власти на Украине и др.
- Декабрь, 2—4.* VIII Всероссийская конференция Российской коммунистической партии (большевиков). Ленин руководит работой конференции.
- Декабрь, 2.* Ленин открывает конференцию вступительной речью, избирается в состав президиума и председательствует на первом (утреннем) заседании конференции.
- Ленин выступает на втором (вечернем) заседании конференции с докладом о политической деятельности Центрального Комитета и с заключительным словом по докладу.
- Ленин пишет проект резолюции по вопросу о международной политике; проект принимается конференцией.

- Декабрь, 3.* Ленин выступает на третьем (утреннем) заседании конференции с речью о Советской власти на Украине.
Ленин выступает на четвертом (вечернем) заседании конференции с заключительным словом по вопросу о Советской власти на Украине.
- Декабрь, 4.* Ленин выступает с речью на I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей.
- Декабрь, 5—9.* VII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Ленин руководит работой съезда.
- Декабрь, 5.* Ленин избирается на первом заседании съезда в состав президиума, выступает с докладом ВЦИК и Совнаркома и вносит проект резолюции о международной политике, который принимается съездом единогласно.
- Декабрь, 6.* Ленин выступает на втором заседании съезда с заключительным словом по докладу ВЦИК и Совнаркома.
- Декабрь, 8.* Ленин выступает на втором заседании организационной секции съезда в прениях по докладу о советском строительстве.
- Декабрь, 9.* На пятом заседании VII съезда Советов В. И. Ленин и И. В. Сталин избираются членами ВЦИК.
Ленин выступает с заключительной речью при закрытии съезда.
- Декабрь, 11.* Ленин в телеграмме орловскому губпродкомиссару предлагает расследовать жалобу крестьян Лавровской волости на высокий хлебный наряд и, в случае подтверждения, снизить его.
- Декабрь, 16.* Ленин пишет статью «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата».
- Декабрь, не ранее 17.* Ленин в двух записках наркому юстиции Д. И. Курскому дает указания о мерах борьбы с волокитой.
- Декабрь, 18.* В газете «Смена» напечатано приветствие Лесина в связи с проведением петроградским комсомолом «недели молодежи».

- Декабрь, 19.* Ленин выступает с речью в Пресненском районе, в помещении Прохоровской (ныне Трехгорной) мануфактуры, на митинге, посвященном годовщине декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве.
- Декабрь, 20.* Ленин выступает на Московской общегородской конференции РКП(б) с докладом о субботниках. Ленин отдает предписание Реввоенсоветам Востфронта и V армии, а также всем учреждениям Наркомпути принять срочные меры к отправке в центр не менее двухсот паролозов, необходимых для продвижения воинских и продовольственных маршрутных поездов.
- Декабрь, 21.* Ленин посылает директиву Тульскому губкому РКП(б) и губисполкому об организации срочной продовольственной помощи Москве.
- Декабрь, 23.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об улучшении положения ученых; о неуклонном проведении в жизнь законов, принятых VI съездом Советов, и др.
- Декабрь, 26.* Ленин посылает телеграмму Харьковскому губисполкому с предписанием напрячь все силы для доставки угля в центр и для усиленного ремонта паровозов.
- Декабрь, 28.* Ленин пишет «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным».
- Декабрь.* Ленин пишет проект резолюции Политбюро ЦК о партии боротьбистов; ставит вопрос о роспуске этой партии, выступавшей против интересов пролетариата.
- Вторая половина декабря.* Ленин составляет проект сравнительной таблицы о потреблении продуктов питания населением РСФСР до империалистической войны и после Великой Октябрьской социалистической революции; проект направляет в Центральное статистическое управление на отзыв.
- Декабрь, 31.* Ленин выступает в Басманном районе (в помещении Хлебной биржи) на новогоднем вечере с речью об одержанных Красной Армией победах и о предстоящей борьбе с экономическою раарухой.

1920

- Январь, 5.* Ленин дает поручение члену коллегии Наркомпрода А. И. Свидерскому принять представителей рабочих Балашинской фабрики по вопросу о снабжении рабочих продовольствием и просит известить его о принятом решении.
- Январь, 9.* Ленин руководит заседанием Совета Обороны, на котором обсуждается вопрос о мерах по улучшению угольной промышленности на Урале и др.
- Январь, 10.* Ленин пишет приветственное письмо съезду рабочих и крестьянок Петроградской губернии.
- Январь, 12.* Ленин в телеграммах Реввоиссоветам III и V армий приветствует III армию в связи с преобразованием ее в армию труда; в записке наркому продовольствия А. Д. Цюрупе намечает проект решения Совнаркома по этому вопросу.
- Ленин выступает на заседании коммунистической фракции ВЦСПС с речью о значении дисциплины, о единоначалии и коллегиальности в управлении хозяйственными предприятиями.
- Январь, 13.* Ленин выступает на заседании коммунистической фракции ВЦИК по вопросу о трудовой повинности.
- Январь, 16.* Ленин в письме в ВЦСПС Томскому резко критикует волокиту, бюрократизм и безрукость, проявленные руководителями ВЦСПС в деле использования квалифицированных рабочих на работе по восстановлению транспорта; требует принятия практических мер по борьбе с бюрократизмом.
- Январь, 17.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: об увеличении посевной площади; о состоянии работы почты и телеграфа — вносит поправки в проект постановления; об отмене смертной казни; об увековечении памяти А. И. Герцена; о мерах по улучшению положения советских служащих и др.
- Ленин дает директиву командующему Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе ускорить постройку железной дороги Александров-Гай — Эмба и вывоз нефти в центр.

- Январь, 20.* В. И. Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждается внесенное И. В. Сталиным положение об Украинском совете трудовой армии (Укрсовтрударм). Постановлением Совнаркома И. В. Сталин назначается председателем Укрсовтрударма.
- Январь, 23.* Ленин руководит заседанием Политбюро ЦК; вносит проект директивы для разработки положения о Рабоче-крестьянской инспекции.
Ленин в письме Г. М. Кржижановскому дает указания по составлению плана электрификации РСФСР.
- Январь, 24.* В. И. Ленин пишет и посылает И. В. Сталину замечания к положению о Рабоче-крестьянской инспекции.
Ленин выступает с речью на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района.
- Январь, 25.* В. И. Ленин посылает И. В. Сталину на отзыв просьбу Главснабпродарма пересмотреть решение ЦК партии о перемещениях продовольственных работников Западного фронта и советуется с ним по этому вопросу.
- Январь, 26.* В. И. Ленин руководит совещанием по вопросу о кооперации, проходившим при участии И. В. Сталина; на совещании обсуждаются вопросы: об объединении различных видов кооперации и о ликвидации Совета кооперативных съездов, а также о роли потребительской кооперации в деле заготовок; пишет проекты постановлений и директивы о кооперации.
- Январь, 27.* Ленин выступает с речью на III Всероссийском съезде советов народного хозяйства.
Ленин руководит заседанием Совнаркома; вносит на обсуждение проект обращения к польскому правительству в связи с готовившимся нападением буржуазно-помещичьей Польши на Советскую Россию. На заседании принимаются декреты о кооперации, а также обсуждаются вопросы: об управлении совхозах, о внешней торговле и др.
- Январь, 31.* Ленин руководит работой пленума ЦК партии, на котором утверждается резолюция о Рабоче-крестьянской инспекции.

- Февраль, 1.* Ленин пишет письмо членам Совета Обороны, в котором намечает ряд экстренных мер в связи с катастрофическим состоянием железнодорожного транспорта.
- Ленин пишет замечания по поводу проекта постановления о предрывании рабочих и служащих.
- Ленин выступает на совещании председателей губернских и уездных исполкомов по вопросу о задачах исполкомов.
- Февраль, 2.* Ленин выступает на первой сессии ВЦИК VII созыва с докладом о работе ВЦИК и Совнаркома.
- Февраль, 3.* Ленин дает предписание председателю Нижегородского губисполкома об оказании содействия в работе нижегородской радиолоборатории.
- Февраль, 4.* В. И. Ленин по прямому проводу обращается к И. В. Сталину с просьбой сосредоточить все свое внимание и энергию на помощи Кавказскому фронту.
- До 5 февраля.* Ленин пишет «Проект (или тезисы) ответа от РКП на письмо Независимой с.-д. германской партии».
- Февраль, 5.* Ленин выступает с речью на конференции железнодорожников Московского узла.
- Февраль, 7.* Ленин пишет статью «Коль война, так по-военному».
- Февраль, 9.* Ленин выступает с речью на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Благуше-Лефортовского района.
- Февраль, 14.* Ленин пишет статью «Заметки публициста».
- Февраль, 16.* В. И. Ленин в телеграмме И. В. Сталину в Харьков одобряет принятые И. В. Сталиным меры по уменьшению продрозверстки и выдачу части собранного хлеба бедноте.
- Февраль, 17.* Ленин по телеграфу запрашивает Г. К. Орджоникидзе о состоянии советских войск на Кавказском фронте; требует проведения экстренных мер по усилению их боеспособности.
- Февраль, 18.* В. И. Ленин в телеграмме И. В. Сталину в Харьков одобряет мероприятия, проведенные И. В. Сталиным на Украине, и дает указания

о срочной отправке подкреплений Кавказскому фронту, а также об усилении подвоза хлеба и угля и др.

Ленин пишет ответы на вопросы корреспондентов американской газеты «New York Evening Journal» («Нью-Йоркская Вечерняя Газета») и английской газеты «Daily Express» («Ежедневный Экспресс»).

Февраль, 20.

В. И. Ленин посылает по прямому проводу телеграмму И. В. Сталину в Харьков с просьбой принять экстренные меры для немедленной переброски двух дивизий с Юго-Западного на Кавказский фронт.

В ответной телеграмме И. В. Сталин заверяет В. И. Ленина, что будет сделано все возможное.

Февраль, 21.

Ленин пишет обращение «К женщинам-работницам» в связи с выборами в Московский Совет.

Ленин отдаст предписание руководителям строительства железной дороги Александров-Гай — Эмба принять энергичные меры для ускорения постройки железной дороги; Наркомату рабоче-крестьянской инспекции и Реввосиссовету Республики предлагает обеспечить строительство необходимыми денежными средствами, транспортом, горючим и другими материалами.

Февраль, 22.

В. И. Ленин в телеграмме И. В. Сталину в Харьков указывает на необходимость иметь переводчиков во всех военных учреждениях и принимать заявления и бумаги на украинском языке.

В. И. Ленин в телеграмме И. В. Сталину в Харьков дает указания по вопросу об организации бедноты и середняков; предлагает принять все меры для ускорения разгрома Деникина.

В ответной телеграмме от 23 февраля И. В. Сталин сообщает В. И. Ленину о принятых мерах по сосредоточению войск для завершения разгрома Деникина.

Февраль, 25.

Ленин выступает с речью на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования.

Ленин в письме членам коллегии Наркомпрода предлагает спешно обсудить вопрос об оказании продовольственной помощи рабочим Ухтомского (Люберецкого) завода Московской губернии.

- Февраль, 27.* Ленин дает указания Реввоенсовету Республики направить все внимание на усиление Западного фронта в связи с необходимостью подготовиться к войне с панской Польшей в случае ее выступления против Советской России.
- Ленин в письме членам коллегии Наркомпрода просит дать справку о возможности увеличить продовольственный паек учителям Весьегонского уезда, Тверской губернии.
- Февраль, 28.* На Страсбургском конгрессе Французской социалистической партии оглашается ответное письмо Ленина к Ж. Лонге, в котором Ленин сообщает, что принятие Французской социалистической партии в III Интернационал может состояться лишь при условии исключения оппортунистов из ее рядов.
- Февраль.* Ленин избирается депутатом в Московский Совет от Государственной кондитерской фабрики № 3 (ныне фабрика «Большевик») и от рабочих и служащих станции Ховрино.
- Март, 1.* Ленин принимает делегацию рабочих Глуховской мануфактуры; запрашивает Наркомпрод, Главтекстиль и Наркомзем о продовольственном положении рабочих этого предприятия.
- Ленин выступает с докладом на I Всероссийском съезде трудовых казаков.
- Ленин выступает с речью на II Всероссийском съезде работников медико-санитарного труда.
- Март, 2.* Опубликовано написанное Лениным письмо ЦК к организациям РКП(б) о подготовке к партийному съезду.
- Март, 4.* Ленин пишет статью «К международному дню работниц».
- Март, 6.* Ленин выступает с речью на заседании Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов.
- Ленин выступает с речью на торжественном заседании Московского Совета, посвященном первой годовщине создания III Интернационала.

- Март, 9.* Ленин дает директиву Сибирскому ревкому не идти ни на какие уступки меньшевикам и эсерам в переговорах об их участии в правительстве, создававшемся на Дальнем Востоке.
- Март, 10.* Ленин дает распоряжение наркоматам о созыве совещания для разработки экстренных мер по улучшению продовольственного положения рабочих Иваново-Вознесенской губернии.
Ленин руководит заседанием Совета Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о железнодорожном транспорте; об организации распорядительных заседаний Совета Оборона — вносит дополнения в проект постановления; о снабжении рабочей силой строительства Каширской электростанции; о снабжении продовольствием иваново-вознесенских рабочих и др.
- Март, 11.* В. И. Ленин в телеграмме Г. К. Орджоникидзе на Кавказский фронт дает указание о переброске войск на Западный фронт, ввиду возможности нападения на Советскую Россию буржуазно-помещичьей Польши; копию телеграммы направляет И. В. Сталину на Юго-Западный фронт.
- Март, 14.* Ленин пишет записку Г. М. Кржижановскому по поводу первого наброска программного заявления о работе ГОЭЛРО (Государственной комиссии по электрификации России).
Ленин в телеграмме С. М. Кирову в Астрахань запрашивает его мнение по вопросу о способе перевозки нефти.
- Март, 15.* Ленин выступает с речью на III Всероссийском съезде рабочих водного транспорта.
Ленин выступает на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, отстаивая принцип единоначалия в управлении хозяйственными предприятиями.
- Март, 16.* Ленин выступает с речью, посвященной памяти Я. М. Свердлова, на торжественно-траурном заседании в Большом театре.
- Март, 17.* Ленин посылает телеграмму в Реввоенсовет Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе с директивой направить все усилия на взятие Баку.
- Март, 19.* Ленин руководит заседанием Совета Оборона, на котором обсуждаются вопросы: об экстренных мерах по усилению охраны границ Республики;

о водном транспорте; об образовании комиссии по исчислению убытков, нанесенных Советской республике нападением империалистических государств и блокадой.

Ленин в телеграмме А. М. Горькому в Петроград сообщает об исполнении его просьбы об улучшении снабжения ученых.

- Март, 22.* Ленин принимает представителей Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока и беседует с ними об организации Татарской республики.
- Март, 23.* Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: утверждение проекта положения о Государственной комиссии по электрификации России; о предприятиях, подлежащих непосредственному ведению центральных органов ВСНХ, — идет проект постановления; о лесной концессии Эстонии и др.
- Март, 25.* Ленин избирается Московской общегородской конференцией РКП(б) делегатом на IX Всероссийский съезд РКП(б).
- Ленин руководит заседаниями Совета Обороны и Совнаркома, на которых обсуждаются вопросы: о водных перевозках; об усилении вывоза в центр хлеба и рыбы; об образовании Комитета по улучшению быта ученых и др.
- Конец марта.* Ленин произносит две речи для записи на грамофонных пластинках: «О работе для транспорта» и «О трудовой дисциплине».
- Март, 29—апрель, 5.* IX съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Ленин руководит работой съезда.
- Март, 29.* В. И. Ленин открывает съезд вступительной речью.
- В. И. Ленин и И. В. Сталин избираются в члены президиума съезда.
- Ленин выступает с отчетным докладом о политической деятельности Центрального Комитета партии.
- Март, 30.* Ленин выступает на втором (утреннем) заседании съезда с заключительным словом по докладу ЦК.

- Март, 31.* Ленин выступает на четвертом (утреннем) заседании съезда с речью о хозяйственном строительстве.
- Март — апрель.* Ленин пишет статью «О компромиссах».
- Апрель, 2.* В. И. Ленин и И. В. Сталин посылают телеграмму в Революционный Военный Совет Кавказского фронта Г. К. Орджоникидзе с директивами об отношении к мусульманам, особенно при вступлении в Дагестан.
- Апрель, 3.* Ленин выступает с речью о кооперации на восьмом (вечернем) заседании IX съезда РКП(б).
- Апрель, 4—6.* Ленин выступает с речью на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих.
- Апрель, 5.* На десятом (утреннем) заседании съезда объявляется об избрании В. И. Ленина и И. В. Сталина в состав Центрального Комитета РКП(б).
Ленин произносит заключительную речь при закрытии съезда.
Ленин выступает с краткой речью по поводу списка кандидатов в члены Центрального Комитета.
Делегаты съезда чествуют В. И. Ленина в связи с приближавшимся пятидесятилетием со дня его рождения; выступают с речами: М. И. Калинин, Е. М. Ярославский, Ф. Я. Кон и др. Принимается решение об издании полного собрания Сочинений В. И. Ленина.
- Апрель, 6.* Ленин пишет письмо в Казань В. В. Адоратскому с запросом о возможности собирания им материалов для истории гражданской войны и истории Советской республики.
Ленин руководит заседанием Совнаркома, на котором обсуждаются вопросы: о национализации книжных запасов и о большем использовании книг Москвы и Петрограда для нужд провинции и деревни.
- Апрель, 7.* Ленин выступает с речью на III Всероссийском съезде профессиональных союзов.
- Апрель, 8.* Ленин пишет статью «От разрушения векового уклада к творчеству нового».
- Апрель, 14.* В. И. Ленин и И. В. Сталин вносят на утверждение Совета Труда и Обороны проект декрета

о милитаризации Донецкой угольной промышленности, разработанный под руководством И. В. Сталина.

- Апрель, 16.* В. И. Ленин руководит заседанием Совета Труда и Оборона, на котором обсуждаются вопросы: о мерах по усилению вывоза нефти; об установлении контроля над расходом топлива железными дорогами; о положении угольной промышленности в Донецком бассейне (вопрос внесен И. В. Сталиным) и др.
- Апрель, 19.* Ленин выступает с речью на III Всероссийском съезде рабочих текстильной промышленности.
- Апрель, 20.* Ленин в телеграмме Балтфлоту в Петроград отдает предписание немедленно приступить к приведению Петроградского порта в порядок для организации экспорта леса.
- Апрель, 23.* В. И. Ленин выступает на собрании, организованном Московским Комитетом РКП(б) в честь его пятидесятилетия, с речью о задачах большевистской партии. На собрании с речами о В. И. Ленине выступили И. В. Сталин, А. М. Горький и др.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	VII
<i>1919 г.</i>	
РЕЧЬ НА БЕСПАРТИЙНОЙ РАБОЧЕ-КРАСНОАРМЕЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ БАСМАННОГО, ЛЕФОРТОВСКОГО, АЛЕКСЕ- ЕВСКОГО И СОКОЛЬНИЧЕСКОГО РАЙОНОВ 3 СЕНТЯБРЯ 1919 г.	1—7
КАК БУРЖУАЗИЯ ИСПОЛЬЗУЕТ РЕНЕГАТОВ.....	8—19
АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ.....	20—21
О ЗАДАЧАХ ЖЕНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В СОВЕТ- СКОЙ РЕСПУБЛИКЕ. <i>Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г.</i>	22—28
ПРИМЕР ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ.....	29—31
ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ГАЗЕТЫ «THE CHICAGO DAILY NEWS»	32—33
ПРИВЕТ ИТАЛЬЯНСКИМ, ФРАНЦУЗСКИМ И НЕМЕЦКИМ КОММУНИСТАМ	34—44
ГОСУДАРСТВО РАБОЧИХ И ПАРТИЙНАЯ ЦЕДЕЛИ.....	45—47
РЕЧЬ ПЕРЕД МОБИЛИЗОВАННЫМИ РАБОЧИМИ-КОММУНИ- СТАМИ С БАЛКОНА МОСКОВСКОГО СОВЕТА Р. И КР. Д. 16 ОКТЯБРЯ 1919 г. <i>Хроникерская запись</i>	48—49
К РАБОЧИМ И КРАСНОАРМЕЙЦАМ ПЕТРОГРАДА.....	50

К ТОВАРИЩАМ-КРАСНОАРМЕЙЦАМ.....	51
ИТОГИ ПАРТИЙНОЙ НЕДЕЛИ В МОСКВЕ И НАШИ ЗАДАЧИ	52—56
РЕЧЬ ПЕРЕД СЛУШАТЕЛЯМИ СВЕРДЛОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ОТПРАВЛЯЮЩИМИСЯ НА ФРОНТ, 24 ОКТЯБРЯ 1919 г.....	57—64
ТОВАРИЩУ ЛОРИО И ВСЕМ ФРАНЦУЗСКИМ ДРУЗЬЯМ, ПРИМКНУВШЕМ К III ИНТЕРНАЦИОНАЛУ.....	65—66
ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ ПО ПОВОДУ РАСКОЛА. <i>Товарищам Павлу Леви, Кларе Цеткиной, Эберлейну и всем членам Цека Коммунистической партии Германии</i>	67—68
ТОВАРИЩАМ-КОММУНИСТАМ, ВХОДИВШИМ В ОБЩУЮ «КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ПАРТИЮ ГЕРМАНИИ» И СОСТАВИВШИМ ТЕПЕРЬ НОВУЮ ПАРТИЮ.....	69—70
ТОВАРИЩУ СЕРРАТИ И ИТАЛЬЯНСКИМ КОММУНИСТАМ ВООБЩЕ.....	71—72
О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА.....	73—84
I (A) Диктатура пролетариата как новые формы классовой борьбы пролетариата.....	75
II (B) Диктатура пролетариата, как разрушение буржуазной и создание пролетарской демократии.....	79
III (C) Диктатура пролетариата и особенности империализма.....	82
IV (D) Диктатура пролетариата и Советская власть	83
ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА.....	87—96
1.....	87
2.....	88
3.....	90
4.....	91
5.....	94
ПРИВЕТ ПЕТРОГРАДСКИМ РАБОЧИМ.....	97—98
СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ.....	99—102
ДВА ГОДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	103—105

ДВА ГОДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. Речь на соединенном заседании ВЦИК, Московского Совета Р. и Кр. Д., ВЦСПС и фабрично-заводских комитетов, посвященном двухлетней годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1919 г.	106—116
ТОВАРИЩАМ КОММУНИСТАМ ТУРКЕСТАНА	117
НА ВОРЬБУ С ТОПЛИВНЫМ КРИЗИСОМ. Циркулярное письмо к партийным организациям	118—121
РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СОВЕЩАНИИ ПО ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ В ДЕРЕВНЕ 18 НОЯБРЯ 1919 г.	122—129
ДОКЛАД НА II ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НАРОДОВ ВОСТОКА 22 НОЯБРЯ 1919 г.	130—141
ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ЦК РКП(б) О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ	142—144
VIII ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РКП(б) 2—4 декабря 1919 г.	145—172
1. РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 2 ДЕКАБРЯ	147
2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 2 ДЕКАБРЯ	148
3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДОКЛАДУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 2 ДЕКАБРЯ	167
4. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ	169
5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ВОПРОСУ О СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ 3 ДЕКАБРЯ	171
РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОММУН И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ АРТЕЛЕЙ 4 ДЕКАБРЯ 1919 г.	173—182
VII ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ 5—9 декабря 1919 г.	183—229
1. ДОКЛАД ВЦИК И СОВНАРКОМА 5 ДЕКАБРЯ	185
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ ВЦИК И СОВНАРКОМА 6 ДЕКАБРЯ	210
3. РЕЧЬ В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СЕКЦИИ 8 ДЕКАБРЯ	220
4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА 9 ДЕКАБРЯ	226

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ РАБОТНИЦ.....	382—383
РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ 6 МАРТА 1920 г.	384—390
РЕЧЬ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ПОСВЯЩЕННОМ ГОДОВЩИНЕ III ИНТЕРНАЦИО- НАЛА, 6 МАРТА 1920 г.	391—398
РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА 15 МАРТА 1920 г.	399—405
РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПАМЯТИ Я. М. СВЕРДЛОВА 16 МАРТА 1920 г. <i>Краткий газетный отчет</i>	406
ДВЕ РЕЧИ, ЗАПИСАННЫЕ НА ГРАММОФОННЫХ ПЛАСТИНКАХ	407—408
1. О РАБОТЕ ДЛЯ ТРАНСПОРТА	407
2. О ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЕ.....	408
IX СЪЕЗД РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г.	409—456
1. РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ СЪЕЗДА 29 МАРТА.....	411
2. ДОКЛАД ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 29 МАРТА.....	413
3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ ЦЕНТРАЛЬ- НОГО КОМИТЕТА 30 МАРТА.....	432
4. РЕЧЬ О ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ 31 МАРТА	440
5. РЕЧЬ О КООПЕРАЦИИ 3 АПРЕЛЯ.....	447
6. РЕЧЬ ПРИ ЗАКРЫТИИ СЪЕЗДА 5 АПРЕЛЯ.....	451
О КОМПРОМИССАХ	457—459
I.....	457
ТЕЛЕГРАММА Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ.....	460
РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СЪЕЗДЕ ГОРНОРАБОЧИХ.....	461—467
РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬ- НЫХ СОЮЗОВ 7 АПРЕЛЯ 1920 г.	468—480
ОТ РАЗРУШЕНИЯ ВЕКОВОГО УКЛАДА К ТВОРЧЕСТВУ НОВОГО.....	481—483

РЕЧЬ НА III ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ РАБОЧИХ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 19 АПРЕЛЯ 1920 г.	484—490
РЕЧЬ НА СОБРАНИИ, ОРГАНИЗОВАННОМ МОСКОВСКИМ КОМИТЕТОМ РКП(б) В ЧЕСТЬ 50-ЛЕТИЯ В. И. ЛЕНИНА, 23 АПРЕЛЯ 1920 г.	491—493
<i>Примечания</i>	495—516
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	517—534

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Портрет В. И. Ленина. — 1920 г.	X—1
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». — 30 октября 1919 г.	85
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». — 28 декабря 1919 г.	265
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Телеграмма И. В. Сталину». — 18 февраля 1920 г.	338—339
Первая страница анкеты В. И. Ленина, делегата IX съезда РКП(б). — 29 марта 1920 г.	410—411

Подписано к печати с матриц 26/VII 1955 г.
Формат 82×110¹/₃₂. Физ. печ. л. 17¹/₄+3 вклейки
³/₈ печ. л. Условн. печ. л. 28,5. Уч.-изд. л. 28,58.
Тираж 75 тыс. (661—735 тыс.). Заказ № 148.
Цена 6 р. 50 к.

★

Государственное издательство
политической литературы,
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

★

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. 2-я типография
«Печатный Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.